

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Зейналов А.А., Велиев С.С., Тагиева Е.Н. Палеоэкологические условия обитания человека в Нахичевани в эпоху мустье (по материалам пещерной стоянки Газма, Азербайджан) 2
- Саблин М.В., Гиря Е.Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на юге Восточной Европы (Россия) 7
- Волков П.В. Жилища эпохи голоцена на Дальнем Востоке России (опыт функционально-планиграфического анализа) 14

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Скочина С.Н. Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень-6 25
- Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Стекланные бусы из слоев сельских поселений среднего Прииртышья как источник для реконструкции торговых связей русских переселенцев XVII–XVIII веков 37
- Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И. Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» 46
- Королюк Е.А., Полосьмак Н.В. Растительные остатки из захоронений в курганах № 20 и 31 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия) 57
- Паркинсон У.А., Пикок И., Палмер Р.А., Юнчжу Ся, Карлок Б., Дьюха А., Йеркс Р.В., Галати М.Л. Элементный анализ материала для инкрустации керамики раннеэнеолитической культуры Карпатского бассейна 64
- Жульников А.М., Кашина Е.А. «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы 71
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии 79
- Кубарев В.Д. Хар-Чулуу: новый памятник наскального искусства Монгольского Алтая 89

ЭТНОГРАФИЯ

- Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы 97
- Петрова С.И. Одежда в традиционных свадебных ритуалах якутов (XIX–XX века) 106
- Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов об *ызыках* 111
- Нимаев Д.Д. Дауры и баргуты: проблемы этнической истории 122

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Народы Евразии: культурное наследие в фотоархивах

- Традиционная культура коми-пермяков. Фотоколлекции А.Ф. Теплоухова по этнографии Урала начала XX века из собрания Пермского краевого музея 128

АНТРОПОЛОГИЯ

- Пан Мин Кю, Бахолдина В.Ю. Некоторые одонтологические материалы к проблеме происхождения населения Корейского полуострова 141
- Година Е.З., Исламова Н.М., Хомякова И.А., Задорожная Л.В. Особенности роста и развития русских и татарских детей и подростков (на примере населения города Набережные Челны) 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Возвращение к Геро фон Мергарту: немецко-русский симпозиум «Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири 1914–1921 гг.» 155

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 159

УДК 930. 23 + 551.8

А.А. Зейналов¹, С.С. Велиев², Е.Н. Тагиева²

*Институт археологии и этнографии Национальной АН Азербайджана
пр. Г. Джавида, 31, Баку, Азербайджанская Республика, Az1143*

E-mail: azad2007@mail.ru

*Институт географии Национальной АН Азербайджана
пр. Г. Джавида, 31, Баку, Азербайджанская Республика, Az1143*

E-mail: seyran_sibirli@mail.ru; tagelena@rambler.ru

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В НАХИЧЕВАНИ В ЭПОХУ МУСТЬЕ (по материалам пещерной стоянки Газма, Азербайджан)

Исследования мустьерской пещерной стоянки Газма, отложения которой были исследованы палинологически и гранулометрически, показали, что человек в эпоху мустье на территории Азербайджана проживал не только в лесной зоне, но и в полосе аридных дубовых и можжевельниковых редколесий. Тогда климат был хотя и аридным, но более влажным, чем сейчас. Установлено, что человек стал обживать пещеру Газма в период, когда началось увеличение влажности климата. Когда влажность стала уменьшаться, человек покинул пещеру.

Ключевые слова: Газма, пещерная стоянка, мустье, остроконечники, палинологический анализ, гранулометрический анализ, редколесье, климат.

Исследования палеолитических пещерных стоянок Азых и Таглар на юго-восточном склоне Малого Кавказа предоставили богатый материал по палеоэкологии древнего населения, проживавшего в условиях лесных ландшафтов. Однако в палеолите человек осваивал и другие ландшафты, и в этом отношении представляет интерес мустьерская пещерная стоянка Газма, в которой был проведен палинологический и гранулометрический анализ отложений.

Территория Нахичеванской Автономной Республики принадлежит к Закавказскому нагорью – южной части складчатой системы Малого Кавказа и характеризуется длительной историей геологического развития – от девона до антропогена. Геологические образования состоят здесь из осадочных (морских и континентальных) и интрузивных пород, сильно дислоцированных и часто покрытых постплиоценовыми галечниками, конгломератами и травертинами.

В олигоцене южная часть Малого Кавказа вступила в континентальную фазу развития, причем под-

нятие Малого Кавказа происходило при дальнейшем прогибании Араксинской депрессии, где еще в миоцене имело место интенсивное осадконакопление. В плиоцене тенденция интенсивного поднятия горной области и погружения соседней долины р. Аракса усилилась и произошло полное осушение всей территории Нахичеванской АР. К этому времени следует отнести также начало формирования наклонных равнин, окаймляющих Даралагезский хребет с юга. Они сложены породами соленосной толщи и покрыты четвертичными галечниками различной мощности [Азизбеков, 1961].

Развитие Приараксинской складчато-глыбовой области нередко сопровождалось вулканизмом. Наиболее примечательным в смысле морфогенеза является интенсивный кайнозойский вулканизм позднеальпийского орогенического этапа, проявившийся на фоне тектонической перестройки древнего и формирования современных структурных планов этой области [Гаджиев, 1999].

Рис. 1. Общий вид пещеры Газма.

Рельеф Нахичеванской АР определяется наличием на ее территории Зангезурского и Даралагезского хребтов, склоны которых расчленены многочисленными реками и их притоками на ряд массивов. Район исследуемой пещеры находится в северо-западной части республики, на юго-западных отрогах Даралагезского хребта и части его водораздела и включает бассейны нижнего и среднего течения рек Восточный Арпачай, Нахичеванчай и крупного правого притока последней – Джагрычая.

Пещера Газма была открыта в 1983 г. палеолитической археологической экспедицией Института археологии и этнографии НАН Азербайджана под руководством М.М. Гусейнова и А.К. Джафарова [Джафаров, 1992]. Пещера расположена в Шарурском р-не республики, в 3 км северо-восточнее селения Тананам и в 11 км северо-западнее селения Гарабаглар, на левом склоне сухой долины в бассейне р. Арпачай, на абсолютной высоте 1 450 м и в 30 м над уровнем реки (рис. 1).

Она находится в доломитизированных известняках верхнего триаса и представляет собой пещеру коридорного типа. Высота привходовой части чуть более 2 м, ширина ок. 6 м. В 12 м от капельной линии пещера расходится на два рукава: левый продолжается горизонтально ок. 7 м, правый, длиной ок. 13 м, ступенчато (высота ступеней 0,5–1,0 м) поднимаясь к кровле пещеры под углом в 60°, завершается тупиком. Разница по высоте пещеры в конце и начале достигает 10 м [Əyyubov, Əliyev, 1973].

Раскопки в пещере в 1987–1990 гг. проводились под руководством А.К. Джафарова, в 2008–2009 гг. – А.А. Зейналова (рис. 2). Археологическими раскопками было вскрыто более 30 м² площади пещеры на уровне мустьерских слоев. Получен 6-метровый поперечный разрез пещеры в привходовой части (рис. 3) и почти 3-метровый в глубине.

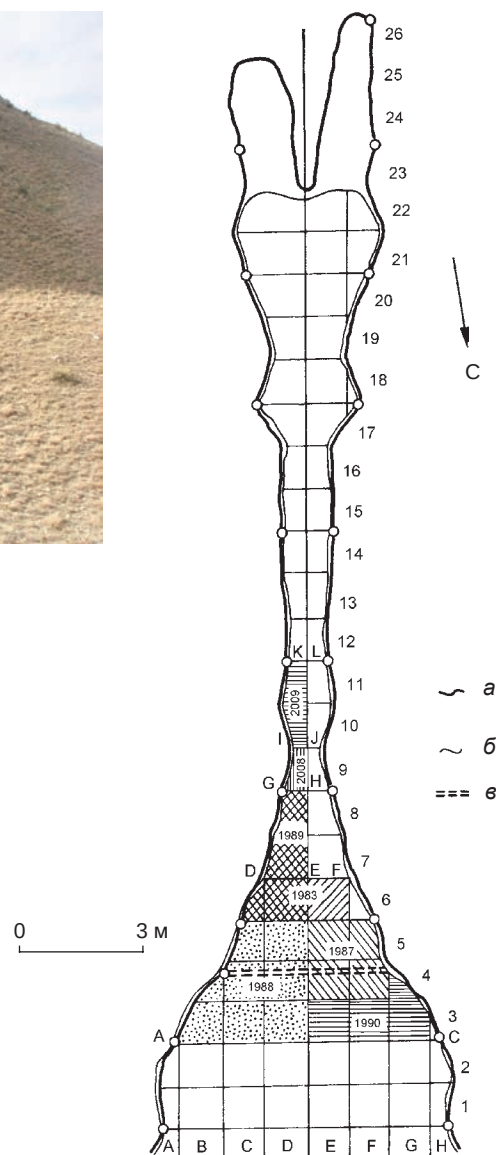

Рис. 2. План раскопа пещеры Газма [Джафаров, 1992].

а – план по нулевой линии; б – земляной пол пещеры; в – современная капельная линия.

Рис. 3. Поперечный разрез пещеры Газма.

Разрезами вскрыто шесть слоев мощностью ок. 3 м. Слой I – позднеголоценовый, содержит фрагменты керамики энеолитического, бронзового и средневекового периодов и немногочисленные остеологические остатки, принадлежащие домашним животным. Слои II и III представляют собой суглинок различных оттенков, содержащий большое количество мелкообломочного материала.

Наибольший интерес представляют слои IV–VI, содержащие каменные артефакты мустьерского периода и следы охотничьей и хозяйственной деятельности, в частности, большое количество остеологического материала и очаги. В целом вся толща палеолитических культурных слоев (слои IV–VI) литологически однородна – это легкий суглинок, незначительно варьирующий по цвету, с очажными и илистыми прослойками и известняковым щебнем.

Наблюдения показывают, что наиболее интенсивно пещера заселялась во время отложения слоев V и VI. Именно в них найдено наибольшее количество костей, угля и каменного инвентаря. В этих же слоях отмечены самые мощные очажные прослойки. В частности, в слое VI обнаружено два очага; один из них, расположенный в центре пещеры, открытой стороной обращен внутрь пещеры и с трех сторон обложен крупными плоскими камнями.

В мустьерских слоях пещеры Газма обнаружено 775 каменных артефактов. Преобладающую часть коллекции составляют изделия из обсидиана (690 экз.), остальную – из кремня и кремнистого сланца.

В коллекции насчитывается семь нуклеусов, шесть из них из обсидиана и один из кремня. Нуклеусы одно- и двусторонние, предельно сработанные, представляют собой остаточные формы.

По характеру вторичной обработки каменные изделия можно разделить на несколько групп, характеризующих технико-типологические особенности каменной индустрии. Среди них выявлены левалязские и мустьерские остроконечники, различные скребла, лимасы, ножи, скребки, отщепы, пластины, отходы производства.

В культурных отложениях пещеры Газма найдено также свыше 15 тыс. костей. Видовой состав фауны определен Д.В. Гаджиевым и С.Д. Алиевым. Фаунистические остатки представляют в основном крупных млекопитающих, грызунов и птиц и принадлежат 24 видам животных. Остеологический материал включает в основном фрагменты или мелкие обломки диафизов трубчатых костей крупных млекопитающих, что затрудняло определение их видовой принадлежности. В составе фауны определены: плейстоценовый осел *Equus hydruntinus* Reg., козел *Capra* sp., баран (дикий) *Ovis* sp., заяц *Lepus europaeus* L., пищуха *Ochotona* sp., собака *Canis* sp., барсук *Meles meles* L., первобытный бык *Bos primigenius*, пещерный лев *Felis spelaeus*,

пещерный медведь *Spelaeartcos spelaeus* Ros., олень *Cervus elaphus* L., лошадь *Equus caballus* L., джейран *Gazella subgutturosa* Guld., грызуны *Rodentia* и другие виды териофауны [Джафаров, 1999].

Позднеплейстоценовые (раннехвалынские) отложения в районе Газмы палинологически были изучены в двух разрезах. Первый находится в привходовой части пещеры. Исследовано 12 образцов*, взятых из поперечного разреза пещеры, линия А – С (см. рис. 2, 3). Образцы оказались чрезвычайно бедными пылью. В них было обнаружено всего 57 пыльцевых зерен довольно плохой сохранности (изъеденные, механически разрушенные, уплощенные, смятые и пр.). Поэтому спорово-пыльцевая диаграмма была построена в единицах пыльцевых зерен (рис. 4, а).

Пыльца древесных пород представлена единичными зернами дуба (*Quercus*) и ольхи (*Alnus*), которые отмечаются в слоях I, III и VI. Среди пыльцы травянистых растений (50 пыльцевых зерен) преобладают маревые (*Chenopodiaceae*), несколько меньше пыльцы злаков (*Poaceae*) и полыней (*Artemisia*), но, как и маревые, они присутствуют практически во всех образцах. Встречены также пыльцевые зерна сложноцветных (*Asteraceae*), вересковых (*Ericaceae*). В образце 12 отмечен представитель спор многожизковых (*Polypodiaceae*).

Наибольшее количество пыльцы сосредоточено в слоях I, II, V, VI. Следует отметить, что культурные слои начинаются со слоя IV, наиболее обедненного пылью. Общий характер обнаруженной пыльцы отражает довольно ксерофильные условия существования растительности.

Для второго разреза, полученного недалеко от вышеописанной стоянки, на 40-метровой террасе р. Арпачай с абсолютной отметкой 950 м над ур. м., спорово-пыльцевая диаграмма из одновозрастных отложений также была построена по количеству пыльцевых зерен (рис. 4, б). Отложения очень бедны пылью и спорами; среди пыльцы древесных и кустарничков встречаются единичные зерна дуба (*Quercus*), винограда (*Vitis*) и можжевельника (*Juniperus*). Пыльца травянистых растений более обильна и разнообразна, отмечены представители разнотравных и прибрежноводных ценозов с преобладанием последних. Пыльца осоковых доминирует на всем протяжении спектра. Нижняя часть диаграммы (образец 20) наиболее богата пылью: отмечены пыльца всех древесных и травянистых, обнаруженных в спектре, и единичные споры папоротника (*Polypodiaceae*). Данный спектр отражает условия произрастания растительности в заболоченной зоне, в непосредственной близости от реки.

*Обработка образцов производилась в 1990 г. в лаборатории эволюционной географии Института географии АН СССР, Москва.

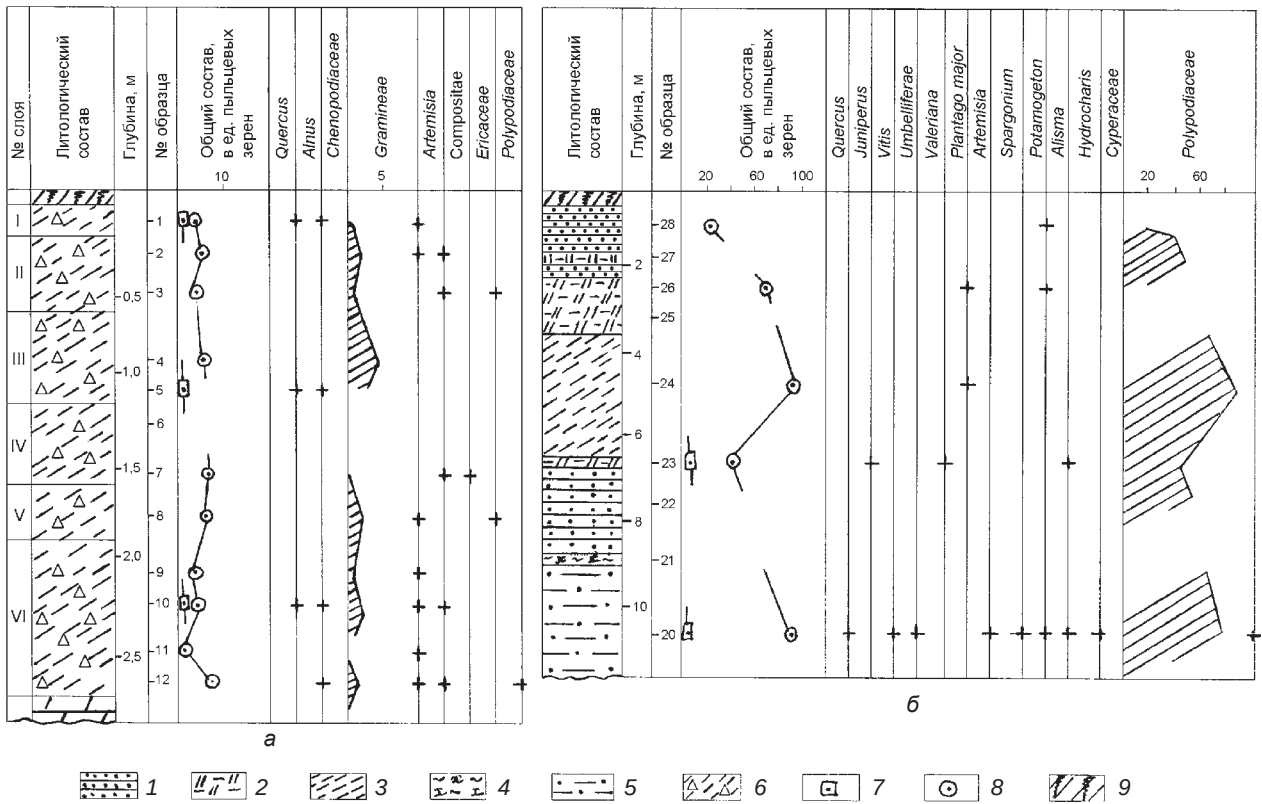

Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма разрезов пещеры Газма (а) и реки Арпачай (б).
1 – глинистый песок; 2 – погребенная почва; 3 – суглинок; 4 – песчаник; 5 – песчаная глина; 6 – обломочный материал;
7 – сумма пыльцы древесных; 8 – сумма пыльцы травянистых; 9 – почвенный покров.

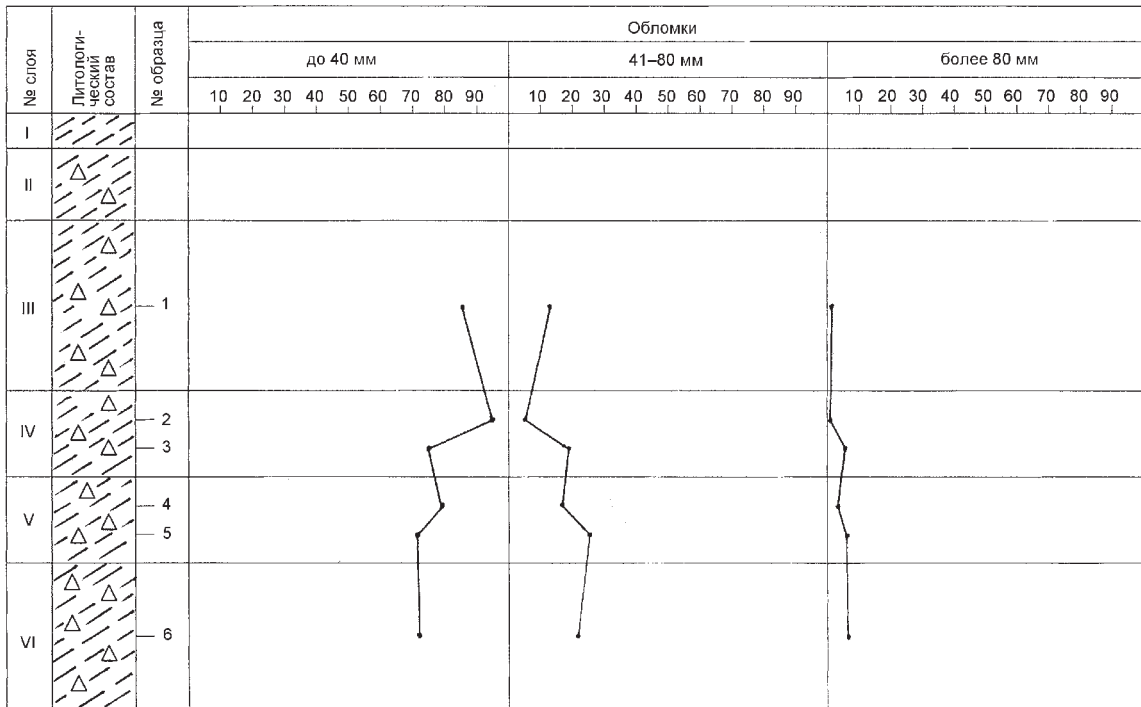

Рис. 5. Гранулометрический состав отложений пещеры Газма, %.

Общий анализ вышеописанных спектров позволяет говорить о существовании на данном отрезке времени разреженных дубовых лесов. Они, очевидно, состояли из очень морозо- и засухоустойчивого дуба восточного (*Quercus macranthera*). Отдельные островки таких лесов сохранились до настоящего времени лишь вдоль рек Нахичеванчай и Алинджачай в интервале высот 1 500–1 900 м. Светлые дубовые леса с ксерофильными травами сочетались с аридными можжевельниковыми редколесьями по каменистым склонам. Это указывает на более влажные, чем сейчас, климатические условия. Ныне здесь настолько сухо, что условия неблагоприятны даже для произрастания указанного засухоустойчивого дуба. О более влажном климате свидетельствует и гранулометрический состав отложений пещеры Газма*. Было исследовано шесть образцов из пещерных отложений: по одному из слоев III и VI и по два из слоев IV и V. Установлено преобладание мелких обломков пород размером до 40 мм, они составляют 70–95 % от общего количества обломков. Доля более крупных обломков (от 40 до 80 мм) не превышает 15–20 %, содержание крупных обломков (80 мм и более) ничтожно (рис. 5). Вмещающая пещеру Газма порода – доломитизированный известняк – сильно трещиновата. Влага, попадая в трещины, способствует их расширению и дезинтеграции породы. В результате значительно возрастает количество обломков, главным образом мелких. Отсюда следует, что во время проживания древнего человека в пещере климатические условия района Газмы были довольно влажными. Увеличение доли мелких обломков снизу вверх по разрезу свидетельствует о том, что влажность в этот период постоянно повышалась.

Таким образом, можно утверждать, что в эпоху мустье на территории Азербайджана человек обитал не только в лесах, но и в полосе редколесья. В районе Газмы это были светлые дубовые леса и аридные можжевельниковые редколесья с ксерофильными травами. По-видимому, тогда условия проживания для человека были намного более благоприятными, чем сейчас. Климат был хотя и аридным, но значительно более влажным. Возможно, несколько выше по склону существовал и лесной пояс. Интересно, что обитание человека в пещере Газма совпадает с возрастанием влажности климата всего района. Когда же влажность стала уменьшаться, человек покинул пещеру.

Список литературы

- Азизбеков Ш.А.** Геология Нахичеванской АССР. – М.: Госгеолтехиздат, 1961. – 502 с.
- Гаджиев В.Д.** Палеогеоморфология областей мезокайнозойского вулканизма Нахчывани и Талыша. – Баку: Агрыдаг, 1999. – 194 с.
- Джафаров А.К.** Новая многослойная мустьерская стоянка Газма в Азербайджане // РА. – 1992. – № 2. – С. 270–274.
- Джафаров А.К.** Средний палеолит Азербайджана. – Баку: Элм, 1999. – 343 с.
- Əyyubov F.C., Əliyev A.Ə.** Naxçıvan MSSR-də karst mağaraların şəraiti və əsas morfoloji xüsusiyyətləri // Azərbaycan SSR EA xəbərləri. Yer haqqında elmlər seriyası. – 1973. – № 3. – S. 41–46.

Материал поступил в редколлегию 26.01.10 г.

*Обработка образцов производилась в 2003 г. в отделе палеогеографии Института географии НАН Азербайджана.

УДК 551.782.23 + 569.735.1 + 902.01 + 902.62 + 903.67

М.В. Саблин¹, Е.Ю. Гирия²¹Зоологический институт РАН

Университетская наб., 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: msablin@yandex.ru

²Институт истории материальной культуры РАН

Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия

E-mail: kostionki@narod.ru

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ СЛЕДАХ ПОЯВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (РОССИЯ)*

*Фрагмент плюсневой кости древнего верблюда *Paracamelus alutensis* со следами рубки и резания обнаружен в нижних горизонтах хапровского аллювия. Согласно результатам анализа общей морфологии, следы оставлены одним орудием с достаточно массивным и острым лезвием. Это мог быть либо чоппер, либо массивный отщеп. Результаты исследования не оставляют сомнений в том, что следы рубки и резания появились в процессе разделки свежей туши древнего верблюда *Paracamelus alutensis* – типичного представителя хапровской фауны. Стратиграфический диапазон распространения хапровского фаунистического комплекса определяется финалом среднего виллафранка в интервале 2,1–1,97 млн лет. Контекст обнаружения кости древнего верблюда *Paracamelus alutensis*, степень ее сохранности и выразительность следов работы каменным орудием, оставленных на поверхности, могут свидетельствовать о достаточно раннем появлении человека в Евразии.*

Ключевые слова: следы рубки, трасология, эксперимент, хапровская фауна, стратиграфия, средний виллафранк, *Paracamelus alutensis*.

Первые бесспорные следы пребывания человека на Кавказе в олдованскую эпоху были найдены более 20 л.н. [Dzaparidze et al., 1989]. Однако результаты работ только последних семи лет позволили значительно расширить географию и хронологию археологических источников наших знаний о человеке этой эпохи в Кавказском регионе и на сопредельных территориях.

В 2002 г. Кубанской палеолитической экспедицией Института истории материальной культуры РАН был открыт комплекс нижнепалеолитических стоянок Бо-

гатыри – Родники на Тамани [Кулаков, Щелинский, 2004; Bosinski et al., 2003]. С 2003 г. в Дагестане ведут систематические исследования экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН под руководством акад. А.П. Деревянко и Северокавказская палеолитическая экспедиция Института археологии РАН, возглавляемая чл.-кор. РАН Х.А. Амирхановым. В 2003–2005 гг. там были выявлены десятки стратифицированных памятников олдованской и раннеашельской эпох [Амирханов, 2007; Деревянко и др., 2009].

Следствием этих открытий стало резкое изменение объема и качества археологических источников. Появилась новая парадигма, с которой связано начало нового этапа в истории отечественного палеолитоведения. За короткий период изменились не только общие представления о хронологии и географии древнейшего палеолита. Внутри этой эпохи теперь уверенно выделяются вполне обособленные типы индустрий, различные как по технологии расщепления, так и по

*Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», раздел «Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека», проект «Сырьевые ресурсы и технологии обработки камня индустрий раннего и среднего палеолита юга европейской части России (Кавказ, Приазовье)».

типам изделий [Деревянко, 2009]. По мнению специалистов, «примитивизм» древнейших орудий не означает отсутствие достаточно четко выраженных типов [Амирханов, 2006; Таймазов, 2009; Щелинский, Кулаков, 2009]. Более того, многие вопросы генезиса древнейших культур вполне успешно решаются «в плоскости сравнительно-исторической типологии» [Амирханов, 2007, 2009; Любин, Беляева, 2006].

Сегодня древнейшими на Кавказе и во всей Евразии признаны находки из Дманиси – им ок. 1,8 млн лет. Недавний пересмотр палеонтологических коллекций ЗИН РАН позволяет констатировать еще более раннее появление человека на евразийском континенте.

Рис. 1. Местонахождение Ливенцовского карьера.

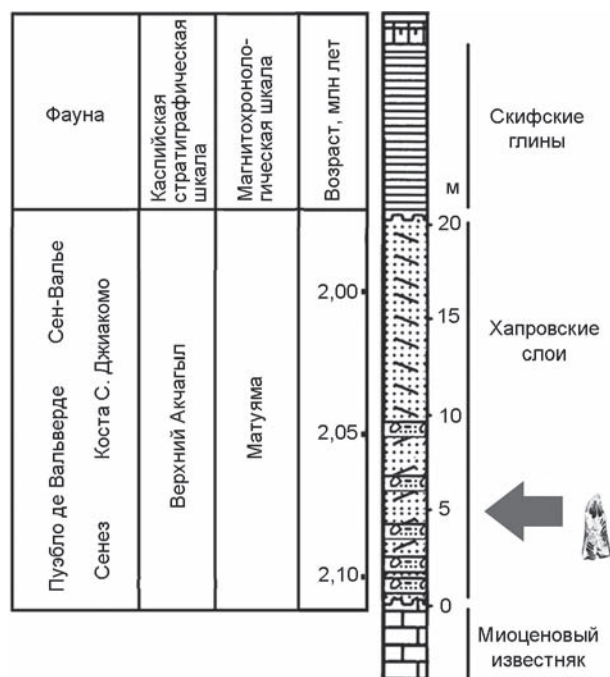

Рис. 2. Схематический разрез Ливенцовки.

Исследуемый фрагмент кости № 35676 из коллекции ЗИН РАН был найден вместе с другими фаунистическими остатками в хапровском аллювии Н.К. Верещагиным при посещении им в мае 1954 г. Ливенцовского карьера, но не был тогда опознан как артефакт. Карьер находился на западной окраине г. Ростова-на-Дону, в настоящее время рекультивирован. Местонахождение Ливенцовка (координаты: 47° 13' с.ш., 39° 34' в.д.; рис. 1) признано парастратотипом хапровского фаунистического комплекса, выделенного В.И. Громовым [1939]. Хапровские слои являются аллювием террасы Дона; в них большинство исследователей выделяет две пачки отложений суммарной мощностью до 20 м. Нижняя пачка мощностью 7–9 м содержит грубообломочный материал и кости крупных млекопитающих [Байгушева, 1971; Александрова, 1976]. Именно в нижних горизонтах аллювия, как следует из записей Н.К. Верещагина, были обнаружены фаунистические остатки (рис. 2).

Всего же в хапровских слоях, относящихся к русловой фации палео-Дона, разными исследователями было собрано более 3 тыс. определимых костных фрагментов сходной степени фоссилизации и принадлежащих 33 видам крупных млекопитающих [Титов, 1999, 2008]. Преобладают изолированные кости животных, но известны и целые черепа и части скелета в естественном сочленении. Ископаемый материал коричневого или светло-серого цвета, сохранность основной массы находок одинакова. Формирование ориктоценоза происходило в течение одного седиментационного цикла палео-Дона, что позволяет считать хапровский фаунистический комплекс крупных млекопитающих хронологически единым. Данная ассоциация существовала в условиях жаркого сухого климата саванны: в сборах палеонтологов доминируют остатки лошади *Equus livnizovensis* (24 %), южного слона *Archidiskodon meridionalis* (23 %), верблюда *Paracamelus alutensis* (13 %), встречаются кости страуса *Struthio*, эламотерия *Elasmotherium*, древнего жирафа *Palaeotragus* [Титов, 1999, 2008; Bajgusheva, Titov, Tesakov, 2001; Bajgusheva, Titov, 2004]. О сухом и жарком климате в период формирования костеносных горизонтов хапровского аллювия свидетельствуют минералогические характеристики его компонентов, а также присутствие в русловой фации палео-Дона раковин теплолюбивого пресноводного моллюска *Bogatschevia tamanensis* [Разрез..., 1976]. Время формирования аллювия исследователи, изучающие ископаемых моллюсков, относят к верхнему акчагылу [Rudyuk, 2003]. Это в совокупности с обратной намагниченностью всей 20-метровой толщи хапровских слоев [Tesakov et al., 2007] свидетельствует о доолдуйском возрасте отложений.

Ассоциация грызунов *Borsodia newtoni*, *Borsodia arankoides*, *Mimomys reidi*, *Clethrionomys kretzoi*,

Mimomys pliocaenicus, остатки которых собраны в верхних 15 метрах хапровского аллювия, по степени эволюционного развития полевок отнесена к концу зоны MN17 и помещается в магнитохронологической шкале между верхней границей эпизода Реюньон и нижней границей эпизода Олдувей [Тесаков, 2004]. Присутствие в составе хапровской фауны таких видов крупных млекопитающих, как *Canis cf. senezensis*, *Nyctereutes megamastoides*, *Ursus cf. etruscus*, *Sus stozzii*, *Libralces gallicus*, *Leptobos cf. etruscus* позволяет синхронизировать ее с европейскими фаунами из местонахождений Пуэбло де Вальверде, Сен-Валье, Сенез, Коста С. Джиакомо. Согласно новейшим исследованиям, все эти фауны располагаются в магнитохронологической шкале между верхней границей эпизода Реюньон и нижней границей эпизода Олдувей [Сотникова, Байгушева, Титов, 2002; Torre et al., 1992; Roger et al., 2000; Channell, Labs, Raymo, 2003; Guerin et al., 2004; Sinusia et al., 2004]. Таким образом, стратиграфический диапазон распространения хапровского фаунистического комплекса определяется финалом среднего виллафранка в интервале 2,1–1,97 млн л.н.

Исследуемый артефакт (длина 106,5 мм, ширина 49,0 мм) представляет собой дистальный фрагмент задней правой метаподии (metatarsus) древнего верблюда *Paracamelus alutensis* – типичного представителя восточно-европейских фаун конца плиоцена (рис. 3). Всего в хапровском аллювии было найдено более 200 костей этого животного. Морфологический анализ данного материала [Титов, 2005; Titov, 2003] показал, что *Paracamelus alutensis*, обладавший стройной шеей и грацильными конечностями, пропорциями тела напоминал современную южно-американскую ламу, а по высоте в холке не уступал рецентным одногорбому и двугорбому верблюдам. Внутри костномозгового канала metatarsus сохранился характерный для хапровских слоев белый уплотненный кварцевый песок, в котором, вероятно, и была погребена кость. Это исключает возможность происхождения артефакта из иных кроме хапровской аллювиальной толщи геологических горизонтов.

В ходе анализа обнаружено два типа повреждений естественной формы metatarsus верблюда (рис. 4): сломы – отсутствуют проксимальный эпифиз, проксимальный конец диафиза, а также большая часть дистального эпифиза; следы рубки (рис. 4, а, справа) и резания (рис. 4, а, слева) на тыльной поверхности metatarsus, в дистальной части диафиза, по обеим его сторонам.

В ходе анализа ископаемой кости обнаружены два трасологически контрастных вида микрорельефа: общий рельеф фрагмента metatarsus и рельеф поверхностей сломов. Вся поверхность фрагмента metatarsus, кроме поверхностей сломов, покрыта

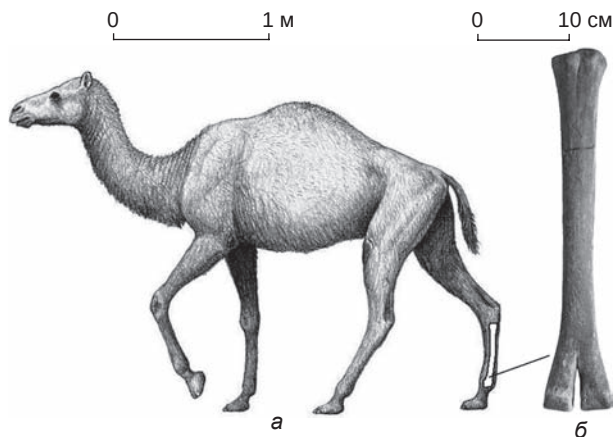

Рис. 3. Реконструкция древнего верблюда *Paracamelus alutensis* (а) и задняя правая метаподия животного (б).
Художник Маурицио Антон.

Рис. 4. Дистальный фрагмент задней правой метаподии древнего верблюда *Paracamelus alutensis* (ЗИН № 35676) со следами резания-пиления (а, с левой стороны) и рубки (а, с правой).

пятнами коричнево-желтой и ржаво-железистой патины. Общий рельеф на микроуровне характеризуется незначительной окатанностью, сглаженностью и сплошной, мягко покрывающей все элементы микрорельефа заполировкой, которая напоминает покрытие лаком. При относительно небольших увеличениях ($\times 10$ – 20) нетрудно заметить, что заполировка блестящая (рис. 5). Характер заполировки свидетельствует о ее химическом происхождении (покрывает мельчайшие депрессии и каверны, во множестве присутствующие на микрорельефе) и появлении на уже видоизмененной минерализованной кости. Это обычный для костей из Ливенцовки вид химического выветривания, характерный не для костного вещества, а, скорее, для минералов. Поверх химической заполировки прослеживаются слабые следы более

поздней заполировки механического происхождения, появившейся, видимо, в ходе анализа и камеральной обработки находки.

Микрорельеф поверхностей сломов иной. Он не имеет яркой заполировки и следов химического выветривания, более свежий на вид и не покрыт пятнами «железистой» патины.

Следы рубки и резания на кости образуют две группы. Левая группа (см. рис. 4, а) состоит как минимум из семи следов пиления-резания. Каналы надрезов имеют V-образный профиль. Кинематика появления следов – скошенные по отношению к продольной оси кости разовые однонаправленные достаточно мощные надрезы (рис. 6). Правая группа представляет собой ряд как минимум из девяти следов рубки. Каналы зарубок в целом асимметричны, V-образные в сечении. Кинематика появления следов – скошенные по отношению к продольной оси кости, не сильные, практически прямые по отношению к поверхности рубящие удары (рис. 7). Надрубы широкие, в профиле U-образные только на самых выположенных участках

Рис. 5. Следы люстража на поверхности минерализованной кости, перекрывающие следы резания.

Рис. 6. Следы пиления-резания на metatarsus из Ливенцовки.

в центральной части канавок и V-образные – на концевых участках. Не имеет V-образного профиля только одна бороздка в центре группы.

Все бороздки несут признаки легкой окатанности (выступающие части микрорельефа оглажены), характерные для всей площади уцелевшей поверхности диафиза и метафиза данного обломка metatarsus. Самые тонкие и неглубокие канавки V-образного сечения, расположенные преимущественно на концах отдельных надрубов и/или надрезов, видимо, уничтожены окатанностью.

Погрызам хищников обычно соответствуют канавки U-образного профиля. Морфология этих повреждений зависит от размера пасти животного, характера захвата кости, формы и размеров последней. Такие погрызы сопровождаются отдельными точечными вдавлениями: зуб вдавливался в кость, не проскальзывая по ее поверхности и не оставляя U-образной канавки. Кроме того, следы зубов хищников имеют симметричный уплощенный профиль и располагаются на обеих сторонах кости (от верхней и нижней челюсти соответственно). В нашем случае оборотная сторона кости чистая, на ней нет никаких погрызов (см. рис. 4, б). На боковых сторонах обломка metatarsus погрызы также отсутствуют (см. рис. 4, в).

Описанные выше бороздки определяются нами как следы искусственного, не животного происхождения, т.к. они V-образные в сечении, не однообразные, являются результатом разных типов воздействия – пиления-резания и рубки. Иными словами, по локализации на кости, характеру распространения и нанесения, профилю ни одна из двух групп следов не может быть отнесена к погрызам хищников или грызунов.

Результаты экспериментов полностью подтверждают и уточняют эти выводы. Чоппером из окремнённого известняка (рис. 8) производились надрезы на свежей и сухой кости и ее рубка. Экспериментально

Рис. 7. Следы рубки на metatarsus из Ливенцовки.

Рис. 8. Чоппер из гальки кремнистого известняка, использовавшийся в экспериментах по рубке и резанию кости.

Рис. 10. Экспериментальная зарубка, произведенная чоппером на сухой кости.

Рис. 9. Экспериментальные надрезы, произведенные по свежей кости чоппером из кремнистого известняка.

Рис. 11. Экспериментальные зарубки на поверхности неочищенной свежей кости.

полученные следы от пиления-резания (рис. 9) показали, что при резании свежей кости раздвоение канавок надрезов на их окончании (в начале надрезов гораздо реже) происходит не при повторном проходе лезвия по тому же месту, а при однократном однонаправленном движении из-за нерегулярности движения и изогнутости рабочего края орудия. Следы рубки сухой кости отличаются крупной выкрошенностью бортов канавок (рис. 10). Борты канавок надрубов, сделанных на свежей кости, имеют мелкую выкрошенность (рис. 11, 12).

Мелкая выкрошенность бортов канавок надрубов на описываемом нами образце metatarsus уничтожена окатанностью, однако общая морфология следов, отсутствие следов крупных фасеток выкрошенности свидетельствуют о том, что зарубки были сделаны на достаточно свежей кости. В ходе экспериментов с костями старых животных или просто сухими костями избежать появления такой выкрошенности практически не удастся. Поэтому можно сделать вывод, что животное, которому принадлежала данная кость, вероятно, было относительно молодое, а кость относи-

Рис. 12. Следы рубки на поверхности свежей кости после чистки.

тельно свежая; обе группы следов появились во время разделки свежей туши животного.

Следы обеих групп, как следует из анализа общей морфологии, оставлены одним орудием с достаточно массивным и острым лезвием. Скорее всего, это был либо чоппер, либо массивный отщеп.

Плюсна верблюда практически целиком состоит из кожи, сухожилий и кости. Разделка в данном случае производилась не с целью отделения мясных частей от задней конечности. Изучаемые следы могли появиться при перерубании сухожилий для отделения мозолистого копыта верблюда. Характер следов и их расположение в нижней части тыльной поверхности metatarsus, в местах нахождения мощных сухожилий мышц – сгибателей пальцев стопы (*m. flexor digitorum*; рис. 13), соответствуют реконструируемой нами причине их появления. Для каких целей проводилось отделение копыт – не совсем ясно, возможно, для облегчения переноски более мясистых верхних частей конечности либо для отделения от кости самих сухожилий или даже снятия шкуры.

Артефакт из Ливенцовки является свидетельством того, что древний человек на территории нижнего Дона в борьбе за биоресурсы успешно конкурировал с обитавшими по соседству крупными хищниками: этрусским медведем *Ursus cf. etruscus*, гиенами *Pliocrocota perrieri* и *Pachicrocota brevirostris*, каракалом *Lynx issidorensis*, гепардом *Acinonyx cf. pardinensis* и крупной саблезубой кошкой *Homotherium crenatidens*.

Важно отметить, что результаты анализа данной находки представляют собой успешный, хотя и редкий пример использования трасологических данных для доказательства неприродного происхождения древнейших артефактов. Ранее трасологами были обнаружены следы разделки на костях вымерших африканских копытных возрастом 2,5 млн лет [Heinzl et al., 1999]. И форма изделий, и следы рубки и резания являются равнозначными и равноправными источниками информации; они в одинаковой мере могут быть использованы для решения основных задач археоло-

Рис. 13. Место расположения сухожилий мышц – сгибателей пальцев стопы (*m. flexor digitorum*) на плюсне современного верблюда.

гии как единственной научной дисциплины, способной по материальным остаткам реконструировать деятельность человека в далеком прошлом.

Контекст обнаружения кости древнего верблюда *Paracamelus alutensis*, степень ее сохранности и выразительность следов работы каменным орудием на поверхности находки, с нашей точки зрения, могут указывать на достаточно раннее появление человека в Евразии.

Список литературы

- Александрова Л.П. Грызуны антропогена европейской части СССР. – М.: Наука, 1976. – 98 с.
- Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. – 693 с.
- Амирханов Х.А. Исследования памятников олдована. – М.: ТАУС, 2007. – 52 с.
- Амирханов Х.А. Открытие индустрии олдована на о. Сукотра // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 29–35.
- Байгушева В.С. Ископаемая териофауна Ливенцовского карьера (Северо-Восточное Приазовье) // Тр. ЗИН АН СССР. – 1971. – Т. 29. – С. 5–29.
- Громов В.И. Краткий систематический обзор четвертичных млекопитающих // Академику В.А. Обручеву к 50-летию научной и педагогической деятельности. – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 2. – С. 163–224.
- Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 232 с.
- Деревянко А.П., Аношкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 122 с.
- Кулаков С.А., Щелинский В.Е. Работы на Тамани // АО 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 271–272.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 108 с. – (Archaeologica Petropolitana; XIX).
- Разрез новейших отложений Северо-Восточного Приазовья / ред. К.К. Марков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1976. – 157 с.
- Сотникова М.В., Байгушева В.С., Титов В.В. Хищные млекопитающие хазровского фаунистического комплекса и их стратиграфическое значение // Стратиграфия, геологическая корреляция. – 2002. – Т. 10, вып. 4. – С. 62–78.
- Таймазов А.И. Чопперы из коллекции Айникаб I // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 175–187.
- Тесаков А.С. Биостратиграфия среднего плиоцена – эоплейстоцена Восточной Европы (по мелким млекопитающим). – М.: Наука, 2004. – 247 с.
- Титов В.В. Фауна крупных млекопитающих позднего плиоцена Северо-Восточного Приазовья: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Ростов н/Д., 1999. – 24 с.
- Титов В.В. Особенности экологии и морфологии верблюдов рода *Paracamelus* // Современная палеонтология:

классические и новейшие методы. – Ростов н/Д.: Юж. науч. центр РАН, 2005. – С. 161–166.

Титов В.В. Крупные млекопитающие позднего плиоцена Северо-Восточного Приазовья. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 264 с.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 188–206.

Bajgusheva V.S., Titov V.V. Results of the Khapry Faunal Unit revision // 18th International Senckenberg Conference 2004 in Weimar. – Weimar, 2004. – P. 72–73.

Bajgusheva V.S., Titov V.V., Tesakov A.S. The sequence of Plio-Pleistocene mammal faunas from the south Russian Plain (the Azov Region) // Bollettino della Societa Paleontologica Italiana. – 2001. – Vol. 40. – P. 133–138.

Bosinski G., Scelinskij V.E., Kulakov S.A., Kindler L. Bogatyri (Sinaja Balka) – ein altpalaolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Rubland) // Erkenntnisjager. Kultur und Umwelt des fruhen Menschen. Veroffentlichungen des Landesamtes für Archaologie. – Halle (Saale): VEB Deutscher Verlag, 2003. – Bd. 57/I. – P. 79–89.

Channell J.E.T., Labs J., Raymo M.E. The Reunion Subchronozone at OPD site 981 (Feni Drift, North Atlantic) // Earth and Planetary Science Letters. – 2003. – Vol. 215. – P. 1–12.

Dzaparidze V., Bosinski G., Bugianisvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Majsuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenisvili E., Schmincke H. U., Solosgavili D., Tusabramisvili D., Tvalerelidze M., Vekua A. Der Altpalaolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // Jb. Romish-Germanisches Zentralmuseum. – 1989. – Vol. 36. – P. 67–116.

Guerin C., Faure M., Argant A., Argant J., Cregut-Bonnoure E., Debard E., Delson E., Eisenmann V., Hugueny M., Limondin-Lozouet N., Martin-Suarez E., Mein

P., Mourer-Chauvire C., Parenti F., Pastre J-F., Sen S., Valli A. The Late Pliocene site of Saint-Vallier (Drôme, France): synthesis of biostratigraphic and palaeoecological conclusions // Geobios. – 2004. – Vol. 37. – P. 349–360.

Heinzelin J., Clark J. D., White T., Hart W., Renne P., Gabrel G. W., Beyene Y., Vrba E. Environment and Behavior of 2,5-Million-Year-Old Bouri Hominids // Science. – 1999. – Vol. 284. – P. 625–629.

Roger S., Coulon C., Thouveny N., Feraud G., Van Velzen A., Fauquette S., Cocheme J.J., Prevote M., Verosub K.L. 40Ar/39Ar dating of a tephra layer in the Pliocene Seneze maar lacustrine sequence (French Massif Central): constraint on the age of the Reunion-Matuyama transition and implications for paleoenvironmental archives // Earth and Planetary Science Letters. – 2000. – Vol. 183. – P. 431–440.

Rudyuk V. Stratification and correlation of Quaternary alluvial deposits of the south-western part of the Eastern-European platform according to unionidae data // 26 th INQUA Congress. – 2003. – P. 244.

Sinusia C., Pueyo E.L., Azanza B., Pocovi A. Datación magnetoestratigráfica del yacimiento paleontológico de la Puebla de Valverde (Teruel) // Geo-Temas. – 2004. – Vol. 6, Bd. 4. – P. 339–342.

Tesakov A.S., Dodonov A.E., Titov V.V., Trubikhin V.M. Plio-Pleistocene geological record and small mammal faunas, eastern shore of the Azov Sea, Southern European Russia // Quaternary International. – 2007. – Vol. 160. – P. 57–69.

Titov V.V. Paracamelus from the Late Pliocene of the Black Sea region // Advances in Vertebrate Paleontology «Hen to Panta». – 2003. – P. 17–24.

Torre D., Ficarelli G., Masini F., Rook L., Sala B. Mammal dispersal events in the early Pleistocene of Western Europe // Courier Forschung Institut Senckenberg. – 1992. – Vol. 153. – P. 51–58.

Материал поступил в редколлегию 28.10.09 г.

УДК 903.3

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: wolf@archaeology.nsc.ru

ЖИЛИЩА ЭПОХИ ГОЛОЦЕНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (опыт функционально-планиграфического анализа)*

Анализ находок в жилищах носителей различных культур Дальнего Востока России позволил провести планиграфическую реконструкцию этих сооружений. Дифференциация пространства обитания на особые функциональные зоны и фиксация хронологически последовательной эволюции древних жилищ предоставили данные для изучения процессов адаптации населения к изменявшимся климатическим условиям эпохи голоцена.

Ключевые слова: неолит, жилища, реконструкция, эволюция, адаптация, функциональный анализ, планиграфия.

Введение

Жилища человека в эпоху голоцена известны по многим археологическим памятникам. Большинство публикаций представляют собой итоги полевых исследований, но есть и работы, посвященные обобщению полученных в ходе раскопок результатов [Борисковский, 1958; Бродянский, 1975; Деревянко Е.И., 1991; и др.]. В таких публикациях при анализе собранных данных, как правило, археологи уделяют основное внимание архитектурной реконструкции древних построек. Типология изучаемых объектов чаще всего строится на особенностях их внешнего контура, степени углубленности в почву, размерах и пространственной ориентации. Вне внимания, однако, остаются такие немаловажные направления в археологической реконструкции, как определение функционального назначения сооружений, специфика в ор-

ганизации жилого пространства, местоположение и характер зон отдыха, рабочих площадок внутри жилищ и на прилегающих к ним территориях.

Метод функционального анализа артефактов предоставляет возможность понять многие и отнюдь не второстепенные аспекты жизнедеятельности людей прошлого. Сведения о том, «что есть что» из оставленных в жилищах предметов быта или орудий труда, могут послужить базой для функционально-планиграфического зонирования пространства обитания людей изучаемой эпохи. Экспериментальные исследования в археологии позволяют не только определить местоположение рабочих площадок, очагов или мест предполагаемых входов в жилые конструкции, но и проследить возможную пространственную взаимосвязь разнохарактерных зон активности обитателей древних построек. Представляется продуктивным и выявление системности в организации жилого и рабочего пространств населением изучаемых территорий – одного из важнейших элементов культуры человека.

Цель настоящей работы – апробация методики функционально-планиграфического зонирования жилищ, систематика и создание базы данных для сравнительного анализа палеоэкономических и технологических инноваций обитателей Северной Азии в эпоху голоцена. Задачи:

*Работа выполнена в рамках ФПЦ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт 02.470.11.0353), программы Президиума РАН 25.1.3. «Культурное наследие населения юга Дальнего Востока России в эпоху неолита и раннего металла» и по плану НИР IX.81.1.1. «Развитие культурных традиций и адаптационные стратегии древнейшего населения Северной и Центральной Азии».

– проведение экспериментально-трасологического и функционального анализа материалов археологических коллекций, полученных при раскопках разнообразных построек на территории Дальнего Востока России;

– исследование и сравнительная характеристика хозяйственной деятельности обитателей изучаемых объектов;

– определение специфики распространения утилизированного инструментария на площади хозяйственных и жилых конструкций.

На основе полученных данных предполагается провести функциональное зонирование изучаемых построек, предложить их функциональную типологию, проследить хронологически последовательную эволюцию и определить перспективы такого рода исследований.

Источниковая база

Для сравнительных исследований подобраны материалы двух археологических культур в бассейне р. Амура – малышевской и талаканской [Деревянко А.П., Медведев, 1993; Нестеров, Мыльникова, 2002]. Коллекции артефактов получены в результате раскопок на о-ве Сучу (нижний Амур) и на памятнике Усть-Талакан (р. Бурея). Для сравнительного анализа дополнительно привлечены данные о жилище осиноозерской неолитической культуры (бассейн среднего Амура) [Окладников, Деревянко, 1973]. Материал представлен в хронологической последовательности от наиболее ранних жилищ IV тыс. до н.э. на о-ве Сучу до сооружений на памятнике Усть-Талакан, датированных I тыс. до н.э.

Остров Сучу, находящийся рядом с с. Мариинским в Хабаровском крае, издавна привлекает внимание археологов. Здесь обнаружено более 120 жилищных ям-западин. Общая длина участка острова, занятого остатками жилых конструкций, составляет более 750 м*.

*Сведения об острове и некоторые данные о раскопках и полученных результатах см., напр.: [Окладников, 1980, с. 28–31, 42, 50; Деревянко, Медведев, 1996; Медведев, 2001].

В результате работ Бурейской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН на территории Среднего Приамурья была обнаружена и исследуется до настоящего времени талаканская группа археологических памятников [Нестеров, Мыльникова, 2002]. Наиболее детально изученная стоянка располагается на левом берегу р. Буреи, в 3 км выше по течению от пос. Талакан.

При полевых исследованиях 2004 г. на неолитическом поселении Громатуха [Окладников, Деревянко, 1977] в слое, относящемся ко времени существования осиноозерской культуры позднего неолита, были выявлены следы наземной конструкции. На основании планов раскопок составлены схемы, отображающие конфигурацию стен сооружения, особенности ориентации в пространстве, местоположение очагов и характер распространения артефактов, обнаруженных на полу жилища [Волков, 2006].

Самые ранние материалы, отобранные для настоящего исследования, относятся к IV тыс. до н.э., т.е. ко времени существования малышевской культуры, датируемой VI–IV тыс. до н.э. [Деревянко, Медведев, 2002]. Это жилища на о-ве Сучу (рис. 1). Так, для одного из них (№ 26) радиоуглеродным методом получена дата $5\,870 \pm 45$ л.н. (СОАН-4624), что со-

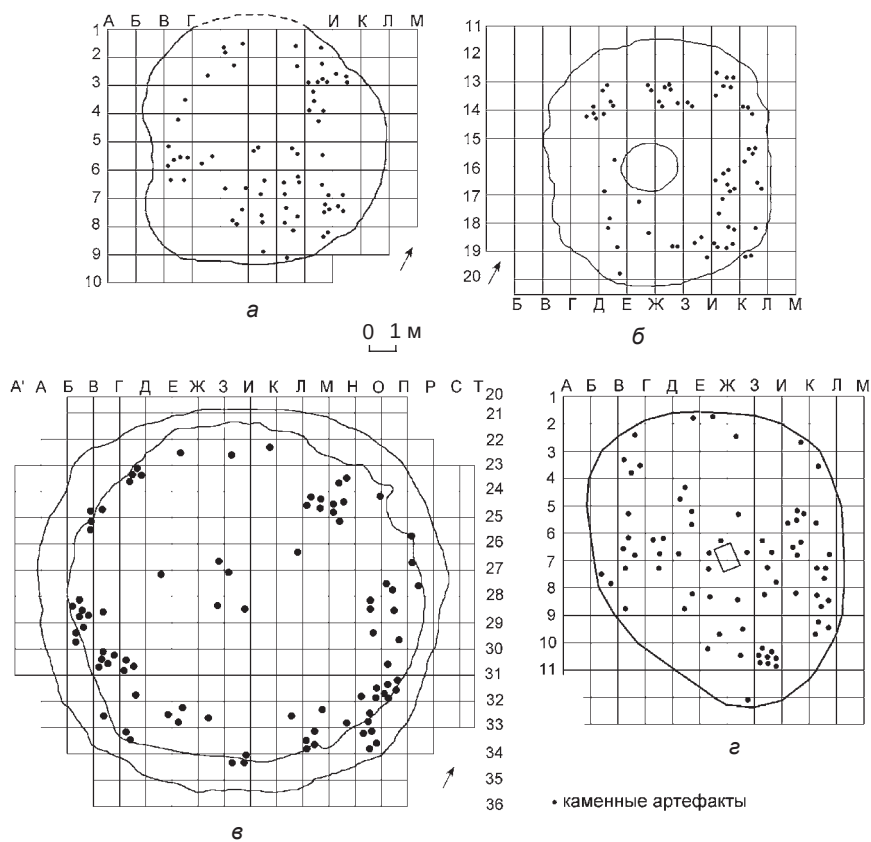

Рис. 1. Планы-схемы жилищ 24 (а), 25 (б), 26 (в), 5 (г) на о-ве Сучу по данным полевых исследований.

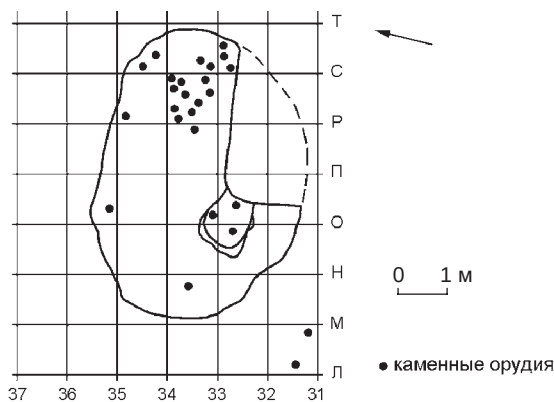

Рис. 2. План-схема осиноозерского жилища на поселении Громатуха по данным полевых исследований.

ответствует началу IV тыс. до н.э. Другое жилище (№ 5) полученные материалы позволяют датировать второй половиной IV тыс. до н.э. и также связывать его с мальшевской культурой [Медведев, 1996]. Сезонное жилище осиноозерского времени, изученное планиграфическими методами [Volkov, 2006] (рис. 2), относится к 1740–1500 гг. до н.э. [Нестеров, Алкин, Петров и др., 2005]. Три жилых сооружения (№ 5–7) на памятнике Усть-Талакан (рис. 3) датированы радиоуглеродным методом второй половиной I тыс. до н.э. [Нестеров, 1995].

При раскопках жилищ определены их площадь и пространственная ориентация, местоположение очагов, в отдельных случаях – место входа, отмечены различия в форме внешних, а иногда и внутренних границ конс-

трукций, как правило, хаотичное рассеяние находок по их площади. Однако аргументированных заключений о функциональном назначении сооружений нет.

Метод функционально-трасологического анализа и итоги исследований инструментария изучаемых жилых и хозяйственных конструкций

Лабораторные исследования каменных артефактов, собранных на территории комплексов жилищ, базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Korobkova, 1999; и др.], и на методике анализа микрозаполировок износа орудий из камня Л. Кили [Keeley, 1980]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций с палеолитических и неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999].

Для общего трасологического обследования артефактов применялся бинокляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе дополнительно использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бес-

теновым освещением. Основным исследовательским инструментом являлся специально адаптированный для микротрасологии микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бестеновым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат. Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов [Там же].

В результате трасологического анализа материалов археологических коллекций были определены функции утилизированных орудий, обнаруженных в ходе раскопочных работ на территории изучаемых комплексов. Артефакты разделены на три категории: А – орудия, связанные с охотой; В – с рыболовством; С – с обработкой дерева, кости, камня (см. таблицу). В последнюю группу

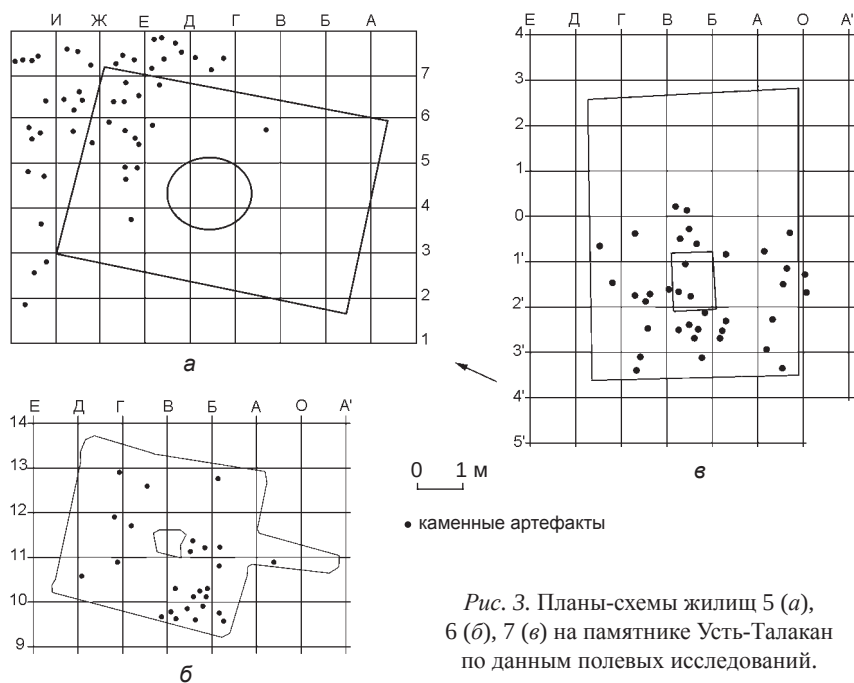

Рис. 3. Планы-схемы жилищ 5 (а), 6 (б), 7 (в) на памятнике Усть-Талакан по данным полевых исследований.

Состав инструментария исследуемых комплексов, ед.

Памятник	Номер или наименование конструкции	Категория			Всего орудий
		А	В	С	
Сучу	24	8	0	1	9
	25	8	0	4	12
	26	12	1	17	30
	5	15	0	13	28
Громатуха	Осиноозерское жилище	16	0	2	18
Усть-Талакан	5	15	0	4	19
	6	11	0	3	14
	7	14	0	7	21

включены орудия, не связанные напрямую ни с охотой, ни с рыболовством. Как правило, они относятся к домашним промыслам, не являющимся деятельностью по получению источников питания и первичной переработке продуктов охоты и рыболовства (например, первичной обработке шкур при их подготовке к раскрою или шитью). В данную категорию попадают орудия для расщепления камня, деревообрабатывающие, косторезные и для работы с рогом.

Общим для составов инструментария всех проанализированных конструкций является доминирование утилизированных орудий, связанных с охотой и переработкой ее продуктов (категория А). Несколько меньше инструментов для обработки камня и дерева (категория С). Следы работы с продуктами рыболовства единичны. Более детальные функциональные данные по исследованному инструментарию были использованы при анализе хозяйственной деятельности обитателей каждого из изучаемых жилищ.

Анализ хозяйственной деятельности обитателей изучаемых объектов

Инструментарий жилища 24 на о-ве Сучу в основном представлен орудиями, связанными с обработкой продуктов охоты. Доминируют ножи для резки мяса, далее следуют скребки, проколки для обработки шкур животных. В целом состав орудий можно считать типичным для обитателей убежища охотников (рис. 4, а).

Инструментарий из жилища 25 того же памятника выглядит несколько иначе. Помимо ножей для обработки мяса, здесь обнаружены тесла для работы с деревом и несколько наконечников стрел (рис. 4, б). В целом, как и в жилище 24, признаков интенсивной производственной деятельности внутри жилища не зафиксировано. Однако набор орудий может свидетельствовать не только о происходившей здесь переработке продуктов охоты, но и о возможном изготовлении охотничьего снаряжения.

Рис. 4. Доли орудий различных функций в составе инструментария из жилищ 24 (а), 25 (б), 26 (в), 5 (г) на о-ве Сучу.

Инструментарий из жилища 26 на о-ве Сучу достаточно разнообразен. Большинство орудий – ножи для резки мяса. Довольно много наковаленок, использовавшихся при работе с камнем, и деревообрабатывающих тесел. Остальные инструменты представлены

в небольших количествах, но разнообразны по функциональным типам: долота, ложила, резец, проколки, пест, скобель, отбойники (рис. 4, в). В целом набор орудий свидетельствует не только о разнообразии в производственной деятельности обитателей жилища, но и о высокой интенсивности работ.

Инструментарий из жилища 5 на о-ве Сучу можно охарактеризовать как производственный, связанный, в первую очередь, с обработкой дерева и камня. Сравнительно большое количество наконечников стрел интерпретировалось как свидетельство изготовления здесь охотничьего снаряжения. Инструментарий в целом разнообразен (рис. 4, г).

Набор утилизированных орудий из жилища осиноозерской культуры на поселении Громатуха указывает на домашнебытовую деятельность обитателей. Подавляющее большинство артефактов отнесено к орудиям потребления и переработки продуктов охоты (рис. 5).

Рис. 5. Доли орудий различных функций в составе инструментария из осиноозерского жилища.

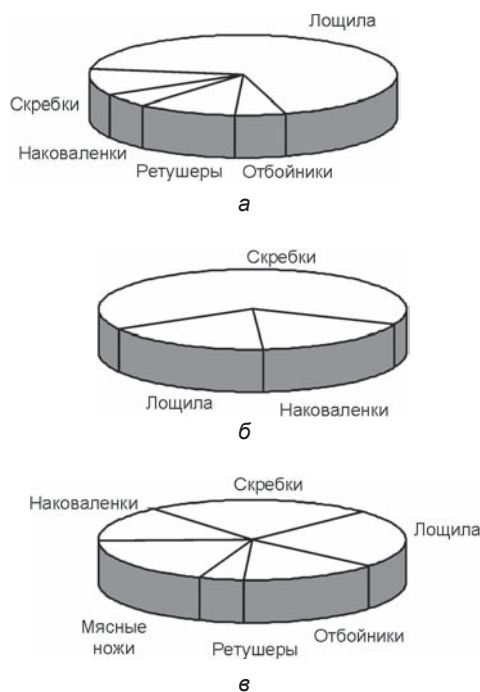

Рис. 6. Доли орудий различных функций в составе инструментария из жилищ 5 (а), 6 (б), 7 (в) на поселении Усть-Талакан.

Инструментарий из жилища 5 на памятнике Усть-Талакан представлен преимущественно ложилами, использовавшимися для обработки шкур. Помимо них, обнаружены сравнительно немногочисленные скребки и довольно разнообразные орудия для работы с камнем. Производственная деятельность людей была здесь отчетливо специализированной (рис. 6, а).

В инструментарии из жилища 6 того же памятника преобладают скребки. Прочие категории орудий представлены только небольшим количеством наковаленок и ложил. Можно говорить о «специализации» обитателей данного жилища на одном производственном процессе (рис. 6, б).

Деятельность людей в жилище 7 на памятнике Усть-Талакан, судя по составу инструментария, была сравнительно разнообразной. Все применявшиеся здесь типы орудий представлены в относительно равных количествах. По данным функционально-планиграфического анализа это жилище было определено как место работы и ночлега (рис. 6, в).

Нетрудно заметить, что состав рассмотренного инструментария сравнительно разнообразен. Производственная деятельность обитателей каждого жилища практически неповторима. Функциональный анализ орудий показал специфику производства, но не раскрыл особенностей в организации производственного пространства обитателями изучаемых сооружений.

Функционально-планиграфический анализ рассматриваемых жилых и хозяйственных конструкций

Планиграфический анализ территорий жилых комплексов заключался не только в нанесении на контур изучаемых конструкций мест обнаружения тех или иных выделенных в результате трасологического анализа утилизированных орудий. Учитывались взаиморасположение очагов как источника тепла и/или света, размеры функциональных площадок, расстояние от входа, стен, центра сооружений, пространственная ориентация изучаемых конструкций, дислокация хранилищ сырья, локализация не завершенных в производственном процессе заготовок изделий, степень износа различных орудий, характер обрабатывавшегося материала, площадь, необходимая для того или иного производственного процесса, признаки использования основного или вспомогательного инструментария, места скопления отходов производства, местоположение оставленной людьми керамики, расположение мест приготовления, хранения и потребления пищи, характер ландшафта территории, время и сезон обитания и т.д.

Представленные ниже схемы жилищ отображают результаты проведенного планиграфического анализа. Выделены рабочие площадки (места различного рода

производственной деятельности), зоны отдыха обитателей, определено местоположение очагов, предполагаемых и строго зафиксированных входов в сооружения. Признаком существовавшей рабочей площадки сочтено обнаружение компактных скоплений сырья, отходов производства, полуфабрикатов изделий, готовой продукции и инструментария. Зона отдыха определялась по наличию комфортных участков площади жилища относительно огня, входа, мест интенсивной работы или деятельности, требующей специально освобожденного пространства. Предвходовые площадки, если они не фиксировались в процессе раскопочных работ, а также в тех случаях, когда вход в жилище предполагался через крышу, выделялись по «остаточному принципу», т.е. предвходовой площадкой считалось место, относительно удаленное от центральных очагов, малоприспособленное для отдыха и свободное от производственной деятельности.

Жилища на о-ве Сучу

Планиграфический анализ жилища 24 не выявил какой-либо устойчивой закономерности в распространении артефактов на изучаемой площади. Большая часть инструментария, отходов производства или заготовок была рассеяна, как представляется, достаточно хаотично. Не выявлено какой-либо системности в распространении орудий и при их дифференциации по степени изношенности и по категориям хозяйственной деятельности. Единственным результатом планиграфического анализа стало выделение сравнительно обширных участков, где осуществлялась самая разнообразная трудовая деятельность (рис. 7, а).

Близкие результаты дал и планиграфический анализ жилища 25. Однако в центре этого сооружения еще в ходе полевых исследований был обнаружен достаточно долго функционировавший очаг. Артефакты располагались на расстоянии в среднем ок. 1,5–2,0 м от него. Но планиграфический анализ не выявил сколько-нибудь значимой специфики в их локализации. Хотя на плане жилища удалось отметить концентрацию орудий охоты в его северо-восточной части, в целом особой системности в планиграфии артефактов не обнаружено и при детальном функциональном определении инструментария (рис. 7, б).

Следует предположить, что в жилых конструкциях исследуемого типа какой-либо устойчивой закономер-

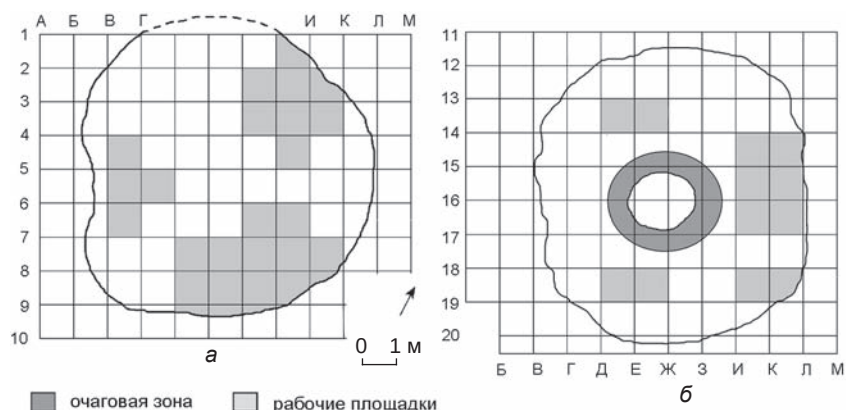

Рис. 7. Схема функционального зонирования жилищ 24 (а) и 25 (б) на о-ве Сучу.

ности в дислокации рабочих площадок или зон отдыха не существовало. Вероятно, их образование произошло спонтанно, без особой привязки к сторонам света, входовой площадке или очагу.

Жилище 26 синхронно описанным выше. Его отличительной особенностью является размер: это самое крупное сооружение на данном памятнике. В результате планиграфического исследования было выделено несколько характерных хозяйственно-бытовых зон (рис. 8).

Центр жилища – место нескольких очагов. Наличия инструментов, фиксирующих производственную площадку, здесь и не предполагается. Очевидно, что деятельность обитателей жилища в указанном месте была связана исключительно с тепловой обработкой пищи, приготовлением еды, возможно, сушкой одежды и другими подобными занятиями, свидетельства

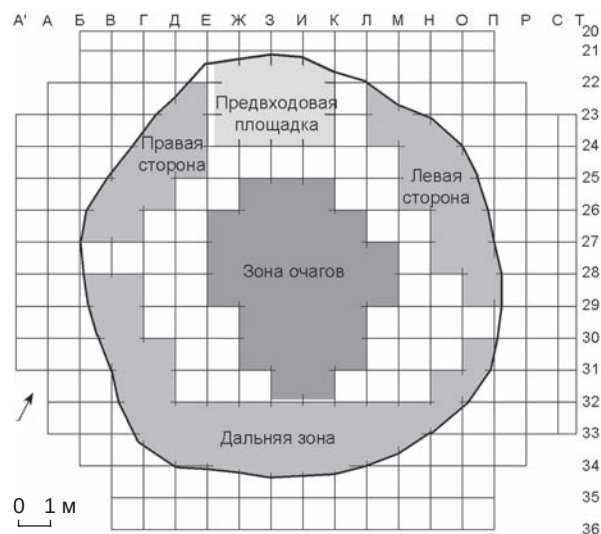

Рис. 8. Схема функционального зонирования жилища 26 на о-ве Сучу.

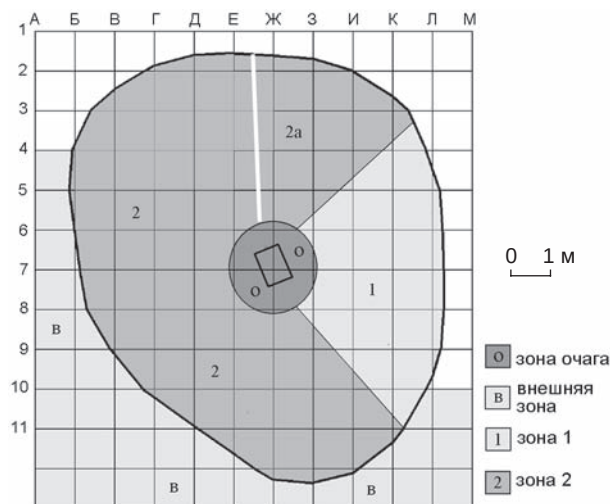

Рис. 9. Схема функционального зонирования жилища 5 на о-ве Сучу.

которых не зафиксированы. Дистанция от следов горения в очагах до функционально выделенных зон вполне естественная и достаточная для освещения и комфортного обогрева «рабочего пространства».

В северо-восточном секторе жилища найдены ножи и орудия для обработки мяса. Рабочая зона здесь сравнительно компактная и четко локализована. Вполне логично предположить специализацию данного участка жилища. Обнаружены свидетельства вторичной переработки мяса, вероятно, его подготовки к тепловой обработке. Если «домашняя» переработка продуктов охоты была женским занятием, то данную зону жилища можно интерпретировать как «женскую», обычно левую часть от входа в помещение*.

В северо-западной части жилища никаких орудий не найдено. Эту зону можно считать предвходовой. Судя по пропорциям сооружения, место входа имело достаточные, вполне обычные в таких случаях размеры.

В дальней от входа зоне жилища обнаружены следы работы с камнем (доводка, правка орудий) и деревом. Концентрация инструментов здесь (относительно предполагаемой площади) не очень велика. Данный участок можно интерпретировать как зону отдыха (очевидно, ночного) и как производственную «домашнего характера» («оживление» каменных элементов орудий, работа с рогом и деревом).

Западный сектор, правый от входа, – вероятно, «мужская территория». Здесь найдено совсем небольшое число инструментов для работы с камнем и де-

ревом. Очевидно, регулярная, долговременная производственная деятельность на данном участке не осуществлялась.

Каждая из выделенных нами зон в жилище 26 имеет достаточно большую площадь и отчетливо ограничена «чистым» пространством, где следов производственной активности обитателей не обнаружено. В целом организация пространства представляется вполне логичной и во многом напоминает таковую внутри круглых в плане жилищ народов этнографического времени.

Функционально-планиграфическое зонирование территории жилого комплекса 5 было сделано по совокупности полученных данных (рис. 9). Дифференциация инструментария по функциональным категориям показала, что все орудия, связанные с обработкой мяса и расщеплением камня, находились вне жилища, а подавляющее большинство инструментов для работы с деревом – внутри него.

Скопления сколов, отщепов и микрочешуек свидетельствуют о процессе расщепления камня. Все находки такого рода обнаружены за пределами жилища с его южной и северо-западной сторон. Внутри сооружения следов раскалывания камня нет. Если учесть, что этот процесс требует хорошей освещенности, то становится понятным, почему рабочие площадки организованы на открытом воздухе, причем со стороны полуденного и вечернего солнца.

Разделка туш животных, судя по месту обнаружения специализированных ножей, происходила также вне жилища, у его юго-западной стены. Данная площадка оптимальна и при учете местной розы ветров (доминирующие – северные и северо-восточные). Если предположение об обработке мерзлого мяса верно, то ее дислокация в холодный сезон именно с подветренной стороны жилого сооружения представляется вполне естественной.

Вход в жилище в процессе полевых исследований не был обнаружен. Вероятно, проникновение обитателей внутрь помещения происходило через дымоход или иное специальное отверстие в крыше. Возможно, этим обстоятельством определено и создание внешней площадки для работы с крупными фрагментами мясной добычи – вход через крышу не мог быть просторным.

Предвходовой площадкой внутри жилища мог быть северо-северо-восточный сектор. Здесь нет находок, за исключением тесла, и других следов бытовой или производственной активности обитателей.

В центральной части жилища располагался очаг. Однако он, видимо, не являлся аккумулярующим центром жизнедеятельности обитателей. Ни одно из скоплений артефактов не связано напрямую с местом горения огня.

Среди находок комплекса присутствует серия наконечников стрел без видимых следов использования. Все они, за единственным исключением, найдены в

*О возможных функциональных разделениях на «мужскую и женскую сторону» предвходовых участков жилищ с позиций «оборонительной эргономики» см.: [Волков, Медведев, 2004].

относительном скоплении в восточном секторе жилища (зона 1). На этой же площадке обнаружены и деревообрабатывающие инструменты. Вполне уместна интерпретация данной зоны как места изготовления охотничьего снаряжения.

Обнаружение керамических сосудов преимущественно в юго-западном секторе может свидетельствовать об использовании этой зоны как места приготовления и потребления пищи (зона 2). Здесь же изготавливали каменные орудия из заготовок, подготовленных вне жилища. Обработка велась шлифовкой. Этот процесс, в отличие от расщепления камня, сравнительно долгий, предполагает «домашний» комфорт и не требует хорошего освещения.

В северо-западном секторе жилища находок сравнительно мало. Назначение площадки не ясно.

В целом конструкцию 5 можно охарактеризовать как производственно-жилое помещение. Время обитания сравнительно непродолжительное и, вероятно, зимнее. Характерная особенность – дифференциация происходивших здесь производственных процессов при изготовлении деревообрабатывающих орудий и средств охоты.

Осиноозерское жилище на поселении Громатуха

Сооружение заметно меньше по площади, чем жилища малышевской культуры. Его общая площадь ок. 18–19 м², комфортной зоны – порядка 6, прилегающей – 4–5 м². Основание жилища было заглублено в грунт. Видимо, при его сооружении на площадке строительства снимался дерн. Некоторое понижение пола к центру и к выходу малозаметно и может быть объяснено периодическим выметанием бытового мусора, перемещавшим и часть грунта. Опоры кровли, вероятно, опирались на дневную поверхность (следов характерных ям или канавок при раскопках не обнаружено). Каркас жилища, видимо, был выполнен из жердей. Перекрытие конструкции представляло собой тонкий берестяной кожух. Судя по размерам жилища, в дневное время в нем могли свободно разместиться 5–6 чел.

Согласно планиграфической реконструкции, внешний контур сооружения имел неправильную овально-округлую форму. Вход располагался с юго-западной стороны. Напротив него примерно на расстоянии 1 м находился очаг. Наиболее комфортным местом для отдыха людей являлась дальняя от входа часть жилища (рис. 10).

На основе совокупности данных функционально-планиграфического анализа сооружение можно интерпретировать как легкую разборную и транспортную конструкцию для сезонного поселения небольшой группы охотников.

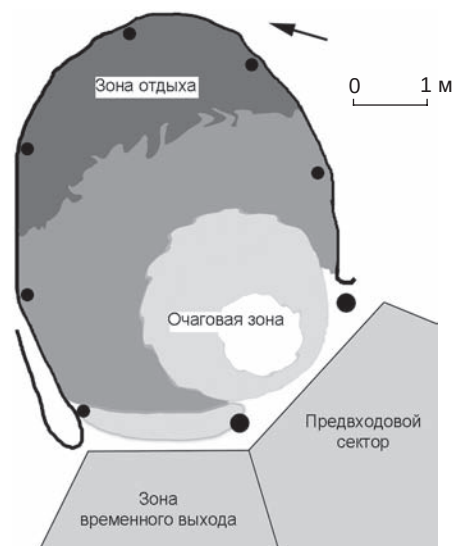

Рис. 10. Схема функционального зонирования осиноозерского жилища на поселении Громатуха.

Жилища на памятнике Усть-Талакан

В инструментарии из жилища 5 количественно доминируют лошिला – орудия, применяемые на второй стадии обработки шкур животных. Необычным представляется их преобладание над числом скребковых инструментов. Возможно, на исследуемой площади проявились признаки специализации производственной деятельности. Вполне вероятно не только разделение общей работы со шкурами на стадии, но и выделение этого жилища как специализированного рабочего места (рис. 11, а). Естественным в таких случаях является и создание «внешней» рабочей зоны – лощение требует сравнительно большой площади.

Определенная специализация прослеживается и в работах обитателей жилища 6 (рис. 11, б). В использовавшемся здесь инструментарии преобладают скребковые орудия, применяемые на первой стадии процесса обработки шкур. Прочие инструменты представлены только небольшим количеством ретушеров и лошил. Есть основания предполагать, что данное сооружение, как и соседняя постройка 5, было специализированным рабочим местом.

Деятельность обитателей жилища 7 (рис. 11, в) сравнительно более разнообразна. Набор оставленных здесь рабочих инструментов представлен почти одинаковыми количествами скребков, лошил, мясных ножей и т.п. Интенсивность их использования сравнительно незначительная. Все это может быть следствием того, что сооружение служило преимущественно в качестве жилого пространства, места ночевки. В пользу такого предположения свидетельствуют и обнаруженные здесь следы деревянных нар.

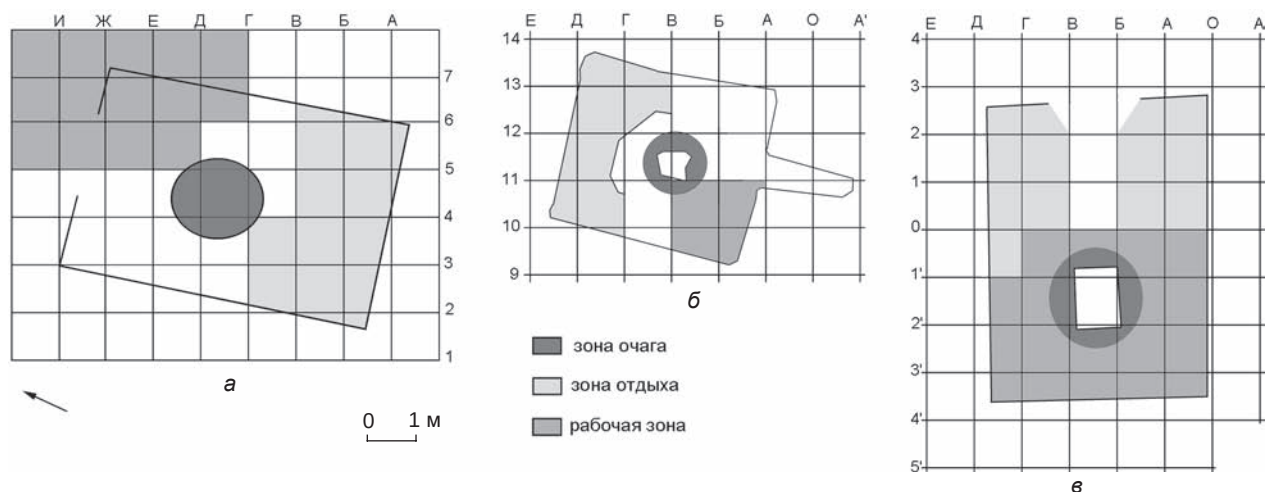

Рис. 11. Схема функционального зонирования жилищ 5 (а), 6 (б), 7 (в) на памятнике Усть-Талакан.

Сравнительный анализ рассмотренных талаканских жилищ дает основания предполагать специализацию сооружений, своеобразное территориальное разделение труда, склонность их обитателей к дифференциации помещений на жилые и рабочие. Близкие функционально-планиграфические характеристики получены и еще по трем объектам памятника.

Сравнительные характеристики и типология исследуемых конструкций

Разработать достаточно жесткую функциональную типологию жилых конструкций исследуемого времени весьма затруднительно. Вероятно, образование рабочих площадок или организация зон отдыха во многих случаях происходили спонтанно. Вместе с тем ряд наблюдений поможет нам выделить и некоторые закономерности (рис. 12). Помимо очевидного разделения сооружений на сравнительно «большие округлые» в относительно раннее время и «малые подпрямоугольные» на позднем хронологическом этапе, рационально обратить внимание на другие немаловажные особенности.

В ранних, округлых жилищах кострища почти всегда расположены в центре сооружения. Для прогрева больших объемов требовался интенсивный огонь, и разместить очаг иначе, чем в центре конструкции, пожалуй, невозможно. Вокруг него обитатели жилищ организовывали места своего отдыха или работы.

Следы огня в более позднее время обнаруживаются не обязательно в геометрическом центре сооружений. Наблюдается не только «смещение» очагов по осевой линии жилищных конструкций, но и их размещение на входовых площадках или даже перед

входом в жилище. Места работы и отдыха обитателей этих сооружений не так жестко «привязаны» к огню. Есть основания предполагать, что на сравнительно позднем этапе рассматриваемого хронологического периода люди использовали очаги достаточно сложных и разнообразных конструкций [Волков, 2006; Volkov, 2006]. Для их сравнительного изучения и определения взаимосвязи типа очага и способа организации вокруг него обитаемого пространства разработана методика и есть база данных [Волков, 1994; Volkov, 1995]. Однако уже сейчас можно отметить, что в более позднее время не местоположение очага определяло место работы и отдыха людей, а наоборот, огонь разжигали там, где было удобно работать или комфортно отдыхать.

Для ранних жилищ характерно «совмещение труда и отдыха» в зонах, оптимальных для сна. В более поздних сооружениях в местах отдыха, как правило, нет следов производства.

На раннем этапе рассматриваемого периода практически все производственные операции осуществлялись в жилище. В более позднее время некоторые рабочие площадки выносят во «внешнее пространство», а обитатели жилых конструкций начинают «специализироваться» на какой-либо определенной стадии производственного процесса. Не исключено, что это отразилось и во внутреннем обустройстве внешне стандартных построек.

На хронологическом этапе бытования талаканских конструкций сохраняется отмеченное для ранних сооружений разделение внутреннего пространства обитания на правую и левую предвходовые части. В поздних жилищах можно отметить тенденцию к организации рабочих площадок на левой, «женской» стороне от входа, в правой следы производства часто отсутствуют.

Следует отметить и особенности пространственной ориентации построек. Сооружения раннего периода «безразличны» к окружающему ландшафту, более поздние – «вписаны» в него. Жилища о-ва Сучу не ориентированы на полуденное солнце или речной берег. При строительстве практически круглой конструкции все это, вероятно, было и не важно.

В более позднее время ситуация изменилась. Так, например, описанное выше осиноозерское жилище расположено на береговой террасе в месте впадения небольшой р. Громатухи в полноводную Зею. Долина последней ограничена скалами и довольно крутыми склонами сопки. Утреннее появление солнца из-за характера рельефа левого берега Громатухи происходит в точке с заметным отклонением к югу. Видимость с площади поселения ограничена. Основной вход в жилище был ориентирован в сторону сектора максимального обзора. В этом направлении находится устье Громатухи. Отсюда же хорошо просматривается и вся нижняя долина Зеи. Визуальная перспектива в этом направлении максимальная. С северной стороны площадку поселения прикрывает находящийся в 30 м склон близлежащей сопки. Получается, что вход в жилище укрыт и от наиболее холодных ветров в долине Зеи, которые с учетом рельефа местности могут быть только с севера. Именно в эту сторону обращена тыльная часть жилой конструкции. Кратчайший путь на берег Зеи и в устье Громатухи ведет в южном направлении. Нетрудно заметить, что выбрана оптимальная пространственная ориентация входа в жилище.

Сооружения на памятнике Усть-Талакан также имели «привязку» к местности. Учитывались и направление ветров, и пути к реке. Вероятно, не случайно здесь северная (северо-западная) или, напротив, южная экспозиция входов. Многие определялись сезоном строительства, соседством других сооружений, иными индивидуальными потребностями быта обитателей. Важна не столько системность в такого рода действиях людей, сколько возможность реализации задуманного.

Конечно, как в архитектуре сооружений, так и в хозяйственной деятельности людей многое определялось климатом. Жилища о-ва Сучу, в отличие от талаканских, находятся в несколько ином природно-климатическом регионе. Основой палеоэкономики носителей малышевской культуры, вероятно, была не охота, как у обитателей берегов Буреи, а рыболовство. Иные хозяйство, образ жизни – иное и жилище.

Сезонное рыболовство в период массового нерестового хода рыбы предполагает участие в этом жизнеопределяющем процессе максимального количества работников. «Добыча рыбы здесь (в Приамурье. – П.В.), в отличие от охотничьих занятий,

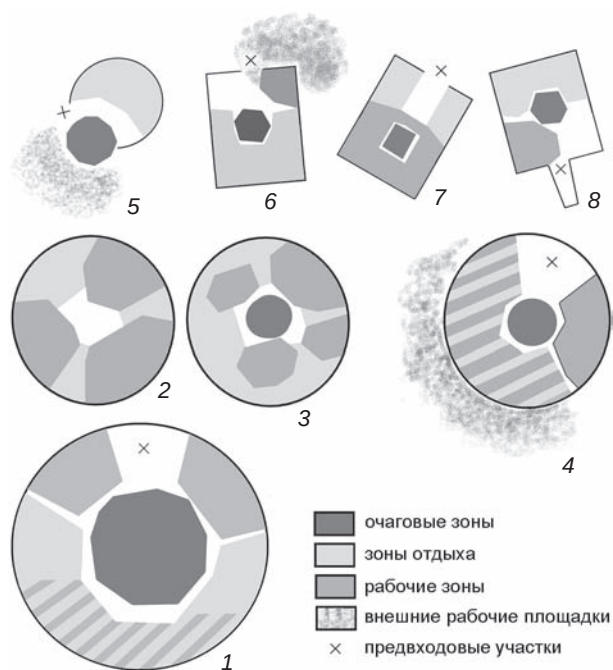

Рис. 12. Сводная схема функционального зонирования изучаемых жилищ.

не требовала от людей постоянного перемещения вслед за объектами промысла. Регулярный нерестовый ход рыбы давал людям огромные возможности для проведения массовой заготовки продуктов питания. Эффективный труд нескольких недель обеспечивал калорийным питанием на целый год. Преимущества рыболовства перед охотой в данной части региона очевидны и сейчас. Население вполне естественно закреплялось на местах, удобных для такого рода сезонной активности. Особенно отчетливо это заметно по материалам малышевской культуры» [Волков, Деревянко, Медведев, 2006, с. 14].

Основным занятием носителей более поздней талаканской культуры была охота, для которой большого коллектива не требуется. В этом деле удача на стороне динамичной группы. Маленькому коллективу охотников нет нужды в больших жилых сооружениях. Малую конструкцию легче адаптировать к конкретным потребностям обитателей, задачам промысла, а также местности, специфике микроклимата в определенный сезон года. Динамичность – главная черта адаптационных успехов населения региона на позднем этапе рассматриваемого хронологического периода. Именно в этом наиболее ярко проявилась эволюция жилых построек в эпоху голоцена. Малочисленный коллектив оказался более жизнеспособным. На смену большим жилищам малышевского времени пришли трансформируемые под меняющийся климат жилые конструкции эпохи раннего металла.

Заключение

Конечно же, сделанные в настоящей работе выводы носят предварительный характер. Количество привлеченных для исследований материалов пока невелико. Функционально-планиграфический анализ древнейших жилищ региона еще только начат. Но предлагаемая типология может послужить отправной точкой для исследования богатейшего археологического материала Дальнего Востока. Продолжение сбора и систематизации данных представляется крайне перспективным. Это позволит не только проследить изменения в палеохозяйстве или в архитектуре построек эпохи голоцена, но и создать необходимую базу данных для изучения процессов адаптации древнего населения.

На сопредельных территориях Японии и Кореи раскопано огромное, исчисляющееся десятками, количество жилищ эпох неолита и раннего металла. Реконструкция функционального зонирования пространства обитания человека открывает возможности для характеристики архетипа древнейших сооружений, изучения палеоэкономики, специфики производства, организации быта, образа жизни людей прошлого, процессов их адаптации к переменам климата региона.

Список литературы

- Борисковский П.И.** Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА. – 1958. – № 1. – С. 3–19.
- Бродянский Д.Л.** Археологические источники по истории жилищ народов Приамурья и Приморья // Вопросы источниковедения и историографии. – Владивосток, 1975. – Вып. 4. – С. 65–80.
- Волков П.В.** Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. – С. 104–112.
- Волков П.В.** Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.
- Волков П.В.** Планиграфическая реконструкция «от печки» осиноозерского жилища // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 249–252.
- Волков П.В., Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Палеоэкономика населения среднего и нижнего Амура в конце неоплейстоцена – середине голоцена // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3 (27). – С. 2–15.
- Волков П.В., Медведев В.Е.** Краткие итоги функционально-планиграфического анализа жилища малышевской культуры на острове Сучу // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 53–56.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследования поселения Гася. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Остров Сучу – уникальный памятник археологии Дальнего Востока // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 214–221.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** К тридцатилетию начала стационарных исследований на о-ве Сучу (некоторые итоги) // История и культура Востока Азии: мат-лы Междунар. науч. конф. к 70-летию В.Е. Ларичева. Новосибирск, 9–11 дек. 2002 г. – Новосибирск, 2002. – Т. 2. – С. 53–72.
- Деревянко Е.И.** Древние жилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 154 с.
- Медведев В.Е.** Исследования на острове Сучу // АО 1995 года. – М.: Наука, 1996. – С. 350–351.
- Медведев В.Е.** Раскопки на Амуре // АО 1999 года. – М.: Наука, 2001. – С. 270–271.
- Нестеров С.П.** Исследования Бурейской экспедиции в 1992–1995 годах // III Итоговая сессия Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь, 1995: тез. докл. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 92–94.
- Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., Канг Чан Хва, Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Имамура М., Сакамото М.** Результаты радиоуглеродного датирования эпонимных памятников громатухинской и новопетровской культур Западного Приамурья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11. – С. 168–172.
- Нестеров С.П., Мыльникова Л.Н.** Талаканская культура раннего железного века в Западном Приамурье (по материалам стоянки Усть-Талакан на реке Бурее) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 106–122.
- Окладников А.П.** О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 3–52.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 288 с.
- Семенов С.А.** Первобытная техника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 241 с. – (МИА; № 54).
- Keeley L.H.** Experimental determination of stone tool uses: A microwear analysis. – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.
- Korobkova G.F.** Narzedzia w pradziejach. – Torin: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. – 168 p.
- Volkov P.** The Ancient Hearths: An Experimental Investigation // J. of Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1995. – N 11. – P. 173–191.
- Volkov P.V.** Functional and planigraphic analysis of an Osinoozerye dwelling // II Northern archaeological congress. September 24–30, 2006: papers. – Khanty-Mansiisk: Charoid publishers, 2006. – P. 99–113.

КОСТЯНОЙ И РОГОВОЙ ИНВЕНТАРЬ КОШКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ-6*

Орудия из кости и рога, датируемые неолитическим временем, являются редкостью не только для территории лесостепного Приишимья, но и для Западной Сибири в целом. Богатая коллекция костяных орудий с поселения Мергень-6 является на данный момент уникальной и единственной характеризующей высокий уровень орудийной оснащенности носителей кошкинской культуры. В работе представлены результаты типологического и трасологического анализа орудий из кости и рога. Показаны типы костяных орудий, демонстрирующих высокий уровень таких видов домашних производств, как обработка кожи, дерева, изготовление керамических изделий, плетение сетей, циновки и др. Кроме того, рассмотрены основные особенности костяной индустрии поселения в рамках неолитического времени.

Ключевые слова: неолит, лесостепное Приишимье, поселение Мергень-6, кошкинская культура, орудия из кости и рога, трасологический анализ костяных орудий, микрофотографии следов сработанности на кости.

Введение

В коллекциях изученных памятников кошкинской культуры практически нет находок из органических материалов, которые позволили бы расширить представления об ассортименте орудий, использовавшихся для различного рода деятельности. В связи с этим особо ценны исследования многослойного поселения Мергень-6, расположенного на северо-восточном берегу одноименного озера в зоне лесостепного Приишимья (рис. 1), где в заполнении неолитических жилищ наряду с керамикой кошкинского типа и каменными артефактами обнаружен богатый костяной инвентарь. К неолиту относятся девять объектов, в пределах которых в разном количестве зафиксированы орудия из кости и рога [Зах, Скочина, 2003].

*Работа выполнена в рамках проекта программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Технология косторезного производства

Косторезное производство ориентировалось на физические и механические свойства кости. Она обладает твердостью, плотностью, упругостью, хорошо режется, точится, полируется, ее удельный вес ок. 1,5 н/м³, твердость по Моосу – 2, модуль упругости 1600 кг/мм² [Ремесло..., 1994]. Производственный процесс условно можно разделить на три этапа:

- отбор и подготовка сырья;
- изготовление роговых и костяных полуфабрикатов;
- окончательная доводка готового изделия с помощью различных операций.

Традиционно считается, что при подготовке костяных и роговых заготовок производилось смягчение запариванием или замачиванием [Семенов, 1957; Жилин, 2001]. На поселении Мергень-6 происходил аналогичный процесс, о чем свидетельствуют ровные срезанные края без зазубрин на части заготовок. Об использовании огня при работе с костью

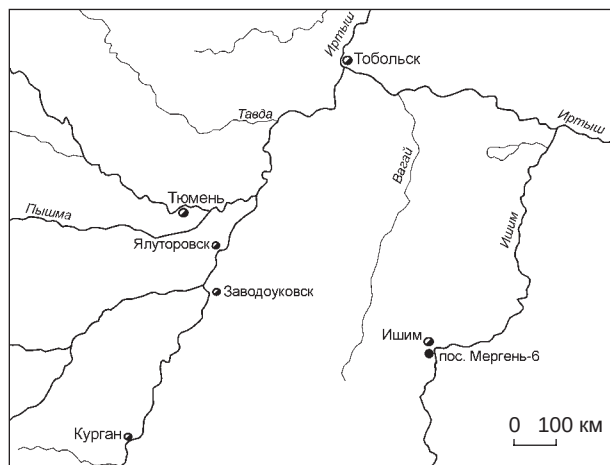

Рис. 1. Расположение поселения Мергенъ-6.

может говорить незначительное количество обожженных фрагментов.

Рог после мягчения расщеплялся на заготовки и по необходимости в разогретом состоянии распрямлялся. Дальнейшая обработка роговых и костяных заготовок была одинаковой. Технология косторезного производства базировалась на механическом воздействии на кость и включала рубку, резание, распил, редкое сверление, шлифовку, полировку, резьбу.

В двух жилищах поселения зафиксированы скопления костяных заготовок, состоящие из ребер, трубчатых костей птиц, рубленых рогов лося, расщепленных и расправленных пластин из них. Следует отметить, что орудий из роговых пластин не обнаружено.

На изготовление орудий шло сырье, форма и физические характеристики которого частично соответствовали функции изделия, – трубчатые кости птиц, ребра, метаподии, зубы. Реже использовался рог, в основном для изготовления рубящих орудий и поделок. Встречаются костяные заготовки с предварительной разметкой с помощью пропила, по которому впоследствии обламывался край. При наличии неровностей или необходимости удаления остатков губчатой массы и выравнивания поверхности применялась шлифовка на каменных абразивах. У заготовок, предназначенных для изготовления проколов, шильев, обработке подвергался только рабочий конец, который шлифовался. Часть заготовок из ребер раскалывали вдоль, поверхность скоблили, края состругивали, конечной доводкой служила шлифовка. Иногда на кости прорезали или выскабливали желобок, по которому ненужную часть обламывали. Сверление кости широко не практиковалось, примером служат предметы с вырезанными отверстиями, данный технический прием использовался только для иголок. Из архаичных приемов можно отметить оббивку для оформления рабочей части массивных заготовок (например, стругов) [Семенов, 1957].

Описание изделий

Несмотря на доминирование на поселении остатков диких животных, свидетельствующее о достаточно большой роли охоты в жизни кошкинского населения, орудия, связанные с данной деятельностью, малочисленны. Они представлены наконечниками стрел, гарпуном и кинжалами.

Наконечники стрел двух типов: стержневидные (игловидные) и биконический. Первый ($14,6 \times 14,0 \times 0,9$ см) – черешковый стержневидный или с удлинненным пером, ромбовидный в сечении, острие оформлено косым срезом, насад конический, овальный в сечении (рис. 2, 1; 3). У острия и у одного продольного края на двух поверхностях фиксируются грубые царапины, расположенные перпендикулярно (или чуть под наклоном) длинной оси изделия, а продольный край деформирован редкими двухсторонними фасетками утилизации (рис. 3, А, Б). Данный наконечник использовался в качестве резца по дереву. Второй черешковый стержневидный наконечник ($9,5 \times 1,2 \times 0,5$ см) плоскоовальный в сечении, выполнен из костяной пластины, обработанной в технике строгания. Острие сломано, переход пера в насад немного утолщен, насад оформлен двумя продольными срезами (см. рис. 2, 2). Короткий биконический наконечник ($9,5 \times 1,6 \times 1,0$ см) округлый в сечении, одно острие сломано (см. рис. 2, 3). Впоследствии изделие использовалось в качестве прокола.

На поселении Мергенъ-6 в единственном экземпляре представлен наконечник гарпуна. Он однорядный, длиной 7,6 см, имеет три зубца с расширенным выступом-линем (см. рис. 2, 4). Наконечник гарпуна и все основные детали вырезаны каменным ножом, шлифовка не применялась.

Рис. 2. Костяные стержневидные (1, 2), биконический (3) наконечники стрел и наконечник гарпуна (4).

Рис. 3. Наконечник стрелы, реутилизированный в качестве резца по дереву (А, Б – микрофотофиксация следов сработанности металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$).

К орудиям для обработки рыболовной и охотничьей добычи относятся различные ножи, изготовленные из расщепленных ребер (4 экз.). Типологически они представляют собой скошенные острия с асимметричным лезвием (рис. 4).

К орудиям для обработки камня относятся посредники, выполненные из заостренных отрезков или обломков рогов (3 экз.), у которых строганием оформлены продольные края (рис. 5). Следы износа выявлены только на одном из них: конец орудия деформирован, выкрошен, есть несколько заломов, от границы деформации идут редкие удлиненные царапины, параллельные длинной оси изделия (рис. 5, 2).

Группу деревообрабатывающих орудий составляют роговые топоры, долота, стамески, струги, скобели из зубов. Топоры (3 экз.) изготовлены из рога, обладающего большей твердостью, чем кость. Первый (11,0 $\times$ 5,0 $\times$ 1,2 см) вырезан из массивной роговой пластины, имеет прямоугольную в плане и призматическую в сечении форму (рис. 6, 5). Верхняя часть изделия, а также угол лезвия обломаны. Два продольных края и лезвие обработаны строганием. Лезвие и частично один продольный край оформлены срезами шириной 0,8 см, длиной 1,5–2,0 см. Следов сработанности нет.

Рис. 4. Костяные ножи (А – микрофотофиксация следов сработанности металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$).

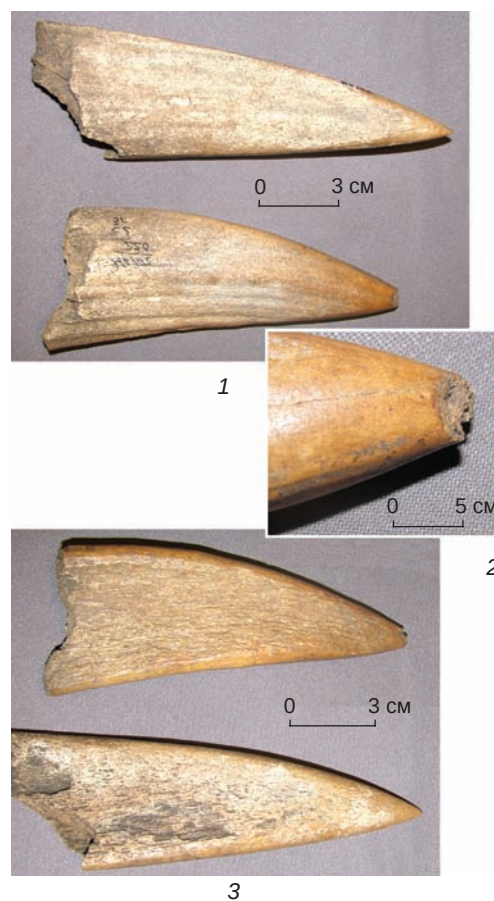

Рис. 5. Роговые посредники.

Рис. 6. Деревообрабатывающие орудия.
1 – долото; 2 – стамеска-струг; 3, 5 – роговые топорики;
4 – стамеска; 6–8 – скобели.

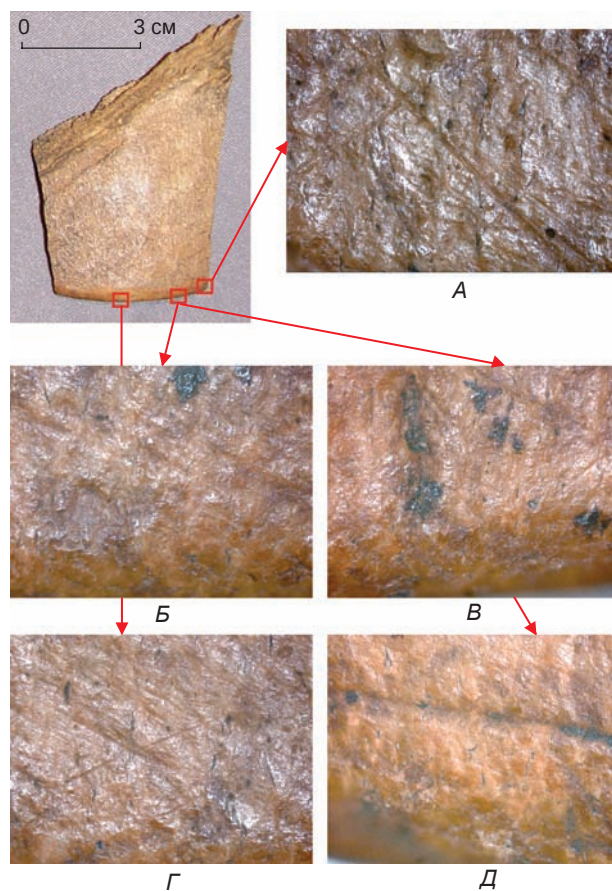

Рис. 7. Роговой топорик (А–Д – микрофотофиксация
следов сработанности металлографическим микро-
скопом «Olympus BX-51», $\times 5$).

Обломок второго топорика ($5,3 \times 4,3 \times 1,7$ см) имеет подпрямоугольную в плане и подовальную в сечении форму, верхняя часть отсутствует (рис. 6, 3). Продольные края оформлены строганием. Поверхность имеет тусклый блеск, более яркий ближе к лезвию. С одной стороны расположен продольный желобок. Лезвие скошенное, несколько выпуклое, в поперечном сечении трапецевидное за счет шлифовки. Следов использования нет.

Третий топорик ($7,2 \times 5,1 \times 0,7$ см) изготовлен из тонкой роговой пластинки, имеет подпрямоугольную в плане и линзовидную в сечении форму. Одна поверхность оформлена строганием. На верхней части топорика видны следы от рубки в виде косых параллельных друг другу длинных зарубок, по которым изделие сломалось. Кроме того, сломан один продольный край, возможно, во время утилизации (рис. 7). Лезвие топорика симметричное, чуть выпукло-вогнутое. Кромка скругленная, притупленная. Возле нее локализуется двухсторонняя тускловатая заполировка, на вогнутой поверхности она занимает узкую полосу. С двух сторон фиксируются следы утилизации в виде диагональных относительно длинной оси царапин различной протяженности, реже встречаются длинные линии, расположенные параллельно лезвию (рис. 7, А–Д).

Основными инструментами для долбления древесины являются долота и стамески. С их помощью делают различные выемки, гнезда и проушины, нужные для выполнения столярных соединений. Долото отличается от стамески более длинной и толстой лопастью. Им выдалбливают углубления, отверстия. Стамеска предназначена для снятия небольшой толщины: для зачистки гнезд и пазов, подгонки соединений, оформления фасок и пр.

Долота (3 экз.) представлены обломками. Они выполнены из массивных трубчатых костей, имеют овальное или линзовидное сечение. Лезвия различаются по форме: широкие выпуклые, прямые и сужающиеся, выпуклые (см. рис. 6, 1). С одной стороны они подправлялись на абразиве. Одно долото желобчатое (рис. 8). Поверхность со стороны губчатой структуры оформлена скоблением, выпуклая – строганием и полировкой, края – оббивкой. Асимметричное лезвие с одной стороны чуть скошено, с другой – подработано шлифовкой. Его кромка скругленная, на выпуклой поверхности, в основном у одного углового участка, визуально прослеживаются редкие разнокалиберные фасетки утилизации, от которых идут косые относительно лезвия царапины (рис. 8, А–В).

Стамески (3 экз.) представляют собой орудия с узким лезвием. Одна из них ($21,0 \times 2,4 \times 1,3$ см) линзовидная в сечении, с выпуклым симметричным лезвием шириной ок. 1,5 см. С двух сторон лезвия наблюдаются короткие тонкие и более грубые царапины,

перпендикулярные длинной оси изделия. Другая стамеска представлена обломком. Она оформлена с помощью оббивки и строгания. На одну плоскость нанесен орнамент в виде сгруппированных косых пересекающихся линий, образующих зигзаг (см. рис. 6, 4). Стамеска имеет асимметричное зауженное выпукло-плоское лезвие шириной 1,2 см. Кромочная линия сбита, чуть зазубрена. Линейные следы утилизаций в виде сгруппированных коротких царапин, параллельных лезвию, и редких более грубых диагональных в основном сосредоточены на плоской поверхности. На противоположной стороне редкие грубые косые царапины расположены на угловых участках лезвия.

Комбинированные орудия представлены стамесками, использовавшимися и в качестве стругов. Одна из них желобчатая, в сечении треугольная, имеет узкое скругленное асимметричное острие-лезвие, оформленное на абразиве (см. рис. 6, 2). Поверхность и продольные края обработаны строганием, желоб – скоблением. На лезвии с выпуклой стороны располагаются параллельные длинной оси изделия тонкие риски, а ближе к продольным краям – частые короткие грубые линии, также перпендикулярные длинной оси. На одном продольном крае с двух сторон фиксируются фасетки утилизации, локализованные ближе к острию. На выпуклой стороне лезвия видны частые короткие грубые царапины, параллельные друг другу. Другая стамеска-струг представляет собой удлиненную пластину (18,0×2,6×0,7 см) с асимметричным скругленным лезвием, с двух сторон отшлифованным на абразиве. Продольные края рукояти обработаны с помощью оббивки, конец заострен. Кромочная линия лезвия чуть смята, в поперечном сечении кромка остроугольная, на угловых участках имеется легкая зазубренность. На выпуклой и вогнутой поверхностях лезвия расположены косые относительно длинной оси орудия длинные царапины. Продольные лезвия волнистые за счет оббивки и фасеток утилизации, кромка скруглена. Тонкие и грубые царапины, преимущественно наклонные относительно длинной оси изделия, расположены в основном на выпуклой поверхности лезвия, на противоположной они редкие.

Струг изготовлен из расщепленного трубчатого фрагмента диафиза. На одном из продольных краев визуально наблюдаются зубчатая выщербленность, образующая вогнутое лезвие, а также пересекающиеся (перпендикулярные длинной оси изделия и косые) линейные следы утилизации.

На поселении присутствуют орудия (5 экз.), изготовленные из продольно расколотых зубов животных (см. рис. 6, 6, 7; 9, 1). Рабочей частью служила коронка. Со стороны скола с помощью шлифовки оформляли или воронкообразную выемку, попадающую в канал зуба, или неширокое поперечное лезвие (рис. 9, 2, 3). Рядом частично шлифовалась прилегающая поверх-

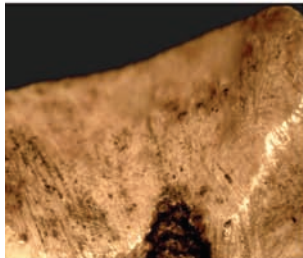
Рис. 8. Костяное долото (А–В – микрофотофиксация следов сработанности металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», ×5).

ность разлома. Внешняя сторона (эмаль) не обрабатывалась. У единственного экземпляра кроме лезвия отшлифованы продольные края. Все изделия имеют вогнутое лезвие, приуроченное к каналу зуба. Его ширина ок. 0,5–0,8 см, длина 0,9–1,3 см, угол заострения составляет 70–80°. Одно орудие изготовлено из обломка нижней челюсти *Canis* sp., у которой коренной зуб сточен шлифовкой, в результате чего образовано вогнутое лезвие (см. рис. 6, 8). Кромка лезвия у данных орудий в поперечном сечении трапецевидная или арочных очертаний. Лезвие в средней части и внешний край кромки выкрошены в результате утилизации (см. рис. 9, 6, 7). На поверхности эмали у края лезвия видны диагональные относительно длинной оси изделия, иногда пересекающиеся царапины (см. рис. 9, 4, 5). Орудия использовались для скобления деревянных стержневидных предметов или частей изделий.

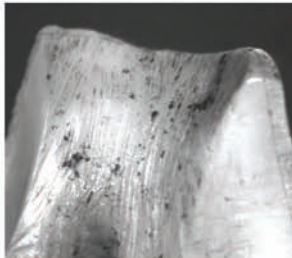
Довольно представительна коллекция орудий, предназначенных для обработки кожи: шилья, проколки, иглы, скребки, струги. Шилья и проколки изготовлены из метаподий, трубчатых костей птиц и клыков грызунов. У шильев из метаподий (13 экз.) острый конец оформлялся строганием (рис. 10, 1, 6). Один эк-

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 9. Скобели из зубов (1) и микрофотографии их лезвий, выполненные с помощью МСП-1, $\times 1,5$ (2, 3), и металлографического микроскопа «Olympus BX-51», $\times 5$ (4–7).

землянка украшен поперечными короткими насечками вдоль продольных краев (рис. 10, 6). У проколов из трубчатых костей птиц (9 экз.) острие оформлялось с помощью косого среза и заострялось шлифовкой (рис. 10, 2–5, 7, 8).

При изготовлении проколов из клыков грызунов (11 экз.) верхняя часть зуба расщеплялась, затем одна

Рис. 10. Орудия кожевального производства.

1, 6 – шилья; 2–5, 7, 8 – проколки; 9 – скребок; 10–13 – иглы; 14, 15 – струги.

1

2

Рис. 11. Проколки из клыков грызунов (1) и микрофотофиксация следов сработанности металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$ (2).

половинка обламывалась, а поверхность слома шлифовалась. Под микроскопом видно, что рабочая часть острия сглажена, имеет тусклую заполировку, от острия (в основном с внутренней стороны) идут тонкие длинные царапины (рис. 11).

Иглы с ушками (4 экз.) имеют длину 5 см, толщину 0,2 см, округлое или овальное сечение, выполнены на

тонких стерженьках (рис. 12, 1), оформленных с помощью абразива (рис. 12, 2). Под микроскопом были исследованы ушки (рис. 12, 3–5). В верхней части края отверстий на поверхности фиксируются следы тусклой залощенности, в зоне которой располагаются хаотичные короткие тонкие риски; на боковых краях частично фиксируются поперечные, параллельные друг другу нитевидные царапины. Возможно, это следы от нитей. Острые иглы сглажены, наблюдается заполировка в виде тусклой залощенности. От кончика идут тонкие удлиненные царапины (рис. 12, 6). В единственном экземпляре представлена сильно заполированная половинка игольника длиной 10,6 см.

Скребки (3 экз.) выполнены на обломках лопаток, представляют собой тонкие плоские пластины длиной 11–15 см, шириной ок. 5 см (см. рис. 10, 9). Лезвие оформлялось с помощью резания или строгания. В результате работы его кромка приобрела ровные очертания, скруглена. В зоне контакта с материалом поверхность скребков осветлена. Под микроскопом видны заполировка и тонкие параллельные друг другу царапины, расположенные перпендикулярно длинной оси орудия. Один скребок использовался и как нож. У него дополнительным срезом оформлено асимметричное лезвие, на котором помимо линейных следов от скобления имеются параллельные лезвию тонкие удлиненные царапины от резания.

Струги (2 экз.) выполнены на длинных массивных ребрах, первоначально использовавшихся в качестве шпателей по глине (см. рис. 10, 14, 15). Представляют собой изогнутые плоские пластины, у которых один поперечный край скруглен на абразиве. Рабочей частью служил продольный вогнутый край. У первого струга (18,0×3,1×1,0 см) прилегающие к нему поверхности осветлены с двух сторон. Вогнутое лезвие сглажено, в поперечном сечении скруглено. В зоне яркой заполировки с одной стороны локализуются многочисленные параллельные друг другу тонкие риски, расположенные перпендикулярно или под наклоном. Второе орудие представляет собой комбинацию струга для обработки кожи и кочедыка на шпателе. Типологически оно соотносимо с первым, только противоположный скругленному торцу конец заострен. Вогнутый продольный край сработан так же, как и у предыдущего орудия. На остром конце на одной из поверхностей фиксируется яркая заполировка и хаотичные короткие царапины (рис. 13). Струги-лощила изготовлены из массивных расщепленных диафизов (2 экз.). Путем оббивки с внутренней стороны оформлены два плоских рабочих лезвия.

Орудия, связанные с изготовлением глиняных сосудов, представлены шпателями, в т.ч. их обломками (25 экз.), и орнаментиром. Выделяются собственно шпатели, шпатели-стеки и лопаточки (рис. 14). Практически все изделия имеют комбинированные следы

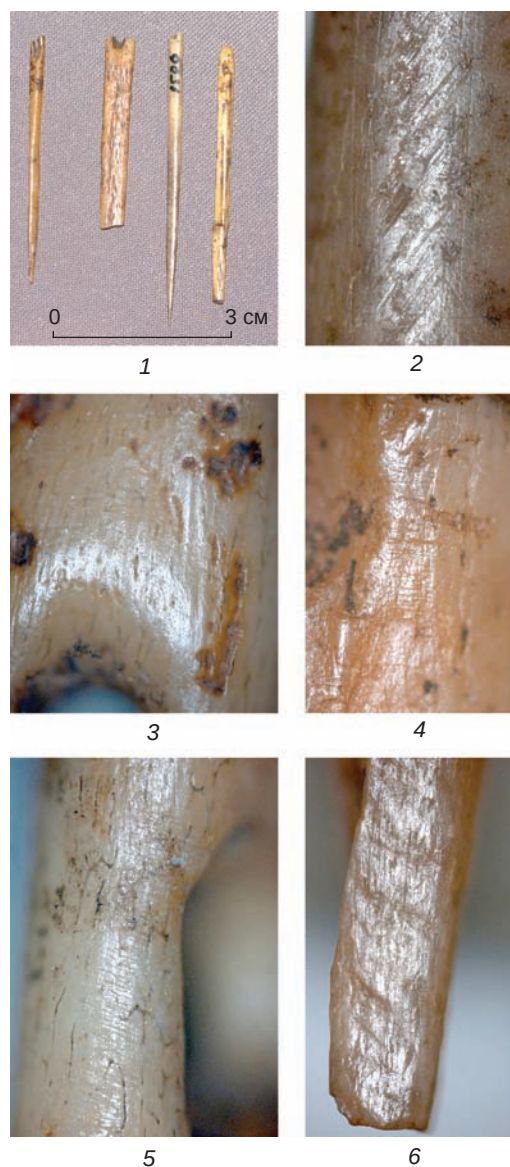

Рис. 12. Костяные иглы (1) и микрофотофиксация следов сработанности металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$ (2–6).

2 – абразивная шлифовка на стержне; 3–5 – заполировка и линейные следы в зоне ушка; 6 – линейные следы у острия.

утилизации, что указывает на участие в различных операциях. Для изготовления данных орудий чаще использовались фрагменты продольно расщепленных ребер, реже – целых ребер и трубчатых костей.

Шпатели представляют собой костяные плоские, чуть изогнутые в профиле пластины, у которых один поперечный край скруглен на абразиве, другой обломан. Поверхность, примыкающая к скругленному краю, частично удалялась неполным расщеплением. Некоторые шпатели орнаментированы, узор состоит из галочек и зигзагообразных линий. Рабочими

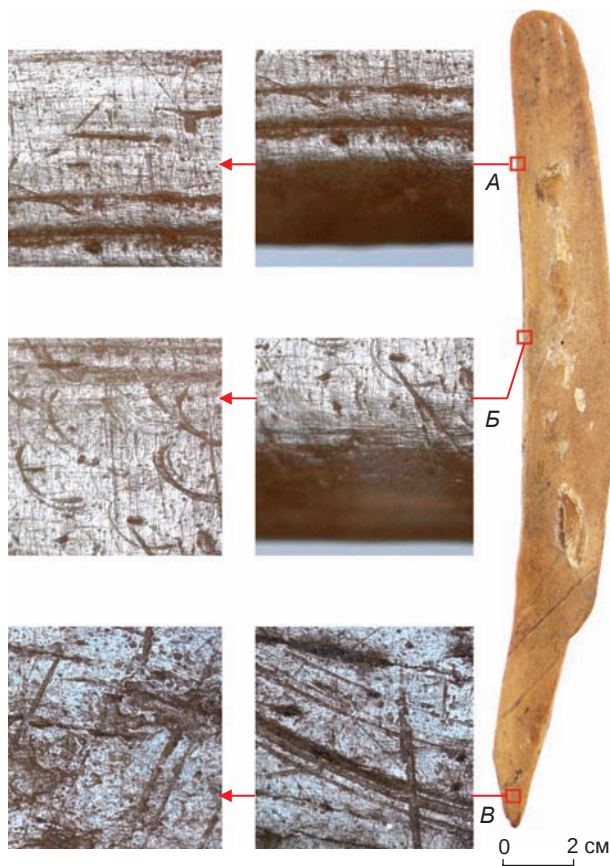

Рис. 13. Следы сработанности на струге для обработки кожи (А, Б), использовавшемся и в качестве кочедыка (В) (микрофотофиксация металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$).

Рис. 14. Орудия керамического производства.
1 – лопаточка; 2 – шпатель-лощило; 3 – шпатель;
4–7 – шпатели-стеки.

участками орудий служили продольные края, скругленный поперечный и прилегающая часть плоской поверхности [Поплевко, 2002, с. 249–250; Глушков, 1996, с. 58]. Рабочая кромочная линия сглажена, скруглена в поперечном сечении. Общей для орудий как хорошей (светлых оттенков), так и плохой (коричневато-го цвета) сохранности является заполировка, сочетающая яркие и тусклые пятна. На продольных краях фиксируются перпендикулярные лезвию тонкие царапины, на прилегающей поверхности – неравномерные длинные и короткие перпендикулярные и диагональные относительно длинной оси изделия царапины (рис. 15).

Шпатели-стеки (3 экз.) представляют собой орудия из расщепленных ребер, у которых с помощью шлифовки один конец заострен с двух сторон, а на другом оформлено косое или чуть выпуклое лезвие шириной ок. 3 см. Заполировка и направленность царапин такая

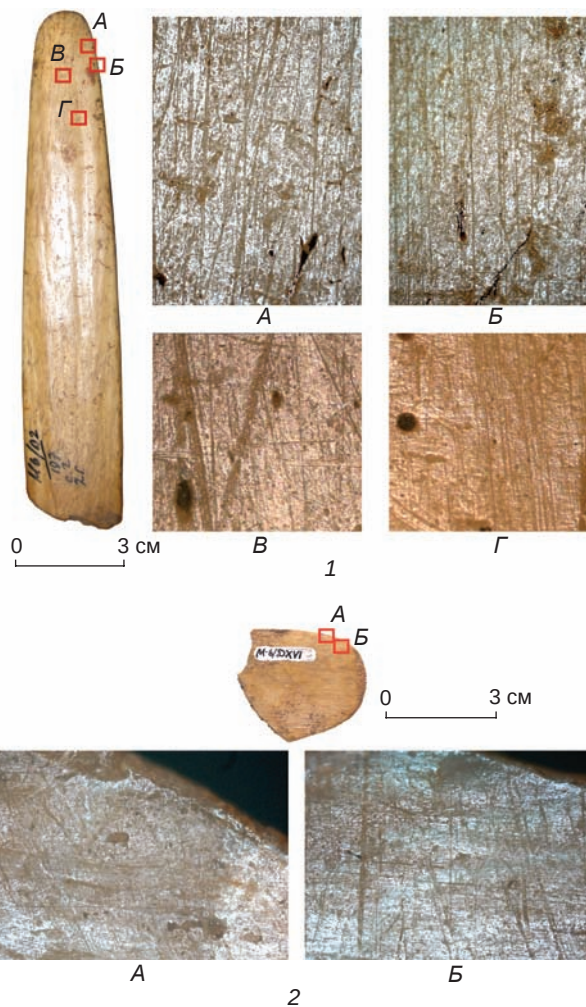

Рис. 15. Костяные шпатели для обработки поверхности сосудов и микрофотофиксация следов сработанности металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$.

же, как на вышеописанных шпателях. Добавляются следы утилизации на заостренном рабочем участке. Они расположены параллельно длинной оси орудия или под углом к ней, пересекаясь с царапинами, идущими от продольных краев.

На этапе формовки сосуда шпателями работали как по внешней, так и по внутренней стороне, ими смазывали глину и уплотняли шов. На мергеньских сосудах наиболее явные следы от этих орудий фиксируются изнутри у дна, т.е. шпатели использовались для примазки первого жгута к дну-лепешке. Шпателями-стеками, кроме всего прочего, срезали лишнюю глину и формировали ровный край венчика.

Лопаточки использовались для заглаживания поверхности и уплотнения (выбивания) глины при лепке сосудов. Они выполнены на расщепленных ребрах, имеют один скругленный шлифовкой поперечный край, иногда оформленный неполным расщеплением ребра, и одну рабочую плоскую поверхность, на которой визуальнo фиксируются грубые длинные, преимущественно параллельные длинной оси орудия царапины (см. рис. 14, 1). На двух лопаточках, использовавшихся для выбивания глины, линейные следы утилизации не фиксируются, но вся рабочая плоскость, особенно у скругленного поперечного края, деформирована, можно сказать, выбита. Судя по всему, вначале они использовались и в качестве шпателей, о чем свидетельствуют царапины на продольных краях и части прилегающей поверхности, не затронутой последующей деформацией.

Орнаментир выполнен на обломке расколовшегося орудия, имеет уплощенное острие, на котором виден характерный для таких инструментов блеск.

Кочедыки из ребер (15 экз.) и расщепленных диафизов чаще имеют заостренное острие и изогнутую форму в профиле (рис. 16, 1, 2). Со стороны губчатой структуры продольные края и само острие обработаны шлифовкой, а противоположная поверхность заполирована. Заполировка яркая. На продольных краях видны длинные и короткие царапины, заходящие на заполированную поверхность. Они расположены наклонно или поперек относительно длинной оси орудия (рис. 17). Остальные кочедыки (14 экз.) выполнены на расщепленных или целых трубчатых костях (см. рис. 16, 5). Они прямые в профиле, острие чаще округлое, реже приостренное. Рабочая часть кочедыков из ребер и трубчатых костей оформлялась косым срезом, затем шлифовалась на абразиве.

Орудия, предварительно отнесенные к группе изделий, предназначенных для плетения (3 экз.), названы иглами для вязания сетей, что не совсем удачно, более подходит термин «челнок». Одно орудие представляет собой расщепленную костяную пластину со скругленным поперечным краем, на котором вырезано отверстие. Для изготовления двух других использова-

Рис. 16. Костяные кочедыки (1, 2, 5) и иглы для вязания сетей (3, 4).

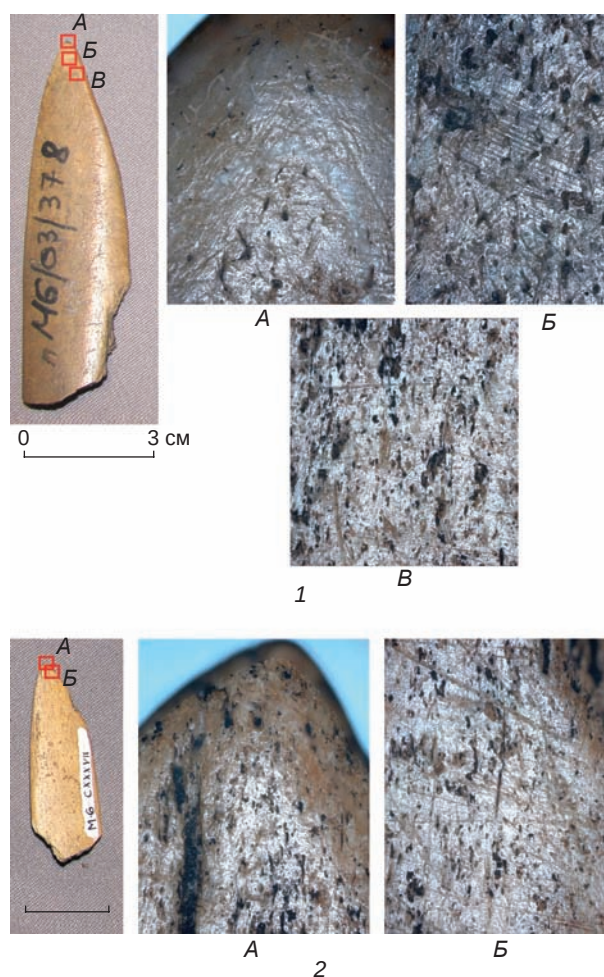

Рис. 17. Следы сработанности на костяных кочедыках (микрофотофиксация металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$).

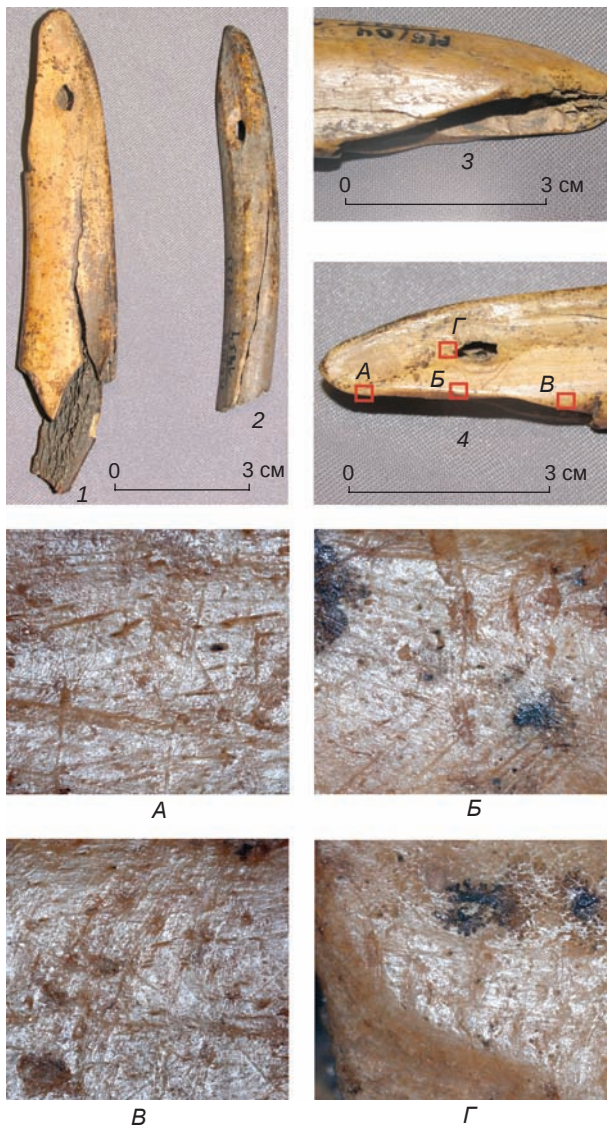

Рис. 18. Иглы для вязания сетей (А–Г – микрофотофиксация следов сработанности металлографическим микроскопом «Olympus BX-51», $\times 5$).

ны полые, каплевидные в сечении части ребер, имеющие один острый продольный край и на одной из поверхностей продольный желобок (см. рис. 16, 3, 4; 18, 1, 2). Сужающийся закругленный рабочий конец оформлялся косым продольным срезом (рис. 18, 3). Ближе к острию на одной из плоскостей у естественного продольного желобка кости вырезалось или процарапывалось резцом овальное отверстие размером ок. 0,6 см (рис. 18, 4).

Следы утилизации выявлены только на одном орудии, остальные очень плохой сохранности. Поверхность самого острия несколько стерта, в зоне стертости наблюдаются многочисленные, хаотично расположенные риски. От кончика острия с одной

стороны идут царапины различной направленности и длины, иногда пересекающиеся (рис. 18, А, Б, Г), а также сгруппированные удлиненные (рис. 18, В); с другой – длинные, иногда перекрещивающиеся царапины, среди которых преобладают диагональные относительно длинной оси изделия. Поверхность острия и желобка возле него имеет тусклый пятнистый блеск. В зоне его локализации внутри желобка линейных следов нет. Судя по всему, перед нами орудия с отверстием, предназначенным для протягивания нитей.

Украшения представлены подвесками, изготовленными из резцов грызунов, клыка мелкого хищного млекопитающего и из жаберной крышки рыбы (рис. 19). У двух изделий на корневой части намечены по два желобка для подвязывания, у третьего вырезано отверстие. Скорее всего, к украшениям относится и костяная рамка из рога (рис. 19, 4). Она подпрямоугольной формы, со скругленными углами, орнаментирована по всему периметру: с одной стороны – прямой линией, с другой – зигзагом, на поперечных краях видны нарезки.

К изделиям неясного назначения относится обломок округлого в сечении стержня длиной 12 см, диаметром 1 см. Он имеет сужающийся округлый конец. На продольных краях нанесены насечки, 11 с одной стороны, 9 с другой. Изделие плохой сохранности, но на отдельных участках поверхности фиксируются поперечные круговые царапины, параллельные друг другу (рис. 19, 1).

Рис. 19. Костяной инвентарь.
1 – стержень с насечками; 2, 3 – подвески из зубов; 4 – роговая рамка; 5 – подвеска из жаберной крышки.

Орнаментация

Орнамент на костяных орудиях несколько примитивен, сложные геометрические фигуры и криволинейные узоры не характерны. Чаще встречаются такие элементы, как черточка, косой или прямой крест, зигзаг, прямые вертикальные, горизонтальные или косые линии, иногда параллельные друг другу, галочка (угол), в единственном случае образующая узор в виде елочки. Представлен зигзаг из сгруппированных косых штрихов (см. рис. 6, 4). Что касается предпочтений и связи орнамента с определенными функционально выделенными орудиями, то можно отметить декорирование части проколов и шильев рядами горизонтальных насечек и косыми линиями по продольным краям (см. рис. 10, 6). У единственной проколки одна плоскость украшена продольным зигзагом, другая – сочетанием галочки и продольной линии (вилкой). На орудиях керамического производства чаще встречаются галочки, крест, сдвоенные косые короткие или длинные линии, единично встречен зигзаг (см. рис. 14, 4–7). Орнамент выполнялся нарезками или насечками и прочерчиванием. Узоры не покрывают всю поверхность изделий, локализуются по краям предмета или на середине плоскостей.

Заключение

Характеризуя в целом ассортимент костяных и роговых орудий кошкинского поселения Мергень-6, следует отметить разнообразие инструментария, использовавшегося в домашних производствах. Необходимо указать на малое число предметов, связанных с охотой и рыболовством. Судя по прочему инвентарю, на высокий уровень было поставлено кожевенное производство. При обработке шкур применялись костяные струги и широкие скребки, более тонкая работа производилась каменными скребками средних и малых размеров. При раскрое шкур использовались ножи из камня, а подрезали ножами из кости. С шитьем связаны шилья, проколки и иглы. Конечно, немаловажную роль играла деревообработка, на первом этапе которой использовались каменные и костяные топоры и тесла. Для снятия коры и оформления пазов применялись струги и долотовидные орудия. Членение деревянных заготовок производилось каменными пилами. На завершающем этапе пользовались ножами и скобелями. Керамическое производство было обеспечено разнообразным костяным инструментарием, к которому периодически добавлялись каменные сверла для проделывания отверстий в сосудах.

Выделенные типы орудий из кости и рога имеют широкие аналогии во времени и пространстве. Наиболее близкими являются находки на многослойных памятниках

Шигирского торфяника, в захоронениях могильников Барабинской лесостепи [Толмачев, 1915; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 23–25; Археологические памятники..., 2001, с. 108; Зах, 2003, с. 128, 136–137; Молодин, 2001, с. 12–31; Варга-2..., 2007, с. 12–14].

Кошкинские комплексы лесостепного Пришимья не выходят за пределы V тыс. до н.э. [Зах, 2006, с. 23], о костяной индустрии данного времени ничего не известно. Материалы поселения Мергень-6 позволяют увидеть ее характерные черты. Если рассматривать вещественный комплекс на эпохальном уровне, то архаичность в ассортименте костяных орудий проявилась в наличии таких изделий, как ложила из ребер, проколки из трубчатых костей птиц, появившиеся еще в палеолитическое время [Семенов, 1957, с. 210; Бадер, 1978, с. 146–164; Палеолит..., 1982, с. 72, 79, 83, 105–107, 162, 209; Генинг, Петрин, 1985, с. 49–58]. Орудия, связанные с охотой, рыболовством, кожевенным производством и деревообработкой, с эпохи мезолита получили повсеместное и широкое распространение. Стержневидные (игловидные) наконечники стрел, гарпуны, шилья, резчики и скобели из зубов, скребки, струги, ложила обнаружены на мезолитических памятниках Европейской России, Зауралья и Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 191–214, 355–364; Гурина, 1956, с. 63–159; Ошибкина, 1997, с. 69–97; Археологические памятники..., 2001, с. 108–109; Жилин, 2001, с. 55–58, 101–103, 131–135, 137–138, 145–146; Сериков, 2000, с. 130–133].

Предметы охотничьего вооружения, в т.ч. игловидные и биконические наконечники стрел, гарпуны, массово встречающиеся на мезолитических и ранне-неолитических памятниках [Мезолитические и неолитические культуры..., 2002, с. 58], на поселении Мергень-6 представлены единичными экземплярами. Видимо, в неолите длинные наконечники с биконической головкой трансформировались в короткие.

На поселении наиболее массовыми являются проколки и шилья из метаподий. Скорей всего, самый ранний тип прокалывающих орудий – шилья из метаподий, которые благодаря естественной форме требовали минимальной обработки. Проколки бытовали начиная с палеолита, получив наибольшее распространение в мезолите – энеолите, в эпоху бронзы, известны они и в более позднее время [Жилин, 2001, с. 137–138; Даниленко, 1985, с. 44; Зайберт, 1993, с. 132; Моргунова, 1995, с. 91; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 225–226; Папин, Шамшин, 2005, с. 34–44]. Проколки (перфораторы) из резцов грызунов обнаружены в комплексах среднекатунской позднеолитической культуры [Волков, Кирюшин, Семибратов, 2006].

В мезонеолитическое время получили широкое распространение кочедыки, ими пользовались как вспомогательными предметами при плетении циновок и других подобных изделий для расщепления

и вытягивания волокон растений [Коробкова, 1969, с. 61; Коробкова, Шаровская, 2001, с. 95; Жилин, 2001, с. 142–143]. Орудия, для которых характерно наличие отверстия или кольцевой канавки, являются достаточно редкими находками. Исследователи интерпретируют их как иглы для вязания сетей, бытовавшие начиная с мезолита вплоть до эпохи раннего металла [Гурина, 1997, с. 101–102; Жилин, 2001, с. 142].

Для территории Тоболо-Ишимья в неолитическое время новшеством является широкое применение орудий для плетения и обработки глиняных сосудов. На поселении Мергень-6 представлена серия инструментов для обработки глины: шпатели, лопаточки, шпатель-стеки и орнаменты. Их разнообразие говорит о хорошо развитом керамическом производстве.

Таким образом, на поселении Мергень-6 представлен уникальный инструментарий, свидетельствующий о прекрасной оснащенности носителей кошенинской культуры в хозяйственно-производственной деятельности.

Список литературы

- Археологические памятники** Шигирского торфяника / Н.М. Чаиркина, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, А.С. Литвяк. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с.
- Бадер О.Н.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 274 с.
- Варга-2:** Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа) / М.Г. Жилин, Т.Г. Антипина, Н.Е. Зарецкая, Л.Л. Косинская, П.А. Косинцев, Н.К. Панова, С.Н. Савченко, О.Н. Успенская, Н.М. Чаиркина. – Екатеринбург: [б.и.], 2007. – 100 с.
- Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Сембратов В.П.** Трасологическое исследование зубов сурка из материалов Тавдинского грота // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 50–54.
- Генинг В.Ф., Петрин В.Т.** Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – 90 с.
- Глушков И.Г.** Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.
- Гурина Н. Н.** Оленеостровский могильник. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 430 с. – (МИА; № 47).
- Гурина Н.Н.** История культуры древнего населения Кольского полуострова. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. – 240 с.
- Даниленко Т.А.** Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб. – Челябинск: Башкир. гос. ун-т, 1985. – С. 34–48.
- Жилин М.Г.** Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука Респ. Казахстан, 1993. – 246 с.
- Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
- Зах В.А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 55 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н.** Неолитический комплекс поселения Мергень-6 (по итогам работ 2002 г.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: мат-лы итоговой сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. – Тюмень, 2003. – Вып. 4. – С. 12–17.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.** Бerezовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Т. 1. – 288 с.
- Коробкова Г.Ф.** Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. – Л.: Наука, 1969. – 218 с.
- Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А.** Экспериментальное изучение костяных орудий каменного века // Каменный век европейских равнин. – Сергиев Посад: Дмитрий Белавин, 2001. – С. 182–191.
- Мезолитические и неолитические культуры** Верхнего Поволжья: По материалам стоянки Ивановское VII / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. – М.: Наука, 2002. – 245 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на р. Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.
- Моргунова Н.Л.** Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург: Изд-во УрО РАН, 1995. – 226 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 416 с. – (МИА; № 18).
- Ошибкина С.В.** Веретье-1: Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы. – М.: Наука, 1997. – 204 с.
- Палеолит** Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979 (некоторые итоги полевых исследований). – Л.: Наука, 1982. – 302 с.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 202 с.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С.** Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.
- Поплевко Н.Н.** Орудия из кости и рога энеолитического поселения Мешоко // Северный археологический конгресс. 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск: тез. докл. – Екатеринбург: Ханты-Мансийск, 2002. – С. 249–251.
- Ремесло** эпохи энеолита – бронзы на Украине / С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко. – Киев.: Наук. думка, 1994. – 190 с.
- Семенов С.А.** Первобытная техника. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).
- Сериков Ю.Б.** Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Изд-во Нижнетагил. гос. пед. ин-та, 2000. – 430 с.
- Толмачев В.Я.** Древности восточного Урала // Зап. Урал. об-ва любителей естествознания. – Екатеринбург, 1915. – Т. 34, вып. 11/12. – С. 213–266.

Материал поступил в редколлегию 23.12.08 г.

УДК 904 + 902.01

Н.П. Довгалюк¹, Л.В. Татаурова^{1, 2}¹Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия
E-mail: batakowo@rambler.ru²Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
ул. Андрианова, 28, Омск, 644077, Россия
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия
E-mail: LiST@hist.omsu.omskreg.ru

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ИЗ СЛОЕВ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ XVII–XVIII ВЕКОВ

В статье предложен системный подход к изучению стеклянных украшений XVII–XVIII вв. на материалах археологических коллекций из сельских поселений Среднего Прииртышья. На основе анализа морфологии, технологии и химического состава определено происхождение бус. Выявлены направления торговых связей.

Ключевые слова: стеклянные бусы, технология, состав стекла, центры производства, Западная Сибирь, русские сельские поселения, торговые связи.

Введение

Торговые связи русского населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв. не раз становились объектом изучения как с привлечением письменных источников, так и на основе археологических материалов. На данной территории стеклянные украшения с древности и до новейшего времени были предметом импорта. Они служат надежным источником для реконструкции направлений торговых контактов. В качестве самостоятельного объекта изучения поздне-средневековые стеклянные бусы выступают редко. В публикациях материалов памятников авторы лишь затрагивают вопросы, связанные с бусами: тип бусины определяется по материалу, форме, орнаменту и цвету; основными методами исследования являются классификация и поиск аналогий по морфологиче-

ским признакам. Установление места производства бус, как правило, не входит в задачи авторов.

В исследовании стеклянных бус, найденных в слоях XV–XVIII вв., к настоящему времени накоплено много наблюдений, но в систематическом изучении сделаны лишь первые шаги. В этой связи необходимо отметить специально исследованные коллекции поздне-средневековых бус из памятников коренного населения Западной Сибири, Москвы, Амстердама, индейцев северо-востока Канады [Kidd K.E., Kidd M.A., 1970; Wan der Sleen, 1973; Karklins, 1993; Довгалюк, 1994, 1997; Векслер, Лихтер, Осипов, 2000; Векслер, Лихтер, 2008].

В фокусе нашего внимания будут бусы из трех сельских памятников русских в Среднем Прииртышье: Ананьино I, Изюк I, Локти I. Базовым, давшим представительную коллекцию предметов матери-

альной культуры можно считать комплекс (поселение и могильник) Изюк I в Большереченском р-не Омской обл. Деревня Изюк (основана в 1648 г.) была расположена на правом берегу Иртыша, напротив современного с. Евгашина. Исследования проведены Л.В. Татауровой в 1999–2004 гг. на площади 1805 м². Найденные монеты относятся к 1726, 1840 и 1891 гг. В поселенческом слое обнаружено ок. 2 000 вещей и большое количество керамики. Наиболее интересными находками являются нателные крестики из погребений, наконечники стрел (костяные, железные), пулелейка, стеклянные бусины, костяные гребешки, фрагменты жерновов, изделия из дерева, коры и бересты (туески, поплавки, ножны для ножа, игрушки), кожаная обувь и ее фрагменты, железные ножи, рыболовные крючки. Изучены пять жилых и четыре хозяйственные постройки. На кладбище, расположенном в границах поселения, исследованы 264 погребальных объекта [Татаурова, 2005].

Комплекс Ананьино I (поселение и могильник) расположен в Тарском р-не Омской обл. в 60 км к северу от Изюка и в 15 км от г. Тары. Деревня Ананьино, известная по письменным источникам с 1624 г.*, дожила до начала XX в. Она располагалась по южному берегу одноименного озера, старицы Иртыша. Исследовано 360 м² на поселении и 200 м² на кладбище. Изучены четыре жилых объекта и 48 погребений. Собрано 320 находок, характеризующих различные виды занятий: костяные наконечники гарпунов, грузила разных типов, иглы для плетения сетей, кочедык, свинцовая блесна, два деревянных весла; большое количество костей животных, железные и костяные наконечники стрел, железные ножи, стремяна, удила, пряжки; фрагмент косы, клепки от бочек. Кроме того, найдены деревянный фрагмент наличника, дверной ключ; медные крестики и монеты 1747–1751 гг.; кости для игры в «бабки», залитые свинцом; глиняная посуда традиционных русских форм, орнаментированная, черно- и краснолощенная, и др.

К более поздним памятникам русского освоения Прииртышья относится поселение Локти I в Нижнеомском р-не Омской обл. Археологическим комплексом его можно назвать условно, т.к. тремя небольшими раскопами нами исследован культурный слой современного села в разных его частях. Село Локти расположено на обоих берегах р. Оми; согласно письменным источникам, основано в 1720 г. Разведочные раскопы дали небольшую, но представительную коллекцию предметов материальной культуры русских: монеты XVIII–XX вв., глиняную свистульку, кованые гвозди, керамику.

Технология изготовления и химический состав стеклянных бус из Среднего Прииртышья

Прежде чем определять специфику перечисленных памятников, необходимо рассмотреть коллекцию в целом*.

Она небольшая в количественном отношении (см. *рисунок*), включает бусины из стекла (31 экз.) и гагата (1 экз.), вставки из стекла (3 экз.) и горного хрусталя (1 экз.). На поселении Ананьино I была обнаружена редкая находка – половина стеклянного шара (диаметр 4,2 см), функциональное назначение которого неизвестно. Большая часть коллекции (23 бусины и 4 вставки) происходит из слоя поселения Изюк I, на памятниках Ананьино I и Локти I найдено соответственно 6 и 2 бусины.

Бусины. Подавляющее их большинство имеют округлую форму: шаровидную (24 экз.), эллипсоидную (2 экз.), грушевидную (2 экз.); эллипсоидных граненых и плоских незначительное количество, соответственно 2 и 1 экз. Диаметр бусин от 4,5 до 11,0 мм, преобладающий размер 8–11 мм.

Практически треть коллекции (10 экз.) составляют белые непрозрачные бусины. Одинаково часто встречаются фиолетово-синие прозрачные (6 экз.) и синие непрозрачные (5 экз.). Бусины из бежевого, синего, серо-голубого, темно-оранжевого, коричневого прозрачного стекла и из непрозрачного бирюзового единичные. Практически все экземпляры исследуемой коллекции одноцветные, только одна бусина белого цвета декорирована пятнами из синего непрозрачного стекла (см. *рисунок*, 25).

Анализ *технологии изготовления* бусин позволил выделить восемь технологических схем, которые можно объединить в две группы: серийные и индивидуальные (табл. 1). Подавляющее большинство экземпляров изготовлено индивидуально, способом навивки горячей стеклянной массы вокруг стержня либо путем свободного формования капли стекла с последующим проколом отверстия (см. *рисунок*, 2, 3). Для придания окончательной формы одной из навитых бусин использовался прием прессования на плоскости (см. *рисунок*, 6). Для нанесения декора применялась техника наложения пятен.

Бусины, изготовленные серийно, представляют собой тянутые трубочки, окончательная форма которым придана с помощью дополнительных приемов. Например, для 7 экз. были использованы различные способы полирования: спео-полирование, обкатка на плоскости, «химическое полирование» (см. *рисунок*, 16, 24, 36).

*«Дозор Василия Тыркова» – Сибирская приказная книга № 5, л. 347 (см.: [Буцинский, 1999, с. 14–15]).

*Методика исследования находок из стекла, использованная при исследовании коллекции, разработана Ю.Л. Щаповой [1989].

Шар (1), бусины (2, 3, 6–8, 10–14, 16–36) и вставки (4, 5, 9, 15) из русских комплексов Среднего Прииртышья.

1, 11, 12, 20, 32, 34, 36 – Ананьино I; 2–10, 14–19, 21–31, 33, 35 – Изюк I; 13 – Локти I.
1–8, 11–36 – стекло; 9 – горный хрусталь; 10 – гагат.

Таблица 1. Технологические схемы изготовления стеклянных бусин

№ п/п	Технологическая схема	Кол-во бусин
<i>Серийное изготовление</i>		
1	Вытягивание трубочки, срео-полирование	2
2	Вытягивание трубочки, разрезание, «химическое полирование»	2
3	Вытягивание трубочки, разрезание, обкатка на плоскости	3
4	Вытягивание трубочки, разрезание, прессование на плоскости, шлифование	2
<i>Индивидуальное изготовление</i>		
5	Навивка индивидуальная	18
6	Навивка индивидуальная, наклад пятен	1
7	Навивка индивидуальная, прессование на плоскости	1
8	Свободное формование капли стекла, прокол	2

Последний предполагает помещение бусин в сосуд, наполненный золой, с последующим нагревом. В результате очертания бусины становились более мягкими. Техника срео-полирования подробно описана канадским исследователем К. Карклином [Karklins, 1993]. Суть процесса заключается в том, что отрезки стеклянной трубочки нанизываются на зубцы срео-инструмента и размягчаются в огне печи. Рабочая часть инструмента длиной ок. 20–25 см состояла из шести зубцов. Бусины, изготовленные этим способом, имеют ряд дефектов. Наиболее характерным из них является отчетливо видимый слом у отверстия (на одном или двух концах), на месте, где две бусины сплывались между собой и их разломали. Для получения граненых форм отрезки трубочек сначала в горячем агрегатном состоянии прессовали на плоскости, а затем, после остывания, шлифовали (см. рисунок, 7, 8).

Химический состав 11 бусин был исследован методом оптического эмиссионно-спектрального анализа в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик канд. техн. наук А.Н. Егорьев)*. Исследованные образцы можно отнести к четырем классам: $\text{Na}_2\text{O}-\text{SiO}_2$, $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$, $\text{Na}_2\text{O}-\text{PbO}-\text{SiO}_2$ и $\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ (табл. 2, 3). Стекло изготовлено из щелочного сырья, в состав которого входили соединения натрия и калия. По содержанию окислов щелочных металлов выделяются две группы: со значительным преобладанием натрия и калия. Для изготовления калиево-натриевого стекла использовалась зола континентальных растений, натриево-калиевого – зола растений пустынной зоны: в трех

*Пользуясь случаем, авторы благодарят А.Н. Егорьева за проведенные анализы.

Таблица 2. Химический состав стекла

№ п/п	Шифр	Категория	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CuO	CoO	Sh ₂ O ₅	Ag ₂ O	NiO	Мышьяк
1	806-13	Бусина	Основа	14	3,5	0,5	0,04	0,8	0,2	0,02	0,02	–	–	1,4	–	–	–	–	–
2	806-14	Вставка	»	1,3	4,3	9,4	3,3	5	0,7	0,2	0,3	–	0,05	–	–	–	–	–	–
3	806-15	Бусина	»	1,5	14	6,6	0,1	0,9	0,3	–	0,04	–	–	–	–	–	–	–	–
4	806-16	»	»	0,3	5	12	2,6	4,2	0,7	0,3	0,3	–	0,05	–	–	–	–	–	–
5	806-17	»	»	15	3	8	1	0,8	0,5	0,2	0,04	–	–	–	0,08	–	–	0,02	–
6	806-28	Вставка	»	2,1	3,3	0,5	0,3	8,7	1,5	0,2	0,03	–	–	–	–	–	–	–	–
7	806-19	Бусина	»	16	8,3	7,7	1,1	2	0,6	0,01	0,06	0,04	–	–	–	–	–	–	–
8	806-20	»	»	4	6,5	10	1,3	0,8	0,2	0,1	0,04	–	–	–	0,1	–	–	0,05	+
9	806-21	»	»	15	6,5	4,2	0,6	0,9	0,3	0,06	0,03	–	–	–	–	–	–	–	–
10	806-22	»	»	17	5,8	7,7	2,2	3,4	0,6	0,02	0,08	0,4	0,07	1,9	–	–	–	–	–
11	806-23	»	»	3,2	15	12	0,1	0,6	0,2	0,02	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–
12	806-24	»	+	5,5	3,7	1,2	0,8	1,5	0,4	0,6	0,04	40	7	–	–	0,2	0,01	–	–
13	806-25	Шар	Основа	0,3	5,3	11	2,3	1,7	0,6	0,07	0,06	–	–	–	–	–	–	–	–
14	806-26	Бусина	»	16	3,9	7,3	2,4	2,3	0,6	0,4	0,07	1	–	–	–	–	–	–	–
15	806-27	Вставка	»	0,4	8,8	1,3	0,06	0,2	0,4	0,03	0,02	0,9	0,05	0,9	0,02	–	–	0,01	+

Таблица 3. Основные стеклообразующие и вспомогательные материалы, использованные для изготовления стекла

№ п/п	Шифр	Цвет	Прозрач-ность	Химический класс	Относительное содержание калия	Источник щелочного сырья	Красители	Глушители	Обесцвечи-ватели	Примесь
1	806-13	Синий	Непрозрач.	Na ₂ O–SiO ₂	20,0	<i>Calidium caspicum</i>	Медь	–	–	–
2	806-14	»	Прозрач.	K ₂ O–CaO–SiO ₂	76,8	Древесная зола	–	–	–	–
3	806-15	Светло-коричневый	»	K ₂ O–CaO–SiO ₂	90,3	То же	–	–	–	–
4	806-16	Серо-голубой	»	K ₂ O–CaO–SiO ₂	94,3	»	–	–	Марганец	–
5	806-17	Фиолетово-синий	»	Na ₂ O–CaO–SiO ₂	16,7	<i>Calidium caspicum</i>	Кобальт	–	–	–
6	806-28	Белый	Непрозрач.	K ₂ O–CaO–SiO ₂	61,1	Древесная зола	–	–	–	–
7	806-19	Бежевый	Прозрач.	Na ₂ O–CaO–SiO ₂	34,2	<i>Salicornia herbacea</i>	–	–	–	–
8	806-20	Фиолетово-синий	»	K ₂ O–CaO–SiO ₂	61,9	Древесная зола	Кобальт	–	–	Мышьяк
9	806-21	Светло-коричневый	»	Na ₂ O–CaO–SiO ₂	30,2	<i>Salicornia herbacea</i>	–	–	–	–
10	806-22	Бирюзовый	Непрозрач.	Na ₂ O–CaO–SiO ₂	25,4	То же	Медь	–	–	–
11	806-23	Бежевый	Прозрач.	K ₂ O–CaO–SiO ₂	82,4	Древесная зола	–	–	–	–
12	806-24	Белый	Непрозрач.	Na ₂ O–PbO–SiO ₂	40,2	<i>Salicornia herbacea</i>	–	Олово	–	–
13	806-25	Коричневый	Прозрач.	K ₂ O–CaO–SiO ₂	94,6	Древесная зола	–	–	–	–
14	806-26	Белый	Непрозрач.	Na ₂ O–CaO–SiO ₂	19,6	<i>Calidium caspicum</i>	–	Сурьма	Сурьма	–
15	806-27	Фиолетово-синий	Прозрач.	K ₂ O–CaO–SiO ₂	95,7	Древесная зола	–	–	–	Мышьяк

случаях это поташник (*Calidium caspicum*), в четырех – солерос (*Salicornia herbacea*)*.

Стекло класса $\text{Na}_2\text{O}-\text{PbO}-\text{SiO}_2$ отличается повышенным содержанием свинца (40 %). Добавление этого металла в стекломассу понижает вязкость и уменьшает скорость остывания. Как говорят стеклоделы, стекло становится длинным, что позволяет использовать его для изготовления полуфабрикатов [Галибин, 2001, с. 19].

В исследованных образцах обнаружены все виды вспомогательных материалов, использовавшихся древними стеклоделами: красители, обесцвечиватели, глушители (см. табл. 3). Для окрашивания применялись соединения меди и кобальта. Соединения кобальта, начиная с 0,02 %, придают стеклу насыщенный фиолетово-синий цвет (см. табл. 3, № 5, 8). Кобальтовое сырье, использовавшееся в древнем и средневековом стеклоделии, имело различное происхождение. Наиболее известные месторождения расположены в Иране. Отличительной особенностью иранского кобальта является отсутствие заметных примесей (больше 0,3 %) MnO [Там же, с. 37]. В исследованных образцах содержание марганца от 0,1 до 0,2 %. Видимо, для их окрашивания был использован кобальт иранского происхождения.

Стекла, окрашенные оксидом меди, имеют различные оттенки бирюзового и синего цветов (см. табл. 3, № 1, 10). Это соединение должно придавать голубую окраску, но окрашенное им стекло очень чувствительно к окислительно-восстановительным условиям варки. При недостатке окислителей, а тем более при наличии восстановителя, голубая окраска может исчезнуть. В нашем случае в качестве восстановителя выступает закись железа, восстанавливающая оксид меди до бесцветной закиси и даже до металлической меди. В стекле возникают группировки атомов, одна из которых предполагает голубую окраску, а другая – желтую. Следовательно, бирюзовый цвет свидетельствует о присутствии обеих группировок в различных соотношениях [Ланцетти, Нестеренко, 1972, с. 31].

При варке стекла с добавлением угля происходит восстановление части кремния до Si^{+2} , который придает коричневую, оранжевую и бежевую окраску разной интенсивности [Галибин, 2001, с. 35]. Возможно, именно так было окрашено стекло образцов № 3, 7, 9, 11, 13 (см. табл. 3).

Для того чтобы сделать стекло непрозрачным, как правило, в позднем средневековье использовали олово и/или сурьму. Среди исследованных образцов с помощью олова заглушено стекло белого цвета (см. табл. 3, № 12). В другом образце (см. табл. 3, № 14) были использованы сразу два свойства сурьмы: обесцвечивать

стекло и делать его непрозрачным. Необходимо отметить, что, несмотря на высокое содержание свинца, в данном случае сурьма применялась самостоятельно, а не в составе сложного глушителя $\text{Pb}_2\text{Sb}_2\text{O}_7$.

Для обесцвечивания стекла в позднем средневековье использовали соединения сурьмы и марганца. В отсутствии высоких концентраций красителей и примесей марганец даже в небольшом количестве позволял получить практически бесцветное прозрачное стекло очень слабого серо-голубого оттенка. Возможно, в одном случае в нашей выборке он был использован в качестве обесцвечивателя (см. табл. 3, № 4; рисунок, 14).

Сводная характеристика стеклянных бусин дана в табл. 4.

Вставки. В состав анализируемой коллекции входят три плоские стеклянные вставки: овальная, треугольная, прямоугольная (см. рисунок, 4, 5, 15). Первая – светло-синяя полупрозрачная, вторая – фиолетово-синяя прозрачная, третья – белая непрозрачная. Все они изготовлены индивидуально литьем на плоскость. Края овальной вставки дополнительно в холодном состоянии были обработаны шлифованием. Стекло относится к химическому классу $\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$, щелочным сырьем служила зола растений континентальной зоны (см. табл. 2, № 2, 6, 15; табл. 3, № 2, 6, 15). Для окрашивания в фиолетово-синий цвет был использован кобальт иранского происхождения (см. табл. 3, № 15).

Шар. Это уникальная для позднесредневековых памятников Сибири находка. Шар из прозрачного коричневого стекла (см. рисунок, 1) был выдут, вероятно, с использованием простой формы, т.н. долока. Перед отшибанием трубки отверстие было запаяно. Стекло относится к химическому классу $\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ (см. табл. 2, № 13). В качестве щелочного сырья была использована древесная зола (поташ), что характерно для европейского стеклоделия XVI–XIX вв.

Аналогичные шары найдены в Москве (раскопки на Манеже, Чижевском подворье, Зарядье, в Кремле), Дмитрове, Липецке*. Все находки связаны в основном со слоями XVIII в. Функциональное назначение стеклянных шаров неизвестно. Возможно, их использовали как ядра для пращи. Это предположение выглядит несколько фантастично, однако по находкам в Москве зафиксировано использование стеклянных гранат в XVII в. [Кузина, 1994]. Кроме того, на Чижевском подворье рядом со стеклянным шаром было обнаружено аналогичное по размеру и форме каменное ядро. Безусловно, этот сюжет заслуживает дальнейшего изучения. Даже в слоях крупных городских центров России стеклянные шары единичны, тем очевиднее уникальность обнаружения такого предмета на русском сельском поселении в Западной Сибири.

*Определение источников щелочного и щелочно-земельного сырья производилось по методике Т. Ставярской [Stawiarska, 1984].

*Авторы благодарят Ю.А. Лихтер, Е.К. Столярову за устное сообщение.

Таблица 4. Характеристика стеклянных бусин

№ п/п	Форма	Цвет	Прозрачность	Высота, мм	Диаметр, мм	Памятник	Кол-во	Рисунок
Техника: вытягивание трубочки, срео-полирование								
1	Эллипсоидная, усеченная дважды	Белый	Непрозр.	100–115	75–80	Изюк I	2	16, 17
Техника: вытягивание трубочки, разрезание, «химическое полирование»								
2	Шаровидная, усеченная дважды	Бирюзовый сильный	Непрозр.	62	81	Локти I	1	35
3	То же	Фиолетово-синий средний	Прозр.	40	47	Ананьино I	1	36
Техника: вытягивание трубочки, разрезание, обкатка на плоскости								
4	Шаровидная усеченная дважды	Белый	Непрозр.	60–65	70–73	Изюк I	2	23, 24
5	То же	Бежевый сильный	Прозр.	110	80	Ананьино I	1	11
Техника: вытягивание трубочки, разрезание, прессование на плоскости, шлифование вхолдную								
6	Эллипсоидная, граненая, усеченная дважды	Фиолетово-синий сильный	Прозр.	120	80	Изюк I	2	7, 8
Техника: навивка индивидуальная								
7	Шаровидная, усеченная дважды	Серо-голубой сильный	Прозр.	80	105	Изюк I	1	14
8	То же	Белый	Непрозр.	25–60	86–110	Изюк I (3 экз.), Ананьино I (1 экз.)	4	18–20, 22
9	Шаровидная	»	»	80	85	Изюк I	1	21
10	Шаровидная, усеченная дважды	Синий сильный светлый	»	50–70	91–110	»	4	26–29
11	То же	Синий сильный	»	81	92	Ананьино I	1	34
12	»	Синий сильный темный	Прозр.	72	112	Изюк I	1	30
13	»	Фиолетово-синий сильный	»	80–90	85–95	Изюк I (2 экз.), Ананьино I (1 экз.)	3	31–33
14	»	Бежевый сильный	»	80–86	90–98	Локти I, Ананьино I	2	12, 13
15	»	Коричневый сильный светлый	»	70	55	Изюк I	1	–
Техника: навивка индивидуальная, наклад пятен								
16	Шаровидная	Белый	Непрозр.	80	80	Изюк I	1	25
Техника: навивка индивидуальная, прессование на плоскости								
17	Эллипсоидная, плоская, усеченная дважды	Серо-голубой сильный	Прозр.	130	90	Изюк I	1	6
Техника: свободное формование, прокол								
18	Грушевидная	Синий сильный светлый	Прозр.	145	60	Изюк I	1	3
19	»	Оранжевый средний темный	»	145	90	»	1	2

Центры производства стеклянных бус в XVII–XVIII веках

Письменные источники фиксируют существование специализированных мастерских по производству бус в это время в Германии, Богемии, Голландии и Венеции

[Большая иллюстрированная энциклопедия..., 1988, с. 133–137; Wan der Sleen, 1973, p. 100–107; Karklins, 1993]. В Германии такие мастерские, где делали бусы из трубочек, возникли в конце XVI в. в Нюрнберге. В Голландии, в Амстердаме в начале XVII в. появилось массовое производство многоцветных и одноцветных

бус. По мнению К. Карклинса, техника спео-полирования, зародившаяся в Мурано на рубеже XVI–XVII вв., затем была привнесена в другие стеклоделательные центры переселившимися венецианскими мастерами. В начале XVII в. производство бус в этой технике освоили амстердамские стеклоделы. Проанализировав письменные и живописные источники, обширную коллекцию позднесредневековых бус, полученную в ходе раскопок на северо-востоке США и в сопредельных районах Канады, автор пришел к заключению, что подобные бусы изготавливались с 1600 по 1817 г. [Karklins, 1993]. Ареал амстердамских бус подтверждает, что основной причиной возобновления производства было использование их в торговле с населением вновь открытых территорий. Бусы голландского происхождения найдены в Америке, Канаде, Восточной и Западной Африке, Индонезии, на Антильских островах и в небольшом количестве в Европе [Wan der Sleen, 1973, p. 108–112; Karklins, 1993]. В Богемии, где еще в XIV в. изготавливали стеклянные имитации драгоценных камней, в конце XVII в. производство бус и бижутерии возобновилось. По более позднему основному центру (Яблонец) целая отрасль этого производства стала называться яблонецкой бижутерией. Стеклоделы всех перечисленных стран в XVII в. в качестве щелочного сырья для изготовления стекла использовали поташ, т.е. промытую золу растений умеренной климатической зоны.

Венеция в XVII–XVIII вв. становится важнейшим центром по производству бус. Их экспорт приносил Венецианской республике большую часть ее доходов. Бусы изготавливали в основном из тянутых трубочек и палочек, которые и в более раннее время широко использовались стеклоделами Венеции при изготовлении сосудов с т.н. венецианской сеткой. Позднее появились рубленые бусы (стеклярус), лощенные в специальных ротационных барабанах. Стеклоделие Венеции генетически связано с византийским, чем отчасти можно объяснить и характер используемого щелочного сырья. Стеклоделательные мастерские Италии вплоть до позднего средневековья использовали импортное щелочное сырье: золу со значительным преобладанием натрия над калием, т.е. золу растений пустынной зоны, и природную соду [Галибин, 2001, с. 84]. Например, Бирингуччио в своей книге «Пиротехния» (середина XVI в.), описывая «метод составления стекла» в итальянских мастерских, сообщает: «...сначала берут золу, которая доставляется из Сирии» (цит. по: [Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963, с. 185]).

Письменные свидетельства о производстве стеклянных бус на Ближнем Востоке и в Средней Азии в XVII в. нам не известны. Однако можно предположить, что оно существовало как дополнительное занятие в универсальных мастерских, где изготавливали посуду, оконное стекло. Ближний Восток с эпохи

раннего железного века был связан торговыми отношениями с Западной Сибирью. Возможно, здесь в этот период так же, как в Европе, возобновилось производство стеклянных бус, предназначенных для населения отдаленных территорий.

Некоторые исследователи предполагают, что бусы из поздних памятников Западной Сибири были изготовлены на территории Европейской России [Соболев, 1989; Мельников, Холостых, 1994; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 78]. В XVII в. в России появились стекольные мануфактуры, ассортимент которых включал аптекарскую посуду, оконное стекло, мозаичные кубики [Каржавин, 1922; Бакланова, 1928; Заозерская, 1947, с. 35–40; Ашарина, 1998, с. 48–52]. Первые упоминания о производстве бисера и стекляруса, в частности, на фабрике в Усть-Рудицах, относятся к середине – второй половине XVIII в. [Безбородов, 1948, с. 165; Злотников, 1940; Цейтлин, 1939, с. 58]. В ходе раскопок последних лет в Москве были открыты остатки производственного комплекса середины XVIII в. Исследователи интерпретируют его как небольшую мастерскую с неполным производственным циклом, в которой бусы изготавливали из полуфабрикатов способом навивки. Объемы производства были невелики и рассчитаны на местный рынок [Векслер, Лихтер, 2008]. В более раннее время, возможно, существовало гутное кустарное производство бус с использованием примитивных технологий. К продукции таких мастерских можно отнести бусы, сделанные навивкой из расплавленного стекла.

Стеклянные бусы в культуре русских переселенцев Западной Сибири в XVII–XVIII вв.

Стеклянные бусы занимали определенное, но незначительное место в позднесредневековом костюме населения Западной Сибири. В небольшом количестве они встречаются в памятниках как коренных жителей [Молодин, 1979, с. 91–92; Плетнева, 1990, с. 96; Довгалюк, 1994, 1997; Боброва, 2007, с. 66–69], так и русских переселенцев [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 48–50; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 78]. Примечательно, что ассортимент стеклянных бус достаточно стабилен и не отличается разнообразием. В коллекциях доминируют шаровидные и эллипсоидные бусины диаметром 5–10 мм из непрозрачного белого, синего, бирюзового и прозрачного фиолетово-синего и темно-оранжевого стекла. Встречается бисер диаметром 3–5 мм из белого непрозрачного или фиолетово-синего прозрачного стекла.

Общеизвестно, что бусы не характерны для городских слоев, они скорее признак сельской материальной культуры [Лихтер, Щапова, 1991]. Например, в результате работы Центра археологических исследова-

дований в Москве к настоящему времени на 75 различных объектах найдена 1821 бусина, но в подавляющем большинстве случаев это единичные находки, только на четырех объектах их от 12 до 30 и на трех соответственно 233, 490, 810, причем два последних интерпретируются как торговый склад и производственный комплекс [Векслер, Лихтер, 2008]. Раскопки в Мангазее в 2001–2004 гг. дали обширную коллекцию стеклянных бус, которые, по мнению автора исследований, были предметом торговли с аборигенами [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 78]. В материалах других памятников бусины также единичные находки.

Исследуемая коллекция с поселений Среднего Прииртышья подтверждает, что в костюме русского сельского населения Западной Сибири бусы не играли существенной роли, хотя, согласно этнографическим и живописным источникам, они были непременным атрибутом женского русского костюма [Забылин, 2003, с. 69, 81, 147, 341; Терещенко, 2006, с. 76, 85, 99, 189, 210, 219, 237, 294, 301, 305, 325, 475, 609, 643, 645]. Вероятно, часть бусин могла использоваться в качестве пуговиц. Некоторые экземпляры, видимо, входили в состав других украшений, например, серег. В канале пяти бусин обнаружены остатки металлических стерженьков (см. *рисунк*, 16, 17, 23, 25, 31). В слое поселения Изюк I шесть бусин найдены вместе, возможно, это было маленькое ожерелье (см. *рисунк*, 18, 19, 26, 28–30).

На территорию Западной Сибири в позднем средневековье стеклянные бусы могли поступать из Амстердама, Венеции и с Ближнего Востока. Основными поставщиками в это время были европейские стеклоделательные центры, чья продукция попадала на западно-сибирский рынок северным морским путем и распространялась через систему ярмарок. Кроме того, в XVII в. небольшая часть бус, возможно, среднеазиатского или ближневосточного происхождения прибывала сюда с караванами из Средней Азии.

Письменные источники свидетельствуют о том, что лишь небольшая доля стеклянных украшений, ввозившихся в Сибирский край, оседала на территории Западной Сибири, существенная часть продолжала путь на восток. Основной сбыт бусы и бисер находили у народов Северо-Восточной Азии, в праздничном костюме которых они играли важную роль и, соответственно, занимали высокое положение в системе ценностей. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: в 1640 г. у якутов центральных волостей был куплен 121 соболь за 3 фунта бисера и 50 прядок одекуя*; в 1643 г. у якутов Кангаласской, Мегинской, Бетунской, Одейской, Мальгарской и Модуцкой волостей – 41 соболь, шуба соболя и 7 лисиц за 62 прядки оде-

куя, 31 прядку бисера и 19 медных пуговиц [Сафронов, 1980, с. 87–88]. Главной целью торговых поездок в Сибирь в XVII в. по-прежнему оставались меха. Анализируя торговые операции в Сибирском регионе, С.В. Бахрушин отмечает, что гость Никитин ввозил в Сибирь, кроме всего прочего, «корольки*», бисер и одекуй – для мены с инородцами» [1926, с. 373].

В начале – середине XVII в. бусы и бисер занимали прочное место среди товаров «на иноземную руку». Встречаются они и в списке предметов торговли, привозившихся на Ямышевскую ярмарку [Сафронов, 1980, с. 80; Вилков, 1958]. В Тобольских таможенных книгах стеклянные бусы упоминаются в числе как восточных, так и «русских» товаров. Под последними подразумеваются все поступившие из европейской части государства товары отечественного и иностранного (западно-европейского и восточного) происхождения. В ходе недавних раскопок в Москве, на территории Старого Гостиного двора, в одной из построек было обнаружено скопление 456 стеклянных бусин голландского производства. Исследователи определяют объект как торговый склад, предназначенный для торговли на дальние расстояния [Векслер, Лихтер, Осипов, 2000; Likhter, Veksler, 2006]. Среди восточных товаров, привезенных бухарскими торговыми караванами в Тобольск, бусы отмечаются только однажды. В 1668–1669 гг. зарегистрировано 40 мотков китайского синего одекуя на 4 руб. [Вилков, 1967, с. 178, 213–214]. «Китайский» – не означает, что бусины произведены в Китае. В лучшем случае это можно рассматривать как указание на место покупки. Для китайского стеклоделия того времени были характерны использование древесной золы в качестве щелочного сырья и большое содержание в стекле свинца [An Account..., 1991]. Среди исследованных образцов подобного стекла нет.

Спрос на бисерный товар в Сибири на протяжении XVII–XVIII вв. снижался. Так, за 1639–1669 гг. его доля уменьшилась с 2,2 до 0,1 % всего объема транзитных «русских» товаров, поступавших в регион через Тобольск [Вилков, 1967, с. 178, 213–214]. Поскольку местное производство стеклянных украшений в Сибири так и не сложилось, это отражает изменение эквивалента в пушной торговле с коренным населением: дешевые украшения на предметы первой необходимости.

Список литературы

Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. – Ташкент: АН УзССР, 1963. – 242 с.

*Одекуй – стеклянные или фарфоровые бусы, идущие на украшение одежды.

*Корольки – шарики, выточенные из коралла или кости, использовавшиеся как пуговицы или бусинки.

- Ашарина Н.А.** Русское стекло XVII – начала XX века. – М.: Галарт, 1998. – 225 с.
- Бакланова Н.А.** Стекланные заводы в Московском государстве XVII в. // Тр. Гос. Исторического музея. – 1928. – Вып. 4: Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. – С. 41–79.
- Бахрушин С.В.** Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Тр. Института истории АН СССР. – 1926. – Вып. 1. – С. 365–380.
- Безбородов М.А.** М.В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 181 с.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2. – 147 с.
- Боброва А.И.** Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – 174 с.
- Большая иллюстрированная энциклопедия древностей.** – Прага: Артия, 1988. – 496 с.
- Буцинский П.Н.** Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрыки, 1999. – Т. 1. – 327 с.
- Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.** Стекланные бусы из раскопок в Москве // Археология Подмосквья: мат-лы науч. семинара. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – Вып. 4. – С. 62–68.
- Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О.** Комплекс голландских бус из раскопок на территории Старого Гостиного двора // Археологические памятники Москвы и Подмосквья: мат-лы науч.-практ. семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосквья». – М., 2000. – Ч. 3. – С. 182–187. – (Тр. Музея истории города Москвы; вып. 10).
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.** Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.
- Вилков О.Н.** Китайские товары на Тобольском рынке в XVII веке // История СССР. – 1958. – № 1. – С. 102–112.
- Вилков О.Н.** Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1967. – 322 с.
- Галибин В.А.** Состав стекла как археологический источник. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 216 с.
- Довгало Н.П.** Стекланные бусы Окуновского микрорайона // Матюшенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окуново. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 213–219.
- Довгало Н.П.** Стекланные украшения из могильника Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1997. – Т. 2: Культура тарских татар. – С. 68–79.
- Забылин М.** Русский народ: его обычаи, предания, обряды. – М.: Эксмо, 2003. – 608 с.
- Заозерская Е.И.** Мануфактура при Петре I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 190 с.
- Злотников М.В.** Материалы о фабрике Ломоносова в Усть-Рудицах // Ломоносов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 1. – С. 117–170.
- Каржавин А.Ф.** Краткий исторический обзор стеклоделия в России // Вестн. силикатной промышленности. – 1922. – № 5/6 (10). – С. 155–168.
- Кузина И.Н.** Стекланная «ручная граната» из раскопок в Зарядье // Тверской археологический сборник. – Тверь: Таус, 1994. – С. 239–242.
- Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л.** Изготовление художественного стекла. – М.: Высш. шк., 1972. – 304 с.
- Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л.** Гнездовские бусы: По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. – С. 244–259.
- Мельников Б.В., Холостых Г.В.** Украшения позднего комплекса Окуновского могильника ОМ-VII // Матюшенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окуново. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 202–212.
- Молодин В.И.** Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в позднем средневековье. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – 134 с.
- Сафронов Ф.Г.** Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX века. – М.: Наука, 1980. – 144 с.
- Соболев В.И.** Торговые связи населения лесостепной полосы Западной Сибири // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1989. – С. 97–105.
- Татаурова Л.В.** Планиграфия жилищно-хозяйственного комплекса и хозяйственные занятия русского населения Среднего Прииртышья XVII–XIX веков // Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири. – Омск: Изд. дом «Наука», 2005. – С. 166–200.
- Терещенко А.В.** История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.
- Цейтлин М.А.** Очерки по истории развития стекольной промышленности в России. – М.; Л.: Гизлегпром, 1939. – 204 с.
- Щапова Ю.Л.** Древнее стекло: морфология, технология, химический состав. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 120 с.
- An Account of Qing Dynasty Glassmaking** // Scientific research in early Chinese glass. – N.Y.; Corning: Corning Museum of Glass, 1991. – P. 138–140.
- Karklins K.** The speo method of heat rounding drawn glass beads and its archaeological manifestations // Beads. – 1993. – N 5. – P. 27–36.
- Kidd K.E., Kidd M.A.** A classification system for glass beads for the use of field archaeologists // Canadian historic sites: occasional papers in archaeology and history. – Ottawa: [s.l.], 1970 – P. 45–89.
- Likhter J.A., Veksler A.G.** Post Medieval Beads from Moscow // The Bead Forum: Newsletter of the Society of Bead Researchers. – Arkansas City, 2006. – N 48. – P. 11–19.
- Stawiarska T.** Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski: Studium technologiczne. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 1984. – 155 s.
- Wan der Sleen A.** Handbook on Beads. – Liège: Librairie Halbart, 1973. – 142 p.

УДК 902.652

С.В. Панкова¹, С.С. Васильев², В.А. Дергачев², Г.И. Зайцева³¹Государственный Эрмитаж
Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191965, Россия
E-mail: oaves@hermitage.ru²Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН
ул. Политехническая, 26, Санкт-Петербург, 194021, Россия
E-mail: sergey.vasiliev@mail.ioffe.ru
v.dergachev@mail.ioffe.ru³Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: ganna@mail.wplus.net

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ ОГЛАХТИНСКОЙ ГРОБНИЦЫ МЕТОДОМ «WIGGLE MATCHING»*

Статья посвящена датированию бревен сруба из мог. 4 Оглахтинского могильника (Хакасия), относящегося к раннему этапу таштыкской культуры. Комплекс отличается хорошей сохранностью изделий из органических материалов, однако его датировка, как и возраст большинства таштыкских грунтовых могильников, является дискуссионной. Для датирования методом «wiggle matching» взяты образцы от двух бревен сруба. Для каждого из них получены по две вероятные радиоуглеродные даты – ранняя и поздняя, что связано с особенностью калибровочной кривой для II–IV вв., не позволяющей датировать однозначно. Усредненные даты обоих образцов представлены интервалами 260–296 и 372–402 гг. н.э. С целью определения одного, более достоверного интервала проведен анализ полученных радиоуглеродных дат методами математической статистики, по итогам которого значительно более вероятной представляется поздняя дата устройства сруба – 387 г. н.э. ± 15 лет (2 σ).

Ключевые слова: таштыкская культура, Оглахтинский могильник, радиоуглерод, «wiggle matching».

Введение

Оглахтинский могильник находится в Хакасии, на левом берегу Енисея, внутри горной группы Оглахты, примерно в 50 км к северу от г. Абакана. Памятник относится к раннему этапу таштыкской культуры, т.н. этапу грунтовых могил. К настоящему времени раскопано более 300 погребений этого типа, но ни одно из них не сравнимо с оглахтинскими по со-

хранности материалов. Сухой грунт и герметичная изоляция погребальных камер создали условия для сохранения изделий, выполненных из меха и тканей, дерева и бересты, а также тел погребенных. Предметы одежды и утвари представляют яркую палеоэтнографическую культуру, что крайне редко встречается в археологических памятниках.

Оглахтинский могильник был случайно открыт в 1902 г., в 1903 г. А.В. Адрианов исследовал 17 могил на двух его участках. На одном из них три погребения отличались удивительно хорошей сохранностью [Адрианов, 1903, с. 4]. Раскопки на памятнике возобновились в конце 1960-х гг.: в 1969–1973 гг. одно погребение раскопала Э.Б. Вадецкая и семь

*Исследование выполнено при финансовой поддержке INTAS (проект № 03-51-4445) и программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Л.Р. Кызласов*. По данным Э.Б. Вадецкой, могильник включает более 200 таштыкских погребений и, возможно, поминов [Вадецкая, 1999, с. 230], т.е. он исследован лишь в малой части. Недавно в Оглахтинских горах был устроен заповедник, и в настоящее время проведение раскопок здесь крайне затруднительно (рис. 1).

Один из исследованных Л.Р. Кызласовым комплексов – мог. 4 – содержал нетронутое погребение прекрасной сохранности**. В яме размещался сруб, герметично закрытый со всех сторон полотнищами березовой коры. В срубе размером 2,5×1,5 м находились мумии мужчины и женщины. Лица погребенных были закрыты гипсовыми масками с росписями. Сохранилась одежда – меховые шапки, куртки и штаны, фрагмент юбки, рукавицы (?) и туфли (рис. 2, 3). На теле мужчины были нанесены татуировки (рис. 4). Помимо мумий, в срубе находились т.н. погребальные куклы – кожаные подобию человеческих тел с зашитыми внутри пережженными костями. Под головы мумий и кукол были подложены деревянные чурбаки и кожаные подушки. В погребении находилась деревянная и глиняная посуда, налучье со стрелами и моделью лука, миниатюрная узда и другие предметы. Комплекс мог. 4, включая сруб, был передан в Государственный Эрмитаж. Л.Р. Кызласов планировал опубликовать его

Рис. 1. Оглахтинский могильник. Фото М.П. Грязнова 1969 г. (из архива Э.Б. Вадецкой).

Рис. 2. Меховая шапка из мог. 4 Оглахтинского могильника. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Рис. 3. Детская меховая шубка из мог. 4 Оглахтинского могильника. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

*По общей нумерации, приводимой Л.Р. Кызласовым для различных археологических комплексов в Оглахтинских горах, таштыкский могильник обозначен под номером VI [1970, с. 197]. Существует и другая, более дробная нумерация памятника: Э.Б. Вадецкая вслед за А.В. Адриановым выделяет в его составе два могильника на противоположных сторонах лога – Оглахты I и II; кроме них, она обособляет и третье таштыкское кладбище внизу, на дюнах [Отчет..., 1906, с. 16–17; Вадецкая, 1999, с. 230]. План могильника не опубликован. Авторы статьи придерживаются традиционного названия памятника – Оглахтинский могильник.

**Мог. 4 расположена на участке Оглахты I по варианту планиграфии А.В. Адрианова/Э.Б. Вадецкой [Вадецкая, 1999, с. 232].

Рис. 4. Татуировка на плечах и груди мужчины (инфракрасная съемка).
Оглахтинский могильник, мог. 4.

полностью по завершении реставрации вещей и кукол. К настоящему времени имеется серия предварительных публикаций, каталоги выставок с фотографиями отдельных предметов и несколько небольших специальных статей [Кызласов, 1969; 1970; 1971; Kyzlassow, 1971; Коваленко, 1972; Никитина, Баранова, 1973; Frozen, 1978; Siberia..., 2001; Кызласов, Панкова, 2004; Панкова, 2005].

В 2005 г. по согласованию с автором раскопок началось радиоуглеродное исследование бревен сруба из мог. 4 методом «wiggle matching». Весной 2007 г. были опубликованы первые результаты этих работ [Зайцева и др., 2007]. В настоящем сообщении представлены итоговые материалы исследования.

Могильник Оглахты и вопросы хронологии таштыкских грунтовых погребений

Автор первых раскопок в Оглахтах А.В. Адрианов не торопился с заключением о времени устройства исследованных могил. В подготовленном им отчете для Императорской Археологической комиссии сказано, что «время открытой культуры, представляющей совершенную новизну, пока еще не может быть определено» [Отчет..., 1906, с. 129]. Следующие публикации, посвященные Оглахтинскому могильнику, появились в 1930-х гг., уже после открытия знаменитых гробниц Ноин-Улы, датруемых тогда I в. до н.э. – I в. н.э., и алтайских курганов Катандинского и Шибе, относимых к последним векам до нашей эры. Ряд изделий из оглахтинских погребений (накладные косы, шелковые полихромные ткани, некоторые виды деревянной посуды) оказались сходны с ноин-улинскими, а обычай трепанации черепов,

практиковавшийся в Оглахтах, был зафиксирован и на Алтае. Эти факты позволили Г.П. Сосновскому отнести Оглахтинский могильник к той же эпохе, что и упомянутые памятники [1939, с. 38–39]. Так была заложена основа датировки оглахтинских комплексов временем около рубежа эр.

Другие грунтовые могилы, конструктивно и по обряду погребения близкие оглахтинским, представляли обычные археологические объекты с минимумом сохранившихся предметов, к тому же многие из них были разграблены. С.А. Теплоухов в своей периодизации памятников Минусинского края поместил таштыкские погребения между курганами последнего этапа минусинской курганной (тагарской) культуры и могилами с бюстовыми масками (склепами). Он датировал известные к тому времени погребения I–II вв. н.э., ис-

ходя из политических событий начала новой эры в Центральной Азии, связывая с ними резкое изменение погребального обряда на Енисее [Теплоухов, 1929, с. 50–51]. Впоследствии подобную – «историческую» – версию датировки выдвинул А.Н. Бернштам, предположивший, что Оглахтинский могильник «является памятником проникновения сяньбийцев на север во II в. н.э.» [1951, с. 47]. Г.П. Сосновский в датировке грунтовых могил опирался на стеклянные бусы, внешне подобные раннесарматским, и относил эти памятники к I в. до н.э. – I в. н.э. [1933, с. 38–39]*.

Названные варианты датировки долгое время существовали параллельно. Это было связано с тем, что вещи из большинства таштыкских погребений непоказательны в плане датирования. В могилы редко клали изделия из металла, а предметы из кости и керамика невыразительны. Судя по оглахтинским погребениям, в таштыкских могилах содержались в основном предметы одежды и утвари, изготовленные из меха, кожи и дерева. В ряде комплексов находились стеклянные импортные бусы, но еще не были известны способы определения их даты по химическому составу.

Аналоги, приведенные для ряда оглахтинских изделий Г.П. Сосновским и С.В. Киселевым, при-

*К первому, теплоуховскому варианту (I–II вв.) впоследствии был близок М.П. Грязнов, объединивший все грунтовые могильники в ранний, батеневский этап таштыкской культуры [1971, с. 96–99]. Второго варианта (I в. до н.э. – I в. н.э.) придерживался Л.Р. Кызласов. А.М. Тальгрэн относил к этому периоду все немногочисленные известные тогда таштыкские памятники [Tallgren, 1937, p. 88]. Особняком стоит мнение С.В. Киселева, согласно которому грунтовые могилы и склепы одновременны в пределах I в. до н.э. – IV в. н.э., но оглахтинские погребения тяготеют к рубежу эр [1949, с. 220–224, 260–261].

мерно сориентировали во времени устройства погребений, однако фактически здесь сравнивались не сами предметы, а скорее категории вещей (шелк, деревянные сосуды, косы), возведенные в связи с уникальной сохранностью в ранг датирующих. Между тем сами по себе косы и деревянные сосуды датируемыми не являются, а определить возраст шелка без специальных, не проводившихся тогда исследований было невозможно.

Л.Р. Кызласов при рассмотрении даты грунтовых могильников отметил ряд единичных предметов, имеющих аналогии в сарматских, тесинских и хуннских комплексах. В результате таштыкские могилы и несколько «ранних» склепов были отнесены к I в. до н.э. – I в. н.э. [Кызласов, 1960, с. 108–116]. Многие из приведенных Л.Р. Кызласовым аналогов не имеют узких дат. Например, ножны с выступами, подобные оглахтинским деревянным моделям, существовали не только в I в. до н.э. – I в. н.э., но и вплоть до V–VI вв. [Амброз, 1986, с. 30–31]. Однако критический разбор аналогов не входит в задачи нашего сообщения. К тому же в оглахтинском погр. 4 не было найдено ни одного из таких «датирующих» предметов.

Датированием могил, исследованных в Оглахтинских горах в 60–70 гг. XX в., специально никто не занимался*. Большинство материалов не были изданы (как и теперь), а погр. 4, известное по предварительным публикациям, казалось, не содержало датирующих предметов. Вскоре после раскопок Л.Р. Кызласов отнес комплекс мог. 4 к I в. до н.э. [1971, с. 174], а в одной из последних работ – к рубежу эр [Кызласов, Панкова, 2004].

На представление о возрасте грунтовых могил косвенно влияла и датировка таштыкских склепов. Вслед за М.П. Грязновым большинство склепов относили ко второму, тепсейскому этапу таштыкской культуры, датированному приблизительно III–V вв. [Грязнов, 1971, с. 99]. Соответственно, время бытования грунтовых могил укладывалось в небольшой промежуток на рубеже эр – в начале новой эры, между окончанием тесинского этапа и началом периода таштыкских склепов.

Новым этапом в исследовании хронологии грунтовых могильников, и в частности Оглахтинского, стали работы Е.И. Лубо-Лесниченко и Э.Б. Вадецкой. Ключом к датировке оглахтинских погребений явились найденные здесь шелковые ткани. В 1973 г. специалисты по древнему текстилю К. Рибу и Е.И. Лубо-Лесниченко определили, что полихромные ткани из Оглахтов отличаются от ноин-улинских, с которыми их обычно сравнивали. В то же время некоторые из

оглахтинских тканей, в т.ч. из мог. 4, аналогичны шелкам из Лоуланя – крупного торгового центра в районе оз. Лобнор в Восточном Туркестане*. Сходство проявляется в идентичности технических данных, совпадении деталей орнамента и формы написания иероглифов. Лобнорские ткани были найдены на кладбище LC, а изготовлены, видимо, в мастерских Шу (пров. Сычуань). Погребения Лоуланя в 20-х гг. XX в. были датированы А. Стейном I в. до н.э. – II в. н.э. [Рибу, Лубо-Лесниченко, 1973, с. 273–274, 278]. Эта дата стала определяющей и для оглахтинского шелка, подтверждая существующую точку зрения на возраст таштыкских могил.

Однако в 1994 г. Е.И. Лубо-Лесниченко привел иную дату лобнорских находок, основанную на малоизвестных в России публикациях китайских исследователей. С одной стороны, «датировка находок из этого региона осложнена тем, что основная их часть происходит из погребений кладбища LC и могил № 34 и 36, представляющих собой массовые вторичные захоронения» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 65]. С другой стороны, исследования специалистов по истории Восточного Туркестана показывали, что мог. 34 относится ко времени не ранее конца II в. н.э., а некоторые другие погребения – уже к периоду Шести династий. И главное, во многочисленных текстах, найденных на городище LC, оказались представлены даты от 252 до 330 г. [Там же]. На основании этих данных был сделан вывод о том, что «большая часть находок из района Лобнора, включая находки в кладбище LC, датируется III – началом IV в.» [Там же, с. 71]. Соответственно, и ткани из Оглахтинского могильника, аналогичные лоуланьским, должны быть отнесены к тому же времени [Там же, с. 194].

Названная дата шла вразрез со всеми существовавшими представлениями, и ее практически невозможно было проверить. К тому же незадолго до сообщения Е.И. Лубо-Лесниченко вышла книга Э.Б. Вадецкой, где подтверждалась принятая датировка могильников I в. до н.э. – I в. н.э. [1986, с. 144–146]**. Ни автор раскопок в Оглахтах, ни другие исследователи не отреагировали на сообщение Е.И. Лубо-Лесниченко, так что принципиальная для датировки оглахтинских комплексов информация осталась как будто незамеченной.

В 1999 г. Э.Б. Вадецкая опубликовала результаты своих новых исследований, также касающиеся зна-

*Впервые лоуланьские аналоги оглахтинского шелка отметил С.В. Киселев [1949, с. 224].

**Она была основана на «старой» дате шелковых тканей, первых данных по химическому составу стеклянных бус и нескольких радиоуглеродных датах. По словам Э.Б. Вадецкой, рукопись ожидала публикации более 10 лет. К моменту выхода книги из печати у ее автора уже возникли сомнения в правильности такой датировки.

*По образцам от бревен сруба мог. 4 была составлена «плавающая» дендрошкала протяженностью 185 лет [Колчин, Битвинская, 1972, с. 85].

чительного омоложения таштыкских памятников. С одной стороны, обосновывалась новая дата таштыкских склепов – V–VII вв., уже давно предполагавшаяся отдельными исследователями [Амброз, 1971, с. 120; Вадецкая, 1986, с. 145; Азбелев, 1992, с. 52]. С другой, подробное изучение конструкций могил и погребального обряда привели Э.Б. Вадецкую к выводу, что «намеченные узкие хронологические рамки функционирования могильников противоречат их разнообразию и эволюции похоронных ритуалов, которые не могли измениться за столь короткий срок» [1999, с. 65]. Наличие могил разного характера в составе крупных могильников, в частности на разных склонах в Оглахтах, заставляло предполагать, что они хронологически неоднородны. По количеству погребенных, преобладанию обряда трупоположения или трупосожжения, наличию мумификации и вторичных захоронений были намечены типы могил, составляющие три условные хронологические группы и отражающие изменение погребальных традиций. Четко выделялись две крайние, наиболее различные группы, средняя же, куда вошло большинство погребений в Оглахтах, включая мог. 4, была промежуточной [Там же, с. 66–67].

Выделение трех групп следовало проверить анализом найденного материала. Однако установить их хронологию с помощью вещей оказалось крайне трудно. Поэтому на основании сходства могил одной из групп с более поздними малыми склепами она была определена как поздняя, а две другие – как средняя и ранняя. Единственным материалом, дающим надежду на получение абсолютных дат, являлись стеклянные бусины и бисер. По Э.Б. Вадецкой, они найдены только в могильниках ранней группы (в средней их мало, а в поздней уже вовсе нет) [Там же, с. 67]*. Химический анализ бусин, проведенный В.Г. Галибиным, показал, что большинство из них относится к началу новой эры, а некоторые по технологии изготовления датируются временем не ранее II в. н.э. (см.: [Там же, с. 68–69]). Кроме анализа стекла, Э.Б. Вадецкая прибегла к помощи радиоуглеродного датирования дерева из погребальных камер. Даты для нескольких нетронутых комплексов не противоречили предложенной периодизации: I в. – для ранней группы, IV в. – для поздней [Там же, с. 67].

В итоге на основании данных по типологии могил, по бусам, шелковым тканям и радиоуглеродным определениям Э.Б. Вадецкая предложила для таштыкских грунтовых могильников интервал I–IV вв. н.э. Оглахтинская мог. 4 по своему типу отнесена к средней хронологической группе, по шелковым импортам – к периоду не ранее второй половины III – первой четверти IV в. В этой системе датировки, как и в пред-

шествующих, есть свои слабые места, что признает и сама Э.Б. Вадецкая. Периодизация нуждается в подтверждении абсолютными датами. Бусины не дают информации о возрасте поздних таштыкских могил, а единичные выборочные радиоуглеродные определения не являются безусловными показателями. Датирование оглахтинских могил по шелковым импортам убедительно, но дату туркестанских оригиналов шелка проверить очень трудно. Таким образом, и «новый» возраст грунтовых могил, предложенный в 1990-х гг., оказывается недостаточно обоснованным. По-прежнему датировка таштыкских погребений, включая оглахтинские, требует подтверждения какими-то иными материалами. В такой ситуации желательно было проведение независимого исследования с использованием какого-то нового «ключа». Привлечение материалов оглахтинского погр. 4, уже имеющего позднюю дату по шелковым импортам, должно быть особенно показательным.

Характер образцов и их анализ

Прекрасная сохранность сруба из оглахтинской мог. 4 давала редкую возможность исследовать его бревна с помощью метода «wiggle matching», выделяя для датирования совокупности древесных колец. В археологии Южной Сибири этот метод использовался при определении возраста памятников предскифского и скифского времени, в которых были срубы хорошей сохранности. Успехи, трудности и тонкости в его применении изложены в совместной работе археологов и представителей естественных наук [Евразия..., 2005]. Могильник Оглахты – первый памятник другой эпохи, материалы которого были подвергнуты подобному исследованию. Ранее дерево и уголь из таштыкских грунтовых могил уже предоставлялись для выполнения радиоуглеродных анализов, однако результаты часто выглядели недостоверными из-за недостаточности исходных данных [Зайцева и др., 2007, с. 302–303].

Метод «wiggle matching» дает большую точность результатов при определении календарного возраста. Условиями его применения являются хорошая сохранность образца дерева и наличие в нем значительного числа годичных колец. Образец разделяется на блоки из десяти годичных колец, и для каждого блока получается радиоуглеродная дата. Их последовательность представляет собой «плавающую» дендрошкалу. Полученная серия радиоуглеродных определений сопоставляется с наиболее близким по конфигурации участком калибровочной кривой, который и показывает хронологический интервал для исследуемого образца [Евразия..., 2005, с. 71]. Дата внешних колец бревен определяет возможную нижнюю временную гра-

*В оглахтинской мог. 4 бусы отсутствовали.

ницу сооружения погребальной камеры, т.к. указывает на время срубания дерева.

Большинство бревен из мог. 4 отвечают названным условиям. В 1970–1980-х гг. сруб находился в экспозиции Эрмитажа в зале таштыкской культуры (рис. 5), в настоящее время он разобран. Сруб был сложен из двух-трех венцов, соединенных в лапу, и имел потолок из девяти поперечно уложенных бревен, помеченных счетными зарубками. Размеры сруба $2,3 \times 1,55 \times 0,85$ м. Его подробное описание неоднократно приводилось Л.Р. Кызласовым (см., напр.: [Кызласов, Панкова, 2004, с. 61]). Важно, что в погребении сруб был плотно укутан слоями березовой коры, а спрессованная засыпка над перекрытием не была нарушена, поэтому образцы являются относительно «чистыми» для проведения радиоуглеродного анализа*.

Древесина была проанализирована в Отделе научно-технической экспертизы Эрмитажа канд. биол. наук М.Н. Колосовой**. Пробы идентифицированы микроскопическим методом по признакам анатомического строения. Двенадцать бревен являются лиственничными (*Larix* sp.), семь – сосновыми (*Pinus sylvestris*). Сосновыми оказались нижние бревна торцевых стенок сруба и пять бревен перекрытия (имеющие две, три, пять, шесть и семь зарубок).

В 2005 г. от сруба мог. 4 были взяты два спила: образец лиственницы с верхнего бревна торцевой стенки и образец сосны с бревна перекрытия, имеющего семь зарубок. Выбор бревен определялся как их сохранностью, так и возможностью собрать сруб без ущерба для его вида при возобновлении экспозиции. В лаборатории космических лучей Физико-технического института РАН им. А.Ф. Иоффе (ФТИ) образцы разделили на блоки, а в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (ИИМК) для них получили радиоуглеродные даты (жидкостная сцинтилляционная техника). В Университете г. Хельсинки для этих дат измерили изотопное фракционирование $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$, возникающее при биохимических реакциях в процессе роста дерева (масс-спектрометрический метод). Сотрудники ФТИ провели калибровку полученных значений методами мате-

Рис. 5. Сруб из мог. 4 Оглахтинского могильника в экспозиции Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург. Фото 1970-х гг.

матической статистики с учетом поправки на лабораторное фракционирование $^{14}\text{C}/^{12}\text{C}$ (возникает при химической обработке древесины). Весной 2007 г. были опубликованы данные датирования лиственничного образца, согласно которым дата срубания дерева для устройства могилы находилась в интервале 267–289 гг. н.э. [Зайцева и др., 2007, с. 306].

В конце 2007 г. сотрудники ФТИ рассчитали календарный возраст по сосновому образцу методом согласования с калибровочной кривой. Нужно отметить, что они не ограничились предоставлением данных по сосне, а внесли ряд корректив и в измерения по лиственнице, в частности, подчеркнули невозможность дать однозначную дату заготовки бревен сруба в связи с особенностями калибровочной кривой для II–IV вв. Результаты предыдущих подсчетов по лиственнице также были неоднозначны, но авторы публикации в качестве выводов привели наиболее вероятные, для которых оценка поправки на лабораторное фракционирование минимальна [Там же, рис. 2]. С появлением данных по сосне стало ясно, что не стоит отбрасывать и вторую дату, т.к. без дополнительного анализа нельзя отдать предпочтение только одной из них.

Калибровка результатов радиоуглеродных измерений

Рассматривались два набора данных: для сосны и лиственницы. В отличие от лиственницы [Зайцева и др., 2007, рис. 2], полученные значения радиоуглеродного возраста для сосны заметно флуктуируют (рис. 6). Для устранения флуктуаций они были попарно усреднены (табл. 1). Ради единообразия то же выполнено для данных по лиственнице (табл. 2).

*Отмечалось, что для сооружения сруба были взяты в основном сухостойные деревья, судя по ходам короедов [Марсадолов, 1988, с. 73]. Однако в бревнах, отобранных для анализа, такие ходы практически отсутствовали. Кроме того, они не являются безусловным свидетельством смерти дерева, поэтому трудно судить, сухостойные или живые деревья были срублены для заготовки бревен.

**Авторы приносят М.И. Колосовой глубокую благодарность.

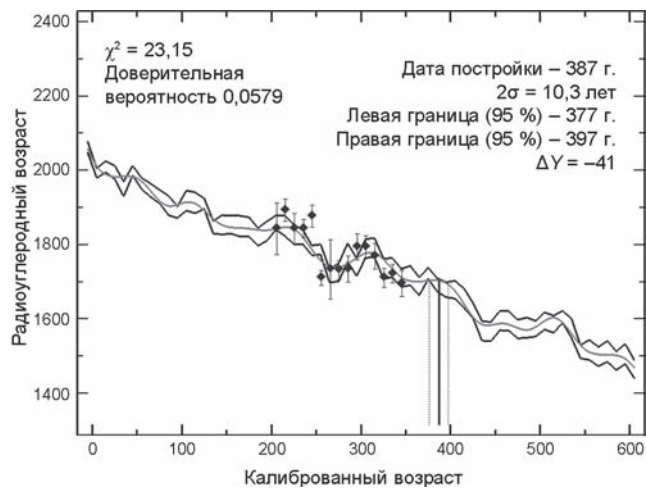

Рис. 6. Калибровка данных радиоуглеродных измерений (Оглахты, Ле7326-42, сосна).

Средняя линия – сглаженная калибровочная кривая, проведенная в рамках коридора ошибок. Сплошная вертикальная линия указывает на положение наиболее вероятного значения даты, пунктирные – левая и правая границы 95%-го доверительного интервала. На панели также указано значение поправки на лабораторное фракционирование $^{14}\text{C}/^{12}\text{C}$ (ΔY), определяемой методом наибольшего правдоподобия [Евразия..., 2005].

Таблица 1. Измеренный радиоуглеродный возраст образцов сосны с поправкой на природное фракционирование $^{14}\text{C}/^{12}\text{C}$

Лабораторный номер	Годичные кольца	Измеренный радиоуглеродный возраст, A_0 (год)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Поправка, Δt (лет)	Исправленный радиоуглеродный возраст, A_{cor} (год)	Среднее взвешенное значение $\bar{A}_{\text{cor}}$ (год)
Ле7338	1–10	1884 ± 70	-24,99	+00	1884 ± 70	1903 ± 39
Ле7337	11–20	1934 ± 30	-26,65	-26	1907 ± 30	
Ле7332	21–30	1885 ± 40	-24,03	+16	1901 ± 40	1900 ± 30
Ле7340	31–40	1885 ± 25	-24,06	+15	1900 ± 25	
Ле7336	41–50	1918 ± 30	-23,99	+16	1934 ± 30	1820 ± 24
Ле7339	51–60	1752 ± 20	-23,86	+18	1770 ± 20	
Ле7341	61–70	1775 ± 80	-24,26	+12	1787 ± 80	1782 ± 34
Ле7326	71–80	1773 ± 25	-24,51	+08	1781 ± 25	
Ле7334	81–90	1775 ± 35	-25,25	-04	1771 ± 35	1807 ± 35
Ле7335	91–100	1836 ± 35	-24,62	+06	1842 ± 35	
Ле7342	101–110	1835 ± 30	-23,99	+16	1851 ± 30	1840 ± 32
Ле7333	111–120	1810 ± 35	-24,07	+15	1825 ± 35	
Ле7329	121–130	1752 ± 25	-23,26	+28	1780 ± 25	1787 ± 25
Ле7327	131–140	1763 ± 25	-23,06	+31	1794 ± 25	
Ле7330	141–150	1737 ± 35	-23,19	+29	1766 ± 35	1772 ± 52
Ле7328	151–160	1845 ± 80			1874 ± 80	
Ле7331	161–166	1670 ± 80			1699 ± 80	

Примечания.

1. Среднее взвешенное значение $\bar{x}$ для серии из n измерений определяется следующим образом: $\bar{x} = \sum_{i=1}^n w_i x_i$, где весовые коэффициенты w_i выражаются через ошибки измерений σ_i : $w_i = 1/\sigma_i^2 / \sum_{k=1}^n 1/\sigma_k^2$.

2. Дисперсия среднего (квадрат ошибки среднего значения) $\sigma^2(\bar{x}) = \sum_{i=1}^n w_i \sigma_i^2$, или $\sigma^2(x) = 1 / (1/n) \sum_{k=1}^n 1/\sigma_k^2$.

3. Поправка к радиоуглеродному возрасту Δt вычислялась так: $\Delta t = 16,066 (25 + \delta^{13}\text{C})$.

4. $A_{\text{cor}} = A_0 + \Delta t$.

Таблица 2. Измеренный радиоуглеродный возраст образцов лиственницы с поправкой на природное фракционирование $^{14}\text{C}/^{12}\text{C}^*$

Лабораторный номер	Годичные кольца	Измеренный радиоуглеродный возраст, A_0 (год)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Поправка, Δt (лет)	Исправленный радиоуглеродный возраст, A_{cor} (год)	Среднее взвешенное значение $\bar{A}_{\text{cor}}$ (год)
Ле7349	41–50	1875 ± 50	–20,14	+78	1953 ± 50	1958 ± 41
Ле7344	51–60	1878 ± 35	–19,90	+82	1960 ± 35	
Ле7346	71–80	1810 ± 30	–20,41	+74	1884 ± 30	1884 ± 34
Ле7353	81–90	1813 ± 40	–20,49	+72	1885 ± 40	
Ле7352	91–100	1806 ± 30	–20,58	+71	1877 ± 30	1856 ± 27
Ле7359	101–110	1761 ± 25	–20,04	+80	1841 ± 25	
Ле7357	111–120	1797 ± 20	–19,95	+81	1878 ± 20	1864 ± 24
Ле7355	121–130	1755 ± 30	–20,16	+78	1833 ± 30	
Ле7361	131–140	1818 ± 25	–20,87	+66	1884 ± 25	1881 ± 22
Ле7358	141–150	1804 ± 20	–20,33	+75	1879 ± 20	
Ле7360	151–160	1775 ± 20	–20,05	+80	1855 ± 20	1840 ± 20
Ле7350	161–170	1741 ± 20	–19,78	+84	1825 ± 20	
Ле7348	171–180	1736 ± 20	–20,07	+79	1815 ± 20	1810 ± 22
Ле7354	181–190	1708 ± 25	–19,21	+93	1801 ± 25	

*См. примеч. к табл. 1.

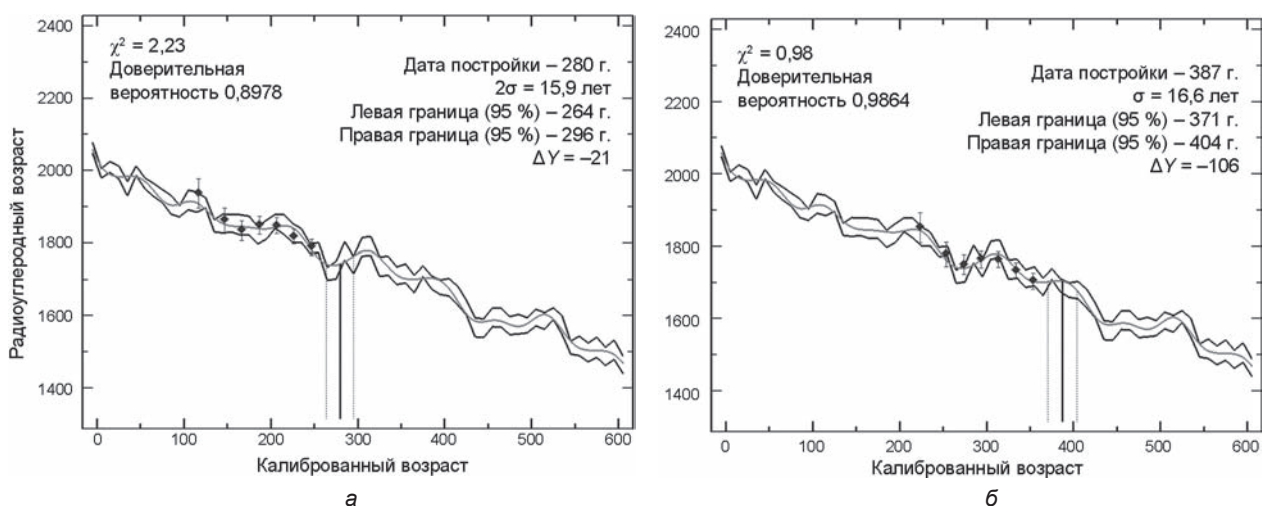

Рис. 7. Сопоставление данных радиоуглеродных измерений (Оглахты, Ле7343-61, лиственница) и калибровочной кривой.

а – ранняя дата; б – поздняя дата. Пояснения см. рис. 6.

Калибровочная кривая для II–IV вв. из-за цикличности климатических процессов не позволяет однозначно датировать образцы: на этот отрезок времени приходятся два идентичных участка кривой, отражающие подобие климатических колебаний этих столетий. С каждым из них в равной степени можно соотнести полученные радиоуглеродные даты. Отсюда следует, что однозначное определе-

ние калиброванного времени для образца в данном случае невозможно*. Поэтому и для лиственницы,

*Проблема неоднозначности выбора даты возникает довольно часто (см., напр.: [Евразия..., 2005, с. 81]). Для однозначной калибровки необходимо, чтобы систематическая ошибка радиоуглеродного возраста при выполнении измерений отсутствовала. Это возможно при применении масс-

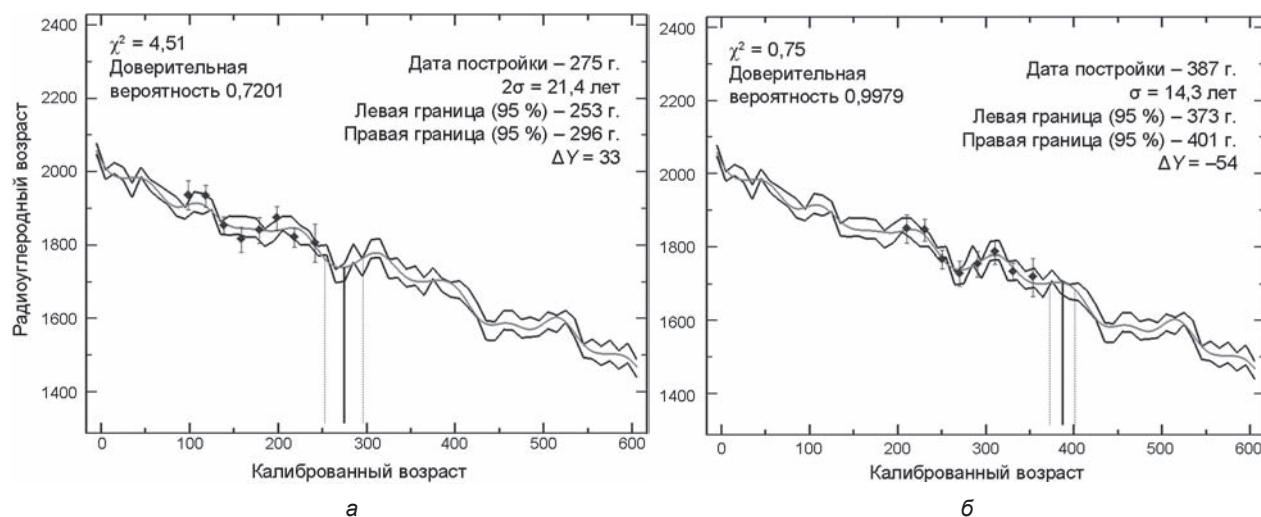

Рис. 8. Сопоставление данных радиоуглеродных измерений (Оглахты, Ле7326-42, сосна) и калибровочной кривой.

а – ранняя дата; б – поздняя дата. Пояснения см. рис. 6.

Таблица 3. Результаты калибровки

Образец	Ранний интервал		Поздний интервал	
	Дата	P	Дата	P
Лиственница	280 ± 16	0,1	387 ± 17	0,01
Сосна	275 ± 21	0,28	387 ± 14	0,002
Среднее	278 ± 18	–	387 ± 15	–

Примечания. Для погрешности указано два стандартных отклонения (2σ). P – вероятность случайного соответствия радиоуглеродных данных и калибровочной зависимости. Если $P < 0,95$, то данные можно считать согласующимися с калибровочной кривой.

и для сосны получены по две калиброванные даты: ранняя и поздняя (рис. 7, 8). Они определяют возможные интервалы времени заготовки бревен для сруба. Даты по двум образцам, как для раннего, так и для позднего интервала, отличаются несущественно (разность значительно меньше статистической погрешности), что позволяет усреднить эти значения (табл. 3).

Итак, получено два возможных интервала времени заготовки бревен для сруба: 260–296 и 372–402 гг. н.э. (95 %). Для объективного выбора одного из них целесообразно дополнительно провести масс-спектрометрическое измерение образцов.

спектрометрического метода и метода с использованием пропорциональных газовых счетчиков. В радиоуглеродной лаборатории ИИМК применяется жидкостная сцинтилляционная техника, предполагающая химическую обработку образцов древесины. Здесь исключить систематическую ошибку трудно.

Обсуждение результатов радиоуглеродных измерений

С целью выбора одного из двух интервалов можно проанализировать объединенные данные по сосне и лиственнице. Для этого удобно перейти от статистики

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^n \frac{(A_i - K_i)^2}{\sigma_i^2},$$

являющейся мерой согласованности данных A_i и калибровочной функции K_i , к дисперсии S^2 , которая служит мерой разброса измеренных значений радиоуглеродного возраста относительно калибровочной зависимости. S^2 и χ^2 связаны простым соотношением

$$S^2 = \frac{\chi^2}{n-1},$$

где n – число измерений образца. Используя значения χ^2 (см. рис. 7, 8), легко вычислить дисперсию для обоих образцов как для раннего, так и для

Таблица 4. Дисперсия радиоуглеродного возраста относительно калибровочной функции

Параметр	Ранняя дата		Поздняя дата	
	Лиственница	Сосна	Лиственница	Сосна
n	7	8	7	8
χ^2	2,23	4,51	0,98	0,75
S^2	0,37	0,64	0,16	0,11
$\bar{S}^2$	0,48		0,12	

позднего интервалов (табл. 4). Для следующего шага существенно, что вследствие небольшого числа измеряемых слоев (n) величины S^2 для лиственницы и сосны статистически тождественны на 95%-м доверительном уровне [Поллард, 1982]. Поэтому для одного из временных интервалов два измерения (для сосны и лиственницы) можно рассматривать совместно. Общую дисперсию обозначим через $\bar{S}^2$ (табл. 4).

В результате калибровки было установлено, что данные радиоуглеродных измерений хорошо согласуются с калибровочной кривой в двух временных интервалах, отстоящих примерно на 100 лет, причем в позднем заметно лучше (значения χ^2 меньше). Логично предположить, что он и является истинным (значения S^2 меньше).

Рассмотрим величину $F = \bar{S}_e^2 / \bar{S}_l^2$, где $\bar{S}_e^2$ – значение $\bar{S}^2$ для раннего интервала, а $\bar{S}_l^2$ – для позднего. Статистика F имеет распределение Фишера $F_{n-1, n-1}$ [Аффи, Эйзен, 1982], где n – общее число слоев (измерений) в двух образцах. Чем больше величина F , тем меньше вероятность, что ее отличие от единицы обусловлено флуктуациями ошибок измерений. Большие значения F попадают в т.н. критическую область распределения Фишера. Различают 5%-ю, 1%-ю и т.д. критические области. Величина, выраженная в процентах, говорит о вероятности статистической природы отличия значения F от единицы. Сделаем оценки. Воспользовавшись данными табл. 4, найдем: $F = 4,0$. Анализ таблицы распределения Фишера [Там же, 1982] позволяет заключить, что это значение попадает в 1%-ю критическую область распределения Фишера $F_{14, 14}$. Следовательно, дисперсия S^2 для раннего временного интервала существенно определяется не статистическими ошибками, а вариациями иной природы. Эти вариации являются следствием выбора неподходящего участка для сравнения радиоуглеродных данных с калибровочной кривой.

Итак, на доверительном уровне 99 % ранний интервал для даты памятника 278 г. н.э. ± 18 лет следует

Таблица 5. Радиоуглеродный возраст образцов сосны и лиственницы

Лабораторный номер	Годичные кольца	Скорректированный радиоуглеродный возраст, A_{fin}
Сосна		
Ле7338	1–10	1849 ± 39
Ле7337	11–20	
Ле7332	21–30	
Ле7340	31–40	1846 ± 30
Ле7336	41–50	
Ле7339	51–60	
Ле7341	61–70	1728 ± 34
Ле7326	71–80	
Ле7334	81–90	
Ле7335	91–100	1753 ± 35
Ле7342	101–110	
Ле7333	111–120	
Ле7329	121–130	1733 ± 25
Ле7327	131–140	
Ле7330	141–150	
Ле7328	151–160	1718 ± 52
Ле7331	161–166	
Лиственница		
Ле7349	41–50	1852 ± 41
Ле7344	51–60	
Ле7346	71–80	
Ле7353	81–90	1778 ± 34
Ле7352	91–100	
Ле7359	101–110	
Ле7357	111–120	1758 ± 24
Ле7355	121–130	
Ле7361	131–140	
Ле7358	141–150	1775 ± 22
Ле7360	151–160	
Ле7350	161–170	
Ле7348	171–180	1734 ± 20
Ле7354	181–190	

исключить. Истинным является поздний – 387 г. н.э. ± 15 лет. Сделанный выбор позволяет определить значение поправок на лабораторное фракционирование $^{14}\text{C}/^{12}\text{C}$ (ΔY , см. рис. 7, б; 8, б) и на основании данных табл. 1, 2 (A_{cor}) получить окончательные результаты: $A_{\text{fin}} = A_{\text{cor}} + \Delta Y$ (табл. 5).

Выводы

Радиоуглеродное исследование сруба из оглахтинской мог. 4 методом «wiggle matching» показало, что его сооружение может относиться к периоду 260–296 или 372–402 гг. н.э. Последующий статистический анализ позволил сделать заключение о значительно большей вероятности позднего интервала. Для окончательного выбора одной из дат желательное проведение дополнительных измерений тех же образцов с использованием масс-спектрометрического метода.

Полученные результаты подтверждают датировку комплекса мог. 4 временем не ранее конца III–IV в., основанную на дате шелковых импортов, и заключение Э.Б. Вадецкой о функционировании таштыкских грунтовых могильников вплоть до этого времени. Вместе с тем необходимо продолжение археологических изысканий для проверки и уточнения даты оглахтинского погребения, полученной с помощью методов радиоуглеродной хронологии.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Оглахтинский могильник. – Томск, 1903. – (XXIX Иллюстрированное прил. к газ. «Сибирская жизнь», № 249 от 16 нояб.)
- Азбелев П.П.** Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1992. – Т. 2. – С. 48–52.
- Амброз А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть II // СА. – 1971. – № 3. – С. 106–134.
- Амброз А.К.** Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. – 1986 – № 3. – С. 28–35.
- Аффифи А., Эйзен С.** Статистический анализ: Подход к использованию ЭВМ. – М.: Мир, 1982. – 488 с.
- Бернштам А.Н.** Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1951. – 256 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с. (Archaeologica Petropolitana; № 7).
- Грязнов М.П.** Миниатюры таштыкской культуры: (Из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // АСГЭ. – Л., 1971. – Вып. 13. – С. 94–106.
- Евразия в скифскую эпоху:** Радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев, В.А. Дергачев, Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, Г. Кук, Й. Ван дер Плихт, Г. Посснерт, А.А. Семенов, Е.М. Скотт, К.В. Чугунов. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.
- Зайцева Г.И., Семенов А.А., Лебедева Л.М., Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Юнгер Х., Сонниен Е.** Новые данные о хронологии памятника Оглахты-6 // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: мат-лы конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Теза, 2007. – С. 300–307.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. – (МИА; вып. 9).
- Коваленко Т.** Реставрация гипсовых погребальных масок // СГЭ. – Л., 1972. – Вып. 35. – С. 77–79.
- Колчин Б.А., Битвинский Т.Т.** Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. – М.: Наука, 1972. – С. 80–92.
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1960. – 198 с.
- Кызласов Л.Р.** Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? // Наука и жизнь. – 1969. – № 12. – С. 93–96.
- Кызласов Л.Р.** Раскопки в Оглах-Таш // АО 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 197–199.
- Кызласов Л.Р.** Хакасская археологическая экспедиция 1969 года // Учен. зап. Хак. НИИЯЛИ. Сер. историческая. – Абакан, 1971. – Вып. 16, № 3. – С. 173–176.
- Кызласов Л.Р., Панкова С.В.** Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // СГЭ. – СПб., 2004. – Вып. 62. – С. 61–67.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. – М.: Вост. лит., 1994. – 326 с.
- Марсолов Л.С.** Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // АСГЭ. – Л., 1988. – Вып. 29. – С. 65–81.
- Никитина К., Баранова Т.** Опыт реставрации сухого археологического меха // СГЭ. – Л., 1973. – Вып. 37. – С. 78–79.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1903 г.** – СПб.: [Тип. гл. упр-ния уделов], 1906. – 245 с.
- Панкова С.В.** Композитная юбка из могильника Оглахты в Южной Сибири // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: тез. докл. – СПб., 2005. – С. 159–160.
- Поллард Дж.** Справочник по вычислительным методам статистики. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 344 с.
- Рибу К., Лубо-Лесниченко Е.И.** Оглахты и Лоулань: (Две группы древних художественных тканей) // Страны и народы Востока. – 1973. – Вып. 15. – С. 272–281.
- Сосновский Г.П.** О находках Оглахтинского могильника // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 7/8. – С. 34–41.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 41–62.
- Frozen Tombs: The Culture and Art of the Ancient Tribes of Siberia.** – L.: British Museum Publications Ltd, 1978. – 102 p.
- Kyzlassow L.** Das Grabmal am Jenissei // Ideen des exakten Wissen: Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. – Stuttgart, 1971. – N 8. – S. 517–522.
- Siberia: Gli uomini dei fiumi ghiacciati.** – Milano: Electa, 2001. – 209 p.
- Tallgren A.M.** The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki, 1937. – N 11. – P. 69–90.

Материал поступил в редколлегию 28.03.08 г.

УДК 581.9 (235.222)

Е.А. Королук¹, Н.В. Полосьмак²¹Центральный сибирский ботанический сад СО РАН
ул. Золотодолинская, 101, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: L_Koroljuk@ngs.ru²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630030, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ В КУРГАНАХ 20 И 31 МОГИЛЬНИКА НОИН-УЛА (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

*В статье описываются растительные находки из погребений могильника Ноин-Ула на территории Северной Монголии. Растительные остатки относятся, вероятнее всего, к видам проса (*Panicum* L.) либо к близкому роду – щетиннику (*Setaria* Beauv). В элитных погребениях хунну зерно использовалось в погребальном обряде как символ возрождения и бессмертия.*

Ключевые слова: археологические находки, растительные остатки, *Panicum* sp., *Setaria* sp., хунну, могильник Ноин-Ула, Северная Монголия.

Введение

В 2006 и 2009 гг. Российско-монгольской экспедицией на могильнике Ноин-Ула были исследованы два больших кургана – 20 и 31, датируемые концом I в. до н.э. – началом I в. н.э. В погребальных камерах кроме предметов материальной культуры были найдены растительные остатки, сохранность которых позволяет идентифицировать образцы по крайней мере до рода. Определение растений, которые использовались в погребальном обряде, дает дополнительную информацию, касающуюся, в частности, характера культурных связей и мировоззренческих представлений народов Центральной Азии.

Материалы и методы

Растительные остатки, обнаруженные в захоронении, были двух разных типов. В кург. 31 в заполнении по-

гребальной камеры найдено несколько шишек сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.), хорошей сохранности, растрескавшихся и без семян, а также несколько веточек, вероятно, какого-то вида березы (*Betula* sp.). Эти древесные растения обычны во флоре лесной зоны Северной Монголии и являются доминантами современных типов растительности в среднегорном поясе гор Хентея. Наибольший интерес представляют семена из кург. 20 и 31. Растительные остатки данного типа однородны: в основном это зерновки, имеются и остатки соцветий. Растительный материал покрывал спрессованным слоем толщиной не более 0,5 см войлочный ковер на деревянном полу погребальной камеры в кург. 20 и шерстяное полотнище, которым был застелен пол погребальной камеры в кург. 31. Растительные остатки представлены в виде грубо обмолоченного зерна (не крупы).

Первично остатки идентифицировались нами как зерна хлебных злаков, несмотря на то, что были плохой сохранности, темного черно-коричневого цвета и деформированы (рис. 1). Судя по форме (близкой к шаровидной) и с учетом количественных критери-

*Исследования поддержаны Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 08-04-01021.

ев плодов, это не могли быть зерновки риса, кукурузы, ржи, пшеницы, овса или ячменя – основных возделываемых хлебных злаков или же каких-то диких злаков. Семена, найденные в погребениях, отно-

Рис. 1. Неотмытые спрессовавшиеся образцы из кург. 20 Ноин-Улинского могильника.

Рис. 2. Отмытые остатки зерновок из кург. 20 Ноин-Улинского могильника.

Рис. 3. Остатки соцветия с зерновками из кург. 20 Ноин-Улинского могильника.

сятся к современным трибам просовых – *Panicaceae* или сорговых – *Andropogoneae*. Весь археологический материал тщательно промывали и высушивали (рис. 2–5). Для сравнительного анализа нами были просмотрены гербарные коллекции Всероссийского института растениеводства РАН (ВИР) и отобраны в качестве стандартов зерновки некоторых видов растений из разных мест произрастания. Вегетативные и генеративные особенности растений имеют важное систематическое значение для их определения. Мы располагали только плохо сохранившимися остатками зерновок без прочих вегетативных и генеративных частей растений, поэтому идентификацию археологического материала могли проводить только по поверхностным признакам зерновок и некоторым количественным показателям их формы. Зерновка (caryopsis) – особый, невскрывающийся плод, в котором перикарпий и сильно редуцированная семенная кожура настолько плотно прилегают друг к другу, что часто их разделяет только кутикулярный слой, образовавшийся в результате слипания поверхностных кутикул эндокарпия и экзотесты [Бобров, Меликян,

Рис. 4. Поверхность зерновки максимально хорошей сохранности из кург. 20 Ноин-Улинского могильника.

Рис. 5. Отмытые остатки зерновок из кург. 31 Ноин-Улинского могильника.

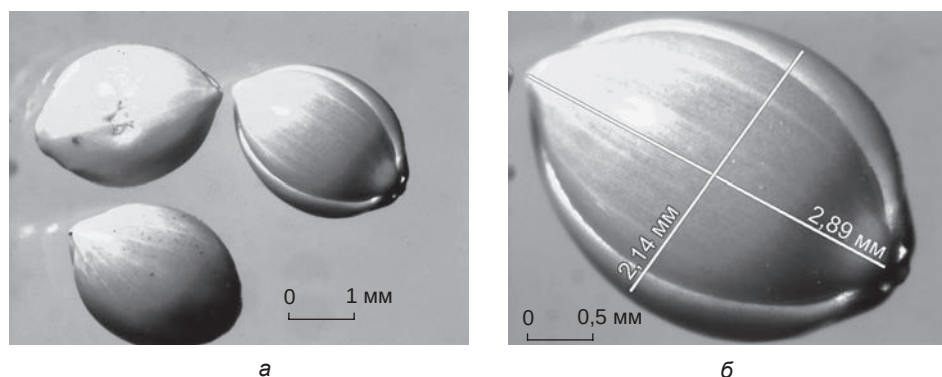

Рис. 6. Зерновки *Panicum miliaceum* L. ssp. *effusum* All. (современный материал, Монголия (WIR), разное увеличение).

Романов, 2009]. Следует отметить, что форма зерновки, особенности брюшной стороны, форма рубчика – все эти признаки имеют большое систематическое значение, но, к сожалению, лишь в совокупности с другими они позволяют точно идентифицировать материал до уровня вида. Поэтому мы проанализировали морфологические макро- и микрохарактеристики поверхности зерновок (ок. 60 образцов шести видов) для некоторой части возделываемых видов проса, сорго, ежовника, щетинника из разных регионов Азии. В ходе сравнительного анализа были использованы микроскоп «Discovery V12» и программное обеспечение для анализа и ввода изображения «Axio vision 3.7», а также настольный сканирующий электронный микроскоп «Hitachi-ТМ».

Происхождение найденных в погребении хунну семян может быть связано как с территорией Северной Монголии, пригодной для земледелия, так и земледельческого Китая. Кроме того, следует иметь в виду, что в рассматриваемый период у хунну были контакты с регионами Восточного Туркестана, Средней и Передней Азии, Северо-Западной Индии. Оттуда также могли быть привезены различные виды злаков: просо посевное, куриное, метельчатое (чумиза) и итальянское (могар), сорго, т.н. таджикское просо, или курмак, ак-джукара и т.д. Все эти перечисленные «обыденные» названия относятся к разным ботаническим не только видам (иногда сортам или группе сортов), но и родам.

Нами проведено сравнение микрохарактеристик поверхности зерновок нескольких видов родов, которые могли быть в захоронении.

Род просо – *Panicum* L. Однолетние или многолетние растения, травянистые, высотой 30–100 (160) см. Свыше 500 видов распространено на тропических и субтропических, отчасти умеренно теплых территориях на обоих полушариях, большая часть видов представлена в Америке. К этому роду принадлежит одно из древнейших и широко распространенных в

настоящее время культивируемых растений – *Panicum miliaceum* L. [Цвелев, 1976]. Из зерна получают просяную крупу (пшено), пшеничную муку, хмельной напиток бузу, спирт. Считается, что данный вид – наиболее древний хлебный злак Китая [Houyuan Lua et al., 2009]. Очень засухоустойчивая культура, расходует воды вдвое меньше, чем пшеница, ее вегетационный период 60–120 дней, но она требовательна к теплу, особенно всходы [Вехов, Губанов, Лебедева, 1978]. Нами проанализированы образцы *P. miliaceum* L. из разных азиатских регионов (Афганистан, Иран, Монголия) (рис. 6).

Род сорго – *Sorghum* Moench; ок. 50 видов. Культивируемые виды довольно засухоустойчивы и урожайны. Зерно используется в качестве корма для скота, для получения крупы, муки. Из т.н. сахарных разновидностей получают патоку и сладкий сироп.

S. saccharatum (L.) Moench – сорго сахарное, культивируется во многих внетропических странах обоих полушарий главным образом как кормовое растение.

S. durra (Forsk.) Stapf – сорго дурра и *S. bicolor* (L.) Moench – сорго двухцветное, культивируются в качестве кормового и пищевого растения в Европе, Средней и Передней Азии, Индии, Китае, Японии.

Род щетинник – *Setaria* Beauv.; некоторыми авторами основные возделываемые виды рассматриваются внутри рода *Panicum*. *Setaria italica* (L.) Beauv. (syn. *Panicum italicum* L.) – щетинник итальянский. Культивируется в качестве кормового растения под названием «могар», более окультуренные разновидности под названиями «чумиза» и «гоми» разводятся преимущественно на зерно. По некоторым данным, одно из древних хлебных растений Китая. Культура теплолюбива, засухоустойчива и жаровынослива [Там же]. Один из исследованных нами образцов происходит из Средней Азии (рис. 7).

S. glauca (L.) Beauv. (syn. *Panicum glaucum* L.) – щетинник сизый, злостный сорняк. Зерна могут использоваться в качестве корма для домашней птицы.

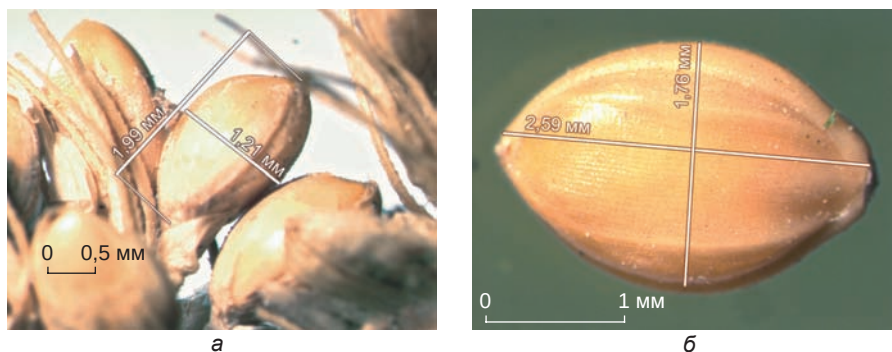

Рис. 7. *Setaria italica* (L.) Beauv. (современный материал, Памир, Пяндж (WIR)).
а – фрагмент соцветия; б – зерновка.

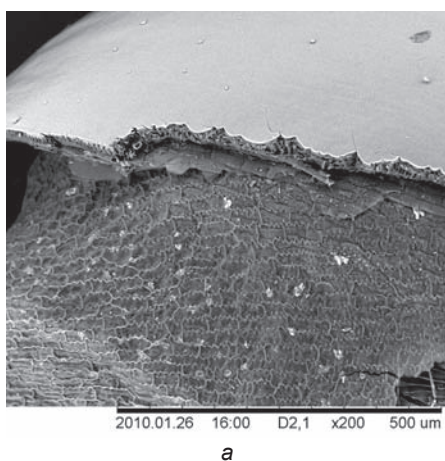
S. viridis (L.) Beauv. – щетинник зеленый, злостный сорняк. Габитуально сходен с *S. italica* (L.) Beauv.; отличия в характеристиках соцветий.

Род ежовник – *Echinochloe* Beauv.; насчитывает ок. 20 видов. Распространен на территориях стран с тропическим, субтропическим, отчасти с умеренно

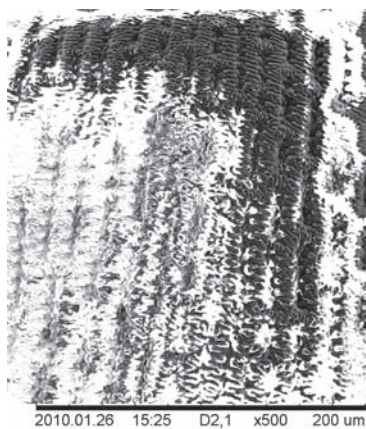
теплым климатом на обоих полушариях. Два вида (*E. frumentaceae* Link – ежовник хлебный и *E. utilis* Ohwi et Yabuno – ежовник культивируемый, или японское просо) довольно широко возделываются в Азии и Африке, используется для получения крупы, зеленой кормовой массы и зерна. Широко распространенный вид *Echinochloe crus-galli* (L.) Beauv. s.l. – злостный сорняк.

Проанализированный материал позволяет предположить, что найденные в кург. 20 и 31 могильника Ноин-Ула растительные остатки семян относятся либо к просу (*Panicum miliaceum* L.), либо к каким-то видам близкого рода – щетинник (чумиза) (*Setaria*).

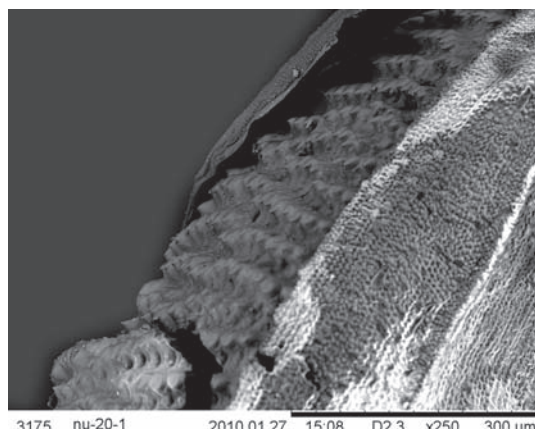
Морфологические особенности ультраскульптуры перикарпия зерновки и цветковых чешуй рядом исследователей успешно используются для целей систематики [Николаевская, Петрова, 1989]. На фотографиях зерновок, сделанных с помощью сканирующего электронного микроскопа (рис. 8), хорошо видны две различные структуры (поверхности верхней цветковой чешуи и ниже расположенного перикарпия (экзокарпия)) у плодов современного

а

б

в

Рис. 8. Структура поверхности кутикулярных слоев зерновок.
а – *Panicum miliaceum*, Монголия (WIR), сканирующий микроскоп, $\times 200$; б – зерновка из кург. 31, сканирующий микроскоп, $\times 500$; в – *Setaria italica*, Памир, Пяндж (WIR), сканирующий микроскоп, $\times 250$.

материала (у видов этих триб одна цветковая чешуя сростается с зерновкой) и только одна структура – у плодов из археологического материала. Они различаются рельефом («узором»), который обусловлен расположением и конфигурацией клеток, формой и рельефом наружных стенок клеток, эпикуткулярными отложениями, наличием/отсутствием специализированных клеток. В данном случае, с нашей точки зрения, необходимо сравнивать ультраскульптуру поверхностей зерновок археологического материала и цветковых чешуй современных плодов. Было установлено, что зерновки из курганов имеют больше сходства с *Setaria italica*, чем с *Panicum miliaceum*. Однако представляется затруднительным точно отнести найденные в курганах зерновки к одному из этих видов, поскольку эпидерма перикарпия может существенно различаться на разных стадиях развития и на разных участках зерновок: могут изменяться количество и распределение эпикуткулярного слоя и т.д. С подобными трудностями сталкивается большинство исследователей. Так, китайскими учеными ранее предпринимались попытки унифицировать методику определения археологического материала зерновок проса или чумизы [Лю Чжанцзян, Кун Чжаочэнь, 2004]. Ими, как и нами, были проведены морфологические исследования зерновок разных современных видов проса и чумизы с использованием сканирующего электронного микроскопа. Кроме того, китайские специалисты применили метод искусственной карбонизации зерновок современного материала и выявили сходство-различие их поверхности. Однако после отработки методик они признали более достоверным способом идентификации сравнение диагностических признаков формы и размеров зерновок, даже деформированных в результате длительного пребывания под землей или подвергшихся карбонизации. Наши исследования также подтвердили, что при сравнительном анализе современного и археологического материалов на статистически недостоверном материале идентификация до уровня вида по признакам скульптуры поверхности цветковых чешуй и (или) перикарпа не надежна.

Зерно в могилах кочевников

Присутствие зерна в погребениях кочевников не вызывает удивления. Известно, что зерно было важной частью подарков, которыми ханьский Китай обеспечивал спокойствие на своих границах с хунну. В ханьское время на территории Китая возделывались чумиза, просо, пшеница, ячмень, рис, соя, фасоль, конопля. Наиболее часто на моделях зернохранилищ, которые находят в погребениях ханьцев, указана чумиза – традиционная культура бассейна Хуанхэ [Крю-

ков и др., 1983, с. 149]. «“Резать кур и варить чумизу” было общепринятым выражением, обозначающим хлопоты хозяйки перед приходом гостей» [Там же, с. 201]. Повседневной пищей простолюдина была вареная пшеница [Там же]. Зерно, особенно просо, занимало важное место в системе древнекитайских жертвоприношений. Известны специальные сосуды, которые использовались для жертвенного проса в храме предков. Из проса делали вино, которое предназначалось богам, предкам и духам [Васильев, 2001, с. 73].

Причина, по которой из всех зерновых, выращиваемых в Китае, к хунну поступало в основном просо (в числе даров упоминается рис, но он и в этот период для самих китайцев был дорогим угощением), состоит, возможно, в способности зерен проса к длительному хранению (важно для хунну) и неприхотливости культуры при возделывании (важно для ханьцев). Ханьские дары зерном были невелики и оседали, скорее всего, в ставке шаньюя (см. напр., [Крадин, 2002, с. 126]).

Вряд ли к этим дарам относится зерно, которое находят в погребениях и на поселениях хунну. Как показали исследования, зерна проса из элитных курганов 20 и 31 Ноин-Улинского могильника были грубо очищенные (среди зерновок найдены соцветия). Приношения же императорского двора делались хорошо очищенным зерном высокого качества, что особо оговаривалось. Согласно письменным источникам, в ханьском Китае использовалось зерно (в частности просо) разной степени очистки: грубо очищенное, очищенное, хорошо очищенное, высшего качества [Крюков и др., 1983, с. 201]. В эпоху Хань обмолот зерна производился на крупорушке, представлявшей собой каменный пест на рычаге, приводимом в действие ногой [Там же]. Хуань Куань в трактате «Спор о соли и железе» – важнейшем источнике сведений по идеологии, истории и культуре Западной Хань, сравнивая скромные нравы древности с современными ему, наряду с другими излишествами, которые появились в обществе, перечисляет блюда из хорошо проваренного, очищенного от шелухи зерна высокого качества [2001, т. 2 с. 91].

Грубо очищенное зерно, обнаруженное в погребениях хунну, могло быть выращено в Монголии, возможно, также было захвачено в качестве военной добычи либо обменено на приграничных рынках.

А.П. Окладников считал, что «земледелие в Монголии вплоть до недавнего прошлого существовало только в районах, находившихся под прямым воздействием китайцев. В других же местах, где господствовала исконно монгольская скотоводческая культура и неизбежно сохранялись древние традиции, земледелие было настолько чуждо монголам, что вскапывать землю вообще считалось опасным... потребности

в растительной пище удовлетворялись собирательством» [1962, с. 424–425]. Зерно могло также выращиваться, по мнению А.П. Окладникова, основанному на археологических и письменных источниках, в «земледельческих колониях», в которых проживали пленные китайцы [Там же, с. 431]. С этим мнением согласуется и высказывание Т. Барфилда: «Зерно отчасти могло выращиваться в степи. Но ранние морозы в Монголии делали его производство сомнительным. Культивирование зерна также несовместимо с кочевыми передвижениями, хотя часть населения (или китайские пленники в некоторые периоды), возможно, занималась этой задачей» [2008, с. 24]. Как показывают исследования городищ, расположенных на территориях, которые некогда принадлежали хунну, в частности, Иволгинского в Забайкалье, его жители (не хунну, а военнопленные и перебежчики) возделывали землю и при благоприятном стечении обстоятельств могли снабжать зерном большую часть местных кочевников [Крадин, 2002, с. 90–91]. Земледелием занимались подчиненные хунну племена ухуаньцев. Известно, что они сеяли просо [Бичурин, 1950, с. 143], часть урожая которого наряду с кожами и овчинами могла поступать к хунну в качестве дани. В истории их взаимоотношений с Хань известны периоды, когда на пограничных заставах были открыты рынки, выгодные хунну и позволявшие широким слоям кочевого населения удовлетворять потребности в зерне. Другой вариант получения кочевниками необходимого зерна – набеги на приграничные китайские поселения. Набеги совершались, как правило, после сбора урожая: «когда урожай созреет, мы пошлем конницу для сбора урожая!» – грозили хунну [Сыма Цянь, 2002, с. 337].

Заключение

Зерна проса в элитных погребениях хунну были насыпаны по ковру, застилавшему пол внутренней погребальной камеры, и покрывали подстилку внутри гроба. В кург. 23 Ноин-Улинского могильника зерна проса найдены в заполнявшей погребальную камеру «глинистой грязи» [Руденко, 1962, с. 196], т.е. рассыпанными по полу. В одном из наиболее изученных погребений могильника Гол-Мод Т1 (Архангайский аймак), исследованных французско-монгольской экспедицией, пол погребальной камеры был усеян зернами проса или индийской конопли (визуально различия определить непросто) [Delacour et al., 2003, р. 165]. Складывается впечатление, что просо присутствует в этих погребениях не в качестве пищи, как это было, например, в погр. 40 могильника Черемухова Падь (Забайкалье), где «просо, сохранившееся в виде шелухи от зерен» находилось в глиняном горшке [Коновалов, 1976, с. 40], а в качестве сим-

вола. Грубо очищенное зерно хунну использовали в погребальном обряде так же, как ханьцы: его рассыпали по полу погребальной камеры, непосредственно под гробом либо по дну самого гроба. Например, в описании одного из погребений эпохи Хань в пров. Хубэй отмечен слой проса (0,03 м) внутри гроба [Краткий отчет о раскопках..., 1981, с. 31].

Особая роль проса обусловлена тем, что это была одна из наиболее древних domesticiрованных зерновых культур на территории Китая. По результатам последних междисциплинарных исследований, здесь просо начали выращивать ок. 10 тыс. л.н. [Лю Чжанцзянь, Кун Чжаочэнь, 2004]. Столь ранняя domestикация данного злака в указанном регионе объясняется тем, что просо – самая засухоустойчивая культура среди зерновых, она быстро дает урожай, может возделываться на бедных почвах. В древнекитайской мифологии известен образ прародителя чжоуского племени – божества зерна и покровителя земледелия Хоуцзи, которого называли Владыкой Проса, Богом Проса. В памятнике «Толкование обрядов и обычаев» говорится: «Просо главенствует над всеми хлебами. Всех видов хлебов / злаков слишком много, нельзя каждому приносить жертвы. Поэтому выбрали Просо и приносят ему жертвы» (цит. по: [Яншина, 1984, с. 71]). Часто в древних текстах бог проса отождествляется с самим просом [Там же]. Возможно, поэтому просо было связано с идеей бессмертия. В «Каталоге гор и морей», важнейшем источнике естественно-научных знаний, мифологии и этнографии Китая IV–I вв. до н.э., фигурирует озеро Проса, в которое впадает река Бессмертия [1977, с. 41].

Зерно в захоронение клали с целью возродить умершего. «Растительная жизнь, которая возрождается через видимое исчезновение (когда семена закапывают в землю), дает человеку пример и надежду: то же самое может произойти и с душами умерших» [Элиаде, 1999, с. 330]. Из китайской культуры к хунну перешло не только особое отношение к просу, но и многие другие традиции, нашедшие отражение в погребальном обряде хуннуской элиты [Полосьмак и др., 2008, № 2, № 4].

Благодарности

Приносим свою искреннюю благодарность сотрудникам Всероссийского института растениеводства РАН канд. биол. наук И.Г. Чухиной и д-ру биол. наук Т.Н. Смекаловой за предоставленную возможность работать с фондовыми гербарными коллекциями и благожелательное отношение. Особую благодарность приносим А.А. Красникову – руководителю «Центра коллективного пользования микроскопических исследований ЦСБС СО РАН». Благодарим канд. ист. наук А.Н. Чистякову за переводы статей с китайского языка.

Список литературы

- Барфилд Т.** Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир: мат-лы Междунар. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – Кн. 3. – С. 14–58.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 380 с.
- Бобров А.В., Меликян А.П., Романов М.С.** Морфогенез плодов Magnoliophyta. – М.: Кн. дом «Либроком», 2009. – 400 с.: цв. ил.
- Васильев Л.С.** Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – 488 с.
- Вехов В.Н., Губанов И.А., Лебедева Г.Ф.** Культурные растения СССР / отв. ред. Т.А. Работнов. – М.: Мысль, 1978. – 336 с.
- Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин).** – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977. – 233 с.
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 221 с.
- Крадин Н.Н.** Империя хунну. – М.: Логос, 2002. – 312 с.
- Краткий отчет о раскопках циньского и ханьского погребений в провинции Хунань уезда Юньмэн // Каогу. – 1981. – № 1. – С. 27–47 (на кит. яз.).**
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. – 407 с.
- Лю Чжанцзянь, Кун Чжаочэнь.** Морфологическое сопоставление чумизы (проса итальянского) и проса, их археологическая идентификация // Каогу. – 2004. – № 3. – С. 76–83 (на кит. яз.).
- Николаевская Т.С., Петрова Л.Р.** Структура перикарпия зерновки и цветковых чешуй злаков – Л.: Наука, 1989. – 87 с.
- Окладников А.П.** О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. – М.: Изд-во Вост. лит., 1962. – С. 418–431.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н.** Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 77–87.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н.** Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 63–69.
- Руденко С.И.** Культура хунну и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.
- Сыма Цянь.** Исторические записки: Ши цзи. – М.: Вост. лит., 2002. – 510 с. – (Памятники письменности Востока; т. XXXII).
- Хуань Куань.** Спор о соли и железе. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – Т. 2. – 831 с.
- Цвелев Н.Н.** Злаки СССР / отв. ред. А.А. Федоров. – Л.: Наука, 1976. – 788 с.
- Элиаде М.** Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Науч.-издат. центр «Ладомир», 1999. – 488 с.
- Яншина Э.М.** Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984. – 248 с.
- Houyuan Lua, Jianping Zhanga, Kam-biu Liub, Naiqin Wua, Yumei Lic, Kunshu Zhoua, Maolin Yed, Tianyu Zhange, Haijiang Zhange, Xiaoyan Yangf, Licheng Shene, Deke Xua, Quan Lia.** Earliest domestication of common millet (*Panicum miliaceum*) in East Asia extended to 10,000 years ago. – URL: Published online before print April 21, 2009, doi: 10.1073/pnas.0900158106.
- Delacour C., Guerra M.F., Calligaro G., Robcis D. J'or de Gol Mod** // Mongolia. Le premier empire des steppes. – Arles: Actes Sud/Mission archéologique française en Mongolie. – 2003. – 165–183 p.

Материал поступил в редколлегию 11.02.10 г.

УДК 903

**У.А. Паркинсон¹, И. Пикок², Р.А. Палмер³, Юнчжу Ся³,
Б. Карлок², А. Дьюха⁴, Р.В. Йеркс⁵, М.Л. Галати⁶**

¹Музей естественной истории им. Филда, Чикаго, США
Field Museum of Natural History, 1400 S. Lake Shore Drive, Chicago, IL, 60605, USA
E-mail: wparkinson@fieldmuseum.org

²Институт археологии им. Кобба, Университет штата Миссиссипи, Старквилл, США
Cobb Institute of Archaeology, Mississippi State University, Starkville, MS, 39759, USA
E-mails: peacock@anthro.msstate.edu
jbc94@msstate.edu

³Институт технологии чистой энергии, Университет штата Миссиссипи, Старквилл, США
Institute for Clean Energy Technology, Mississippi State University, Starkville, MS, 39759, USA
E-mails: palmer@icet.msstate.edu
xia@icet.msstate.edu

⁴Полевая служба культурного наследия, Сегед, Венгрия
Field Service for Cultural Heritage, Szeged, 6720, Hungary
E-mail: gyuchaa@gmail.com

⁵Отделение антропологии, Университет штата Огайо, Колумбус, США
Department of Anthropology, Ohio State University, Columbus, OH, 43210, USA
E-mail: yerkes.1@osu.edu

⁶Отделение социологии и антропологии, Миллсэпс колледж, Джексон, США
Department of Sociology and Anthropology, Millsaps College, Jackson, MS, 39201, USA
E-mail: galatml@millsaps.edu

ЭЛЕМЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА ДЛЯ ИНКРУСТАЦИИ КЕРАМИКИ РАННЕЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАРПАТСКОГО БАСЕЙНА

Один из важных дискуссионных вопросов европейской истории – действительно ли носители ямной курганный культуры вторглись на территорию Карпатского бассейна в эпоху перехода от энеолита к бронзовому веку. В данной статье приводятся результаты элементного анализа белого вещества, которым инкрустирована раннеэнеолитическая керамика, найденная на памятниках Венгерской низменности. Они свидетельствуют о том, что материалом для декоративной инкрустации была дробленая кость, а не дробленые раковины улиток. Недавний анализ керамики с памятников бронзового века в восточной части Карпатского бассейна также показал, что для инкрустации использовали кость. Следовательно, памятники, относящиеся к эпохам до и после предполагаемого вторжения носителей курганный культуры, связаны культурной преемственностью.

Ключевые слова: Карпатский бассейн, масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой и лазерной абляцией (LA-ICP-MS), инкрустация, курганы.

Введение

В данной статье излагаются результаты исследования методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой и лазерной абляцией (LA-ICP-MS)

белой инкрустационной массы образцов керамики с памятников энеолитической культуры Тисапольгар (калиброванные даты – ок. 4500–3800 гг. до н.э.) на территории Надь Альфёльд (Большая равнина, Венгрия) в восточной части Карпатского бассейна

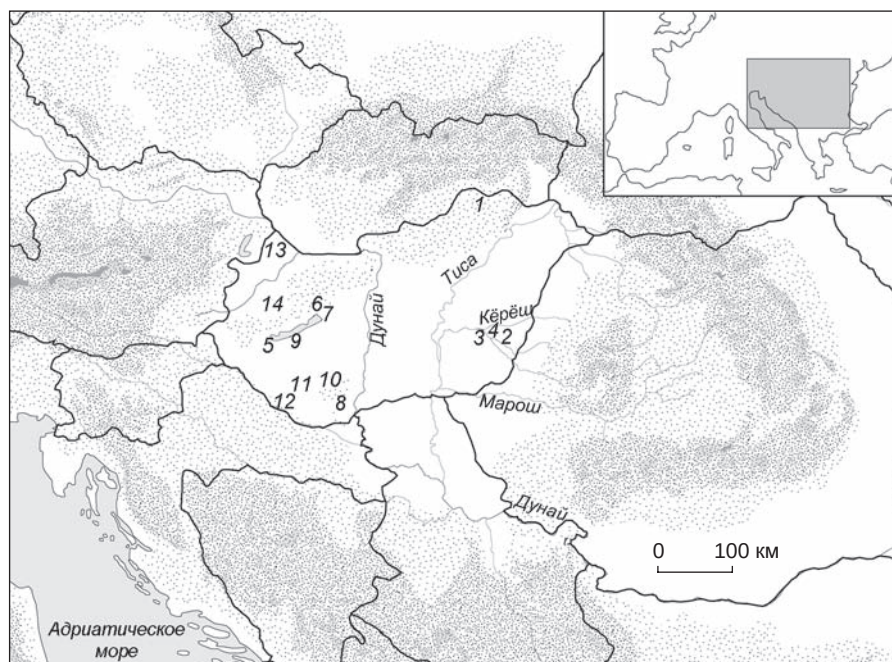

Рис. 1. Местоположение основных, упомянутых в статье памятников в Большой Венгерской равнине.

1 – пещера Барадля; 2 – Весто-20; 3 – Эрменькут-13; 4 – Эндрёд-108; 5 – Вёрш-Мариасоньситет; 6 – Балатонфузфо; 7 – Папкеси; 8 – Боньхад; 9 – Ордачеги; 10 – Мучфа А и В; 11 – Лендьель-Шанц-3, -8, -06; 12 – Капошвар-61; 13 – Менфёчанак; 14 – Куп.

Таблица 1. Проанализированные раннеэнеолитические образцы

Стоянка	Место обнаружения	Лабораторный шифр
Весто-Бикери	EU 2-143 (F 4/14)	V20.2-143
	EU 2-178(F 4/14)	V20.2-178
	EU 2-140(F 4/14)	V20.2-140
Эрменькут-13	Сектор 32	Ö13.CSV127
	Сектор 35/3	Ö13.CSV130
Эндрёд-108	Сектор 1-111	E108.CS11-22
	Сектор 110-40	E108.CS11-16
	Сектор 1-111	E108.CS11-26

(рис. 1, 2; табл. 1). Полученные данные противоречат мнению, согласно которому эта масса состояла в основном из дробленых раковин улиток, и свидетельствуют о том, что она содержит сожженные кости (главным образом млекопитающих). Масса прикреплялась к наружной поверхности сосудов с помощью мастики (клея) и наносилась путем вдавливания в надрезы или углубления. Результаты указывают на то, что обычай украшать керамику таким способом либо существовал непрерывно на протяжении примерно 2,5 тыс. лет (с начала энеолита до среднего бронзового века), либо возникал неоднократно.

Рис. 2. Блюдо на подставке с белой инкрустацией из телля Весто-Магор. Энеолитическая культура Тисапольгар. Медье Бекеш, Венгрия. Хранится в Музее Весто-Магор, г. Весто.

Хотя примеры длительного (на протяжении тысячелетий) бытования традиций изготовления керамики известны в разных регионах мира, данный случай представляет особый интерес, поскольку обычай существовал и до, и после того, как погребения ямной курганный культуры появились на территории Карпатского бассейна в конце энеолита [Ecsedy, 1979]. Появление этой культуры нередко считается свидетельством проникновения сюда индоевропейцев из южно-русских степей [Gimbutas, 1979, 1980] (см. также: [Anthony, 2007]). Обнаруженный факт существен для понимания степени ее воздействия на культуру изучаемого района.

В течение последних лет Кёрёшский региональный археологический проект был направлен на изучение доисторической эпохи Большой равнины в восточной части Карпатского бассейна (Венгрия) [Parkinson, Gyucha, Yerkes, 2002; Parkinson et al., 2004; Gyucha, Parkinson, Yerkes, 2004; Sarris et al., 2004; Gyucha et al., 2007; Yerkes et al., 2007]. Исследовались культурные изменения, происходившие в этом регионе в конце неолита, когда некоторые телли оказались заброшенными, а на смену им пришли маленькие менее долговременные поселения. Изменилась и структура связей между населенными пунктами Большой равнины. В восточной части Карпатского бассейна довольно четко прослеживаются три культурные группы позднего неолита, каждая со своим типом памятников, своими керамическими традициями и стратегией жизнеобеспечения [Parkinson, 2002, 2006a; Parkinson, Gyucha, 2007]. В эпоху энеолита относительная обособленность сменилась иной картиной, свидетельствующей о более интенсивных контактах, которые охватывали всю Большую равнину.

Одна из проблем, связанных с моделированием культурных взаимодействий на Большой равнине, заключается в том, что эта область однородна в геологическом и геоморфологическом отношении [Pécsi, 1970; Pécsi, Sárpalvi, 1964; Gyucha, Duffy, in press]. Вся восточная половина Карпатского бассейна заполнена лёссом, переотложенным в результате деятельности рек. Данное обстоятельство затрудняет петрографический и элементный анализ керамических комплексов, препятствует установлению источников глины и не позволяет воссоздать картину производства и распределения керамики, а следовательно, и реконструировать на этой основе систему социальных взаимодействий. Стилистическая изменчивость раннеэнеолитической керамики долины р. Кёрёш указывает на стирание межгрупповых различий по некоторым признакам орнаментации, в т.ч. по встречаемости врезных и инкрустированных узоров. Очевидно, социальные границы, которые были четкими в позднем неолите, стали более проницаемыми в эпоху энеолита [Parkinson,

2006b]. Однако связать закономерности стилистической изменчивости с традициями керамического производства оказалось затруднительно ввиду геологической однородности региона.

Метод исследования

В процессе моделирования практики изготовления и распространения керамики в пределах Большой равнины мы попытались воспользоваться методом, разработанным для создания аналогичных моделей для керамики, обнаруженной в юго-восточной части США. И. Пикок с коллегами [Peacock et al., 2007] использовали метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой и лазерной абляцией для анализа частиц раковин в керамических образцах. Ими были выявлены группы образцов керамики миссисипского периода, существенно различающиеся по химическому составу, а именно, простые недекорированные изделия и имеющие более сложный многокомпонентный состав декорированные. Анализ раковин пресноводных моллюсков с применением этого метода также показал наличие нескольких химически различающихся групп, что позволяет приписать происхождение раковин определенным участкам реки или ее притоков*.

И. Пикок и его коллеги из Университета штата Миссисипи проанализировали восемь керамических образцов с трех участков района Кёрёш, основываясь на данных, полученных методом, примененным ими ранее для анализа химического состава раковин пресноводных моллюсков восточной части США. Преимуществом этого метода является высокий уровень точности (миллионные доли), а также возможность исследования отдельных компонентов, входящих в состав керамики, т.е. частиц добавок для закаливания, шликера или вкраплений минералов. Если бы керамические изделия, найденные в Венгрии, были инкрустированы раздробленными раковинами, то теоретически на основании химического состава последних могло быть установлено место изготовления этих изделий (или, по крайней мере, источник исходных материалов, использованных для инкрустации). В отличие от метода рентгеновской дифракции или электронного микропробного анализа, для которых необходимо предварительное отделение инкрустированных час-

*Peacock E., Palmer R.A., Xia Y., Carlock B., Bacon-Schulte W. Establishing an Elemental Database for Sourcing Shell-Tempered Pottery via Laser Ablation-Inductively Coupled Plasma-Mass Spectrometry: Paper presented at the 73rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Vancouver, British Columbia, 2008.

тиц от керамики, лазерная абляция позволяет анализировать отдельные компоненты, не выделяя их из исследуемого образца.

Результаты

При большом увеличении выяснилось, что белое вещество, использованное для инкрустации, крепко пристало к зеленоватому или желтовато-серому (в нескольких случаях более темному) веществу, отличному от самой керамической матрицы, вероятно, мастике. Эти три компонента были исследованы методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой и лазерной абляцией (рис. 3). Первоначально были получены данные по 46 элементам, в соответствии с методикой, разработанной И. Пикоком и его коллегами [Peacock et al, 2007]: Li 7, Na 23, Mg 24, Al 27, Si 30, K 39, Ca 44, Sc 45, Ti 47, V 51, Cr 52, Mn 55, Fe 57, Co 59, Ni 60, Cu 65, Zn 66, As 75, Rb 85, Sr 88, Y 89, Zr 90, Nb 93, Sn 120, Sb 121, Cs 133, Ba 138, La 139, Ce 140, Pr 141, Nd 142, Sm 152, Eu 153, Gd 158, Tb 159, Dy 164, Ho 165, Er 166, Tm 169, Yb 174, Lu 175, Hf 180, Ta 181, Pb 208, Th 232, U 238. Стандартами для калибровки являлись глина SRM 679 Национального института стандартов и технологий (NIST), обсидиан месторождения Гласс-Буттс, стекла SRM 610, 612, 614, а также обозначенные В, С и D [Brill, 1999]; в качестве внутреннего стандарта использовался кальций. По методике, предложенной Р.Дж. Спикманом и Г. Неффом [Laser Ablation-ICP-MS..., 2005], исходные данные переведены в миллионные доли.

Частота лазера равнялась 20 Гц. Диаметр лазерного луча составлял 40 мкм при скорости лазера 70 мкм/мин. Для потока газовой плазмы была задана скорость 17 л/мин, распыленного газа – 1,4, вспомогательного – 1,2 л/мин. Величина радиочастоты мощности равнялась 1400 В. Время анализа составило 1 мин, задержки – 10 мс на каждую точку, установления массы – 3 с. Анализ проводился в режиме полного сканирования пика.

Предварительные результаты указывали на существенное сходство химического состава большинства исследованных образцов. Во всех случаях в белом веществе зафиксировано высокое содержание кальция (рис. 4). Это свидетельствует о присутствии в нем костей, раковин или других материалов, содержащих карбонат кальция. В двух образцах из Весто-20 обнаружено особенно высокое содержание стронция, что может отражать необычный

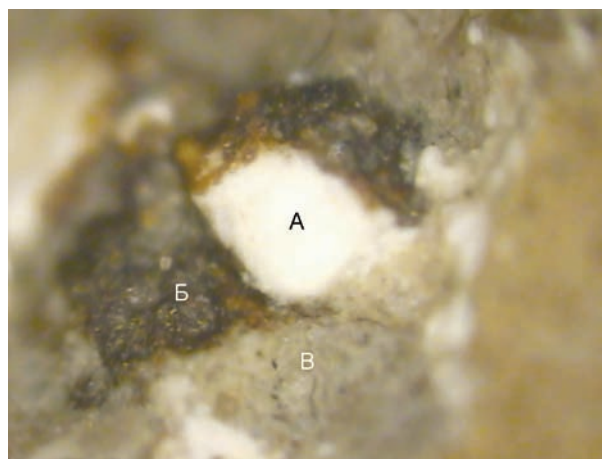

Рис. 3. Микрофотография образца керамики из Весто-20 (480-кратное увеличение).

А – белая инкрустационная масса; Б – темная мастика;
В – керамическая матрица.

химический состав либо являться результатом некоторых диагенетических процессов.

При большом увеличении в белом веществе стали видны мелкокристаллические структуры, подобные «песчинкам», описанным Г. Сики [Sziki et al., 2003] как «предположительно кость». На изображениях вещества для инкрустации, полученных С. Робертсом и его коллегами [Roberts, Sofaer, Kiss, 2008] при помощи сканирующего электронного микроскопа (SEM), также зафиксированы аналогичные структуры, идентифицированные авторами как гидроксипатит или кость.

Для выяснения того, является ли костью белое вещество в наших образцах, оно было проанализировано

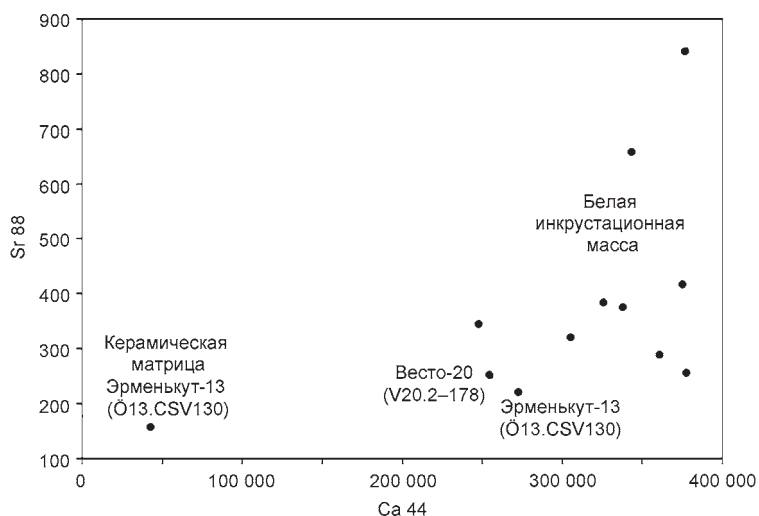

Рис. 4. График соотношения содержания кальция и стронция, указывающий на разницу в составах керамической матрицы образца из Эрменькут-13 и белой инкрустационной массы всех исследованных образцов.

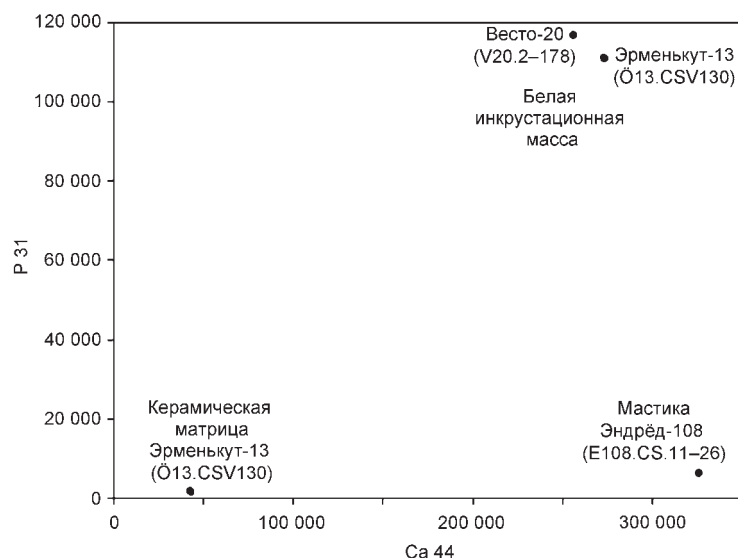

Рис. 5. График соотношения содержания кальция и фосфора, указывающий на разницу в составах керамической матрицы образца из Эрменкют-13, темной мастики образца из Эндрёд-108 и белой инкрустационной массы образцов из Весто-20 и Эрменкют-13.

на содержание фосфора, поскольку высокая концентрация кальция и фосфора в пробе характерна именно для кости (рис. 5). С этой целью отдельные кристаллические структуры были подвергнуты абляции. Соотношение Ca/P в белом веществе двух образцов (из Эрменкют-13 и Весто-20) составляет 2,19 и 2,45 соответственно, что находится в интервале величин, характерных для кости [Goodwin et al., 2007; Elliott, 2002].

В глиняной матрице образца из Эрменкют-13 обнаружено низкое содержание кальция и фосфора (соотношение Ca/P – 34,57). Была проанализирована и мастика инкрустированного образца керамики из Эндрёд-108. Серовато-зеленое вещество имело высокое содержание кальция, но низкое фосфора (соотношение Ca/P – 51,16), что свидетельствует о наличии в составе мастики карбоната кальция, т.е. извести.

Белая инкрустационная масса во всех исследованных нами образцах керамики имеет схожий химический состав, соответствующий образцам, однозначно идентифицированным как кость. Хотя необходимость проведения дальнейших углубленных аналитических исследований не вызывает сомнения, мы убеждены, что в большинстве случаев при инкрустации использовалась кость, которая, вероятно, предварительно была сожжена.

Обсуждение

Первоначально целью нашего проекта было исследование процессов изготовления и распространения ке-

рамики на основе различий в химическом составе раковин моллюсков, использованных для инкрустации. Поскольку кости млекопитающих не проявляют подобных закономерностей, связанных с зависимостью их состава от региона происхождения, мы были несколько разочарованы полученными результатами. Однако использование кости для инкрустации было описано ранее для Карпатского бассейна только в контексте бронзового века, и, насколько нам известно, еще никто не сообщал о применении этого метода в период энеолита.

В недавних исследованиях гончарных изделий культуры инкрустированной керамики среднего бронзового века (2000–1500 гг. до н.э.) С. Робертс и его коллеги [Roberts, Sofaer, Kiss, 2008] для выяснения состава белого инкрустационного вещества использовали методы дифракции рентгеновских лучей (XRD), инфракрасной спектроскопии с фурье-преобразованием (FT-IR) и сканирующей электронной микроскопии (SEM).

Они проанализировали 14 образцов из пяти поселений и одного захоронения в западной части Карпатского бассейна. Было установлено, что в большинстве случаев инкрустационная масса содержит пепел костей (табл. 2), по-видимому, млекопитающих. В более ранних работах [Sziki et al., 2003; Gherdán et al., 2003] для исследования инкрустационного вещества, содержащего кость, в образцах, относящихся к позднему энеолиту и раннему бронзовому веку, из других заданайских коллекций использовались метод рентгеновского излучения при возбуждении протонами (micro-PIXE), электронно-зондовый микроанализ и петрографический метод. Г. Сики [Sziki et al., 2003] был описан образец керамики среднееолитической культуры Бюк из пещеры Барадла на северо-востоке Венгрии, инкрустированный не костью, а белой глиной.

Результатом данного экспериментального проекта явилась фиксация самых ранних для Карпатского бассейна примеров использования сожженной кости для декоративной инкрустации (табл. 2). Еще важнее, что полученные данные продемонстрировали преемственность в методах декорирования керамики от энеолита до конца бронзового века. Отсюда следует, что т.н. вторжение ямной курганный культуры в позднем энеолите не сказалось на специфических аспектах традиций украшения керамических изделий. К сожалению, исследования инкрустированной керамики бронзового века были ограничены материалами лишь из западной части Карпатского бассейна. Анализ образцов из Восточной Венгрии

Таблица 2. Состав инкрустационной массы из образцов керамики с памятников эпох неолита, энеолита и бронзы на территории Карпатского бассейна

Памятник	Период и культурная принадлежность	Регион	Кол-во образцов	Методы	Состав инкрустационной массы	Источник
Пещера Барад-ла	Средний неолит, культура Бюк	Бюк	10	PIXE	Каолин, кварц, гематит	Sziki et al., 2003
Весто-20	Ранний энеолит, культура Тисапольгар	Кёрёш, Большая Венгерская равнина	3	LA-ICP-MS	Апатит, кость	—
Эрменькут-13	То же	То же	2	»	То же	—
Эндрёд-108	»	»	3	»	»	—
Вёрш-Мария-соньсигет	Поздний энеолит, культура Костолац; ранний бронзовый век, культура Кишапоштаг	Центральное Задунавье	3	Petr., EM, PIXE	Апатит, кость, кальцит	Gherdán et al., 2003; Sziki et al., 2003
Балатонфузфо	Средний бронзовый век, культура инкрустированной керамики	То же	1	PIXE	Кальцит	Sziki et al., 2003
Папкеси	То же	»	1	»	»	Ibid.
Боньхад	»	Южное Задунавье	1	XRD, FT-IR, SEM	Апатит, кость	Roberts et al., 2008
Ордачехи	»	Центральное Задунавье	1	То же	То же	Roberts, Sofaer, Kiss, 2008
Мучфа А и В	»	Южное Задунавье	2	»	»	Ibid.
Леньдьель-Шанц-3, -8, -06	»	Центральное Задунавье	3	»	Апатит, кость, кальцит (Шанц-8)	»
Капошвар-61	»	Южное Задунавье	6	»	Апатит, кость	»
Менфёчанак	»	Северное Задунавье	1	»	Кальцит, доломит	»
Куп	Ранний железный век	То же	1	PIXE	Апатит, кость	Sziki et al., 2003

Примечание: PIXE – метод рентгеновского излучения при возбуждении протонами; LA-ICP-MS – масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой и лазерной абляцией; Petr. – петрографический метод; XRD – дифракция рентгеновских лучей; EM – электронно-зондовый микроанализ; FT-IR – инфракрасная спектроскопия с фурье-преобразованием; SEM – сканирующая электронная микроскопия.

поможет установить, не характерна ли устойчивость данной традиции только для территорий западнее Дуная, где влияние ямной курганный культуры было менее ощутимо.

Список литературы

Anthony D. The Horse, The Wheel, and Language. – Princeton: Princeton University Press, 2007. – 566 p.

Brill R.H. Chemical Analysis of Early Glasses. – Corning: N.Y.: The Corning Museum of Glass, 1999. – 335 p.

Ecsedy I. The People of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. – 147 p. – (Fontes Archaeologici Hungariae).

Elliott J.C. Calcium Phosphate Biominerals // Phosphates: Geochemical, Geobiological, and Materials Importance / eds. M.J. Kohn, J. Rakovan, J.M. Hughes. – Iowa City Mineralogical Society of America, 2002. – P. 427–454. – (Reviews in Mineralogy and Geochemistry, Mineralogical Society of America).

**Gherdán K., Biró K.T., Szakmány Gy., Toth M., Soly-
mos K.G.** Analysis of Incrusted Pottery from Vörs, Southwest
Hungary // *Understanding People Through Their Pottery.*
Proceedings of the 7th European Meeting on Ancient Cera-
mics / eds. M.I. Prudêncio, M.I. Dias, J.C. Waerenborgh. –
Lisbon: Instituto Tecnológico e Nuclear, 2003. – P. 103–108.

Gimbutas M. The Three Waves of the Kurgan People into
Old Europe, 4500–2500 BC // *Archives Suisses d'Anthropologie*
Générale. – 1979. – Vol. 43(2). – P. 113–137.

Gimbutas M. The Kurgan Wave 2 (c. 3400–3200 BC): Into
Europe and the Following Transformations of Culture // *J. of*
Indo-European Studies. – 1980. – Vol. 8. – P. 273–315.

Goodwin M.B., Grant P.G., Bench G., Holroyd P.A.
Elemental Composition and Diagenetic Alteration of Dino-
saur Bone: Distinguishing Micron-Scale Spatial and Com-
positional Heterogeneity Using PIXE // *Palaeogeography,*
Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2007. – Vol. 253. –
P. 458–476.

Gyucha A., Bácsmegi G., Fogas O., Parkinson W.A.
Építéstechnikai és Településtörténeti Megfigyelések egy
Alföldi Kora Rézkori Lelőhelyen // *Békés Megyei Múzeumok*
Közleményei. – 2007. – Vol. 30. – P. 67–110.

Gyucha A., Duffy P. The Körös Basin from the Neolithic
to the Habsburgs: Reconstructing Pre-Regulation Hydrology
Through Multiple Dataset Overlay // *Geoarchaeology* (in
press).

Gyucha A., Parkinson W.A., Yerkes R. Előzetes Jelentés
A Körös Regionális Régészeti Program 1998–2002 Között
Végzett Munkájáról // *Studia Archaeologica.* – 2004. –
Vol. 10. – P. 25–52.

**Yerkes R., Sarris A., Parkinson W., Gyucha A., Har-
dy M., Catonoso L.** Geophysical and Geochemical Investiga-
tions at Two Early Copper Age Settlements in the Körös River
Valey, Southeastern Hungary // *Geoarchaeology.* – 2007. –
Vol. 22 – P. 845–871.

Laser Ablation-ICP-MS in Archaeological Research /
eds. R.J. Speakman, H. Neff – Albuquerque: University of
New Mexico Press, 2005. – 200 p.

Parkinson W.A. Integration, Interaction, and Tribal
'Cycling': The Transition to the Copper Age on the Great
Hungarian Plain // *The Archaeology of Tribal Societies* // ed.
by W.A. Parkinson. – Ann Arbor: International Monographs in
Prehistory, 2002. – P. 391–438.

Parkinson W.A. Tribal Boundaries: Stylistic Variability
and Social Boundary Maintenance During the Transition to the

Copper Age on the Great Hungarian Plain // *J. of Anthropological*
Archaeology. – 2006a. – Vol. 25. – P. 33–58.

Parkinson W.A. The Social Organization of Early
Copper Age Tribes on the Great Hungarian Plain. – Oxford:
Archaeopress, 2006b. – 199 p. – (BAR Intern. Ser.; N 1573).

Parkinson W.A., Gyucha A. A Késő Neolitikum-Kora
Rézkor Átmeneti Időszakának Társadalomszerkezeti Válto-
zásai az Alföldön: Rekonstrukciós Kísérlet // *Archaeológiai*
Értesítő. – 2007. – Vol. 132 (1). – P. 37–81.

Parkinson W., Gyucha A., Yerkes R. The Neolithic-
Copper Age Transition on the Great Hungarian Plain: Recent
Excavations at the Tiszapolgár Culture Settlement of Vésztő-
Bikeri // *Antiquity.* – 2002. – Vol. 76 (293). – P. 619–620.

**Parkinson W.A., Gyucha A., Yerkes R.W., Hardy M.,
Morris M.** Settlement Reorganization at the End of the Neoli-
thic in Central Europe: Recent Research in the Körös River
Valley, Southeastern Hungary // *J. of Eurasian Prehistory.* –
2004. – Vol. 2(2). – P. 57–73.

Peacock E., Neff H., Rafferty J., Meaker T. Using Laser
Ablation-Inductively Coupled Plasma-Mass Spectrometry
(LA-ICP-MS) to Source Shell in Shell-tempered Pottery: A Pilot
Study from North Mississippi // *Southeastern Archaeology.* –
2007. – Vol. 26. – P. 319–329.

Pécsi M. Geomorphological Regions of Hungary. –
Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. – 45 p.

Pécsi M., Sárfalvi B. The Geography of Hungary. – L.:
Collets, 1964. – 299 p.

Roberts S., Sofaer J., Kiss V. Characterization and Textural
Analysis of Middle Bronze Age Transdanubian Inlaid Wares of
the Encrusted Pottery Culture, Hungary: A Preliminary Study //
J. of Archaeological Science. – 2008. – Vol. 35. – P. 322–330.

**Sarris A., Galaty M.L., Yerkes R.W., Parkinson W.A.,
Gyucha A., Billingsley D., Tate R.** Geophysical Prospection
and Soil Chemistry at the Early Copper Age Settlement of
Vésztő-Bikeri, Southeastern Hungary // *J. of Archaeological*
Science. – 2004. – Vol. 31(7). – P. 927–939.

Sziki G.Á., Biró K.T., Uzonyi I., Dobos E., Kiss Á.Z.
Investigation of Incrusted Pottery Found in the Territory of
Hungary by Micro-PIXE Method // *Nuclear Instruments*
and Methods in Physics Research B. – 2003. – Vol. 210. –
P. 478–482.

Материал поступил в редколлегию 25.07.09 г.

УДК 903.26

А.М. Жульников¹, Е.А. Кашина²¹Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, 185910, Карелия, Россия
E-mail: wigwam@karelia.ru²Государственный Исторический музей
Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия
E-mail: eakashina@mail.ru

«ЛОСИНОГОЛОВЫЕ ЖЕЗЛЫ» В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ, СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

В работе рассматриваются т.н. лосиноголовые жезлы – Г-образные резные предметы с навершием в виде головы лося – и их изображения в наскальном искусстве эпохи позднего мезолита – раннего металла. Проанализированы морфология, территориальное расположение, хронология, а также археологический контекст этих изделий. Они являлись сакральными предметами, которые использовали в ритуале зрелые и пожилые мужчины. В семантическом плане эти вещи были, вероятно, многозначны. Они могли быть связаны с идеей как плодородия, так и соотношения зрелости–старости с осенне-зимним временем года. «Лосиноголовые жезлы» на петроглифах относятся к изображениям магических предметов, воплотивших в себе символику Вселенной.

Ключевые слова: мезолит – неолит – энеолит, резные и наскальные изображения, лось, северный олень.

Введение

Изделия с навершием в виде головы лося/оленя и их изображения в наскальном искусстве представляют значительный интерес в плане реконструкции мировоззрения древних жителей севера Евразии и изучения социальной структуры первобытных коллективов эпох мезолита – неолита – раннего металла. Колоссальное время существования «лосиноголовых жезлов» (VI – вторая половина II тыс. до н.э.) и их наскальных изображений (VI–III тыс. до н.э.), обширное территориальное распространение (от Зауралья до Северной Европы), бесспорно, отражают

определенную мировоззренческую общность носителей ряда археологических культур лесной полосы Евразии [Столяр, 1983; Студзицкая, 1997].

Обе разновидности «лосиноголовых жезлов», неоднократно привлекавшие внимание исследователей, требуют дополнительного изучения. Так, резные изделия сильно различаются по размеру и особенностям формы, поэтому необходимо провести их морфологический анализ. Следует также рассмотреть фрагментированные предметы, не нашедшие отражения в прежних исследованиях. На основе полученных данных и особенно изучения контекста находок сделаны выводы о предполагаемом функциональном и смысловом значении резных изделий. Поскольку образ лося (оленя) в мифологии многозначен, для раскрытия семантики изображений «лосиноголовых жезлов» в наскальном творчестве важен анализ тех сцен, где можно увидеть «применение»

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Мировоззрение населения лесной зоны Восточной Европы в неолите – энеолите по материалам искусства малых форм» (№ 09-01-00084а).

данного атрибута. Изучение содержания таких композиций представляет интерес и в плане определения функционального предназначения аналогов «лосиноголовых жезлов».

«Лосиноголовый жезл»: артефакт и символ

Изделия с навершием в виде головы лося в основном изготовлены из рога (изредка из кости) этого животного. Большая часть предметов мелкой пластики из Оленеостровского могильника на Баренцевом море изображает северного оленя и выполнена из оленьего рога. «Лосиноголовый жезл» с поселения Маяк II также изготовлен из рога северного оленя [Мурашкин, Шумкин, 2008; Гурина, 1997]. Известны единичные деревянные и каменные изделия в виде головы лося. Последние (4 экз.) имеют отверстие для насаживания на стержень. Они встречаются только в южной части Финляндии и в Карелии, что свидетельствует о локальном характере бытования данной традиции. Лишь одно навершие выделяется детальной прора-

Рис. 1. Территория распространения резных «лосиноголовых жезлов» (6–23) и их изображений на петроглифах (1–5).

1 – Винген; 2 – Немфорсен; 3 – Альта; 4 – Канозеро; 5 – Завлауга; 6 – Оленеостровский могильник; 7 – Маяк II; 8 – могильник на Южном Оленьем о-ве; 9 – Модлона; 10 – Нарва Ригикюла III; 11 – Вилла; 12 – могильник Звейниеки; 13 – устье р. Малмуты; 14 – Швентойи-3, -4; 15 – Кретуонас I; 16 – Замостье II; 17 – Сахтыш I; 18 – Володары; 19 – Черная Гора; 20 – погребение на р. Ток; 21 – Аннин Остров; 22 – Шигирский торфяник; 23 – Калмацкий Брод.

боткой черт лося, остальные сильно стилизованы. Поскольку датировка этих находок и их археологический контекст не ясны, они не рассматриваются в данной работе.

Резные роговые и костяные изделия имеют характерный перегиб от 90 до 120° (редко до 150°) между стержнем и навершием в виде головы животного. Все они тщательно отшлифованы и отполированы. Размеры целых предметов от 10 до 49 см. Все изделия (28 экз.) можно разделить на две размерные группы: «мелкие», длиной от 10,0 до 25,3 см (12 экз.) (Маяк II, Оленеостровский могильник (7 экз.), могильник на Южном Оленьем о-ве Онежского оз., могильник Звейниеки, Швентойи-4, Модлона) [Гурина, 1953, 1956, 1997; Мурашкин, Шумкин, 2008; Zagorskis, 1987; Rimantiene, 1996; Ошибкина, 1978], и «крупные» – от 40 до 49 см (16 экз.) (могильник на Южном Оленьем о-ве (2 экз.), Нарва Ригикюла III, Вилла, устье р. Малмуты, Швентойи-3 (2 экз.), Кретуонас I, Сахтыш I, Замостье II, Черная Гора, погребение на р. Ток, Шигирский торфяник (2 экз.), Калмацкий Брод, Аннин Остров) [Гурина, 1956; Loze, 1970; Rimantiene, 2005; Искусство..., 1992; Лозовский, 2009; Цветкова, 1969; Богданов, 1992; Эдинг, 1940] (рис. 1). Минимальные и максимальные размеры взяты по целым предметам. Деление несколько условно, потому что имеется значительное количество фрагментов, по которым длина изделия может быть реконструирована лишь приблизительно. Все они сопоставлены по своим размерам с целыми предметами и включены во вторую группу. Одно целое изделие обособлено, т.к. вместо стержня имеет отверстие, возможно предназначенное для насаживания на стержень (Володары; рис. 2, 5) [Цветкова, 1973].

Фрагментированность многих резных предметов не позволяет сделать твердые и точные выводы об их морфологических особенностях. Каждое изделие уникально по набору деталей, элементов изображения животного и орнамента. Это препятствует формированию четкой классификации на базе таких признаков, как форма глаз, ушей, детали орнамента и т.д. Можно сделать лишь некоторые наблюдения по отдельным признакам.

Группа из семи изделий с навершием в виде головы северного оленя из Оленеостровского могильника (вторая половина II тыс. до н.э.) стоит особняком в ряду остальных и представляет собой яркую серию предметов, бытовавших в узкий промежуток времени и, вероятно, выполненных членами одного и того же коллектива [Мурашкин, Шумкин, 2008]. Среди них не только нет двух одинаковых, но и наблюдается поразительное разнообразие в наборе деталей. Сходными являются абрис головы северного оленя, угол между навершием и стержнем и прямоугольное сечение последнего (рис. 2, 3, 4).

Сильное сходство в изображении глаз, ноздрей, рта и подчелюстной выемки лося имеют находки из Уральского региона: Шигирского торфяника (2 экз.), Аннина Острова, с р. Ток (рис. 2, 2, 6, 8) [Богданов, 1992; Эдинг, 1940]. У трех изделий глаза переданы высверленной ямкой, только у одного, из могильника на Южном Оленьем о-ве Онежского оз. (рис. 2, 1), она сделана на выпуклости, а у двух территориально и хронологически близких предметов из Черной Горы и Володар (рис. 2, 5) подчеркнутой выпуклости нет [Гурина, 1956; Цветкова, 1969, 1973]. Такой элемент, как «серьга», встречен у наиболее «западных» изображений, датированных неолитом – энеолитом: со стоянок Вилла, Швентойи-3 (рис. 2, 7), Кретуонас I ([Loze, 1970; Rimantiene, 2005], а также устное сообщение А. Гирининкаса). Воспроизведение подчелюстной выемки также имеет территориальные особенности: узкой резной линией – у двух «западных» образцов (Швентойи-3, устье р. Малмуты), широкой – у трех «восточных» (Шигирский торфяник (2 экз.), р. Ток) (рис. 2, 6, 8) [Loze, 1970]. По остальным признакам (наличие/отсутствие глаз, форма ушей, пропорции морды, орнаментация) территориально-хронологические особенности не зафиксированы. Следует отметить, что в отличие от группы «крупных» предметов «мелкие», за исключением серии из Оленеостровского могильника на Баренцевом море, имеют меньшее сходство при сравнении любых морфологических характеристик.

Ареал находок из рога и кости чрезвычайно обширен. Обращает на себя внимание распределение двух выделенных размерных групп: «мелкие» представлена на севере и западе лесной зоны Восточной Европы, «крупные» – на всей изучаемой территории, кроме северных областей. Предметы обеих групп относятся к разным эпохам. Позднемезолитические находки происходят из Карелии и Московской обл.; неолитические – из Восточной Балтии; энеолитические – из Восточной Балтии, Вологодской обл., центральной части России и, возможно, из Зауралья; эпохи бронзы – из Мурманской обл.

Двенадцать резных предметов найдены в погребениях (могильник на Южном Оленьем о-ве Онежского оз., Оленеостровский на Баренцевом море, Звейниеки в Латвии, погребение на р. Ток в Оренбургской обл.) [Гурина, 1956; Мурашкин, Шумкин, 2008; Zagorskis, 1987; Богданов, 1992]: 11 – с костяками зрелых и пожилых мужчин, один (рис. 2, 3) – со скелетными остатками женщины 60 лет (погр. 16-2 Оленеостровского могильника). В погр. 19-4 Оленеостровского могильника было три таких предмета, во всех остальных случаях – по одному.

Н.Н. Гурина отмечала залощенность на нижних концах двух Г-образных изделий из погребений могильника на Южном Оленьем о-ве, вызванную, по

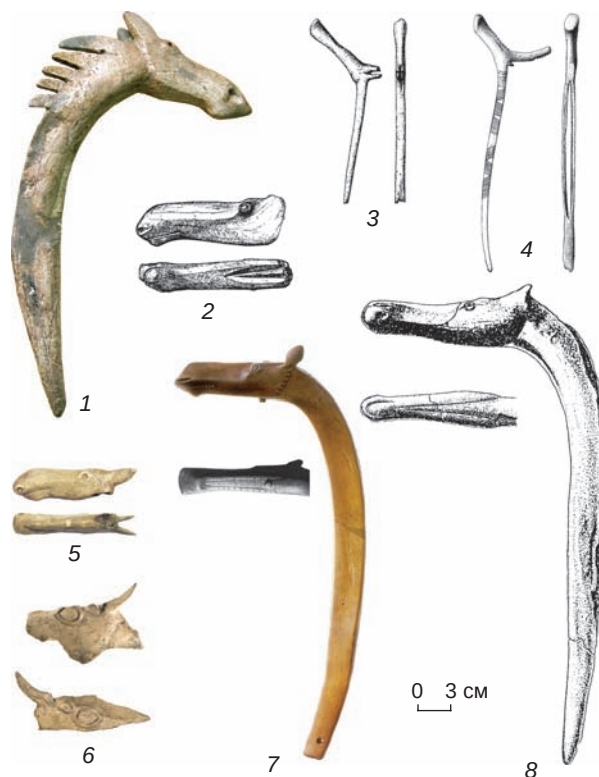

Рис. 2. Резные «лосяноголовые жезлы».

1 – могильник на Южном Оленьем о-ве, погр. 153; 2 – Шигирский торфяник; 3, 4 – Оленеостровский могильник на Баренцевом море, погр. 16-2, 19-4; 5 – Володары; 6 – Аннин Остров; 7 – Швентойи-3; 8 – погребение на р. Ток.

ее мнению, долговременным держанием предметов в руке [Гурина, 1956, с. 215]. Расположение данных находок в этих погребениях в верхней части костяков, а также аналогичных предметов в двух захоронениях Оленеостровского могильника на Баренцевом море – подле костей правой руки [Кольская археологическая экспедиция] тоже указывает на их ношение в руке. Несомненно, такие изделия не были «одноразовыми».

Остальные подобные предметы найдены в культурных отложениях поселений. Большая их часть фрагментирована: возможно, они намеренно уничтожались по каким-то причинам. Не раз высказывалось предположение о том, что эти изделия принадлежали людям, наделенным особыми полномочиями, – «шаманам», «вождям» [Гурина, 1956, с. 242; Столяр, 1983, с. 157]. По нашему мнению, количество дошедших до нас находок, а также материалы Оленеостровского могильника на Баренцевом море говорят о другом: «лосяноголовый жезл» потенциально мог быть связан с каждым мужчиной коллектива, достигшим зрелого (?) возраста и способным к выполнению определенных сакральных функций. Если бы эти предметы, изготавливавшиеся в основном из органического материала, принадлежали

исключительно людям, наделенным особым статусом «вождя» или «шамана», то до нас бы дошло в лучшем случае всего несколько экземпляров.

Ранее исследователи полагали, что объект изображения – безрогая самка лося [Искусство..., 1992]. Однако точка зрения, согласно которой это самец в период сброса рогов [Гурина, 1956, с. 215], кажется, нашла свое подтверждение в находке из Аннина Острова: на голове лося выделены «пеньки» от сброшенных рогов (рис. 2, 6). В серии изображений из Оленеостровского могильника на Баренцевом море представлены три безрогих и четыре рогатых северных оленя (рис. 2, 4). Согласно мнению зоологов, самцы лося и северного оленя сбрасывают рога примерно в одно и то же время. Вероятно, «жезлы» из Оленеостровского могильника на Баренцевом море демонстрируют упадок самой традиции: они бытовали в гораздо более поздний период, чем другие, и на весьма отдаленной территории – в своеобразном «анклаве».

Изображения «лосиноголовых жезлов» в наскальном творчестве представлены в большинстве крупных скоплений петроглифов Северной Европы (см. рис. 1), насчитывающих не менее 1 000 фигур: Альта – более 30 изображений, Винген – более 20, Немфорсен – 22, Канозеро – 4, Залавруга – 2. Самые ранние из них относятся, видимо, к концу эпохи мезолита (Винген), наиболее поздние – к финалу неолита, возможно, энеолиту (Залавруга). В наскальном творчестве бронзового века Северной Европы изображения «лосиноголовых жезлов» уже не известны.

Выделяются две группы «жезлов» на петроглифах, различающиеся характером соединения стержня и наверхия в виде головы лося: с почти прямым углом между ними и со скругленным. На наскальных рисунках Альты доминируют изображения первой группы, Немфорсена – второй, а на скалах Вингена и Канозера примерно в равной пропорции представлены обе. Это может отражать как локальные стилистические особенности петроглифов, так и региональные различия в материальных прототипах изображений «лосиноголовых жезлов». В каждой группе выделяются по три вида, различающиеся по форме головы лося. Первый – с серповидным завершением. Такие «жезлы» представлены только на петроглифах Вингена и не имеют материальных аналогов. Второй вид по данному признаку наиболее близок резным изделиям из могильников и с поселений. Третий отличается заметным утолщением на конце наверхия. Показательно, что подобное утолщение отсутствует у изображений лосиной головы на лодках и у фигур лося и оленя. Из-за него «лосиноголовые жезлы» иногда называют топорами-жезлами [Колпаков, 2007, с. 170]. Изображения третьего вида широко представлены на петроглифах Немфорсена, Канозера и Залавруги, а на наскальных рисунках Альты и Вингена они единичны. У резных «лосиноголовых жезлов»

столь явно выраженного утолщения нет. Учитывая устойчивое подчеркивание этой детали в удаленных друг от друга группах петроглифов, можно предположить, что у таких изображений был сходный по форме материальный прототип.

Среди других характерных особенностей изображений «жезлов» следует отметить отсутствие на голове животного явно выраженных рогов. Показательно, что на петроглифах Альты в сценах охоты преобладают фигуры оленей, многие из которых имеют рога. У оленей, в отличие от лосей, рогами обладают не только самцы, но и самки. Следовательно, нельзя утверждать, что наверхия в виде головы безрогого оленя у «жезлов» из Оленеостровского могильника представляют исключительно самок. Очевидно, отсутствие рогов на изображениях имеет знаковый характер.

Все антропоморфные обладатели «лосиноголовых жезлов» на петроглифах относятся, видимо, только к мужскому полу, что находит аналогию в погребениях. Такие персонажи иногда имеют приостренную или иную особую форму головы, не характерную для антропоморфных фигур, представленных, в частности, в сценах охоты, и гипертрофированный фаллос. Эти особенности, вероятно, подчеркивают не только мифическую природу обладателей «лосиноголовых жезлов», но и их особый статус в ряду других мифических персонажей на петроглифах.

Несомненный интерес в плане определения символического значения «лосиноголовых жезлов» представляет их расположение на рисунках относительно антропоморфной фигуры. Человек, мужчина понимался древними как воплощение Вселенной [Маковский, 1996, с. 386]. Начиная предположительно с эпохи энеолита – бронзы он в какой-то степени приравнивался к Мировому дереву, шести, посоху и т.п. [Топоров, 1997, с. 398].

Нами было сопоставлено положение «лосиноголового жезла» и ряда видов орудий, изображенных на петроглифах Фенноскандии, относительно фигуры их обладателя (рис. 3). В размещении копья не наблюдается четкой закономерности – имеются варианты наклонного, вертикального и горизонтального расположения на уровне рук, головы или над ней (рис. 3, 1–5). Лук изображается параллельно фигуре антропоморфного персонажа на уровне его груди (рис. 3, 6–10). Лыжные палки также ориентированы параллельно фигуре, а их нижний, утолщенный конец располагается примерно на уровне ступней (рис. 3, 11–14). Все эти варианты отражают реальные способы использования древними людьми материальных аналогов изображенных на петроглифах орудий.

Положение «лосиноголовых жезлов» несколько иное и отнюдь не соответствует представлениям ряда исследователей об их функционировании в качестве жезлов-посохов, т.е. предметов, опирающихся

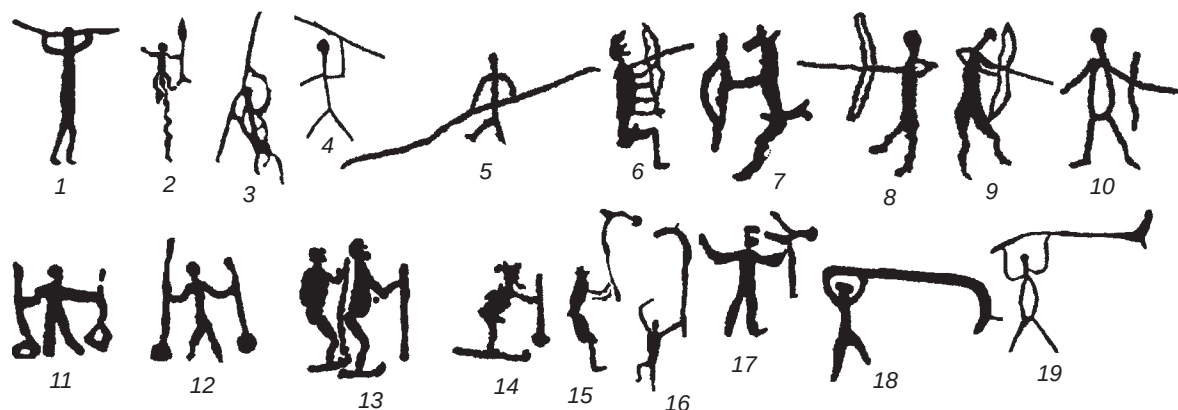

Рис. 3. Варианты размещения изображений орудий и «лосиноголовых жезлов» относительно фигур антропоморфных персонажей.

1, 3–5, 8–10, 16, 18, 19 – Альта; 2, 15 – Канозеро; 6, 7, 13, 14 – Белое море; 11, 12, 17 – Немфорсен.

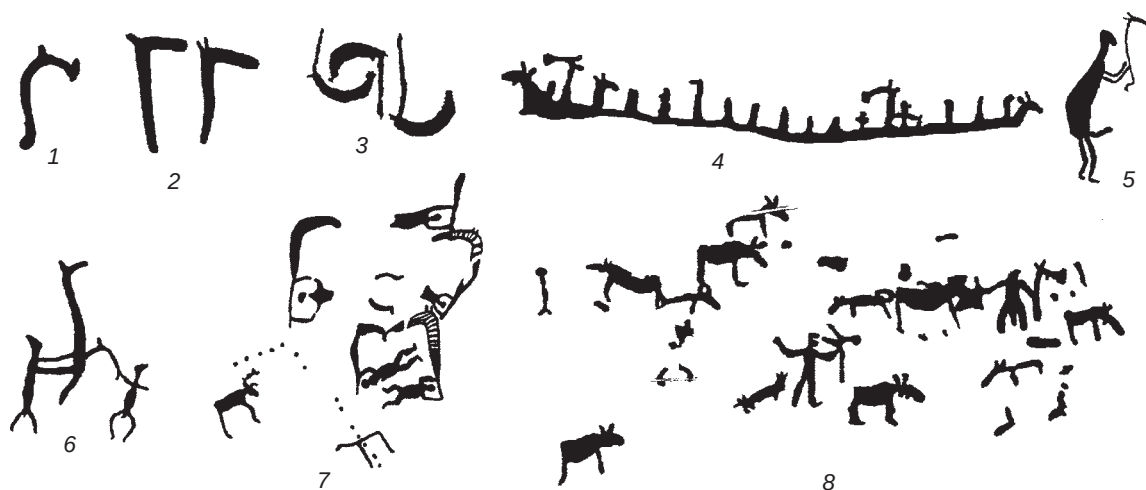

Рис. 4. Типы композиций с изображениями «лосиноголовых жезлов».

1, 5 – Канозеро [Колпаков, 2007]; 2, 7 – Кофьорд (Альта); 3 – Винген [Hallström, 1938]; 4, 8 – Немфорсен [Hallström, 1960]; 6 – Альта [Helskog, 1988].

на землю. Существует два варианта их размещения относительно фигуры антропоморфного существа. Первый – горизонтально над головой (рис. 3, 18, 19), второй – вертикально (рис. 3, 15–17), при этом «лосиноголовая» часть предмета располагается выше или на уровне головы, а нижняя – как правило, на уровне или выше пояса. Антропоморфные персонажи как бы размахивают «жезлом» либо держат его поднятым над головой или на уровне головы. Представляется, что данное положение «жезла» указывает на его высокий семиотический статус. Можно привести в качестве аналогов поздние произведения искусства, где подобное положение относительно изображенных героев занимают, например, скипетр или хоругвь. Расположение в могилах «лосиноголовых жезлов» выше пояса умершего человека также, скорее всего, связано со статусом этого изделия.

Анализ петроглифов показал, что примерно треть «жезлов» изображена вне явной композиционной связи с другими фигурами (рис. 4, 1), композиции из двух или трех «жезлов» единичны (рис. 4, 2, 3), в остальных случаях они находятся в руках антропоморфных персонажей (рис. 4, 5–8), которые иногда размещаются в лодке (рис. 4, 4). Наибольшее сходство по вариантам композиций с «лосиноголовыми жезлами» наблюдается между неолитическими петроглифами Альта и Немфорсена, несколько меньшее – между наскальными рисунками Альта и Канозера. На петроглифах Вингена такие изображения отсутствуют, что может быть связано с мезолитическим возрастом памятника.

В наскальном искусстве нашли отражение представления древних людей о множественности единовременно функционировавших «лосиноголовых жез-

лов». В пространственно изолированной композиции одной из групп петроглифов Альты все пять антропоморфных персонажей являются их обладателями (рис. 4, 7). На рисунках Немфорсена имеются три изображения лодок с экипажем, насчитывающим от 8 до 18 антропоморфных персонажей, показанных в основном в виде выступов-столбиков (рис. 4, 4). От двух до четырех пассажиров являются обладателями «лосиноголовых жезлов», т.е. в среднем один из четырех членов экипажа. С образом лодки в архаичных представлениях, как известно, связано понятие «община» [Ревуненкова, 1974]. Таким образом, древний человек допускал, по крайней мере в мифических ситуациях, единовременное функционирование нескольких «лосиноголовых жезлов» у одной сравнительно небольшой по численности общины. В этой связи можно предположить, что и в реальном коллективе древних людей единовременно было несколько мужчин, обладавших такими жезлами.

Ряд композиций позволяет судить о семантике рассматриваемых предметов. На петроглифах Канозера антропоморфный персонаж направляет «лосиноголовый жезл» в сторону фигур мужчины с веслом или копьем и женщины с младенцем в чреве (рис. 5, 1). Продуцирующая символика этой композиции весьма вероятна. На другом наскальном рисунке Канозера «жезл» находится в руках антропоморфного персонажа с горбатой спиной, гипертрофированным фаллосом и зооморфной головой (см. рис. 4, 5) – признаками, которые сближают данное изображение с Беломорским Бесом и другими подобными фигурами, характеризующимися отчетливо выраженной продуцирующей символикой [Жульников, 2006, с. 132; Окладникова, 1995, с. 156]. На петроглифах Альты возле одного антропоморфного персонажа с «лосиноголовым жезлом» выбито несколько фигур оленей, развернутых на 90° (конечностями вправо) и расположенных в ряд параллельно друг другу (см. рис. 5, 2). Вряд ли такое расположение случайно, поскольку на Альте в сценах охоты эти животные изображены обычно относительно беспорядочно или

в виде кортежа. Создается впечатление, что олени в рассматриваемой композиции как бы высыпаются из «лосиноголового жезла», как из рога изобилия. В некоторых группах петроглифов Альты и Немфорсена антропоморфные персонажи с «лосиноголовыми жезлами» изображены в сценах охоты на оленей или лосей, иногда рядом с охотниками (см. рис. 4, 8; 5, 3). В целом содержание подобных композиций свидетельствует о том, что смысл таких изображений, скорее всего, состоит в идее воспроизводства лосей (оленей), умножения добычи.

На петроглифах Альты и Залавруги четыре раза воспроизведен сюжет, где два противостоящих антропоморфных персонажа держат в руках «лосиноголовые жезлы» (см. рис. 4, 6; 5, 4). Повторяемость данной композиции в наскальном творчестве Фенноскандии свидетельствует о существовании у ряда групп древнего населения региона сходного мифологического сюжета, отразившегося в определенном изобразительном каноне. Исследователи отмечают, что сцены противостояния одинаковых персонажей иллюстрируют архаический мотив тождества противников [Ермоленко, 2005, с. 93]. Идея о двуединстве эпических противников была высказана О.М. Фрейдбергом. «Герой», побеждая «врага/смерть», одолевает самого себя «в противоположной фазе» [Фрейдберг, 1997, с. 209]. При всех вариациях подобной композиции в искусстве можно констатировать: ядро данной сюжетной схемы составляет антитетическое отношение двух мифических героев. Представляется, что противостоящие персонажи являются отражением двоичной символической классификации и восходят к идеям дуалистических мифов. Данная гипотеза подтверждается самим композиционным решением сюжета. Противостояние тождественных персонажей метафорически отражает основную характеристику архаичной системы представлений о мире – амбивалентность, традиционно выраженную в образах двух божеств, участвующих в процессе мироздания. В наиболее архаичных вариантах мифов народов Северной Евразии эти божества имели

Рис. 5. Композиции с изображениями «лосиноголовых жезлов». 1 – Канозеро; 2 – Кофьорд (Альта); 3, 4 – Альта [Helskog, 1988].

зооморфный облик. Поэтому нельзя исключить, что два «лосиноголовых жезла» в сценах «поединков» на петроглифах соотносятся с образами двух зооморфных «божеств» Верхнего мира – мифических лосей/олений в представлениях древнего населения региона, – являющихся подателями жизни для зверей и людей [Окладников, 1950, с. 315].

Заключение

Появление в материальной культуре древнего населения лесной зоны Зауралья, Северной и Восточной Европы предметов с навершиями в виде головы лося знаменует собой выделение в первобытном коллективе социальной группы зрелых мужчин, наделенных особым статусом и, соответственно, рядом сакральных полномочий.

Использование для изготовления «лосиноголовых жезлов» преимущественно рога или кости лося и оленя подчеркивает наличие явной семантической связи между этим магическим предметом и образом лося/северного оленя [Жульников, 2006, с. 177]. Данный образ являлся одним из значимых в представлениях населения лесной зоны Северной Евразии. Это «положительный» космический, календарный, ойкуменический символ. Как правило, у народов Урала и Сибири лось ассоциировался с солнцем и созвездием Большой Медведицы («Лося») – главными ориентирами в пространстве. Универсальный сюжет преследования чудесного лося могучим охотником [Карельское... творчество, 1982; Окладников, 1949] является не столько отражением «промыслового» мифа или календарного (весеннего) празднества, сколько метафорой бега времени, жизненного и природного цикла. Ойкуменическое восприятие этого образа отражено в представлениях о земной поверхности как спине фантастического лося, а также в фольклорных текстах с эпизодом превращения преследуемого чудесного лося в различные «блага» – дом, собак, богатство [Аврорин, Козьминский, 1949; Лебедева, 1982; Карельское... творчество, 1982]. Образ лося как существа, олицетворяющего мировой порядок, видимо, сформировался в мезолитическую эпоху и сохранялся очень длительное время.

Безрогий лось-самец мог быть символом холодной половины года [Жульников, 2006; Конаков, 1990]. Ассоциирование осени и зимы со зрелостью и старостью является мировой универсалией в зонах умеренного и континентального климата. Достижение человеком зрелости, его переход в новый возраст, возвышение, возможное наделение его новыми полномочиями и предметом с навершием в виде головы лося вполне соотносится с представлением древнего населения Северной Евразии о лосе как о светлом космическом

существе, олицетворяющем Вселенную. Резные «лосиноголовые жезлы» могли использоваться в «узкосемейных» и личных ритуалах, в т.ч. для испрашивания репродуктивной силы, благополучия, размножения зверей и всего живого.

Изображения «лосиноголовых жезлов» на петроглифах также отчасти связаны с продуцирующей магией. Вероятно, данный образ в наскальном творчестве является прежде всего репликой орудия первотворения, магическим предметом, воплотившим в себе символику Вселенной, или, возможно, субститут «божества», имеющего зооморфный облик. Учитывая коллективную направленность ритуалов на петроглифических святилищах и содержание композиций с «лосиноголовыми жезлами», следует полагать, что функция изображений этих предметов и характер их использования мифическими персонажами несколько отличались от способов применения изделий с навершием в виде головы лося.

Список литературы

- Аврорин В.А., Козьминский И.И.** Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» // Сб. МАЭ. – 1949. – Вып. 11. – С. 324–334.
- Богданов С.В.** Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 1992. – С. 195–205.
- Гурина Н.Н.** Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. – 1953. – № 39. – С. 347–407.
- Гурина Н.Н.** Оленеостровский могильник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 432 с. – (МИА; № 47).
- Гурина Н.Н.** История культуры древнего населения Кольского полуострова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. – 240 с.
- Ермоленко Л.Н.** Изображение одинаковых или однополовых противников в свете эпического мотива тождества «героя» и «врага» // Мир наскального искусства: сб. докл. междунар. конф. – М.: Ин-т археологии РАН, 2005. – С. 92–95.
- Жульников А.М.** Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 224 с.
- Искусство каменного века** (лесная зона Восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – 136 с.
- Карельское народное поэтическое творчество** / подгот. и пер. текстов В.Я. Евсеева. – Л.: Наука, 1982. – 412 с.
- Колпаков Е.М.** Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник. – СПб.: ИИМК РАН, 2007. – С. 155–183.
- Кольская археологическая экспедиция:** научный сайт ИИМК РАН. – URL: <http://kae.rekvizit.ru> (дата обращения: 12.06.2009).
- Конаков Н.Д.** Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 103–120.

Лебедева Ж.К. Эпические памятники народов крайнего Севера. – Новосибирск: Наука, 1982. – 112 с.

Лозовский В.М. Искусство стоянки Замостье-2 в контексте искусства Европы эпохи мезолита // Древности земли Радонежской: тез. докл. науч. конф. – Сергиев Посад: Ремарко, 2009. – С. 6–12.

Маковский М.М. Сравнительный анализ мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

Мурашкин А.И., Шумкин В.Я. Образ северного оленя в мелкой пластике из могильника Большого Оленьего острова в Баренцевом море и в петроглифах Северной Фенноскандии // Петроглифы Канозера. Наскальная летопись Канозера: 50 веков создания, 10 лет со дня открытия: докл. Междунар. конф. по наскальному искусству 3–7 сентября 2007 г. – Кировск, 2008. – С. 25–31.

Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены // Сб. МАЭ. – 1949. – Вып. 11. – С. 73–109.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки: Проблема этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. – СПб.: МАЭ, 1995. – 320 с.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. – М.: Наука, 1978. – 232 с.

Ревуненкова Е.В. «Корабль мертвых» у батаков Суматры // Культура народов Австралии и Океании. – Л.: Наука, 1974. – С. 167–180.

Столяр А.Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л.: Наука, 1983. – С. 145–158.

Студницкая С.В. Ритуальные «жезлы-посохи» неолита лесной полосы Евразии // Актуальные проблемы древней и

средневековой Евразии. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 95–103.

Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира: энциклопедия. – М.: Рос. энцикл., 1997. – Т. 1. – С. 398–406.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М: Лабиринт, 1997. – 448 с.

Цветкова И.К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции Государственного исторического музея. – М.: ГИМ, 1969. – С. 25–38.

Цветкова И.К. Скульптура лося с неолитической стоянки Володары // Slovenska Archeologia. – 1973. – Vol. 21, N 2. – P. 423–428.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. – М.: ГИМ, 1940. – 104 с. – (Из истории звериного стиля; вып. 10).

Loze I. Seno ticejumu un tradīciju atspoguļojums akmens laikmeta maksla Austrumbaltijā // Archeologija un etnografija. – 1970. – N 9. – Lpp. 9–30.

Rimantiene R. Akmens amžius Lietuvoje. – Vilnius: Ziburio leidykla, 1996. – 342 p.

Rimantiene R. Die Steinzeit-fischer an der Ostseelagune in Litauen. – Vilnius: Litauisches Nationalmuseum, 2005. – 525 s.

Hallström G. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. – Stockholm: Thule, 1938. – 544 p.

Hallström G. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age: Nämforsen and other localities. – Stockholm: Almqvis & Wiksell, 1960. – 403 p.

Helskog K. Helleristningene i Alta: spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. – Alta: Alta Museum, 1988. – 135 s.

Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. – Rīga: Zinatne, 1987. – 130 lpp.

Материал поступил в редколлегию 01.07.09 г.

УДК 903.2

А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова*Пермский государственный педагогический университет**ул. Сибирская, 24, Пермь ГСП, 614990, Россия**Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН**ул. Пушкина, 44, Пермь ГСП, 614990, Россия**E-mail: belavin@pspu.ru*

ПРЕДМЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СЮЖЕТА «ЖИВОТНОЕ/ВСАДНИК НА ОСНОВАНИИ» В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В статье рассматривается один из сюжетов урало-сибирской металлопластики – шагающее животное на основании в виде змеи. Он представлен изображениями одиночных фигур животных и всадников, выполненных по единому канону. Среди предметов данного круга выделяются культовые плакетки и подвески. Истоки сюжета прослеживаются в древностях раннего железного века с территорий, прилегающих с обеих сторон к Уралу, что является свидетельством культурного родства населения Предуралья и Западной Сибири. В средние века на изделиях данной группы обычно изображались медведи, лоси, олени, кони как в виде одиночных фигур, так и со всадниками. В статье подробно анализируются все стилистические особенности и отдельные детали, дается вариант расшифровки значения, описывается специфика использования рассматриваемых вещей, определяется их ареал. Сделаны выводы о том, что образы шагающих животных и всадников на основании-змее имеют общую иконографию, основной территорией их бытования являются Западная Сибирь и Среднее Предуралье, где они сформировались примерно одновременно на рубеже раннего железного века и эпохи средневековья.

Ключевые слова: Евразия, средневековье, звериный стиль, подвески, культовые плакетки, всадник на змее, животное на змее, урало-сибирская мифология.

Введение

Ярчайшая черта культуры урало-сибирского населения эпохи железа – зооморфные мотивы в металлопластике. Специалисты с разных сторон изучают предметы, выполненные в зверином стиле. Повышенный интерес к данной категории предметов материальной культуры обусловлен тем, что она наиболее емко и в определенной степени в доступной для современного восприятия форме отражает древнюю духовную культуру, идеологические представления древнего населения. Но единства в понимании данного феномена до сих пор нет. Одна из причин этого, на наш взгляд, – в зачастую искусственном разделении разного рода зооморфных изображений по времени и

территориям, что затрудняет познание процессов зарождения и эволюции отдельных сюжетов, а также расшифровку их значения.

Общая характеристика предметов с изображением сюжета «животное/всадник на основании»

Рассмотрим сюжет, известный и неплохо освещенный в историографии, но не получивший широкого воплощения в металлопластике. Речь идет о шагающем животном на основании/змее. Этот образ передают как единичные фигуры животных, так и изображенные всадника, едущего на животном, выполненные

по единому канону. По смыслу и значению предметы данного круга делятся на культовые плакетки и подвески. Объединять их в одну группу позволяют такие особенности: 1) животное изображено шагающим, как правило, в правую от зрителя сторону; обычно показаны четыре ноги, передняя чуть приподнята в движении, голова повернута в профиль, прямо, иногда чуть опущена вниз (исключение – медведи с объемной головой анфас из курганов могильника Рёлка); 2) животное стоит на основании в виде планки (гладкой, псевдовитой, в виде «змеи» или ряда звериных голов), которая тянется от хвоста или задней ноги животного и по дуге или под углом соединяется обычно с мордой.

Истоки. Самые ранние воплощения шагающих животных и всадников относятся к кулайским памятникам в Западной Сибири примерно III в. до н.э. [Федорова, 2000, с. 40], несколько более поздние – к гляденовским костышам в Предуралье [Лепихин, 2007, с. 94–96]. Это были культовые плакетки и подвески со специальной петелькой на спине животного. Среди изображенных – медведи, лоси, олени,

волки, бобры, птицы и всадники. Наиболее известны гляденовские всадники: конь вырезан из листа, а литая фигурка верхового напаяна, как и узда, из проволоки. Встречаются фигуры всадников в островерхих головных уборах (шлем?) с луками и колчанами. Наряду с составными есть и цельнолитые фигурки [Там же, с. 91]. А.П. Смирнов прототипом подвесок-всадников считал цельнолитые гляденовские фигурки сидящего боком на волке всадника со свернувшимся на груди змеем. По мнению исследователя, образ человека на волке, ассоциировавшийся с каким-то духом, позже был заменен образом всадника, сидящего на коне в той же позе – свесив ноги на одну сторону [1952, с. 269]. Цельнолитые изображения человека на коне или медведе обнаружены в Усть-Полуе (I в. до н.э.) [Усть-Полуй..., 2003, с. 17, № 17] и на кулайском поселении Сырой Аган-6 [Арефьев, Карачаров, 2003]. К раннему железному веку относятся и первые фигурки на основании. Н.В. Федорова упоминает две кулайские фигурки медведя, лапы которого соединены перемычками, из клада на Барсовом Городке-1/20 [2000, с. 40]. Такие перемычки имеются и у некоторых гляденовских всадников.

Таким образом, сюжет «животное/всадник на основании» представлен в древностях раннего железного века по обеим сторонам Урала (рис. 1). Эти находки следует считать свидетельством культурного родства населения Предуралья и Западной Сибири.

Определенную роль в развитии иконографии изучаемых всадников сыграла восточная торевтика. В середине прошлого века А.П. Смирнов, рассмотрев предположение А.В. Збруевой о том, что в сасанидскую эпоху на верхней Каме сложились представления о верховном божестве как мужчине-охотнике, которого изображали всадником, окруженным зверями, и именно поэтому образ сасанидского царя на охоте, запечатленный в сюжете «всадник в окружении зверей», стал одним из излюбленных в ареале юго-восточной торевтики, раскритиковал его: оно, на взгляд исследователя, оторвано от хронологии [1952, с. 267]. Но сейчас, когда круг источников расширился, мы не можем отрицать связь сюжетов урало-западносибирской металлопластики и сасанидских блюд. Что касается хронологии, то массовый приток иранской посуды на Урал соответствует времени распространения предметов с сюжетом «животное/всадник на основании» (VI–VII вв.). Кроме того, в настоящее время выделены блюда т.н. венгеро-уральской группы IX–X вв., изготовленные, вероятно, в Предуралье, с изображением всадников в древней «уральской» изобразительной манере [Федорова, 2003, с. 146–147]. Эти изделия напрямую связаны с атрибутами оформлявшегося у угров культа всадника.

Основание. Это главное, что объединяет предметы рассматриваемой серии. Некоторые основания на од-

Рис. 1. Схема распространения предметов с изображением сюжета «животное/всадник на основании».

1 – Рафайловское; 2 – Елыкаевское; 3 – Архиерейская Заимка; 4 – Тимирязевский; 5 – Рёлка; 6 – Собакинское; 7 – Шутовское; 8 – Васюганский клад; 9 – Барсов Городок; 10 – Сайгатинский; 11 – Пожегдин II; 12 – д. Фекленки; 13 – д. Вакина; 14 – Купрос; 15 – Степаново плотбище; 16 – Анюшкар; 17 – Рождественск; 18 – Загарье; 19 – Баяново; 20 – Вереино; 21 – Кузьминский; 22 – Иднакар; 23 – Рябиновский клад; 24 – Качкашурский; 25 – Дондыкар; 26 – Варнинский; 27 – Танкеевский; 28 – Измерский; 29 – Дубовский; 30 – Веселовский; 31 – Нижняя Стрелка; 32 – Хэйбидя-Пэдара; 33 – Зубарево; 34 – Аксеново; 35 – Челмужи; 36 – о-в Кокорин; 37 – Видлицы; 38 – Карлуха; 39 – Выдрица; 40 – Будино; 41 – Сязнега.

ном конце оформлены в виде звериной головы, поэтому их трактуют как змею, хотя часто на голове есть уши, не характерные для пресмыкающихся. Я.В. Фролов сопоставляет фигуры шагающих животных на основании с композициями на скифских бляхах и пряжках наборных поясов. На щитке последних – профильное изображение идущего хищника, под его опущенной вниз или расположенной прямо головой – фигура свернувшегося в кольцо копытного животного или его парциальное изображение (рога или голова). На предметах рассматриваемой серии животные показаны в аналогичном ракурсе, есть голова оленя или лося под мордой, иногда замененная планкой [Фролов, 2003, с. 211]. Исследователь видит в планке с зооморфной головой копытное животное. По его мнению, основа-планка – результат переработки изображения скифского образа шествующего хищника семейства кошачьих. Этот элемент не мог развиваться на местной основе, т.к. противоречил древнему канону уральской изобразительной традиции [Там же, с. 218]. Я.В. Фролов построил типологический ряд профильных изображений животных на предметах бронзового литья. Наиболее ранними он считает кулайские образцы. За ними – изделия в традициях скифо-сибирского искусства, которые в местной среде подверглись переработке, были «опознаны» и включены в обрядовую практику. Предметы эпохи раннего средневековья отражают уже сложившуюся художественную традицию: влияние скифского искусства проявляется в иконографии изображений животного, органично включенной в изобразительную систему. Традиции, восходящие к скифским, сохраняются и в изображениях всадников, существенно не менявшихся до позднего средневековья. По мнению Я.В. Фролова, этот типологический ряд демонстрирует консервативность древних изобразительных традиций в культуре населения эпохи железа [Там же, с. 218–219]. Вероятно, в целом можно согласиться с предложенной концепцией, распространив ее и на материалы Приуралья: здесь подобные образы появились почти одновременно с кулайскими, кроме того, еще с ананьинско-

го времени развитие местного художественного литья находилось под мощным влиянием скифского искусства. Но отвергать предположение о том, что планка-основание – это изображение змеи, нельзя, поскольку на отдельных предметах образ змеи читается вполне четко (рис. 2, 13; 3, 8, 9). На ряде культовых плакеток изображения голов животных располагаются вдоль почти всего основания и вызывают ассоциацию с картиной последовательного поедания змеями друг друга (см. рис. 2, 1, 12, 20). По мнению Е.П. Казакова, змея – это хтоническое существо [2001, с. 160]. Согласно верованиям обских угров, змеи связаны с нижним миром и призваны служить его (или в него) проводниками. Но для расшифровки рассматриваемого сюжета наиболее

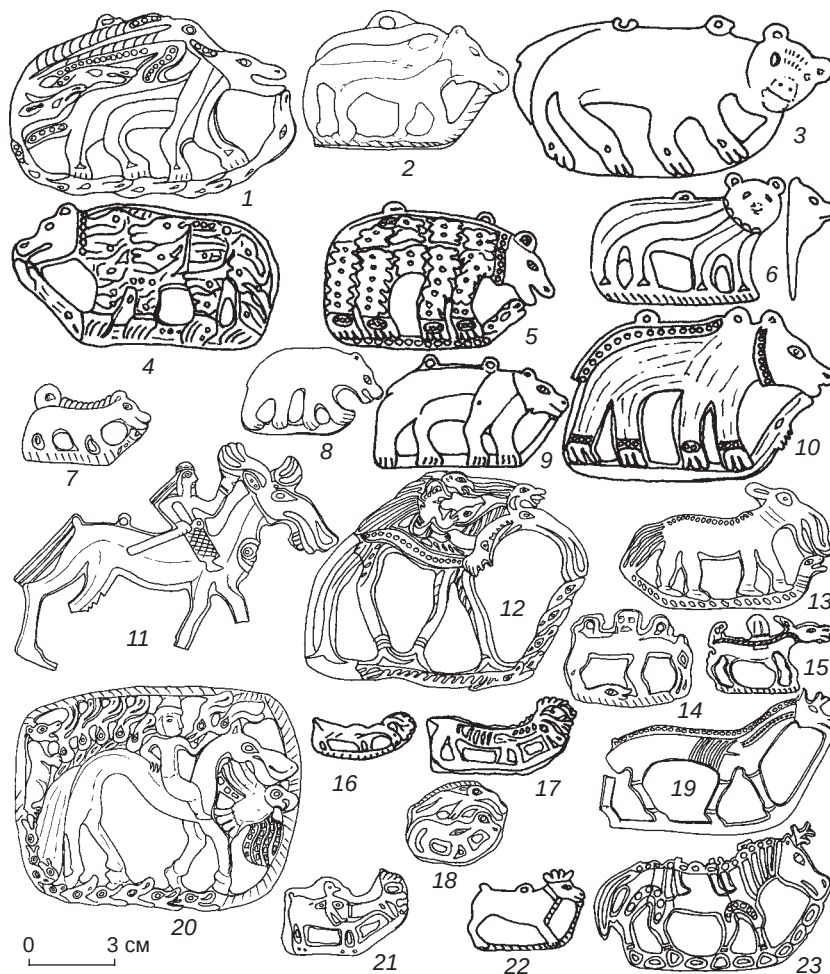

Рис. 2. Фигурки животных и всадников.

1 – Обь-Енисейский канал; 2, 8, 12, 20 – Пермский край; 3, 5, 11 – Рёлка; 4 – Третий Кордон-1; 6 – Нарымское Приобье; 7 – Сайгатинский III; 9, 22 – Васюганский клад; 10 – Тимирязевский II; 13 – Каксинская Гора-1; 14 – Пожегдин II; 15 – Архирейская Займка; 16–18, 21 – Хэйбидя-Пэдар; 19 – Верхнее Приобье; 23 – Барсов Городок, погр. 130; 1, 5, 9–11, 22 – [Чиндина, 1991, рис. 21, 11, 13, 15, 18, 19; 30, 13]; 2 – из браконьерских сборов; 3, 15 – [Финно-угры..., 1987, табл. ХСVIII, 25; С, 50]; 4, 6 – [Троицкая, 2000, рис. 1, 3; 2, 1]; 7, 23 – [Карачаров, 2002, рис. 15, 5; 18, 3]; 8, 20 – коллекция Зеликмана; 12 – [Смирнов, 1952, табл. LXXI, 9]; 13 – [Угорское наследие..., 1994, № 72]; 14 – [Археология Республики Коми, 1997, с. 394, рис. 10, 5]; 16–18, 21 – [Мурыгин, 1992, рис. 15, 7, 9, 23–24]; 19 – [Троицкая, Новиков, 2004, фото на обложке]; 20 – [Оборин, 1976, № 57].

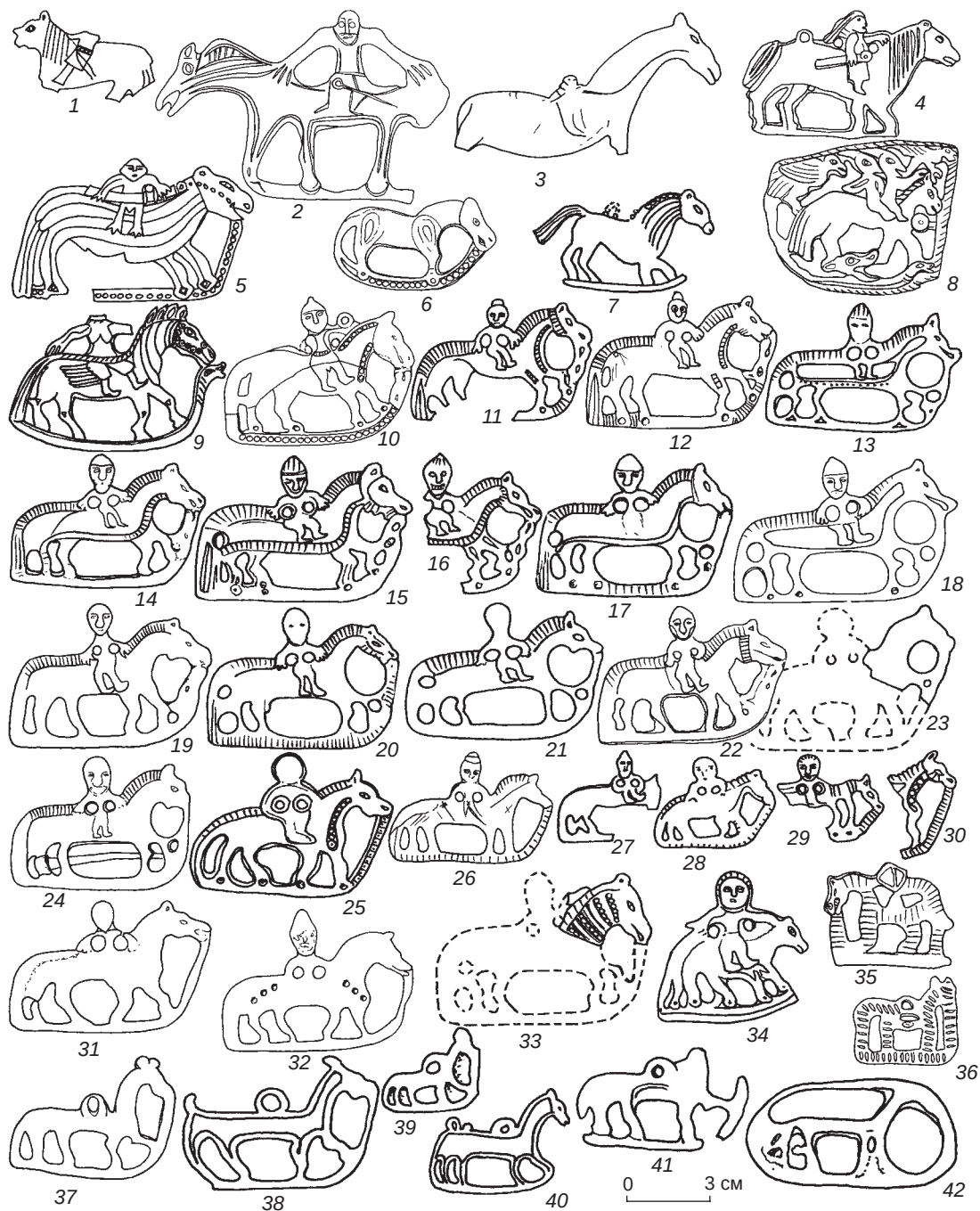

Рис. 3. Фигурки коней и всадников на конях.

1, 7 – Рёлка; 2, 4 – Шутовское; 3 – Елыкаевское; 5 – Собакинское; 6 – Сайгатинский VI; 8 – Пермский край; 9 – Глазовский р-н Удмуртии; 10 – Барсовский I; 11 – Загарский; 12 – Варнинский; 13 – Веселовский, погр. 8; Дубовский, погр. 46; 14 – Баяновский, погр. 37; 15 – Рябиновский клад (Дондыкар, Иднакар); 16 – Качашурский; 17, 20 – Челмужи, кург. 2/1; 18 – Дубовский, Сязнега; Нижняя Стрелка, погр. 27; 19 – Баяновский, погр. 58; 21, 38 – Аксёново; 22 – Баяновский, погр. 59; 23 – Аношкар; 24 – Карлуха; 25 – Танкеевский, погр. 291; 26 – Баяновский, погр. 29; 27–30 – Степаново плотбище; 31 – Баяновский, погр. 128; 32 – Баяновский, погр. 107; 33 – Рождественский; 34 – Турват-пауль; 35 – святилище Сайгатинское I; 36 – Барсовский IV; 37 – Пермский край; 39 – Будино, Видлицы; 40 – место обнаружения неизвестно; 41 – Корбальский; 42 – д. Фекленки.

1, 3–5, 7 – [Чиндина, 1991, рис. 21, 14, 30, 9–12]; 2 – из браконьерских сборов [Кольчуга]; 6 – из раскопок К.Г. Карачарова; 8 – из браконьерских сборов; 9 – [Смирнов, 1952, табл. XLII, 1]; 10, 35, 36 – [Угорское наследие..., 1994, с. 83, № 73; с. 98, 156–157]; 11, 42 – [Спицин, 1902, табл. V, 14; IV, 3]; 12, 16 – [Иванов, 1998, рис. 56, 3, 7], 13, 15, 25, 40 – [Голубева, 1979, табл. 16, 3, 4–8]; 14, 19, 22, 26–32 – из раскопок А.В. Данича; 17, 18, 20, 21, 24, 38, 39 – [Рябинин, 1981, табл. IX, 1–7; X, 1, 2]; 23 – из раскопок Г.Т. Ленц; 33 – из раскопок Н.Б. Крыласовой; 34 – [Бауло, 2004, с. 79], 37 – коллекция Зеликмана; 41 – [Археология Республики Коми, 1997].

интересным является представление о змее как о символе дороги [Головнев, 1995, с. 253–524]. Например, у самодийцев есть выражение *вэттын шұмын – дорога по змее* [Прокофьева, 1976, с. 118]. Таким образом, фигура шагающего животного на основании передает образ животного, которое идет по дороге.

Как считает Т.Н. Троицкая, планка-основа, являвшаяся дополнительным питательным каналом, была необходимым технологическим элементом. Проанализировав серию изображений медведя на основании, она пришла к выводу, что литниковая система состояла из литника и дополнительного канала – т.н. питателя, который проходил от задней лапы к морде зверя. Заливка металла производилась сверху и снизу сифонным методом, что обеспечивало хорошую проливку лап зверя [2000, с. 44].

Образы животных. Не останавливаясь на образах животных и всадников на гляденовских и кулайских поделках, выступающих прототипами данной серии изделий, рассмотрим фигуры, которые являются безусловным воплощением сюжета «животное/всадник на основании». В средние века их круг несколько сузился; он ограничивался изображениями медведя, лося, оленя, коня, а также собирательных образов фантастических животных. Известны единичные изображения собаки (см. рис. 2, 7) и волка (см. рис. 2, 1).

Медведь обычно показан без верхового (см. рис. 2, 3–6, 8–10). Лишь фигурку зверя, на котором угадывается верховой, из северных районов Пермского края можно соотнести с медведем, учитывая массивность животного (см. рис. 2, 2), но его морда с характерной горбинкой на носу напоминает лосиную. Вообще плоские подвески с медведем на основании характерны для рёлкинской культуры (исключение составляют единичные находки из Прикамья).

Лось изображался чаще всего под верховым (см. рис. 2, 11, 12, 15, 20), известны также его единичные фигуры (см. рис. 2, 13). Зачастую животные, по общему облику соотносимые с лосем, показаны с конским хвостом. На фигурке из Рёлки отчетливо видно, что к короткому лосиному был приделан длинный конский хвост (см. рис. 2, 11) [Чиндина, 1991, с. 59]; эта же идея реализована и в многофигурной композиции из Пермского края (см. рис. 2, 12).

Все животные, запечатленные в культовых плакетках рассматриваемой серии с Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в Большеземельской тундре, А.М. Мурыгиным определены как олени (см. рис. 2, 16–18, 21) [1992, с. 33]. Единичные фигурки оленей обнаружены в Западной Сибири (см. рис. 2, 19, 22). В фигурке из погр. 130 Барсовского могильника в Сургутском Приобье по общему облику угадывается образ коня, но с ветвистыми оленьими рогами (см. рис. 2, 23).

Конь иногда изображен без всадника, но чаще всего он является персонажем всаднической композиции

(см. рис. 3). На рёлкинских предметах этот образ передан реалистично; его характерный корпус, короткие толстые ноги, длинная грива и хвост показаны резными линиями [Чиндина, 1991, с. 58]. В более поздних изображениях облик коня почти не изменился. Л.А. Голубева, рассматривая материалы из Восточной Европы, высказала предположение, что фигура всадника постепенно стилизовалась до петли на спине коня, появились подвески в виде коня на змее (XI–XII вв.) [1979, с. 42]. Однако, как показали последующие исследования, особенно в Западной Сибири, средневековые материалы которой были слабо известны, образы животного (не только коня) на змее и всадников сформировались одновременно.

Образы всадников. Они воплощены в фантастических, антропозооморфных и антропоморфных фигурах; всадники изображены, как правило, в полный рост, в единичных случаях показана только голова (см. рис. 2, 14, 15; 3, 35). На двух культовых плакетках из Хэйбидя-Пэдары образ всадника воплощен в горизонтально летящем фантастическом существе (по мнению А.М. Мурыгина, человеколось [1992, с. 33]). Такая же фигура имеется на плакетке с Обь-Енисейского канала [Чиндина, 1991, с. 59] и подвеске из Пермского края (см. рис. 2, 1, 2, 18). Последняя выполнена весьма небрежно, но на спине животного вполне отчетливо просматривается вторая фигура с миндалевидным глазом, выделенная двумя валиками (как на плакетке с Обь-Енисейского канала) (см. рис. 2, 2).

На всех остальных находках образ всадника передают антропоморфные фигуры весьма характерной иконографии, с непропорционально маленьким телом, особенно по сравнению с крупной головой [Федорова, 2003, с. 145]. На двух культовых плакетках вместо левой руки у всадника крыло (см. рис. 2, 12; 3, 8), часто на руках, а иногда и на ногах показано по два – четыре пальца (см. рис. 2, 11, 12, 20; 3, 2, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17–21). Как считает Е.И. Оятева, неполный комплект пальцев на руках и ногах, крыло вместо руки – признаки зооантропоморфного персонажа; это божества, духи, оборотни, которые могут выступать в антропо- или зооморфной ипостаси [2003, с. 54–56]. Замена руки крылом демонстрировала принадлежность персонажей к небожителям [Там же, с. 98].

Наиболее ранние рёлкинские всадники изображены сидящими верхом в обычной позе [Чиндина, 1991, с. 58]. Такими же, но с туловищем, развернутым к зрителю, они показаны на культовых многофигурных плакетках. Однако на подвеске с Собакинского святилища в Среднем Приобье всадник запечатлен сидящим, его ноги перекинута на одну сторону [Там же, с. 58–59]. Эта поза стала канонической и неизменно сохранялась до XI в. Такой способ посадки считается женским, он крайне неудобен, особенно в бою. Вряд ли средневековые всадники-воины действительно так сидели на

коне. Вероятно, подобная манера изображения всадника была вызвана необходимостью показать «целого» человека. Дело в том, что для пермского звериного стиля характерны т.н. половинники – профильные изображения: у антропоморфных персонажей одна нога, одна рука, половина лица с одним глазом, у зооморфных – две ноги вместо четырех. По преданиям, «половинники» – жители Нижнего мира, мира мертвых [Оятева, 2003, с. 53]. При изображении всадников стремились, вероятно, подчеркнуть их принадлежность к верхнему миру. Подобная асимметрия – обычный прием «архаичного» искусства. Например, на одном из византийских блюдов, найденных у с. Слудки в Пермском крае, поверх изображения коня выгравирована фигура пляшущего человека с саблей в руке, он как бы сидит верхом, конь повернут в профиль, а всадник – анфас [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 94]. На более поздних круглых блюдах с «сокольников» всадник показан сидящим в обычной позе, но туловище его, как и на прежних изображениях, развернуто к зрителю.

В 1952 г. А.П. Смирнов описал редкую находку из Глазовского р-на Удмуртии, на которой представлена фигура всадницы, сидящей боком на крылатом коне (см. рис. 3, 9). Основания для трактовки персонажа как всадницы – реалистично показанная женская грудь и «дамская» посадка на коне [1952, с. 266–267]. И хотя исследователь подчеркивал, что наряду с женскими были и мужские фигуры, однако, говоря о подвесках X–XI вв., он употреблял исключительно слово «всадник» [Там же, с. 268–269]; за подвесками такого типа прочно закрепилось наименование «пермская всадница». Всадник обычно показан без признаков пола, но иногда его мужская суть не вызывает сомнений (например, на предметах из Собакинского культового места, Барсова Городка и Баяновского могильника, см. рис. 3, 5, 10, 26). Следовательно, применение к рассматриваемому сюжету названия «всадница на змее» ошибочно.

Дополнительные элементы. Единичные фигуры животных на змее обычно не имеют дополнительных атрибутов, кроме своеобразного ожерелья. Конь, на котором сидит всадник, обычно показан в сбруе; даже на стилизованных подвесках X–XI вв. часто просматривается уздечка (см. рис. 3, 5, 9, 11, 16, 17, 22). На одной из рёлкинских находок и на культовой плакетке из Приуралья на груди лося – антропоморфная личина (см. рис. 2, 11, 12). По мнению Л.А. Чиндиной, это фалар [1991, с. 59]. Не отвергая данного определения, отметим, что указанный элемент, возможно, был маркером двойственной (зооантропоморфной) природы лося.

А.В. Бауло, анализируя подвеску-всадника, которая находилась внутри «головы» фигуры духа-покровителя, обнаруженной в 1990 г. в пос. Турват-Пауль в Западной Сибири (см. рис. 3, 34), отметил на крупе коня изображение лисицы. Поскольку у обских угров принято изображать Мир-сусне-хума на коне, покры-

том лисьей шкурой, исследователь предположил, что данная фигурка отражает представления древнего населения Западной Сибири об облике и «экипировке» первопредка [2004, с. 79]. На канонических изображениях всадников X–XI вв. на спине коня имеется широкая полоса, покрытая насечками; оформлена она так же, как грива, и, возможно, изображает накиннутую на спину коня шкуру, пушистый мех.

Рёлкинские всадники показаны в относительно длинной одежде, в одном случае она покрыта косой решеткой (кольчуга?). У них длинные распущенные волосы (см. рис. 2, 11; 3, 1, 4). Согласно героическим преданиям обских угров, «косатые» богатыри отличались особой мощью и были окружены почетом [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 74]. Более поздние фигуры всадников выполнены в стилизованной манере, поэтому не ясно, какая у них одежда, но почти всегда четко определяются шлемы – остроконечные или округлые. Как отмечают этнографы, для обитателей западно-сибирской тайги оформление верхней части головы имеет особое значение: это важнейший символ, зрительно связанный с образом божества и его рангом [Там же, с. 81]. По фольклорным материалам, угорские богатыри-предки отличались от простых людей не только физической силой и телесной мощью, но и военным снаряжением, в котором важнейшее место занимал шлем – не просто головной убор «профессиональных» воинов – «косатых» богатырей, а знак принадлежности к ним. Во всех военных формированиях древности военачальник выделялся по внешнему виду; на поле битвы именно головной убор должен был отличать его от рядовых воинов. Остроконечные уборы получили воплощение как в металлопластике, так и в прочерченных рисунках (граффити) на серебряных блюдах [Там же, с. 77, 84–85, 90]. Отметим, что, казалось бы, однотипные фигурки всадников X–XI вв. позволяют проследить связь между формой шлема и особенностями оформления коня. На фигурках, запечатлевших всадника в шлеме с шаровидным навершием, на коне вдоль шеи с внутренней стороны и передней ноги отмечаются орнаментальные полосы из насечек или имитации зерни (см. рис. 3, 10–12). У всадников в сфероконическом шлеме у коня вдоль живота и шеи с внутренней стороны прослеживается орнаментальная полоса – гладкая или с насечками (см. рис. 3, 13–18). На фигурках, которые представляют коня без дополнительного оформления на животе и шее, всадники обычно с округлыми головами без шлема (см. рис. 3, 19–24). Выделяется также группа предметов, у которых основанием является не изображение «змеи», а простая планка – гладкая или орнаментированная (см. рис. 3, 25–32). Выделенные варианты встречаются на разных территориях, они, вероятно, могут служить хронологическими индикаторами. Но поскольку такие подвески в целом бытовали в достаточно узком хронологическом диапазоне, разделить их по этапам трудно.

Рёлкинские всадники держат сабли в ножнах (см. рис. 2, 11; 3, 2, 4, 5). На более поздних изображениях оружие не обозначено, оно, видимо, подразумевалось как неотъемлемая часть образа. Но не все владельцы подвесок соглашались с этим: на трех предметах из богатых воинских погребений Баяновского могильника изображение сабли прочерчено, как на известных уральских гравировках (см. рис. 3, 14, 22, 26).

На ряде культовых плакеток всадники являются элементами многофигурных композиций пермского звериного стиля. На них кроме животного на змее/змеях и всадников показаны хищные птицы (ловчие соколы?) и зооморфные существа. Образ птиц связывает сюжет «всадник на змее», воплощенный в металлопластике, с сюжетом «сокольников» на медальонах XI–XIV вв. из Пермского и Северного Предуралья, Зауралья и Западной Сибири [Белавин, 2004]. Их объединяет направление движения персонажей, наличие на всаднике заостренного головного убора (шлема), присутствие хищной птицы и небесных светил (на одной из культовых плакеток перед конем показано солнце, см. рис. 3, 8; 4, 1). Изображения с «сокольников» на бляхах соотносятся с композициями на жертвенных покрывалах-ялпынгах – атрибутах культа Мир-сусне-хума обских угров [Там же; Гемуев, Бауло, 2001, с. 19–20].

На плакетке из коллекции Зеликмана изображен зверь-«половинник» (медведь?); он показан за фигурой лося – опирается лапами на его хвост (см. рис. 2, 20). Остальные зооморфные персонажи представлены в виде усеченных голов (лосей?), которые находятся под ногами шагающего животного (см. рис. 2, 14; 3, 8) либо над ним (см. рис. 2, 1, 20). На одном изображении голову держит в руке всадник (см. рис. 2, 12). Е.И. Оятева на обширном материале показала, что усеченные головы на культовых плакетках пермского звериного стиля – изображения жертв, число которых определялось количеством и важностью содержания просьб [2003, с. 69–75].

О значении предметов с изображением сюжета «животное/всадник на основании»

Поскольку многие исследователи видят во всадниках женщину, это определяет их подход к трактовке сюжета. По мнению Л.А. Голубевой, фигура змеи символизировала злое божество подземного мира, с которым борется всадница – местная ипостась Великой Матери – на крылатом (солнечном) коне [1979, с. 42]. А.П. Смирнов связывал фигурки всадников с представлением о борьбе солнца с преисподней: солнечный всадник противостоял змею – богу преисподней. Кроме того, образ всадника, как считал исследователь, неотделим от дружинного эпоса: бог солнца считал-

ся покровителем военных дружин [1952, с. 269]. Эта точка зрения, хотя и не подкреплена какими-либо аргументами, заслуживает особого внимания.

Военные формирования населения лесной зоны были представлены, вероятно, небольшими пехотными отрядами, мобильными и маневренными. Конница здесь вряд ли могла иметь самостоятельное военное значение; в фольклоре о кавалерии как об особой военной единице нет ни слова [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 116–117]. Тем не менее уже в раннем железном веке появились изображения всадников, имевших сакральное значение. Это могло быть вызвано выделением в обществе воинской верхушки (вождь, князь?), которая, стремясь подчеркнуть свою значимость, копировала облик лучших воинов того времени – степных кочевников. Основными знаковыми элементами стали боевой конь, особые защитное снаряжение (шлем) и оружие (сабля). Возвысившаяся власть нуждалась в новой обрядности, которая сплачивала бы население. Ей необходимо было обосновать территориальные претензии, возвеличить князя и его воинов, т.е. идеологически подкрепить свое положение. В таежном фольклоре появились новый герой – воин, богатырь [Там же, с. 169].

Эпоха средневековья выдвинула на передний план «богатырскую» ипостась мифологических персонажей, о чем говорит почитание сыновей Нуми-торума и легендарных «богатырей» [Там же, с. 154]. По представлениям обских угров, спустившиеся с неба богатыри первыми населили вновь созданную землю, многие родовые и семейные боги были предками-богатырями, покровителями [Гемуев, 2003, с. 24], выступавшими в антропо- и зооморфном облике [Там же, с. 65]. Обские угры и сегодня в обрядах нередко используют найденные в земле древние бронзовые изделия. Среди них А.В. Бауло выделяет группу предметов (часто это изображения человека, иногда сидящего на лошади), символизирующих духов-покровителей, их помощников. Считалось, что эти фигурки падают на землю из туч во время молнии, а с определенным духом они соотносятся в зависимости от обстоятельств обнаружения. Фигурки вкладывали внутрь деревянных изображений духов-покровителей [Бауло, 2004, с. 79].

Вполне очевидно, что в период раннего средневековья у каждого племенного образования были свои духи-покровители, нередко в виде богатырей-всадников; отсюда широкая вариативность образов зооморфных, зооантропоморфных и антропозооморфных всадников. Мир духов копировал мир живых. По данным этнографов, до прихода русских у обских угров были очень мелкие княжества, каждое дробилось: в одном и том же городке княжили два брата или дядя и племянник княжеской семьи. Народ делился поровну между совладельцами: каждый имел своих людей, войско, но один из них признавался главным князем

[Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 66]. Отражением данной ситуации, возможно, являются культовые плакетки рассматриваемого круга, на которых показано по два всадника (см. рис. 2, 23; 3, 8). Позднее началась консолидация племен, сопровождавшаяся развитием культа единого божества-покровителя, которому подчинялись локальные духи. Подобная ситуация прослеживается в человеческом обществе. Богатыри, главы ополчения, формировавшегося в родовых общинах, в момент военной угрозы подчинялись «большому князю», который стремился не только закрепить свою власть силой оружия, но и «освятить» ее идеологически. Такие князья создавали новые культы, узурпировали связь с Великим духом. Их культы приобретали территориальный характер, чтобы все население, независимо от родовой и этнической принадлежности, почитало княжеского кумира-покровителя. Князь, провозгласив свою особую сакральную связь с первопредком, мог узурпировать уже существовавший культ [Там же, с. 98–99]. Такими объединяющими персонажами были мансийский Мир-сусне-хум, хантыйский Эква-Пыргись (Кан-ики, Орт-ики), общеугорский Alwali (Alwa) – народный заступник, поборник справедливости, седьмой сын бога Торума и богини Калтась, посредник между людьми и богом. В мифологии он выступает как культуризатор, первый охотник, научивший людей делать ловушки и добывать огонь, правильно вести себя. Этот персонаж актуален и вездесущ. Именно первопредок являлся воплощением активного начала, объединяющего и упорядочивающего содержание сложившейся картины мира; он соединял миры людей, богов и духов [Гемуев, 2003, с. 92]. Мир-сусне-хум (Alwali) был арбитром в спорах между домашними духами-покровителями и людьми, выполнял функции надзора за предками-покровителями селений [Там же, с. 91]. В обрядовой поэзии он выступает как всадник на белом коне (иногда восьмикрылом). Всадник – одно из многих его имен.

По мнению многих исследователей, представления о богатыре-предке, неперенным попутчиком которого в его бесконечном странствовании стал боевой конь, оформились у урало-сибирских племен в эпоху раннего средневековья и окончательно канонизировались к X в. Устойчивость этих воззрений удивляет своей фундаментальностью. Образ богатыря-предка проходит через устное и декоративное творчество практически всех групп коренного населения региона вплоть до этнографической современности [Ожередов, Приступа, 1997, с. 320]. Наибольшее значение он приобрел в IX–XI вв., когда в угорском обществе появилась прослойка воинов. В погребениях этих воинов – детали конского снаряжения, сабли, копыя, боевые топоры и иное вооружение. Особый статус погребенных подчеркивают серебряные погребальные маски, наборные пояса, удила и другие знаковые пред-

меты, в частности, нагрудные подвески-всадники. С точки зрения исследователей, о дружинной прослойке – военной аристократии – речь идти еще не может: имеющиеся материалы не свидетельствуют об отрыве какой-то части воинов от хозяйственной жизни [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 107]. Однако подвески с изображением всадника с полным основанием можно считать символом высокого социального положения владельца – родового вождя или старейшины [Белавин, 2004, с. 338], для идеологического подкрепления которого использовался культ всадника.

Что касается образов животных без всадника, то понять их значение в объединенном каноне сюжета «животное/всадник на змее» помогает анализ изображений на жертвенных покрывалах обских ургов. Покрывалами с фигурами медведей, коней и всадников, по мнению И.Н. Гемуева и А.В. Бауло, укрывали жертвенных животных – медведя, оленя или коня [2001, с. 23–26]. Таким образом, все эти изображения на покрывалах бытовали параллельно и имели сходные функции. Вероятно, то же касалось и предметов древней металлопластики.

Назначение предметов с изображением рассматриваемого сюжета

Анализ показывает, что одновременно бытовали культовые плакетки, выполненные в традициях урало-сибирского звериного стиля, и подвески для ношения в костюме. При этом параллельно развивались сюжеты и с всадником и без него. Культовые плакетки не имеют специально оформленных петелек для привешивания, они в большинстве случаев являются иллюстрацией какого-то мифологического сюжета и в отличие от подвесок нередко усложнены дополнительными фигурами. Все плакетки, найденные в археологическом контексте, происходят со святилищ.

Как отмечала Л.А. Голубева, подвески на территории Прикамья и Приладожья были обнаружены в женских погребениях, они находились в зоне пояса [1979, с. 42]. Но известные в период ее исследований прикамские подвески относятся к дореволюционным сборам или к материалам поселений и не дают информации о способах использования. В ходе раскопок в 2005–2008 гг. Баяновского могильника в Пермском крае (руководитель А.В. Данич) в богатых мужских захоронениях воинов-всадников (см. рис. 4, 2–7) было зафиксировано семь таких подвесок, большая часть – под нижней челюстью (возможно, висели на шнурке на шее), некоторые – в области черепа (пришиты на шапку?). Вероятно, это были не просто украшения, а знаки принадлежности к социальной (воинской?) элите. Наиболее ранние подвески имеют по паре петелек. Это характерно для украшений, которые носили на шее/груди.

Рис. 4. Культовая плакетка из браконьерских сборов в Пермском крае (1) и подвески-всадники из Баяновского могильника (2–7).

2 – погр. 29; 3 – погр. 37; 4 – погр. 58; 5 – погр. 59; 6 – погр. 107; 7 – погр. 128.

Они обычно с изображением на одной стороне; наличие двух петелек предотвращало переворачивание на оборотную сторону. Позже подвески стали делать с одной петелькой. Но наиболее известные подвески-всадники вообще не имели петелек для подвешивания. Их крепили к шнуру, пропустив его через отверстия под изогнутыми дугой руками всадника. В этом случае подвески также не переворачивались при ношении.

По мнению Е.А. Рябикина, подвески-всадники, выступавшие в Прикамье как культовые предметы и несущие сложную семантическую нагрузку, в северорусских землях утрачивали заложенный в них смысл. Об этом наиболее ярко свидетельствует подвеска – она использовалась в качестве одежной застёжки из Карлухи-6 (см. рис. 3, 24). В кург. 2 у с. Челмужи в Прионежье четыре подвески-всадника находились в женском погребении на тазовых костях вместе с набором поясных привесок [Рябинин, 1981, с. 26–27]. На исконной Урало-Сибирской территории такие подвески также иногда встречаются в женских погребениях, но их назначение в костюме было иным. Например, в погр. 130 могильника Барсов Городок обнаружена подвеска, пришитая на головной венчик погребенной женщины 20–30 лет [Карачаров, 2002, с. 42, рис. 18/3].

Территория распространения

Родиной подвесок-всадников Л.А. Голубева считала Прикамье [1979, с. 41–42]. Действительно, подвески X–XI вв. со сформировавшимся канонизированным изображением, являвшиеся, по мнению исследовательницы, продукцией ремесленного производства, наибольшее распространение получили в Среднем Предуралье – на территории Удмуртии и Пермского края (см. рис. 1). Но, как показали исследования в Западной Сибири, аналогичные изделия, причем наиболее ранние варианты, широко представлены и в Приобье. Подобные подвески обнаружены на территории Волжской Булгарии и в Поветлужье, в работах ряда исследователей отмечены также Приладожье и Прионежье. Отдельные образцы встречены на восточной окраине Ижорской воз-

вышенности и в бассейне Северной Двины. К районам Приладожья и Прионежья тяготеют и стилизованные подвески-коньки на основании (XI – начало XII в.).

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что воплощенные в металлопластике образы шагающих животных и всадников на основании/змее имеют общую иконографию; они сформировались примерно одновременно на рубеже раннего железного века и эпохи средневековья. Их ареал – Западная Сибирь и Среднее Предуралье. Существенных различий в иконографии указанных предметов не отмечено, поэтому разделение звериного стиля на локальные варианты вряд ли необходимо. И.Н. Гемуев и А.В. Бауло подчеркивают, что любой культ, в частности всадника, вырабатывает свою иконографию – совокупность правил передачи образа. Но сюжет «всадник» в художественном литье, по их мнению, «выглядит очень бедно», малочисленность бронзовых фигурок не позволяет говорить о широком влиянии этой традиции на формирование образа всадника на этнографических жертвенных покрывалах [2001, с. 26]. Однако, согласно обобщенным нами материалам, формирование культа и его канонизация происходили на обширной территории, заселенной в эпоху средневековья родственными угорскими племенами; несомненна связь между персонажами на рассматриваемых предметах и на более поздних бляхах с «сокольников». И.Н. Гемуев и А.В. Бауло связывают композиции на жертвенных покрывалах с изображениями на предметах торевтики, но считают, что ко времени появления блях с «сокольников» в Прикамье уже получил развитие культ Небесного всадника [Там же], который как раз и проявлялся в подвесках-всадниках. В связи с этим следует обратить внимание на отмеченное Н.В. Федоровой иконографическое сходство литых всадников с «сокольниками»: крупная остроконечная голова всадника, правая рука, опирающаяся на спину коня, довольно специфический прием изображения конской головы

одной дугообразной линией от кончика уха до нижней челюсти [2003, с. 145]. Таким образом, предметы с изображением сюжета «всадник» выстраиваются в непрерывную эволюционную линию: литые фигурки – бляхи с «сокольников» – жертвенные покрывала.

В Нижнее Прикамье, Поволжье и дальше на запад до Приладожья подвески с изображением рассматриваемого сюжета попали, вероятно, вместе с носителями угорской культуры, о чем свидетельствует, в частности, наличие там же, где обнаружены рассматриваемые украшения, типичной угорской керамики, биметаллических кресал, зооморфных роговых гребней и других элементов культуры угров. Е.А. Рябинин также отмечал, что в Северной Руси подвески-всадники распространены в районах, поддерживавших в эпоху средневековья культурные и торговые связи с Прикамьем [1981].

Границы распространения средневековых подвесок с сюжетом «всадник на основании» от Прикамья до верхней Оби и от Хейбидя-Пэдарского святилища в Большеземельской тундре до Танкеевского могильника в Нижнем Прикамье совпадают с пределами средневекового угорского мира.

Список литературы

- Арефьев В.А., Карачаров К.Г.** Всадник на медведе // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2003. – С. 31–34.
- Археология Республики Коми.** – М.: ДиК, 1997. – 759 с.
- Бауло А.В.** Атрибутика и миф. Металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 158 с.
- Белавин А.М.** К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: мат-лы Всерос. научн. конф. – Ижевск, 2004. – С. 331–339.
- Гемуев И.Н.** Народ манси: Воплощение мифа. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 94 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.** Легенды и были тасжного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 176 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1995. – 608 с.
- Голубева Л.А.** Зооморфные украшения финно-угров. – М.: Наука, 1979. – 112 с. – (САИ; вып. Е1-59).
- Иванов А.Г.** Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.
- Казаков Е.П.** Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. – Оренбург, 2001. – С. 160.
- Карачаров К.Г.** Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т, 2002. – С. 26–52.
- Кольчуга.** – URL: http://okolco.narod.ru/helgikol4uga/book/oid_215.html.
- Лепихин А.Н.** Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Пермь: Издат. дом «Типография купца Тарасова», 2007. – 224 с.
- Мурыгин А.М.** Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 180 с.
- Оборин В.А.** Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.
- Ожередов Ю.И., Приступа О.И.** Позднесредневековые ажурные бляхи со всадниками из Нарымского Приобья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1997. – С. 317–327.
- Оятева Е.И.** Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – 130 с.
- Прокофьева Е.Д.** Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 106–128.
- Рябинин Е.А.** Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – Л.: Наука, 1981. – 124 с. – (САИ, вып. Е1-60).
- Смирнов А.П.** Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. – М.: Наука, 1952. – 276 с. – (МИА: № 28).
- Спицин А.А.** Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. – СПб.: [Тип. Б. Безобразова и К°], 1902. – 70 с., 70 табл.
- Троицкая Т.Н.** Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н.э. // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 43–47.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 136 с.
- Угорское наследие.** Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.
- Усть-Полуй.** I век до н.э.: каталог выставки. – Салехард: СПб.: Kella, 2003. – 76 с.
- Федорова Н.В.** Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 37–42.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – Пермь, 2003. – Вып. III. – С. 138–153.
- Финно-угры.** I век до н.э.: каталог выставки. – М.: Наука, 1987. – 510 с.
- Фролов Я.В.** К вопросу о проявлениях изобразительных традиций скифо-сибирского звериного стиля в художественном бронзовом литье населения Приобья в эпоху железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. – С. 210–219.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Том. гос. ун-т, 1991. – 182 с.

УДК 903.27

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: vdkubarev@gmail.com

ХАР-ЧУЛУУ: НОВЫЙ ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Статья посвящена результатам экспедиционных работ по изучению петроглифов в одном из отдаленных регионов Западной Монголии. Впервые приводятся сведения (в очень сжатом виде) об уникальном древнем комплексе наскального искусства Монгольского Алтая – Хар-Чулуу, открытом в 2004 г. в приустьевой части р. Хар-Салаа. Предпринята попытка датирования петроглифов памятника. Рассматриваются наиболее характерные сюжеты, явно имеющие отношение к архаичным мифологиям и предназначенные для каких-то ритуальных действий.

Ключевые слова: петроглифы, эпоха бронзы, рисунки, оружие, археологический памятник, семантика.

Введение

На территории Монголии в последние годы проводятся интенсивные исследования археологических памятников учеными разных стран. Международные проекты посвящены изучению богатого культурно-исторического наследия МНР и древней истории монголов. Однако до сих пор усилия многих археологов, работающих на Монгольском Алтае, не были должным образом скоординированы и носили эпизодический характер. Ситуация кардинально изменилась с созданием в Улан-Баторе Института исследования Монгольского Алтая, который возглавил профессор Х. Цоохуу. Определенным результатом деятельности коллектива нового института можно считать издание в 2006 г. альбома с этнографическими материалами (автор Б.А. Баасанхуу), а также выпуск двух номеров научно-популярного журнала «Монгол Алтай». В них, кроме монгольских авторов, опубликовали свои статьи и российские исследователи.

Общеизвестно, что от открытия до публикации в полном объеме объекта исследования проходит несколько лет, и нередко один и тот же археологический памятник «открывается» другими учеными и час-

то фигурирует в литературе под разными названиями. Поэтому основная цель этого сообщения – донести до ученых разных стран информацию еще об одном, недавно открытом памятнике наскального искусства на Монгольском Алтае*.

В 2004 г. Российско-Монгольско-Американская экспедиция (проект «Алтай») проводила работы на территории Монгольского Алтая. Объектом изучения стали разновременные петроглифы, в большом числе нанесенные на отдельных глыбах и скалах горы Шивээт-Хайрхан (сомон Цэнгэл, Баян-Улгэйский аймак). В задачи участников экспедиции входили не только картографирование и уточнение уже ранее обработанных наскальных изображений, но и поиск новых. Так, в частности, удалось обнаружить и скопировать комплекс оригинальных петроглифов, сконцентрированных в основном на скальных останцах Хар-Чулуу (рис. 1). Неизвестное ранее археологам святилище с древними рисунками находится в

*Автором на страницах нашего журнала уже опубликованы краткие сведения о двух уникальных местонахождениях петроглифов указанного региона Центральной Азии [Кубарев В.Д., 2007а, б].

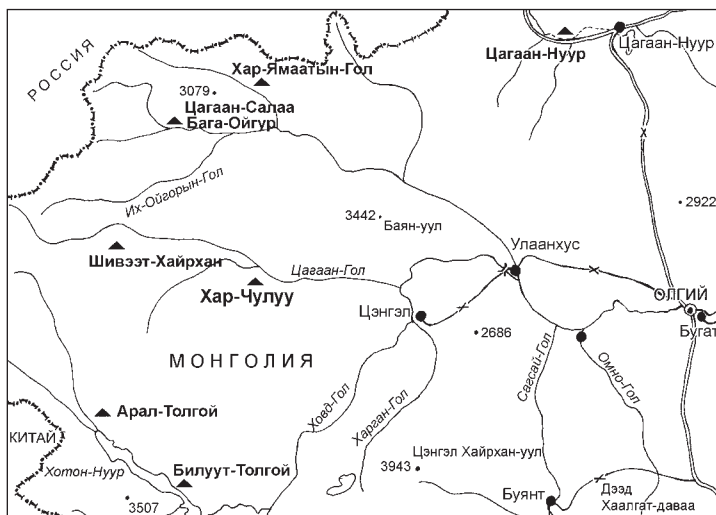

Рис. 1. Расположение памятников наскального искусства на территории Баян-Улгэйского аймака Монголии.

Рис. 3. Копирование петроглифов на полиэтиленовую пленку.

Рис. 2. Вид с юга на комплекс петроглифов Хар-Чулуу (стрелкой указано основное скопление наскальных изображений).

5 км к востоку от горы Шивээт-Хайрхан, почти в самом устье р. Хар-Салаа, на ее правом берегу [Кубарев Г.В., Цэвээндорж, Кубарев В.Д., 2004]. Координаты памятника: 49° 05' 03" с.ш., 88° 19' 01" в.д.; высота над ур.м. 2 320 м. По предварительным подсчетам, здесь, по меньшей мере, 250 рисунков (сцен и отдельных изображений). Они в основном располагаются на плоскостях скал, ориентированных на юг (рис. 2). Петроглифы копировались на специальную миколентную бумагу, полиэтиленовую пленку при помощи перманентных фломастеров (рис. 3), а также фиксировались фото- и видеокамерами.

Вокруг комплекса с наскальными изображениями отмечены курганы пазырыкской культуры, несколько

памятных стел, установленных внутри оградок, и ряд поминальных сооружений древних тюрок [Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2004].

Описание сюжетов, хронология и интерпретация петроглифов

В Хар-Чулуу наиболее часто встречаются сцены охоты на оленей (рис. 4), диких быков и козлов. Одна из них передает момент приманивания дикого козла к домашней козе, которую человек держит на привязи (рис. 5). В стилистическом плане интересны изображения диких лошадей с рассеченной на зубцы гривой. В общей массе рисунков, запечатлевших людей, выделяются характерные фигуры «хвостатых» воинов (рис. 6), вооруженных копьями, луками и палицами. Для определения времени их нанесения большое значение имеют изображения палиц или булав, которые уверенно датируются эпохой развитой бронзы [Кубарев В.Д., 2004, с. 71–73]. К этому же периоду можно отнести рисунки копий и дротиков. Они достаточно детализированы: показаны с наконечниками ромбовидной, треугольной и лавролистной формы. Флаги или бунчуки в виде шаров (хвосты быков?) на древках копий (рис. 6) также находят более позд-

Рис. 4. Сцена охоты на оленей и козлов.

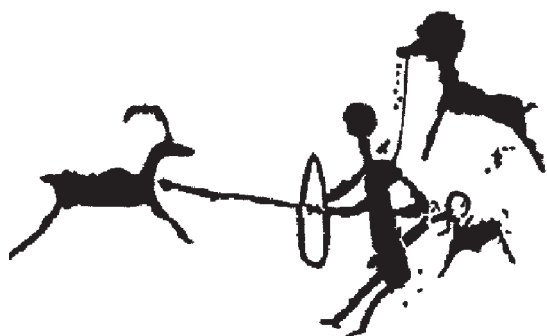

Рис. 5. Сцена охоты на дикого козла при помощи домашних коз.

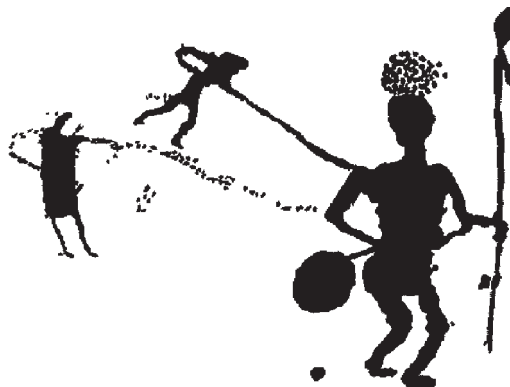

Рис. 6. Фрагмент древнего мифа: «Великан и два героя...»

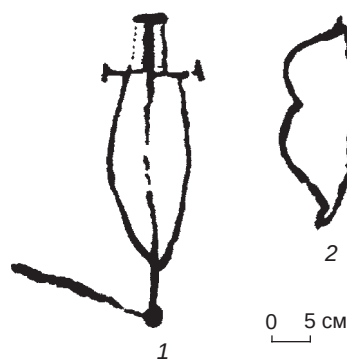

Рис. 7. Изображения кинжала в ножнах с портупейным ремнем (1) и сложносоставного лука (2).

ние аналогии в изображениях на отдельных оленных камнях Монголии, датируемых VII–V вв. до н.э. [Волков, 2002, табл. 36, 2]. Особенно интересен одиночный рисунок кинжала в ножнах, имеющих округлый оконечник и портупейный ремень (рис. 7, 1). Общая длина оружия 42 см. Его широкий клинок и рукоять с грибовидным навершием напоминают кинжалы, изображенные на оленных камнях Монголии [Там же, табл. 26, 2; 94 и т.д.] и Алтая [Кубарев В.Д., 1979, табл. I; II, 2 и т.д.]. Тем не менее форма кинжала гораздо ближе карасукским образцам, и рисунок может быть датирован поздним бронзовым веком. Подобные кинжалы известны по случайным находкам на Алтае [Членова, 1976, табл. 6, 7]. Закономерно и то, что рядом с этим рисунком был найден другой небольшой камень с изображением сложносоставного лука (рис. 7, 2).

Очень выразительна и динамична фигура бегущего охотника, стреляющего из лука в козла, с крупной собакой на коротком поводке, привязанном к поясу лучника (рис. 8). Такой способ охоты по следу или даже гон крупных парнокопытных сворой собак широко использовался на Алтае в эпоху бронзы. Об этом повествуют многочисленные изобразительные мате-

Рис. 8. Сцена индивидуальной охоты с собакой на козла.

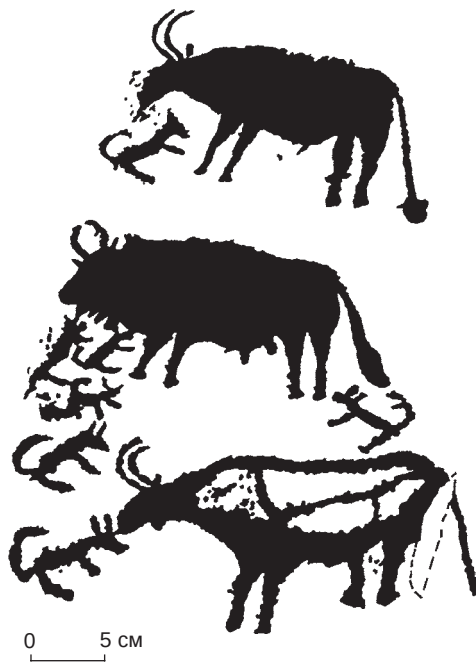

Рис. 9. Сцена нападения собак на диких быков.

Рис. 10. Изображения быка, лося (?), оленя, козлов и собак, связанные одной линией.

риалы из Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, рис. 101].

Интересна сцена противостояния диких быков и собак, находящаяся в центральной части древнего святилища: на трех быков, изображенных друг над другом, нападает семь (в данном случае уместно обратить внимание на числовую символику) собак (рис. 9). Рога и хвосты быков имеют разную форму, а у среднего животного на шее короткими черточками дополнительно показана свисающая шерсть. Своими стилистическими особенностями, а также ярусным построением композиция напоминает аналогичный сюжет на петроглифическом памятнике Калбак-Таш [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 513] и известный рисунок на обломанной стеле в долине р. Теньги на Российском Алтае [Кубарев В.Д., 1988, рис. 69; 2000, рис. 2, д; Молодин, Погожева, 1989, рис. 2]. По приведенным изобразительным аналогам эту композицию можно датировать эпохой бронзы и отнести к охотничьему эпосу, несмотря на то что фигуры охотников отсутствуют. Последняя закономерность отмечена для многих сцен охоты в петроглифах Алтайских гор.

Сюжет с выючными волами в Хар-Чулуу повторяется три раза. Туловище одного, самого большого быка выполнено в декоративном стиле, очень широко применявшемся в изображениях различных животных на многих памятниках наскального искусства эпохи бронзы в Монголии. На нем по диагонали нанесены четыре извилистые линии. Фигура выполнена сочетанием контурной (туловище и ноги) и силуэтной (голова) техники. Пропорции фигуры, форма рогов, две ноги и линии на туловище – все это разительно дисгармонирует с остальными изображениями быков в Хар-Чулуу.

Повторяющимся сюжетом являются необычные сцены, где все изображения людей и животных соединены одной или несколькими линиями. В композиции из фигур быка, трех козлов, лося (?), оленя и собак (рис. 10) их соединение ломаной линией, вероятно, символизировало взаимосвязь и единство всего живого в природе, т.н. линию жизни, смерти и возрождения. Наверное, та же идея отражена и во второй небольшой сценке на вертикальной плоскости, где шесть фигур (три воина, собака и два козла) примыкают друг к другу. Третья подобная по смыслу композиция находится рядом с двумя вышерассмотренными. На ней причудливо переплелись ок. 25 фигур козлов и собак, собранных в один клубок при помощи извилистых линий. Сюжет дублируется и в миниатюре с двумя лучниками, двумя козлами и собакой. Но самая необычная и живописная «картина» находится в центральной части древнего святилища Хар-Чулуу. На вертикальной скальной плоскости, ориентированной на запад, нанесено более 60 тщательно выбитых изображений различных животных и людей, вооруженных луками, палицами и дротиками (рис. 11). Оригиналь-

Рис. 11. Многофигурная композиция (животные и охотники).

ность композиции заключается в том, что все фигуры животных, невзирая на разный видовой состав (быки, лошади, олени, козлы, бараны, собаки-волки – все самцы), соединены друг с другом «линиями жизни», проведенными от фаллоса одного к задней части или голове другого и образующими причудливые мозаичные цепочки. В строку древнего изобразительного текста – «бесконечного воспроизводства мира животных», воплощенного в таком необычном, но чрезвычайно наглядном ракурсе, – органично вплетены фигурки охотников или пастухов. Они тем же способом (выбитыми извилистыми линиями) соединены с изображениями животных. Судя по завершенности рисунков, ровной темно-коричневой патине, которая покрывает всю плоскость, а также отсутствию палимпсестов, композиция выполнена в один прием. Отдельные изображения (бык в декоративном стиле, лошади, «хвостатые» антропоморфы с палицами, лучники в «рогатых» головных уборах) позволяют датировать это уникальное произведение наскального искусства началом или даже серединой II тыс. до н.э., т.е. эпохой ранней или развитой бронзы. На памятнике Кой-

багар (Казахстан) в близкой манере выполнены «более 20 переплетающихся между собой фигур козла, человека, собаки; ниже и в центре изображен человек, запрягающий в колесницу двух лошадей. Это единственная известная нам среди петроглифов СССР подобная сцена» [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 33, рис. 40]. На том же местонахождении есть еще одна композиция, напоминающая орнамент. Изображения животных (верблюды, туры, козлы) и человека соединены одной линией. В целом они также образуют своеобразный узор. Исследователи считали эти две композиции весьма редкими, датируя их бронзовым веком [Там же]. В настоящий момент уникальность казахстанских петроглифов утрачена в связи с обнаружением еще более оригинальных, а может быть, и более древних рисунков в Хар-Чулуу.

Среди наиболее часто встречаемых на данном местонахождении можно назвать изображения оленей т.н. монголо-забайкальского типа. По стилю и иконографии они аналогичны рисункам на оленных камнях Монголии, но в некоторых случаях отличаются большими размерами и выглядят менее стилизо-

ванными. В них, возможно, сохраняются отдельные черты (рога древовидной формы, полосы на туловище, четыре ноги), типичные для изображений оленей бронзового века.

Рисунки аржано-майэмирского времени раннескифской эпохи также встречаются в восточной части памятника. К ним относятся парные фигурки козлов и оленей, выполненные в декоративном стиле, и один охотничий сюжет с двумя парами оленей и козлов. Изящна и миниатюрная фигурка всадника на породистом коне. Пока не совсем понятно, к какому времени относятся изображения баранов с рогами в виде сплошного диска. Вхождение одной подобной фигурки в композицию, датируемую эпохой бронзы (рис. 12), вроде бы дает основание для определения даты и остальных, однако одиночное изображение барана с подогнутыми под брюхо ногами можно причислить к пласту петроглифов раннескифской эпохи. Впрочем, определение хронологии некоторых рисунков, как правило одиночных фигур животных, в Хар-Чулуу также остается проблематичным.

Сюжеты охоты лучников на козлов, оленей, кабанов и в скифскую эпоху были наиболее излюбленными на данном местонахождении. На одном рисунке представлена загонная охота, в которой две собаки с характерно закрученными вверх хвостами загоняют козла или дикого барана на всадника (рис. 13, 1). Обращают на себя внимание тщательно выбитые сложносоставной лук М-образной формы, заряженный стрелой, и подвешенный к поясу всадника горит или колчан. Они могут

быть датированы ранним железным веком. Это подтверждают и стилистические особенности в изображении животных. Особенно вычурно выглядит конь, запечатленный, очевидно, в момент стремительного движения, о чем свидетельствуют характерно согнутые ноги. У одной собаки показаны круглый глаз и открытая пасть. Тем же временем датируется и целый ряд других петроглифов в Хар-Чулуу. Например, изображения двух изящных козлов, голова одного из которых развернута назад, а рога вписаны под головой другого. В целом миниатюра близка орнаментальным мотивам, часто использовавшимся для декора различных предметов в культурах скифоидного облика Саяно-Алтая. Не менее выразительна композиция из фигур козлов, выбитых на отдельном камне (рис. 13, 2). Они показаны в характерной позе: с наклоненной вперед головой, приподнятым вверх задом, выброшенными вперед длинными ногами «на цыпочках». Одновременность выполнения рисунков определяется не только по стилистическим признакам, но и по продуманному симметричному расположению на камне и одинаковой ориентации фигур (вправо). У двух из них невыбранным фоном камня показан круглый глаз – технический прием, широко известный в декоративном и наскальном искусстве ранних кочевников Центральной Азии. Несколько рисунков в верхней части камня (человек с палицей (?), лошадь, козел, собака или лисица) выбиты достаточно небрежно и дисгармонируют с описанными фигурами козлов. Своим построением композиция подчинена форме камня и опять же очень напо-

Рис. 12. Изображения баранов с рогами в виде округлых дисков.

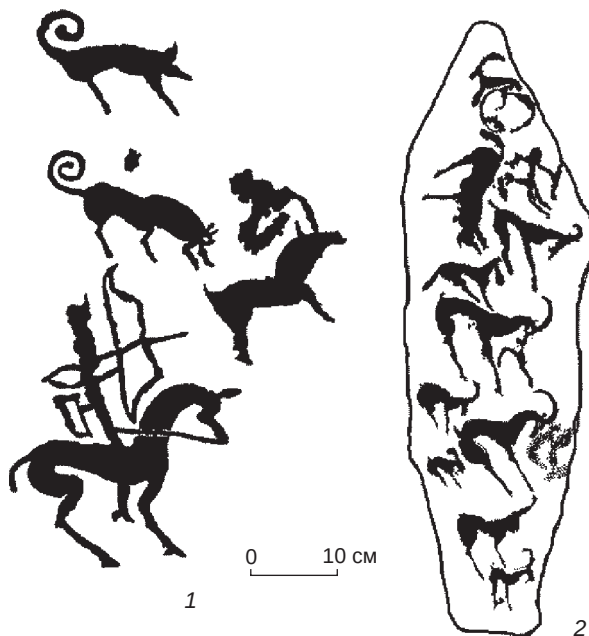

Рис. 13. Сцена охоты с собаками на козла (1) и композиция из фигур козлов, выполненных в раннескифском стиле (2).

минает сюжеты, воплощенные на отдельных оленных камнях Центральной Азии.

Недавно в восточной поле насыпи царского кургана Аржан-2 в Туве обнаружены 15 обломков оленных камней и каменных плит [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2003, Abb. 40, 41; Чугунов, 2004, с. 33–35] с выбитыми изображениями оленей, кабанов, верблюдов, коней, колесницы и вооруженного кинжалом человека. Они датируются временем сооружения кургана – VII в. до н.э. или даже в пределах второй половины VII в. до н.э. [Чугунов, 2004, с. 34]. Но это самая поздняя дата, определенная по анализу предметов, найденных в погребениях. Вполне очевидно, что оленные камни и их обломки вторично использовались при сооружении насыпи и могут быть на несколько столетий старше самого кургана. Обломанный оленный камень с выгравированными изображениями оружия, оленя и кабанов был найден также в насыпи кургана Аржан, исследованного М.П. Грязновым [1980, рис. 29, 2] и датированного им в пределах IX в. до н.э. [Там же, с. 55, 61]. А.П. Окладников, привлекая этот камень для анализа изображений оленей на горе Тэбш в Монголии, пришел к выводу о его вторичном использовании. Он также отметил, что оленные камни применялись как строительный материал и для сооружения плиточных могил в Забайкалье [1980, с. 91]. Исходя из своих наблюдений и наличия на оленных камнях изображений кинжалов типично карасукских форм А.П. Окладников предложил датировать эти памятники второй половиной II тыс. до н.э. [Там же]. Оленные камни и валуны с фигурами архаров, маралов и лошадей, выполненными в аржаномайэмирском стиле, включены и в центральное сооружение керексура Улуг-Хорум в Туве [Грач, 1980, с. 120–121, рис. 73]. Из приведенных фактов следует, что рисунки на оленных камнях могут быть гораздо древнее, чем предполагают исследователи. Это касается и отдельных раннескифских петроглифов Монгольского Алтая, дата создания которых может быть пересмотрена и удревнена примерно до середины II тыс. до н.э. Вероятно, к той же эпохе относится и редкое для Хар-Чулуу изображение стоящей птицы с длинными ногами и шеей. Круглый глаз выполнен уже упомянутым приемом. На памятнике также найдены несколько других одиночных изображений птиц и одна композиция в виде табунка из пяти птиц. Все они показаны в профиль, и, несмотря на стилизацию, в них можно узнать идущих гусей и сидящих орлов.

К редко встречаемым в Хар-Чулуу можно причислить небольшие фигурки верблюдов (две) и лося. Многие рисунки (очевидно, незаконченные) в петроглифах не поддаются определению; некоторые изображения явно соотносятся с фантастическими животными, имеющими отношение к архаичным мифологиям.

Ряд знаков и непонятных фигур, наверное, можно назвать магическими, предназначенными для каких-то

ритуальных действий. В их числе: 1) шесть выбитых пятен, расположенных в виде полукруга перед фигуркой козла; 2) контурный овал (напоминающий формой стопу человека) и четыре лунки (одна из них заключена в круг из девяти выбитых округлых пятен); 3) Т-образный символ, формой напоминающий чекан – ударное оружие древних кочевников. Самыми древнейшими из этих знаков считаются чашечные углубления, или, как их еще называют, лунки, ямки и т.д. Они встречаются уже в палеолитических петроглифах и интерпретируются исследователями как символы плодородия. В Хар-Чулуу выбитых углублений немного. Они включены в контекст отдельных изображений и композиций. Но и естественные лунки на скальных поверхностях всегда привлекали внимание исполнителей древних рисунков. Осознанное включение их в сюжеты и композиции прослеживается по обработке краев и приданию округлых очертаний этим углублениям. Традиция использования естественных лунок, например, была известна и популярна в Калбак-Таше на Российском Алтае [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 59, 206 и т.д.], а также в синхронных монгольских петроглифах Цагаан-Салаа и Бага-Ойгута [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 942, 1146 и т.д.]. В семантическом аспекте такие лунки, несомненно, близки по смыслу искусственным чашечным углублениям. В этом убеждают и разновременные рисунки Хар-Чулуу, нанесенные вокруг большой глубокой лунки.

В последующие эпохи на скалах святилища Хар-Чулуу только древние тюрки оставили одну сцену охоты на козлов и миниатюрное изображение всадника.

Заключение

Таким образом, петроглифы Хар-Чулуу, как и большинство других на Алтае, относятся в основном к бронзовому и раннему железному векам. Изображения раннескифского времени и эпохи ранних кочевников выделяются по стилистически идентичным рисункам на оленных камнях [Кубарев В.Д., 1979; Волков, 2002; Франкфор, 2002; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2003] и по предметным аналогам, выполненным в алтайском зверином стиле [Кубарев В.Д., 1999, 2004, 2006]. Подобный сравнительный анализ петроглифов Центральной Азии и предметов искусства из погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии провел А.-П. Франкфор. Он пришел к выводу, что многочисленные наскальные изображения содержат в себе информацию о тесных культурных контактах земледельцев с жителями степных районов Центральной Азии [2002, с. 62].

Специфика публикации новых петроглифов всегда связана с большим объемом иллюстративного материала. В данном сообщении приведены только наиболее

характерные сюжеты и отдельные рисунки. Остался нерассмотренным ряд интересных композиций и сцен, что, будем надеяться, послужит поводом для дальнейшего научного изучения петроглифов Хар-Чулуу. Тем не менее главная цель полевых исследований достигнута – на карту археологических памятников Монголии теперь можно нанести еще один ценный для исторической науки древний комплекс наскального искусства.

Мы не коснулись проблем современного петроглифведения, однако их можно кратко сформулировать. Это изучение материальной стороны производственной деятельности; установление традиционных видов, способов и приемов охоты и военной тактики древних кочевников; определение семантики изображений оружия и интерпретация наиболее популярных образов наскального искусства Центральной Азии.

Петроглифы, открытые в устье р. Хар-Салаа, по разнообразию сюжетов и художественной выразительности изобразительных материалов могут быть поставлены в один ряд с другими, уже ставшими классическими, памятниками наскального искусства Монголии. Они представляют значительный интерес для археологов, искусствоведов, а также исследователей, занимающихся реконструкцией социально-экономических структур древних обществ и идеологических представлений древнего населения Алтая.

Список литературы

- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Научн. мир, 2002. – 248 с.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган скифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 80 с.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1977. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая: (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.
- Кубарев В.Д.** Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 84–92.
- Кубарев В.Д.** Петроглифы Курман-Тау // Древности Алтая / Горно-Алт. гос. ун-т. – 2000. – № 5. – С. 15–21.
- Кубарев В.Д.** Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 65–81.
- Кубарев В.Д.** Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 41–54.
- Кубарев В.Д.** Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007а. – № 1. – С. 111–126.
- Кубарев В.Д.** Билуут-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 3. – С. 63–68.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.** О древнетюркских поминальных оградках в устье реки Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 301–305.
- Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д.** Петроглифы Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 309–314.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Молодин В.И., Погожева А.П.** Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. – 1989. – № 1. – С. 167–177.
- Окладников А.П.** Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
- Франкфор А.-П.** Образы, запечатленные на камне и в предметах искусства (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 62–68.
- Членова Н.Л.** Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.
- Чугунов К.В.** Аржан – источник // Аржан – источник в долине царей: Археологические открытия в Туве. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. – С. 10–39.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; t. V. 6). – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; N 6).
- Kubarev V.D., Jacobson E.** Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). – P.: De Boccard, 1996. – 45 p., 15 pl., 662 fig. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; t. V. 6). – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; N 3).
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der skythische) • UMNQ UDEK JHOMRQ\$ UUDQ IQ7 XYD 9RUHFKWCHUXWFK deutschen Ausgrabungen 2000–2002) // Eurasia Antiqua. – 2003. – Bd. 9. – S. 113–162.

Материал поступил в редколлегию 27.12.07 г.

УДК 392.91

А.К. Бустанов¹, С.Н. Корусенко²

¹Университет Амстердама, Нидерланды
University of Amsterdam, Europese Studies
Amsterdam 1012 VB, Spuistraat 134, the Netherlands
E-mail: alf_b@list.ru

²Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
ул. Андрианова, 28, Омск, 644077, Россия
E-mail: tomil@omsu.ru

РОДОСЛОВНЫЕ СИБИРСКИХ БУХАРЦЕВ: ИМЬЯМИНОВЫ*

Предметом данного исследования является верификация оригинальных арабоязычных источников (родословий) путем сопоставления их с материалами переписей в среде сибирских татар XVIII–XIX вв. и современными генеалогиями. В статье на примере одной из известных семей сибирских мусульман Имьяминовых с привлечением комплекса источников прослеживается история бухарцев, которые осваивали Сибирь с XVI в. и в XVIII в. выделились в особую этносословную группу, а в XX в. вошли в состав сибирских татар.

Ключевые слова: генеалогии сибирских татар, родословие сайидов и ходжей, сибирские бухарцы.

Введение

Современные татары Западной Сибири – это потомки местных тюркоязычных групп, татар, переселявшихся в регион со второй половины XIX в. из Поволжья и Приуралья, а также бухарцев – выходцев из Средней Азии, которые стали активно заселять край еще во время правления Кучума в последнюю четверть XVI в. Изначально бухарцам были предоставлены льготы в области торговли и налогообложения. Во второй половине XVIII в. указами Екатерины II им было дано право на самоуправление, что привело к консолидации бухарцев как особой этносословной группы. В результате реформ М.М. Сперанского начала XIX в. бухарцы лишились почти всех своих привилегий и оказались приравненными к разным сословиям в зависимости от рода деятельности (в основном к оседлым инородцам, какая-то часть – к купеческому сословию). Однако было сохранено управление делами на волостном

уровне в Тарском уезде (Бухарскую вол. расформировали только в 1926 г.). К середине XIX в. были созданы бухарские волости в Тобольском окр. и Тюменском уезде, но в ходе административных реформ в начале XX в. они также были расформированы.

Последний раз бухарцы в Сибири были учтены в переписи 1926 г.; в последующих переписях их записывали татарами. В настоящее время потомки бухарцев считают себя, как правило, сибирскими татарами и лишь в легендах и преданиях сохраняется память о среднеазиатском происхождении.

Формирование трехсоставной именной основы (фамилия, имя, отчество) у татарского (тюркского) населения Сибири началось только во второй половине XIX в. и окончательно завершилось в 1920–1930-е гг. В XVIII–XIX вв. в татарских селениях Западной Сибири дети получали фамилию, образованную от имени отца, в редких случаях – от имени деда. Слово «фамилия» в языке сибирских татар не имеет аналога и является заимствованием. Однако для удобства изложения материала оно используется в данной статье.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-67102а/Т).

Генеалогии татарского населения Западной Сибири, зафиксированные в последней четверти XX в., дают представление в основном о двух-трех, реже – четырех поколениях в истории каждой семьи. Основные сведения датируются, как правило, концом XIX – началом XX в. Сравнение генеалогических схем, реконструированных по первичным материалам переписей населения конца XVIII – XIX в. (5–10-й ревизий и переписи 1897 г.), с современными родословиями позволяет проследить историю отдельных семейно-родственных групп и процесс образования фамилий.

Письменные родословия, выполненные арабской графикой, встречаются очень редко. Некоторые из них заканчиваются на рубеже XIX–XX вв., а другие прослежены до современности. Что же представляют собой эти письменные источники и какова их достоверность?

Наличие письменных родословий во все времена определялось прежде всего значимым социальным положением рода или семейно-родственного клана, особенно в период формирования привилегированных групп. В средневековой мусульманской общине среднеазиатского культурного ареала имевшие большой вес сайиды и ходжа возводили свой род к пророку Мухаммаду. Принципиальное значение в тюркской среднеазиатской среде имело родство с Чингизидами, которые с XIII в. и до русской колонизации монополизировали право на власть. Эти две особенности проявились в феномене письменных родословий.

Предметом изучения в данной работе являются родословия *шэжэрэ* (араб. *шаджара*/ «дерево»; сиб.-тат. – *шэжэрэ, сэчэрэ* и др.) западно-сибирских татар. В конце XIX – начале XX в. в обществе появился интерес к краеведческой проблематике, благодаря чему стали издаваться родословия разных народов, в т.ч. сибирских татар и бухарцев. В произведениях такого рода не только перечислялись поколения, но и приводились различные исторические сведения [Аш-шаджара..., 1908].

Родословия сибирских бухарцев не раз рассматривались в работах исследователей [Валеев, 1991; Исхаков, 1997; Радлов, 1872; Катанов, 1904]. Вплоть до начала XX в. бухарцы часто предъявляли переведенные на русский язык *шэжэрэ* (шаджара) органам местной администрации в качестве официальных документов. Они «рассматривали свои шежере как документы, подтверждающие иностранное происхождение их предков и дающие им право на пользование различными привилегиями, предоставленными им в разное время указами русских царей – Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II» [Валеев, 1991, с. 100].

Большая часть письменных родословий вместе с богатыми некогда богословскими мусульманскими библиотеками сибирских татар была уничтожена в период борьбы с религией, особенно в 1930-е гг. Много письменных документов, согласно укоренившейся традиции, было захоронено в могилах старейшин и мулл

(Архив МАЭ ОмГУ. Ф.1. Д.166-1. Л. 47, 51). Именно поэтому сохранившиеся до наших дней *шэжэрэ* являются уникальными историческими источниками.

В ходе специальных изысканий, проводившихся среди жителей селений Омской и Тюменской областей, городов Омска, Тобольска, Тары, Тюмени и Новосибирска, а также в отделе рукописей библиотеки Казанского госуниверситета, в отделе рукописей и документов Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, было выявлено свыше 300 рукописей XVIII–XX вв. на арабском, тюркском и персидском языках, что отражает высокий уровень письменной культуры сибирских татар. Нами же будет проанализирован один документ – «Родословные деревни Ходжа-аул» (АВ ИВР РАН. Ф.131. Оп.1. №8. Папка 2), в которых представлена родословная Имяминовых*. Их потомки до сих пор живут в д. Сеитово Тарского р-на Омской обл. Данная родословная является показательной: она начинается с истории сайидов при хане Кучуме («Шаджара рисаласи»). Кроме того, ее можно сопоставить с материалами переписей XVIII–XIX вв. и современными генеалогиями Имяминовых, а также документами российской администрации.

Одним из важнейших элементов родословий, включая шаджара сибирских бухарцев, была т.н. легенда о происхождении рода и его родоначальнике. Легендарные родословия очень важны, поскольку в них наряду с прочими подробностями фиксировался статус родоначальника семьи, определявший положение его потомков в социальной иерархии общества и в целом закреплявший их сословное положение. В ряд родословий сибирских бухарцев включена «Шаджара рисаласи» («Трактат о родословии»), в котором представлена история сайидов – элитного рода, пришедшего в Сибирь.

Сочинение «Шаджара рисаласи» и его списки

Первое упоминание об этом источнике имеется в трудах Г.Ф. Миллера: «И только в одной *сеитской* (выделено нами. – Авт.) семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанакowych и Тадзымовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времен Кучума. Эта семья замечательна еще тем, что ее родоначальник Дин-аул-ходжа (Дин-‘Али-ходжа. – Авт.), родом из Ургенча, был женат на дочери хана Кучума

*В реальности имя человека, от которого образовалась фамилия – Ибн Йамин (с араб. «Сын Десницы»), но в российских документах переписчиками было записано несколько вариантов (в т.ч. Вениамин – буквальный перевод с иврита), и в конечном итоге уже в современных документах у представителей этого рода закрепились фамилия Имяминовы.

по имени Нал-Ханиша. В Тобольске же мне была сообщена следующая родословная: Дин-аул-ходжа имел трех сыновей – Султам-ходжу, Сеит-мемета и Аксеита, которые обосновались в Таре; сыновья Султамета: Юсуп-ходжа и Аюп-ходжа жили в Тобольске. Сыновья же Аюп-ходжи: Султам-ходжа и Яя-ходжа жили в мое время в вышеуказанных юртах» [1999, с. 196]. Уже из этого отрывка понятно, что родословие, идущее от Дин-‘Али, могло в дальнейшем развиваться по крайней мере по трем линиям, связанным с его сыновьями.

До последнего времени были известны: изданный В.В. Радловым татарский текст, надиктованный ему муллой д. Саургачи, его перевод на немецкий и русский языки [1872]; вариант в книге Р. Фахр ад-Дина [Риза ад-Дин б. Фахр ад-Дин, 1909]; краткое описание рукописи, обнаруженной М.А. Усмановым в с. Бегишево Вагайского р-на Тюменской обл. [Усманов, 1972; Усманов, Шайхиев, 1979]. Работа по составлению так называемого критического текста сочинения, в котором были бы учтены все расхождения в списках, так и не была проведена. Тем не менее публикации и переводы отдельных списков легли в основу исторических и даже филологических работ, что методически некорректно. В результате наших археографических поисков было выявлено четыре новых списка «Шаджара рисаласи».

Название «Шаджара рисаласи» было дано источнику известным мусульманским деятелем Риза ад-Дином б. Фахр ад-Дином еще в начале XX в. и прочно закрепилось в историографической традиции. В широких народных массах текст, изобилующий арабо-персидской лексикой, не мог быть принят. Это произведение элитарной культуры имело целью легитимировать высокое социальное положение сибирских ходжа (духовный статус, большие земельные владения и торговые привилегии). Его автор оперирует фактами истории не только Сибирского юрта, но и государства Шибанидов в Бухаре, отчасти также отношений с Москвой и Касимовским ханством. Поэтому характеристика трактата как краеведческого не совсем оправдана [Усманов, Шайхиев, 1979].

Весьма сложен вопрос о научной ценности текста, опубликованного Ризой б. Фахр ад-Дином. Дело в том, что один из списков «Шаджара рисаласи» был адаптирован им для публикации на литературном тюркском языке Урало-Поволжского региона: в нем прослеживаются существенные лексические и фонематические отличия от известных рукописей. Публикация В.В. Радлова знакомит нас с общим содержанием памятника, но мало приближает к первоначальному тексту, хотя к оригиналам рукописей она более близка. Кроме того, благодаря системе транскрипции В.В. Радлова мы знаем, как звучало произведение в устах сибиряков, арабская графика с ее спецификой не позволяет представить это.

Среди бумаг Риза ад-Дина б. Фахр ад-Дина, присланных им в 1935 г. из Уфы в Ленинградское отде-

ление Института востоковедения АН СССР, А.К. Бустановым был обнаружен целый комплекс источников по исламской истории Сибири, в т.ч. списки «Трактата». К настоящему времени известны шесть списков этого сочинения:

1. Бегишевский список. Восточный сектор отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского государственного университета, шифр 3414 т. Датировка – начало XIX в.

2. Список Риза ад-Дина б. Фахр ад-Дина. АВ ИВР РАН. Ф. 131. Оп.1. № 9. Л. 17–18. Датировка – 1920-е гг.

3. Радловский список. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), шифр В 4609. Датировка – конец XIX в.

4. Сеитовский список. АВ ИВР РАН. Ф.131. Оп.1. № 8. Папка 2. Л. 13–18. Датировка – начало XX в. Наиболее полный список с указанием владельца и развернутой родословной. Владелец оригинала, с которого снята эта копия, был указным муллой Мухаммад-ходжа б. Навруз-ходжа Ибн-Йабинов (род. в 1837 г.)

5. Список ‘Абд ар-Рашида Ибрагимова. АВ ИВР РАН. Ф.131. Оп.1. № 8. Папка 2. Л. 19–25. Датировка – начало XX в.

6. Список в составе сочинения «Мусульмане в Сибири». АВ ИВР РАН. Ф. 131. Оп.1. № 8. Папка 2. Л. 4а–8б. Дата написания – 1893 г.

Сейчас готовится обстоятельное издание текста «Шаджара рисаласи», с учетом разночтений в списках, дополненное тщательным источниковедческим исследованием. В данной статье нас интересуют два момента, связанные с внешней критикой этих источников: 1) дата памятников, которая определяется началом XIX – началом XX в.; если брать во внимание упоминания Г.Ф. Миллера, то памятники можно отнести к началу XVIII в.; 2) собственно генеалогическая схема. Обычно исследователей привлекала первая часть родословия – «Шаджара рисаласи» и совершенно не интересовало продолжение, в котором история рода прослежена до современности. Исключение составляет работа Ф.Т. Валеева [1991]: проведенное сравнение фактов рукописных и изданных родословий с материалами ревизий населения позволило автору указать даты жизни представителей рода Айтыкиных – самого значимого рода торговой элиты сибирских бухарцев XVIII – начала XX в. Обнаруженное Ф.Т. Валеевым родословие Айтыкиных включает текст «Шаджара рисаласи», ведется от Сайид-Ата и его потомка Дин-‘Али-ходжи и продолжает линию одного из сыновей – Сайид-Мухаммада. Потомки второй линии от сына Дин-‘Али – Султан-Мухаммада обосновались под Тобольском, как видно из работы Г.Ф. Миллера, в юртах Сабанакских. Нами будет рассмотрена третья линия, связанная с еще одним сыном Дин-‘Али – Ак-Сайидом, потомки которого образовали род Имяминовых, представлявших землевладельческую элиту сибирских бухарцев.

Возведение рода Дин-‘Али-ходжи именно к Сайид-Ата имеет принципиальное значение. Интересно, что роль обоих в истории Сибирского юрта и Золотой Орды почти совпадает: Дин-‘Али-ходжа был приглашен Кучумом для распространения мусульманской веры; в персоязычном источнике XV в. «Шаджарат ал-атрак» Сайид-Ата в 720 году хиджры (1320 г.) обращает золотоордынского хана Узбека в ислам [The Shadjrat ul Atrak..., 1838, p. 231–232]*. Последнее, по мнению Т.И. Султанова, подтверждают монеты: уже с 721 года хиджры (1321 г.) на них появляется мусульманское имя «Султан Мухаммад Узбек-хан» [2006, с. 240]. Легенда гласит, что суфийскую мудрость святой познавал в Ташкенте у знаменитого Занги-Ата († 1258).

Фигура Сайид-Ата упоминается и в агиографии Сулеймана Бақыргани († 1186), одна из могил Сайид-Ата соседствует с мазаром упомянутого шайха [Хаким-Ата китабы, 1840, с. 23]. В позднем сочинении «Темур-наме» есть рассказы о многочисленных чудесах Сайида-Ата [Жандарбек, 2003, с. 328, 332, 334]. Но память о шайхе сохранилась не только среди простого народа; согласно наблюдениям Н. Ханыкова, потомки прославленного суфия могли занимать высокие посты при дворе бухарских ханов [Описание Бухарского ханства..., 1843, с. 182]. Все эти данные свидетельствуют о высоком духовном авторитете Сайид-Ата. Но возведение родословия к нему вполне могло быть фикцией. На мусульманском Востоке такие цепочки с «затерявшимися» в дали веков звеньями не были редкостью. Похоже, верифицировать эту часть информации можно лишь с помощью среднеазиатских материалов; эту линию поиска придется отложить до изучения соответствующих источников. Между тем сам факт прибытия Дин-‘Али-ходжи из Ургенча в Искер, ко двору Кучума, находит неожиданное подтверждение в актовом источнике. В переводе письма середины 1590-х гг. хана Абдуллы Кучуму читаем: «...послал есмь Али Ходзою он тебе зятя, а мой богомолец и ты б ему веря подлинное свое раденье прислал...» (цит. по: [Зияев, 1983, с. 22]**).

Таким образом, основная канва «Трактата» опирается на реальные события. Дин-‘Али-ходжа находился в посольстве бухарского хана и, очевидно, был в Сибири не в первый раз. Если верить «Трактату», то первая поездка будущего зятя Кучума состоялась ок. 980 года хиджры (1572 г.).

Ходжа-аул, или Сеитово

История рода Имяминовых связана с той территорией, которую освоили и на которой основали насе-

ленный пункт представители этого рода. Рассмотрим исторические предания, связанные с появлением современной д. Сеитово Тарского р-на Омской обл. Они были записаны у жителей деревни в ходе экспедиционных работ в 1998 г. Собрано несколько вариантов преданий, которые и будут проанализированы.

Вариант первый: *Рядом с этим местом было сражение. Одна из сражающихся сторон – войско Кучума. Битва была выиграна. У Кучума было несколько сыновей. Одного из них – Сеита – Кучум оставил с отрядом здесь. Образовалось поселение. Назвали его по имени сына Кучума – Сеитово. Другого своего сына – Ишея – Кучум отправил с отрядом дальше, и он образовал деревню Ишеево. Мне об этом рассказывала бабушка. Сын нашел саблю за деревней на поляне* (Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 111-1. Л. 41). В этом варианте говорится о реальных исторических событиях, но они смещены в пространстве и времени. О сражении Кучума с Ермаком рассказывают во всех татарских деревнях, расположенных на берегах Иртыша (и не только), и при этом обязательно подчеркивают, что битва происходила рядом с местом расположения поселения, это уточнение – признак мифологизации события. Сеит в данном предании назван сыном Кучума, но в рассматриваемом варианте «Шаджара рисаласы» записано: *...за этого Дин-‘Али-ходжу Кучум-хан выдал дочку, ханшу по имени Лейла. Первый год в этом городе Искер жили. Затем этот юрт рухнул, Кучум-хан умер. В Москве великий падишах дал юрт Керман сыну Кучум-хана Арслан-султану. Они жили в Керманском юрте*. У этого Дин-Али-ходжи и ханши Лейлы было три сына. Имя старшего – Султан-Мухаммад-ходжа, имя второго – Сайид-Мухаммад-ходжа, имя третьего – Ак-Сайид-ходжа. Сами жили в городе Тара* (АВ ИВР РАН. Ф.131. Оп.1. № 8. Папка 2. Л. 13–18). Из данного отрывка явствует, что Ак-Сайид, которого условно можно назвать основателем д. Сеитово, являлся внуком Кучума по матери.

Еще одно замечание касается образования д. Ишеево. В действительности данное поселение было основано жителями Сеитово во второй половине XIX в. как выселок, но это событие никак не связано с сыном Кучума – Ишеем: его не существовало. Кроме того, выселок был образован не бухарцами, а ясачными татарами: *Заимка Ишеева и выселка Крапивки юрт Сеитовых, общие владения ясачных татар рода Имяса Ишеева* (выделено нами. – Авт.). *На даче этой состоят два выселка: Ишеев, первый на правой стороне реки Уй, в нем один дом, в котором по случаю на время окормленной части земли этой у ясачных*

*По этому изданию выполнен русский перевод В.Г. Тиэнгаузена [Золотая Орда в источниках..., 2003].

**Датировку послания см.: [Трепавлов, 2001, с. 374].

*Под Керманом здесь следует понимать г. Касимов и само царство, в котором правил внук хана Кучума Арслан. Объяснить, почему в тексте он назван сыном Кучума от Лайлы-бек, пока не удалось.

татар дачи проживает крестьянин Бутаковской волости, и последний на левой стороне той реки, в нем 9 домов, налицо 27 душ, жительствующих в оном ясачные татары по ревизии числятся в юртах Сеитовых (ГУ Иса. Ф. 183. Оп. 1. Д. 51. Л. 93–93 об.). Таким образом, не все представленные в этом предании факты имели место в действительности.

Вариант второй: Деревня Сеитово по-татарски называется Ходжа-аул. Основал деревню Сеид по имени Ходжа. Он был муллой, приехал с женой. Сеид занимался земледелием, строил, но в основном молился. Откуда он пришел, неизвестно, но знаю, что проезжал д. Петрово, в которой ему предлагали дом и хозяйство. Но он сказал, что справится сам, и приехал сюда. Почему он выбрал именно это – не знаю, может быть, из-за того, что здесь красивые места и много глины. Позже к нему приехал Ходжа Ахмед, он тоже был правоверный и тоже молился вместе с Сеидом. Их потомки образовали поселение и теперь живут здесь (Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 111-1. Л. 42). Если первый вариант предания описывал времена Кучума, то второй достаточно сложно привязать к какому-либо хронологическому отрезку. В нем встречается местное неофициальное название деревни – Ходжа-аул, которое часто используется ее жителями. Следует отметить, что неофициальные названия деревень встречаются в документах русской администрации с начала XVIII в. (например, в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г.) и до начала XX в. (например, в работе С.К. Патканова [1911], созданной на основе материалов переписи 1897 г., во многих местах приводятся вторые названия поселений). В данном варианте подчеркивается, что именно Ходжа основал деревню*. Этот вариант опосредованно связан с родословием Имяминовых: Сеид по имени Ходжа – это, вероятно, Ак-Сайид-ходжа. Упоминание в качестве места, где сначала предполагал поселиться Сеид, д. Петрово, позволяет связывать основание Сеитово со второй половиной XVII в., когда в этом месте появился куст русских деревень. В Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. эта деревня не упоминается, однако она обозначена на картах С.У. Ремезова [The Atlas of Siberia..., 1958, p. 92]. Дело в том, что до 1897 г. в переписных документах фиксировались

официально утвержденные населенные пункты, позже изменилась методика проведения переписи и стало учитываться не приписное, а реально проживающее население, поэтому в материалах переписи 1897 г. указаны все поселения.

Вариант третий: Раньше на месте д. Сеитово проходил караванный путь. Именно здесь караванчики останавливались на отдых. Чем торговали и сколько людей включал караван – не знаю. Вместе с ними по этому пути проходили и мусульманские проповедники. Двое из них умерли, и их похоронили там, где сейчас кладбище, в центре. С этого времени это место стало считаться священным. Один из самых богатых купцов, выходец из Средней Азии, из Таджикистана, поселился рядом с этим священным местом, а его люди образовали здесь поселение. Когда богатый купец умер, у него остался сын – Сеитмаммет, который был как царь в этом поселении, в его честь и назвали деревню Сеитово (Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 111-1. Л. 44). В данном варианте основной является информация о караванном пути, с которыми связаны торговые караваны бухарцев. Но дальше в сюжете появляются мусульманские проповедники. В действительности торговля и миссионерская деятельность сочетались. Упоминаемый здесь Сеитмаммет (Сайид-Мухаммад) – это сын Дин-‘Али, по линии которого пошел род Айтыкиных. Айтыкины известны не только как представители торговой элиты, но и как землевладельцы. В документе середины XIX в. «Ведомость дачам, состоящим во владении Тобольской губернии Тарского округа ясачных татар и бухарцев волостей Подгородной и Бухарской» указывается, что соседствующие с д. Самсоновой земли оспариваются крестьянами деревень Самсоновой и Чередовой Бутаковской вол. и торгующим бухарцем из г. Тары Абдуллой Ниясовым Айтыкиным, наследником Нияса Айтыкина (ГУ Иса. Ф. 183. Оп. 3. Д. 518). Самсоново – это ближайшее поселение к Сеитово (сейчас Самсоново является центром муниципального образования, к которому относится Сеитово), и несомненно, что родные братья Сайид-Мухаммад и Ак-Сайид когда-то приобрели земли недалеко друг от друга, а возможно, изначально владели им совместно. В данном документе также значится, что «бухарец же Абдул Айтыкин, наследник Нияса Айтыкина, в участке, значащемся под литерой А, пользования не имеет, но утверждает, что эта вся дача принадлежит ему по выписи 1701 года*. Торгующий бухарец Абдул Айтыкин, купец 1-ой гильдии, имеет жительство в городе Таре, где и по ревизии числится» (Там же. Л. 20–20 об.). Здесь необходимо

*По мнению арабиста В.Н. Настича, термин «х*аджа» входит в следующую цепочку: санскрит. urādhūya – пракрит. uvājjhāa – староуйгур. xvaja (в буддийских текстах) – перс.-тадж. х*аджа-ходжа – татарск. хоза – рус. хозяин. Значение изменялось: монах – святой – «одаренный [высшим] знанием» через «знающий – грамотный» (у мусульман в первую очередь знаток арабского языка и Корана, особенно «уважаемый – почтенный» и вплоть до «господин» и даже «начальник»). Х*аджа – уважаемый человек, хорошо знающий Коран, умеющий читать и писать по-арабски, поэтому с полным правом занимающий разные высокие посты [2005, с. 75, 78].

*Имеется в виду официальный документ на право землевладения – выписка из Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., в которой были переписаны только земли бухарцев (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1199).

еще раз отметить, что одна линия (Сайид-Мухаммад) составила основу торговой элиты бухарцев, а другая (Ак-Сайида) – землевладельческой элиты.

В связи с сюжетом о двух проповедниках следует отметить: в центре кладбища д. Сеитово находится надгробный камень, надпись на котором если и была, то стерлась. О том, что это надмогильное сооружение, свидетельствуют признаки искусственной обработки камня; подобные сооружения (но с надписями) имеются и в соседних деревнях, заселенных потомками бухарцев (Себеляково, Айткулово); существует целый комплекс мифологических представлений, связанных с этим камнем. Похоже, надгробие в виде суживающейся кверху фигуры, символизирующей духовный мир, принадлежит одному из потомков Дин-‘Али-ходжи, скорее всего, часто упоминаемому местными жителями Ак-Сайиду. Несмотря на отсутствие у тарских татар такого феномена религиозной практики, как святые места (астана), все кладбище считается здесь святым и даже именуется по-особому – *хуца зийарат* (кладбище господ). Действительно, по данным информаторов, в Сеитово, Себеляково, Айткулово и, возможно, в Речапово хоронили именно представителей той самой когорты сибирских сайидов и ходжа.

Приведем ряд исторических документов и свидетельств, в которых имеются сведения о д. Сеитово. Одним из наиболее ранних источников является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 425), в которой значится все русское и тюркское население (исключение составляли бухарцы, для которых был проведен отдельный дозор – осмотр земель). В документе говорится: «Деревня Сеитова (она же Булунбаева Апталова) над рекою Иртышом. Живут в той деревне служилые и захребетные татары» (Там же. Л. 384 об.). В XVII – первой половине XIX в. еще не устоялась система расселения татар, происходили миграции, существовали летники и зимники, деревни разделялись и соединялись, поэтому дозорную книгу следует использовать для сравнения с современной системой расселения татар с большой осторожностью. В конце XVIII в. в материалах ревизий отдельно зафиксировано население д. Апталовой. В дозорной книге в месте описания общих наделов служилых и захребетных татар д. Сеитовой одной из границ указаны земли ясачных татар юрт Изембаевых. Последние не прописаны в дозорной книге, а в документе 1830-х гг. «Ведомость по Тарскому округу о количестве владеемой бухарцами земли» указано: «Юрт Сеитовских общего владения бухарцев. По данной выписи переписчика московского дворянина Ивана Качанова 1701 г., и в ней написанной поступной крепости 204 г. (1696. – Авт.), данной князем Ашимдаром Кладниным да Азбеком Кокшеняковым, ныне владеющих бухарцев предку Аксеиту Аксеитову *в Изинбаевой, что ныне Сеитовой* (выделено нами. – Авт.) деревни» (ГУ ИСА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об. – 4).

Как следует из этого документа, первоначально были две деревни – Изембаева (в ней жили ясачные татары) и Сеитово (служилые и захребетные татары), которые в дальнейшем составили одно поселение. Здесь же указаны прежние владельцы приобретенной бухарцами земли. Интересно, что в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. в д. Верхней «переписан» князец Итебок Кокшеняков, которого возможно связать с названным в «Ведомости...» Азбеком Кокшеняковым (русские переписчики часто искажали тюркские имена). Сведения о приобретении земель бухарцем Аксеитом Аксеитовым имеются в другом источнике – Тарской дозорной книге 1701 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1199. Л. 69)*.

Описание д. Сеитово мы находим и в путевых описаниях Г.Ф. Миллера, составленных в 1734 г. во время путешествия по Иртышу: «Ходжа-аул, по-русски Саидовы юрты, на восточном (правом. – Авт.) берегу, в 5 верстах от [аула] Сибеляк. Заселена служилыми, ясачными и бухарцами... Изембай-аул, на восточном берегу, в полуверсте от аула Ходжа. Заселена ясачными... Аптал-аул, на восточном берегу, в 3 верстах от аула Ходжа. Заселена ясачными, служилыми и бухарцами» [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 90–91]. В материалах 5–10-й ревизий (1795–1858 гг.) население Сеитово было приписано к Аялынской, Бухарской, Подгородной волостям. В материалах переписи 1897 г. юрты Сеитовские указаны в Бухарской и Аялынской волостях под названием Курмановские. В настоящее время Сеитово и Курманово расположены на противоположных берегах Иртыша напротив друг друга.

Анализ различных источников позволяет сделать вывод о том, что Сеитово было основано бухарцами, которые во второй половине XVII в. приобрели земли местных татар. На всем протяжении существования деревни фиксируется разнородный этнический и сословный состав жителей.

История рода Имяминовых

Приведенные исторические предания оперируют такими социальными терминами, как *сеит* (*сайид*) и *ходжа*, именно с ними связаны названия поселения (официальное и неофициальное). Какое же отношение современные Имяминовы имеют к основателям деревни?

Первое знакомство с Имяминовыми произошло в ходе сбора генеalogий жителей д. Сеитово (экспедиция 1998 г.). По данным похозяйственных книг, в 1997 г. в Сеитово проживали 86 семей, из них 8 носили фа-

*В этом источнике, название которому дал Н.Н. Оглоблин [1895, с. 66], представлены описания только бухарских поселений и земель. Среди поселений бухарцев переписана и деревня «Сеитова Апталова та ж» (Там же. Л. 55 об. – 67).

милию Имяминовы. Этническое и этногенетическое самосознание, отраженное в генеалогиях представителей этой фамилии, связано с местным тюркоязычным населением – сибирскими татарами. В конце 1990-х гг. проводились ежегодные работы в архиве Тобольска с материалами 4–10-й ревизий населения и первичными материалами Первой всеобщей переписи населения 1897 г., на основе которых были реконструированы генеалогические схемы тюркоязычного населения северных районов Омской обл. При сравнении реконструированных по архивным материалам генеалогических схем бухарцев юрт Сеитовских с современными генеалогиями жителей д. Сеитово выяснилось, что предки Имяминовых были бухарцами. В материалах ревизии 1795 г. был указан бухарец Кембяттов Селемьян. В более поздних документах он значится как Вельямин, Вениамин, а в материалах переписи 1897 г. все потомки записаны под фамилией Имяминовых [Корусенко, 2006, с. 170–171].

В 2008 г. в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН А.К. Бустановым был обнаружен Сеитовский список с указанием его владельца, включающий «Шаджара рисаласи» и развернутую родословную (рис. 1). Согласно документу, основателем рода являлся Дин-‘Али-ходжа, а само родословие связано с одним из трех его сыновей – Ак-Сайидом. Владелец оригинала, с которого снята эта копия, был указным муллой Мухаммад-ходжа б. Навруз-ходжа Ибн-Йабинов (род. в 1837 г.), который в первичных переписных листах переписи 1897 г. записан как Имяминов Мугамет Наурусов. Источник подтверждает, что он был не только указным муллой, но и земледельцем-хозяином. Сравнение реконструированной генеалогической схемы с Сеитовским списком позволяет заключить, что в последнем представлена родословная Имяминовых, доведенная до начала XX в. (рис. 2). Правомерность такого вывода подтверждается материалами другого источника – Тарской дозорной книги 1701 г. Среди жителей д. Сеитово указан Атыхожи Аксеитов (буквальное прочтение), который, несомненно, является сыном Ак-Сайида – Ата-ходжа (рис. 2, 5), местом рождения которого указан Томск, а временем прибытия в Сеитовские юрты – 1683 г. В дозорной книге записаны его сын Сеит шести лет (см. Хан-Сайид-ходжа – рис. 2, 7) и брат Алавади 23 лет (см. Аллауддин-ходжа – рис. 2, 6). Из приведенного в этом же источнике (он включает также текст челобитной) описания земельных владений Ата-ходжи следует, что земля принадлежала еще его деду и отцу, последние скупили ее у ясачных татар Аялынской вол. Владение землей было подтверждено юридически на основании выданного Ата-ходже документа – выписи из Тарской дозорной книги 1701 г.

Земельные владения располагались на обоих берегах Иртыша и в XVIII–XIX вв. были закреплены за потомками Ата-ходжи. Чтобы доказать происхождение

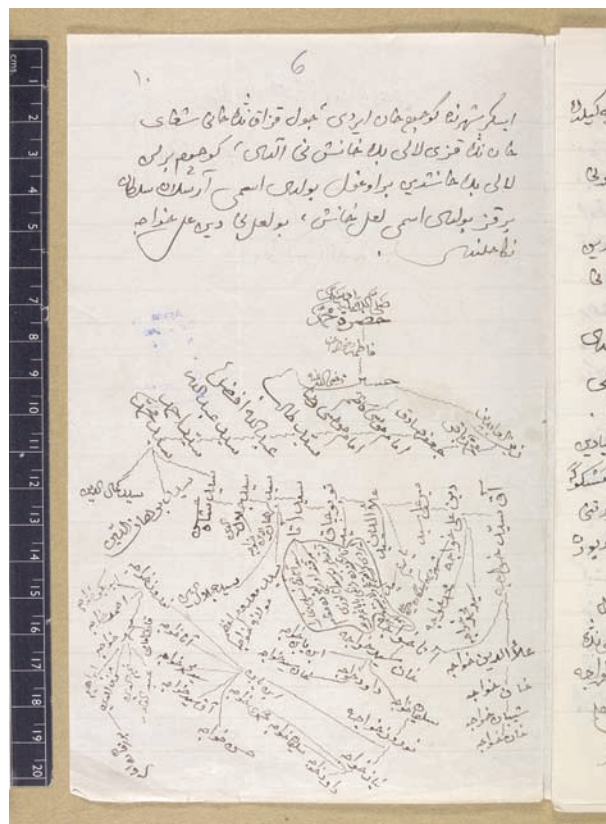

Рис. 1. Родословная Имяминовых (Сеитовский список). АВ ИВР РАН. Ф.131. Оп.1. № 8. Папка 2. Л. 18.

владельцев земли от Ак-Сайида и его сына Ата-ходжи необходима была родословная, т.к. фамильная система еще не устоялась, а в делопроизводственных документах в качестве фамилии записывалось имя отца. Фактически данный род можно рассматривать как землевладельческую элиту тарских бухарцев. Подтверждением служат документы середины XIX в., в частности «Ведомость дачам, состоящим во владении Тобольской губернии Тарского округа ясачных татар и бухарцев волостей Подгородной и Бухарской, юрт: Себеляковых, Сеитовых...» (ГУ ИСА. Ф. 183. Оп. 3. Д. 518), составленная в 1852 г. Под дачами подразумеваются земли, на которых расположено поселение, и земли, находившиеся как в общем, так и в индивидуальном владении. В документе имеются сведения о родовых земельных владениях, передающихся по наследству. Дача № 9 принадлежала бухарцам юрт Сеитовых – Веньямину Наурусову (см. Ибн Йабин-ходжа – рис. 2, 16) и Атагуче Веньяминову (см. Ата-ходжа – рис. 2, 19) с родственниками. Как следует из документа, «эта дача по выписи 1701 г. 11 сентября состоит во владении юрт Сеитовых Веньямина Наурусова и Атагучи Веньяминова с родственниками, всего на лицо по 8 ревизии 13 душ. Жительство они имеют в юртах Сеитовых на своей даче, где и по ревизии числятся. Прочие же ясачные татары

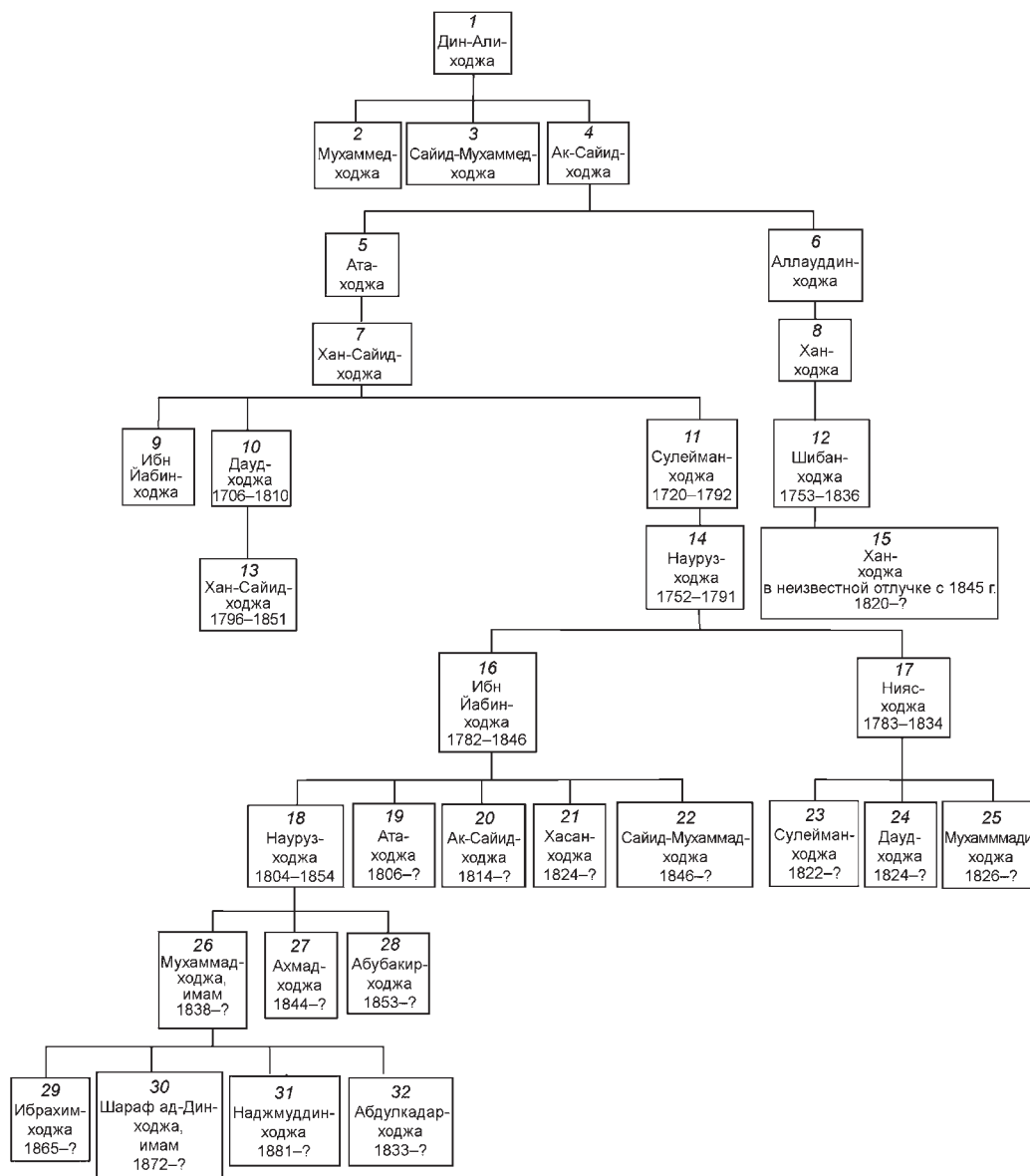

Рис. 2. Генеалогическая схема Имяминовых.

и бухарцы, числящиеся в тех юртах по ревизии, имеют жительство на этой даче и пользуются скотским выпуском будто бы без согласия настоящих владельцев, как объяснил бухарец Атагуча Веняминов в своем отзыве, почему он в 1852 г. подал просьбу в Тобольскую казенную палату, жалуюсь будто бы на стеснение своевольно проживающих на его даче ясачных татар и бухарцев, которых просит переменить. Действительно те бухарцы и ясачные татары, кроме 13 душ настоящих владельцев, которые проживают и числятся по ревизии в юртах Сеитовых на этой даче и пользуются выпуском для скота, но владения прочими земельными угодьями имеют особо, в принадлежащих им по крепостям и без документально дачам. Но чтобы сместить их с этой дачи – совершенно невозможно пото-

му, что эти юрты существуют с давних лет» (Там же. Л. 7 об. – 8 об.). Помимо этих земель, во владении рода Имяминовых находилась «отхожая дача», всего 1 203 дес. Таким образом, крупное землевладение стало отличительной чертой клана.

Не был утрачен и высокий духовный статус потомков Дин-‘Али-ходжи. Скорее наоборот: в условиях, когда ханский дом и прежняя элита лишились реальной власти, роль духовенства, подкрепленная финансовыми ресурсами, существенно возросла. Судя по рукописям об исламизации Сибири, за потомством Дин-‘Али-ходжи закрепилось звание «тарские ахуны» – главы региональной общины. В ревизии 1795 г. главой двора записан бухарец Сеитовских юрт Сулейман-ходжа с сыном Наурусом (ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 138.

Л. 141) (рис. 2, 11, 14), а 1811 г. – уже его внук Наурусов Ибн Йабин (Там же. Д. 306. Л. 11 об.) (рис. 2, 16), имя которого и стало основой фамилии Имяминовых. Не исключено, что Ибн Йабин продолжил династию духовных лиц, поскольку его старший сын Науруз (рис. 2, 18) в метрической книге значился с 1834 г. имамом мечети Себеляково и Сеитово (ГУ ИСА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 4. Л. 6 об.), как и старший внук Мухаммад-ходжа (рис. 2, 26), и правнук Шараф ад-Дин-ходжа (рис. 2, 30). Именно в руках этого Мухаммада б. Навруза находился список «Трактата о родословии».

Заключение

Вопрос о степени достоверности генеалогических сочинений сибирских бухарцев не может быть решен однозначно. Казалось бы, источник не вызывает критики как «слепок объективной действительности»: имена персонажей, живших в XVII–XX вв., обнаружены и в других документах. Однако увязка с семьей Пророка и полуполюгендарными святыми шайхами (например, Сайид-Ата) должна трактоваться в рамках того социального статуса и материального положения, которые имели владельцы и заказчики письменно заверенных генеалогий. Связь с легендарной личностью среднеазиатских «агиографий» зеркально отражала степень влияния и даже круг деятельности знатной фамилии, а также служила цели легитимации ее особого положения. Сопоставление русских и арабописьменных источников позволяет строить генеалогические схемы, которые отражают переселения в другие населенные пункты, взаимоотношения с другими кланами и, конечно, глубину исторической памяти людей.

Потомки Имяминовых продолжают жить, не догадываясь о своем блистательном прошлом. Их родословная сохранилась в упомянутом списке «Трактата» и снятой с него копии 'Абд ар-Рашида Ибрагимов, уцелевших исключительно благодаря титаническому труду Риза ад-Дина б. Фахр ад-Дина по сохранению письменного наследия татарского народа.

Список литературы

Аш-шаджара ал-хусаинийа ли-ш-шайх ас-сайид Батал б. Давлет-Баки аш-Шайхи. – Оренбург: Дин ва Ма'йишат, 1908. – 28 с.

Валеев Ф.Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1991. – С. 98–104.

Жандарбек З.З. Йасауийа и этническая история населения Дашт-и Кыпчака (по материалам казахских шеджере) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 326–335.

Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI веке. – Ташкент: Фан, 1983. – 167 с.

Золотая Орда в источниках: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена / сост., введ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – М.: Наука, 2003. – Т. 1: Арабские и персидские сочинения. – 448 с.

Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань: Иман, 1997. – 78 с.

Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1904. – 28 с.

Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука»», 2006. – 218 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. 1. – 630 с.

Настич В.Н. К эпиграфической истории средневекового Баласагуна (городище Булана в Кыргызстане) // Нумизматика и эпиграфика. – М.: Вост. лит., 2005. – Вып. XVII. – С. 70–82.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – М.: [Университет. тип.], 1895. – Ч. 1: Документы воеводского управления. – 429 с.

Описание Бухарского ханства, составленное Н. Ханьковым. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1843. – 253 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). – СПб.: [б.и.], 1911. – Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. – 432 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1872. – Ч. IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – 411 с.

Риза ад-Дин б. Фахр ад-Дин. Асар. 10 джуз, 2 джилд. – Оренбург: [Тип. М.Ф. Каримова], 1909. – 95 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири: Первоисточники. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. – Вып. 6. – 310 с.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М.: АСТ, 2006. – 445 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит., 2001. – 751 с.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1972. – 224 с.

Усманов М.А., Шайхiev P.A. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 85–103.

Хаким-Ата китабы. – [Б.и.], 1840. – 23 с.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – S.-Gravenhage: Mouton & Co, 1958. – 250 p.

The Shadjrat ul Atrak or genealogical tree of the Turks and Tatars / transl. C. Miles. – L.: W.H. Allen and Co., 1838. – 383 p.

Материал поступил в редколлегию 21.12.09 г.

УДК 392.51

С.И. Петрова

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия
E-mail: sakhafolklor@rambler.ru

ОДЕЖДА В ТРАДИЦИОННЫХ СВАДЕБНЫХ РИТУАЛАХ ЯКУТОВ (XIX–XX века)

В статье отражены наиболее архаичные черты свадебных церемоний якутов, важным атрибутом которых являлся свадебный костюм. Дана характеристика одежды как показателя социального статуса невесты и жениха, проанализированы магико-охранная и сигнификативная функции свадебного костюма.

Ключевые слова: традиционная культура якутов, свадебный ритуал, обычай избегания, обрядовая одежда.

Изучение материальной и духовной культуры народов Сибири традиционно представляет большой интерес, поскольку расширяет возможности для определения хронологической глубины этнических традиций и помогает разрешить многие проблемы, касающиеся этногенеза и этнокультурных контактов. Ярким маркером этнической культуры является обрядовая одежда. В традиционном костюме якутов «овеществляются» их духовные идеалы и мировоззрение. Синкретизм одежды проявляется в ее полифункциональности. Наряду с утилитарной и эстетической функциями она имеет магико-охранное значение, связанное прежде всего с древними мифологическими представлениями народа. Среди традиционной одежды по разнообразию кроя и сложности семантически нагруженного декора выделяется комплекс свадебного костюма.

Старинный свадебный костюм якутов отличался вариативностью, что отражало социально-экономическую и региональную субэтническую дифференциацию. В прошлом якуты изготавливали одежду в основном из натуральных материалов – меха, кожи, ровдуги. Согласно историческим описаниям, например, в 1670–1671 гг. приданое (*эһнньэ бэлэх*) богатой невесты состояло из 3 лошадей, 51 шкуры соболя, 3 шуб с подкладкой из волчьего меха, лисьей дохи, 3 мужских камзолов, шубы *таналай* с меховой под-

кладкой, 6 шапок *малахай*, других видов одежды и украшений [Токарев, 1945, с. 61].

С конца XVIII в. благодаря развитию торговых связей костюм стали шить из привозных тканей – сукна, шелка, ситца или нанки. Различные по материалу, крою, характеру художественного оформления, свадебные наряды якутов до конца XIX в. имели в основном магико-охранное значение [Петрова, 2006, с. 8].

Существовали бытовые запреты, касающиеся одежды. Так, нельзя было класть чужую шапку, особенно женскую, передом вниз – это было равносильно пожеланию смерти владельцу шапки: *Умса тус!* (Пропади ты!). Обувь запрещалось класть носками вверх – как клали покойника; не следовало также ставить обувь, ориентируя ее к пристенной лавке *орону*, а от *орона* – к дверям и т.д. [Бравина, 1996, с. 85].

Сакрально-апотропный характер одежды проявлялся в представлениях якутов, связанных с ее изготовлением. Традиционный этикет предписывал швеям быть скромными. Считалось, что если вещь будет сделана слишком красивой и добротной, то ее создателя могут вызвать на соревнование лучшие мастера верхнего мира. Победить их невозможно, а проигравший будет обречен.

В традиционной культуре якутов шитье регламентировалось запретами и предписаниями. Считалось грехом есть, когда на палец надет наперсток. Если при

шитье мастерица поранила иглой руку, то продолжить работу она могла только когда заживет рана. Существовало поверье: если во время шитья узелок на жилых нитях не завязывается, значит человек, которому предназначалось платье, умрет в этой обнове [Худяков, 1969, с. 167, 301].

Строгие правила соблюдались при подготовке одежды покойника – *элунньук танас*. Молодую невестку хоронили обязательно в свадебной одежде. До настоящего времени в народе сохраняются такие запреты: если умер близкий родственник, женщина не должна заниматься шитьем в течение 40 дней, в гроб нельзя класть острые предметы (ножницы, нож, иглку), чтобы «не мешать» умершему при его восхождении в мир иной [Трошанский, 1903, с. 2–3].

Особенно много представлений у якутов связано с изготовлением свадебной одежды. Чтобы девушка была счастлива в брачной жизни, в одном шве свадебной одежды оставляли пропуск. Одежду для невесты шили, отгородившись от огня занавеской, – иначе дух огня проклянет девушку за то, что она, уезжая в дом жениха, может унести с собою счастье родительского жилища [Худяков, 1969, с. 120]. По описанию этнографа П.А. Слепцова, традиционная якутская свадьба состояла из нескольких этапов: 1) сватовство (сговор, помолвка) – *кэргэн кэпсэтии*; 2) первый свадебный праздник – *кютюэттютюр*, который совершался после уплаты части калыма в доме невесты и предполагал посещение женихом невесты в ее доме – *түсэ барар*; 3) второй свадебный праздник, включавший переезд невесты в дом жениха и праздничный пир в нем после полной выплаты калыма, – *кыыс суктютюүтэ*, или *уруу*; 4) временное возвращение молодой в родной дом (*тэркютюттүө*) и посещение родственников через некоторое время после рождения ребенка [1989, с. 31].

В период подготовки к свадьбе девушке надлежало быть особенно скромной и сдержанной; нельзя было показываться чужим мужчинам (не родственникам), поэтому ей выделяли специальное помещение в левой части юрты – *хаппахчы*. Правила предсвадебного поведения предусматривали ношение девушкой набедренного украшения *түсүлүк*, сплошь расшитого бисером, с ниспадающими металлическими подвесками. Видимо, это девичье украшение имел в виду В.Л. Серошевский, отмечавший, что «есть у якутов в нравах и в платье и более грубые средства, направленные к охранению целомудрия» [1993, с. 556]. Бряцание подвесок, как считалось, свидетельствовало о нравственной чистоте и целомудрии будущей невесты. После свадьбы это украшение больше не надевалось [Линденау, 1983, с. 26]. Звон металлических украшений выполнял и охранительную функцию, поэтому подвесками украшался вход в *хаппахчы*; звон отмечал каждый выход девушки (рис. 1) [Пекарский, 1958, т. III, стб. 3320].

Рис. 1. Якутская девушка в свадебной нательной одежде у входа в *хаппахчы*. Реконструкция автора по материалам XVIII в.

Магический смысл имели различные части свадебного костюма якутов. Каждому из свадебных ритуалов соответствовала определенная группа украшений или элементов одежды. В старину приданое невесты (*энньэ*) состояло из большого количества имущества и являлось ее пожизненной собственностью в доме мужа. К *энньэ* относились слуги-помощники (*энньэ кулут*) [Ойунский, 1962, с. 171], домашний скот и предметы домашнего хозяйства, утварь, разнообразные подарки для родственников мужа (*энньэ-бэлэх*) – меха, одежда и серебряные украшения [Токарев, 1945, с. 61].

Перед отправлением свадебного поезда в доме родителей в присутствии только близких родственников совершался обряд одевания невесты [Гурвич, 1977, с. 128–129]. В начале XIX в. у богатых людей он начинался с того, что перед камельком стелили белую конскую шкуру с черной оторочкой – *харалаах аас тэллэх*. На нее вставала невеста, которую одевали в лучшую нарядную одежду (рис. 2). Самая богатая невеста поверх нательной одежды с металлическими ритуальными подвесками надевала три платья *халадаай*: ситцевое, шелковое и из китайской нанки.

Рис. 2. Ритуал одевания невесты.

Рис. 3. Свадебная одежда невесты и убранство коня *харамньы*. Экспозиция Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера, г. Якутск.

Поверх платьев на невесту надевали безрукавку и серебряное нагрудное украшение *сюрэх киэргэл*, затем легкое пальто *оноолоох сон* из тафты или сукна, только после этого шубу *бууктаах сон*. Обязательным дополнением к свадебной одежде был комплект украшений из литого серебра: большие серьги с подвесками, шейное ожерелье, браслеты, накосник, широкий серебряный пояс с ниспадающими набедренными подвесками и нагрудно-наспинное украшение *илин-кэлин кэбисэр*. Одежда для дальней поездки включала шапку *дьабака* с круглым серебряным украшением *туосахта*. Комплекс одежды состоял из волчьей

или лисьей шубы *сангыях*, меховых защитников лба, подбородка, нагрудника, наушников, мехового наносника, длинного мехового шарфа – боа *моой-торук*, меховых запястий и напальчников, больших и нарядно расшитых дорожных рукавиц из меха. Разнообразна была и обувь невесты.

По сведениям информаторов, в обряде одевания невесты особое значение имел ритуал прикрепления к богато украшенным ритуальным натазникам специального ремешка *сыппа быата* (*мыаннарык быата*). Во время этой части обряда, который назывался *сыппа быатын иининэрии сизрэ-туома*, длинный кожаный ремешок *сыппа быата* подносили невесте семь или девять непорочных девочек и две пожилые женщины. Женщины прикрепляли ниткой ремешок к натазнику так, чтобы ремешок не касался земли. Позже эта традиция забылась (ПМА, 1999). В свадебном ритуале *сыппа быата* играл роль связующего звена между невестой и «чужим» миром, выполнял охранительную функцию и символизировал чистоту и непорочность юной девушки. Данный элемент свадебного обряда был важной составляющей в кодировании благополучия супружеской жизни невесты.

После обряда одевания девушка прощалась со всеми, молилась 3 раза (по некоторым данным, 9 раз – по числу верховных небесных божеств) и пела грустную прощальную песню. Жених выводил невесту из родительского дома, держа ее за кнут. После родительских благословений она садилась на оседланного коня – *харамньы*, наступив на стоящего на четвереньках слугу, который входил в состав ее приданого (рис. 3).

По некоторым этнографическим материалам, по дороге в дом родителей жениха свадебный караван делал 27 остановок. Считалось, что невеста должна была преподнести девять шуб – *тангалаев духу* – Хозяйке земли и на каждой остановке оставлять по меховой подстилке [Кулаковский, 1979, с. 95; Серошевский, 1993, с. 539].

Перед отправкой невесты в дом жениха лошадь, на которой ей предстояло ехать, навьючивали сумами с ее старым, поношенным платьем. Как только невесту спускали с коня у дома жениха, прибежали домашние с шильями и начинали протыкать ими сумы, выбрасы-

вать вещи. Это делалось для того, чтобы уничтожить чертей и несчастья, «прибывшие», согласно традиционным представлениям, вместе с невестой [Худяков, 1969, с. 170]. Перед девушкой в дом жениха сначала заносили ящик с открытой крышкой, на дне которого лежали ее старые натазники. Невеста развязывала пояс, чтобы «освободить» свое счастье. Она переступала порог вместе с женщиной, которая вела ее, держа за один конец пояса. Согласно старинной традиции, на переступающей порог богатой невесте обязательно должны были зазвенеть металлические подвески натазника. На многих свадебных натазниках на месте детородного органа имелся металлический колокольчик. По интенсивности звона определяли чистоту и непорочность девушки. Считалось, что резкий и громкий звон сопутствует бойкой, проворной и «чистой» – целомудренной девушке, слабый звон – признак простодушия, глупости и легкомыслия [Новгородов, 1955, с. 149–151; Носов, 1955, с. 96; Слепцов, 1989, с. 36, 53]. «При входе в дом жениха, – рассказывает информатор, – сидела старушка, которая должна была прислушаться к звону обрядового колокольчика и украшения *кыабагы симэгэ* и сообщить об этом будущему свекру невесты. Бывали случаи, что по нелепой причине украшения и колокольчик звенели не очень звонко, и на следующий день девушка, чувствуя себя опозоренной, удавливалась ровдужным шнурком с берестяной разукрашенной двери своей каморки – *хаппахчы*» (ПМА, 1995 г.). В древности существовал обычай вешать натазники невесты на всеобщее обозрение. Описанные действия были, без сомнения, связаны с идеей плодородия: перед родственниками мужа демонстрировался детородный потенциал и полноценность женщины.

Во время свадебного торжества проводился обряд вынимания из сумы (*хааһах хостоохуна*) приданого невесты и подарков (*энньэ-бэлэх*). Вещи вынимали две женщины, но сначала из четырех углов сундука или сумы доставали мелкие бусины и горстями раскидывали их по всему дому. Присутствующие в доме женщины и дети бросались собирать бусины. После этого из сундука доставали вещи, каждую из них показывали присутствующим и аккуратно откладывали в сторону. Все вещи, составляющие приданое, клали по девять штук: девять шуб, девять рубаш и т.д. Вынув все содержимое, женщины тонкими шильями прокалывали сундук в четырех углах, приговаривая: «Ничего нет, ничего нет». Данный ритуал совершался только на очень богатых свадьбах [Слепцов, 1989, с. 43]. Он позволял родителям невесты продемонстрировать свою зажиточность. Кроме того, ценность приданого определяла дальнейший статус невестки в чужом роду.

В ходе свадьбы и после нее молодые строго соблюдали обычай избегания – *кийииттиир* (от *кийиит* – невеста), определявший отношения между невесткой

и старшими родственниками мужа, особенно свекром, а также между зятем и тещей.

Иногда на время прихода невестки в дом родителей мужа пространство от двери до камелька завешивали шубами и одеялами, чтобы молодую случайно не увидел свекор. Невестке разрешалось показываться домашним и переодеваться в домашнюю одежду только через три дня после свадьбы, при этом она не должна была снимать шапку [Худяков, 1969, с. 171]. Невестке запрещалось показывать лицо старшей мужской родне мужа в течении трех – семи лет, а в некоторых случаях – до самой смерти.

Об обычае избегания свидетельствует якутское сказание о Дьорхо Бае и его снохе. Дьорхо Бай (его полное имя Аба Уос Джорхо Идельгин) жил между 1680 и 1765 г., был очень богат и имел несколько жен, родивших ему 29 сыновей. Особенно он любил младшего сына Муруку, за которого сосватал дочь одного богача из Амги. Молодые прожили вместе три года, но у них не было детей. И в один из летних дней жена Муруку тайком отправилась на свою родину. Узнав об этом, разгневанный Дьорхо Бай, которому тогда было за 50 лет, погнался за снохой на лошади и догнал ее на земле алтанцев. Настигнув молодую женщину, старик спросил: «Почему решила ты убежать от нас?». «Я решила покинуть вас по той причине, что за три года совместной жизни сын Ваш не показал признаков мужчины», – ответила она. «Не означает ли это, что ты до сих пор ходишь девственницей?» – задал ей вопрос озадаченный Дьорхо. «Это действительно так», – последовал ответ. «Если же ты права, то останешься в живых!» – сказал разгневанный старик, срывая с лица покрывало снохи. И Дьорхо Бай впервые увидел лицо своей снохи. Перед ним стояла девушка замечательной красоты. И старик, нарушив заветы своих предков и перейдя границы морали, не смог удержаться от соблазна и овладел своей снохой. А после вернул ее назад и снова поселил вместе с сыном. По истечении положенного срока сноха родила сына [Березкин, 1981, с. 58].

Согласно традиционному этикету, обычай избегания соблюдался достаточно строго. Среди якутов Момского улуса, по данным И.А. Худякова, зять перед тещей или старшей сестрой жены никогда не снимал шапку, он всегда носил длинную рубашку, чтобы женщины никогда не видели его наколенников [1969, с. 160].

Важным дополнением одежды женщины было лицевое покрывало (Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 293. Л. 45). Покрывалом женщины закрывались в присутствии старших родственников-мужчин со стороны мужа, а также если видели тотемных птиц-предков.

Общепринятое название покрывала – *аннах*. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского отмечено, что «наличник, покрывало, коим невестки в ста-

рину закрывали свое лицо», назывался *андах* [1958, т. I, стб. 107]). А.А. Савин приводит другое название такого покрывала – *сирэй таналайа* (Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 6. Л. 24). В записях С.И. Боло отмечено, что в старину якутские невестки закрывали лицо покрывалом *тангалай* (Там же. Д. 19. Л. 10–11). Это слово, видимо, связано с названием узора, распространенного в якутском орнаментальном искусстве, – *таналай ойуу* (узор таналай), им украшали покрывало. По данным В.Л. Серошевского, свадебное покрывало называется *намысха*, или *сирэй сабыыта* – лицевое покрывало [1993, с. 549].

Самые богатые якуты могли позволить себе *аннах* из шкуры соболя, семья среднего достатка – рыси или бобра, бедные шили «наличники» из лоскутов кобылей кожи. Иногда невестка закрывала лицо шкурками горностая; так делали в летнюю пору [Худяков, 1969, с. 167, 170, 172]. Известны покрывала из ровдуги, а также в виде сетки, сплетенной из темных волос, которые срезались с кончиков ушей лисы (Архив ИВ (ЛО) РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 11).

Лицевое покрывало *аннах* было важным атрибутом свадебных церемоний. Нарядной невесте надлежало ехать к матери будущего мужа на лучшей белой кобыле и уже за 10 в. до юрты свекрови закрыть свое лицо покрывалом. Покрывало богатой невестки было украшенным; бисером обшивались даже прорези для глаз.

На следующий день после приезда невесты в дом жениха совершался обряд приветствия свекра; для этого девушка опускалась на правое колено по левую сторону от камелька и «кормила» огонь – угощала его кумысом, приговаривая заклинание *алгыс*. Ее лицо было закрыто покрывалом. Находившийся в юрте шаман благословлял молодую, и она, пятясь назад и не оборачиваясь, выходила из дома, поворачивалась и, также пятясь, заходила обратно [Описание..., 1882, с. 275]. Подобный ритуал (вход в юрту и выход из нее задом, не оборачиваясь) совершался и в обрядах, сопровождавших рождение ребенка. Суть ритуала – в запутывании следов, чтобы обмануть вредоносных духов и устранить вероятность похищения невесты или младенца силами зла. Близкие по содержанию ритуалы известны у многих тюркских народов.

Распространенные в традиционных тюркских культурах обычаи избегания рассматривались как реликты матрилокального и группового браков [Дыренкова, 1937; Потапов, 1936, с. 150]. Но существовали ли у якутов такие формы брака – не известно, вопрос требует специального изучения. Что же касается покрывала как атрибута ритуала избегания и свадебной обрядности, то оно, несомненно, являлось своеобразным оберегом невестки, призванным защитить ее от порчи и сглаза.

В целом в традиционной культуре якутов весь комплекс одежды имел большую смысловую нагрузку. Одежда обозначала статус человека и его место в

мире, выступала как элемент, регламентирующий поведение. Она была реальной и символической защитой, например, оберегала душу человека от воздействия негативных сил.

Огромную роль в оформлении традиционной якутской одежды играли символы и обереги. Их роль была особенно велика в украшении свадебного женского костюма, который выполнял функцию магической охраны женщины – продолжательницы рода и способствовал благополучию семейной жизни.

Список литературы

- Березкин И.Г.** По следам предков наших современников. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 110 с.
- Бравина Р.И.** Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1996. – 231 с.
- Гурвич И.С.** Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- Дыренкова Н.П.** Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // СЭ. – 1937. – № 4. – С. 33–38.
- Кулаковский А.Е.** Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 95 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (1-я половина XVIII в.). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Новгородов И.Д.** Археологические раскопки музея: Некоторые предварительные данные // Сборник научных статей Якутского краеведческого музея. – Якутск: Кн. изд-во, 1955. – Вып. 1. – С. 138–162.
- Носов М.М.** Одежда и украшения у якутов XVII–XVIII веков // Сборник научных статей Якутского краеведческого музея. – Якутск: Кн. изд-во, 1955. – Вып. 1. – С. 84–136.
- Ойунский П.А.** Собрание сочинений: в 7 т. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – Т. 7. – 222 с.
- Описание якутов** // Северный архив. – СПб., 1882. – Вып. 16, ч. 3. – С. 273–300.
- Пекарский Э.К.** Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1958. – Т. I. – 1 280 стб.; т. II – 2 508 стб.; т. III. – 3 858 стб.
- Петрова С.И.** Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкция. – Новосибирск: Наука, 2006. – 104 с.
- Потапов Л.П.** Очерки по истории Шории. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 258 с. – (Тр. Ин-та востоковедения, вып. XV).
- Серошевский В.Л.** Якуты (Опыт этнографического исследования). – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.
- Слепцов П.А.** Традиционная семья и обрядность у якутов. XIX – начало XX вв. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 160 с.
- Токарев С.А.** Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. – Якутск: Кн. изд-во, 1945. – 409 с.
- Трошанский В.Ф.** Эволюция черной веры (шаманства) якутов. – Казань: [Тип. Имп. ун-та], 1903. – 185 с.
- Худяков И.А.** Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 438 с.

УДК 391

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: venariy@ngs.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХАКАСОВ ОБ *ЫЗЫХАХ**

В статье на основе архивных, полевых материалов, а также литературных сведений в ретроспективе рассматриваются представления и обрядовая деятельность, связанные с ызыхами – животными, посвященными различным духам и божествам хакасского пантеона. Выявляются семейно-родовая направленность данных воззрений и ритуальных действий, их знаковый и функциональный аспекты.

Ключевые слова: *священные животные, обряд, шаманизм, тёсы, род, духи, тотем.*

Введение

Одно из важных мест в мифоритуальной традиции хакасов занимало понятие *ызых*. По всей видимости, оно восходит к древнетюркскому *İdug* – «священный, святой» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 217]. Во многих тюркских языках аналогом лексемы *ызых* выступает *ыйык*. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортына под *ыйыком* имеются в виду понятия:

1. священный (посланный небом), святой (посланный Богом), благословенный, благой; честь, почтение, уважение; уважительный, почетный, почтенный, досточтимый, знаменательный, славящий, драгоценный;
2. неделя;
3. духи рек, гор, долин, фетиш, предметы поклонения и почитания;
4. приносящий счастье, счастливый; судьба Божья;

5. скот, посвященный в жертву, животное, посвященное в жертву, жертва, лошадь, посвященная Богу, жертвенный, выбранный (назначенный), посвященный для жертвы, относящийся к жертве;

6. название «*idhuk*» дается каждому животному, выпускаемому на свободу в знак выполнения данного обещания;

7. высокий (о горе) [1974, с. 649].

В хакасском языке слово *ызых* обладало таким же широким семантическим полем, однако чаще употреблялось в значении «сакральный», «священный», «святой»: *ызых кизи* – «святой человек», *ызых хус* – «священная птица», *ызых агас* – «священное дерево», *ызых таг* – «священная гора», *ызых кёл* – «священное озеро», *ызых чул* – «священный ручей» и т.д. Этим термином обозначали также домашних животных (*ызых мал* – «священный скот»), посвященных (в качестве живой жертвы) различным сверхъестественным существам: божествам, духам различных категорий и т.д. Данный аспект мы и рассмотрим.

Посвящение *ызыхов*

Традиционным занятием хакасов наряду с охотой и рыболовством являлось скотоводство. Хакасы называли себя «трехстадный народ» (*юс ёёрлиг маллыг*

*Работа выполнена в рамках программы РАН № 25, направления № 5 «Сравнительный анализ базовых духовных ценностей в культурах народов Сибири конца XIX – начала XXI в. Оценка перспектив сохранения и развития культурного наследия»; проекта РНП 2.2.1.1/1822 и тематического плана (НИР 1.5.09) в составе совместного УНЦ НГУ и ИАЭТ СО РАН.

тадар чоны), т.к. в основном разводили три вида скота: лошадей, коров и овец [Бутанаев, 1999, с. 58]. В большей мере со скотоводством и был связан культ посвященных животных – *ызыхов*. От наличия и количества скота зависел социальный статус человека. Н.Ф. Катанов отмечал: «Теперь у богачей, живущих по берегам Абакана, богатством служат большие табуны да бесчисленный рогатый скот и овцы» [1907, с. 226]. В архивных документах о состоятельных хакасах сообщается следующее: «Лица зажиточные находят среди хакасов уважение, хакасы видят в них каких-то необыкновенно могучих людей, обладающих сверхъестественной силой» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 274).

По традиционным воззрениям, *ызыхи* своей сакральной силой оберегали людей и их хозяйства от несчастий, отвращали болезни, способствовали увеличению приплода, охраняли стадо от хищных зверей и воров. В связи с этим В.Я. Бутанаев отмечает: «Посвященные животные – “ызыхи” носили также индизнавательные названия: “*мал худы*” – жизненная сила скота; “*малнын ээзи*” – дух-хозяин скота; “*кiзi хуягы*” – броня, т.е. оберег человека; “*кiзi хадарчызы*” – страж человека и т.д.» [2003, с. 136].

Ызыхов обычно выбирали из коней, крупного рогатого скота и овец. Предпочтение отдавалось самцам, при этом быков и баранов обычно холостили (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Как сообщали исследователи, у качинцев* «ысык всегда должен быть мерин», а иногда допускалась и кобыла [Паллас, 1786, с. 562; Яковлев, 1900, с. 104], но у бельтыров «кобылы освящать нельзя» [Катанов, 1897, с. 49]. О роли каждого из разновидностей *ызыха* наш информант говорил: «*Ызых*-конь дает приплод лошадям, *ызых*-бык – крупному рогатому скоту, *ызых*-баран – мелкому рогатому скоту. *Ызых*-конь ставился белой масти. Если *ызых* умирает, то превращается в духа» (ПМА**, инф. Н.П. Тобурчинов, 12.06. 2000 г.). Коз, собак и кошек в *ызыхи* не посвящали.

Правом выбора *ызыха*, как правило, обладали шаманы и почтенные старики, старейшины рода. Считалось, что порой сверхъестественное существо само теми или иными знаками отмечало нужного ему животного. Обычно это происходило с конями, у которых дух «сплетал» гриву и (или) хвост [Бурнаков, 2006, с. 64–65]. «Если спутается у коня грива и сплетается наподобие женской косы, то мы говорим, что так сделал горный дух, а русские говорят, что это суседка. Конь, у которого [спуталась] так грива, годится быть “ызыком” (горного духа)» [Катанов, 1907, с. 577]. Подобные традиции бытовали и у алтайцев:

«*Ызых* называли *ах сёёкту ат* (конь белой кости) или *худайнын ады* (божественный конь). *Ызыхом* была лошадь светлой, серой и гнедой масти. Ее выбирал *кам* (шаман). *Кам* ставил ее на священном месте, возле горы у березы, ветки которой были направлены вверх. Про *ызыха* говорили так: “*Ызыха* Бог наметил, а показал шаман”» (ПМА, инф. И.Д. Авошев, 20.06. 2001 г.). В XIX в. миссионер В. Вербицкий о верованиях алтайцев писал: «Ийик – животное посвященное в жертву. Посвятивший животное для жертвы привязывает (за исключением кондомцев) ему на шею красную ленту. До принесения в жертву хозяин может пользоваться животным, что продолжается иногда много лет» [2005, с. 60].

Каждый сеок (род), а позже и каждая семья имели своего *ызыха* определенной масти. По мифологическим представлениям хакасов, *ызых* – носитель жизненной силы не только домашнего скота, но и всей общины людей – рода и т.д. Как справедливо отмечают авторы известной трилогии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири», «в тюркской модели мира “своя земля” являлась неотъемлемой характеристикой и атрибутом рода (и этноса), обозначается символическими ориентирами – маркерами, важнейшими из которых выступают дерево, гора, река, птица, животное – *ызых*» [1988, с. 30]. Данные воззрения нашли отражение в устном народном творчестве хакасов. «Старые люди до сих пор помнят еще легенду о том, что очень давно был самый старший *ызых Маган** – *ызых* (небесный), цветом буланно-белый. Он жил на горе *Оглах таг*, ниже устья реки Биджи, но племя *Хайдын чон***, кочевавшее по реке Ербе, соорудив скрад и убив *Маган-ызыха*, съело его. *Хайдын чон* хотели этим самым вобрать в себя силу этого священного животного или наоборот – ослабить владельцев *ызыха*... Далее легенда говорит, что какой-то сильный шаман дело повернул так, что *Хайдын чон* стали вымирать и все вымерли» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2–3). Необходимо отметить, что моление небу у хакасов проходило на вершине священной горы. У древних тюрков священные горы назывались *ыдык* (*ыдук*). Л.П. Потапов пишет: «Уместно заметить, что название “ыдык” в применении к горам и к животным, посвященным божествам, в том числе божеству Неба, хорошо сохранилось у алтае-саянских народов» [1991, с. 267–268]. У сагайцев «поднимались на ближнее небо» только те шаманы, которые имели *ызыха*-коня, посвященного небу (*тигирилг ызых*) [Там же, с. 141].

**Маган ат* – белая лошадь со светлыми глазами (альбинос) [Бутанаев, 1999, с. 58].

***Хайдын чон* (кайдынцы) – название одного из сеоков кайбалов (этнической группы хакасов) [Там же, с. 173].

*Качинцы, кызыльцы, бельтыры, койбалы, сагайцы – этнические группы хакасов.

**Полевые материалы автора.

Посвящение *ызыха* существовало в двух основных формах: 1) как самостоятельный обряд (*ызых тайыг*); 2) как один из элементов в ритуалах поклонения небу (*тигир тайыг*), горе (*таг тайыг*), воде (*суг тайыг*) и т.д. «Изых – это освященное и очищенное животное, присутствовавшее почти на всех видах молений» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Были случаи, когда посвящение *ызыхов* было приурочено к семейным праздникам: обряд совершали при рождении первого ребенка, перед похищением невесты для жениха. О широком участии *ызыхов* в традиционной обрядности хакасов писал Д.К. Зеленин: «Стоит отметить обычай, по которому посвящение изыхов чаще всего приурочивалось к большим праздникам, главным образом весенним... болезни и другие опасности для человека и его хозяйства были столь же частыми поводами к посвящению изыха демонам» [1936, с. 317]. Локальные особенности проведения данного ритуала варьировали в зависимости от родовой и субэтнической принадлежности верующих, а также от его цели. Обычно его совершали два раза в год: «Весной, чтобы был хороший урожай, осенью, чтобы скот стоял спокойно в благополучии» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2).

Одним из первых обряд посвящения *ызыха* у хакасов описал известный ученый, путешественник-натуралист П.С. Паллас, наблюдавший его у качинцев во время летнего народного праздника *Тун пайрам**:

В рассуждении их веры и обрядов мог я у них мало выспросить. Они суть настоящие и в великое невежество погруженные язычники. Доброму богу молятся они с обращенным к востоку лицом. Но они более страшатся злого духа и приносят ему жертвы, дабы он не наслал на них какого бедствия. Оному посвящают они в некоторой праздник, которой обыкновенно бывает весною, жеребца, которой, как они мне сказывали, должен быть или вороной или рыжий. Оного обводят они сперва около разженного для жертвы огня, окуривают травой ирвеном (ирбен – чабрец. – В.Б.), которая ни что иное есть, как небольшая благовонная полынь, обливают и обмывают молоком (которое они также с молитвою в жертвенный огонь или куда-нибудь выливают), и, привязав к гриве и к хвосту красной и белой лоскут, пускают его в табун. Сию посвященную лошадь именуют они Ысыком, и сия церемония каждый год оным возобновляется, при коем случае Шеманы, или Камне (*кам* – шаман. – В.Б.), коих они промежду собой имеют, представляют всегда главное лицо. <...> Самой большой праздник у Кашинских татар (качинцев. – В.Б.), так как и у всех прочих язычников, есть Вешений (Тун), когда оне кобыл доить начинают. Его бывает в июне, которой и называют потому Улу-Шилкер-Ай. Не все однако празднуют его в одно время... По первой разгулке собираются соседи из разных улусов в одно место и приносят на чистом поле, наиболее на холму, торжественную жертву (Худайга Башырага) с празднественными

на востоке молитвами: иначе приносят оне также жертвы послучайно в болезнях или других несгодьях пред их Тысем (*тёсом*. – В.Б.), или домовым Богом, коего также и Айма (*айна* – злой дух. – В.Б.) называют; а жертвуют малых зверей кожи, мясо или другое что, что у них есть поважнее. При праздничных жертвах имеет всегда присутствовать их кам, или волхв. И тогда оне посвящают лошадь ысык, а к тому, как я ныне удостоверился, выбирают соловую, сивожелезную, красную или черную, как шаману заблагорассудится, но всегда должен быть мерин. Таковое же посвящение бывает и тогда, когда шаман молит за кого и щастии в скотоводстве. Посвященный таким образом ысык всякую весну, когда етот праздник Тун бывает, освящается снова, моют его молоком с полынью (Ирвень) топленным и, ею же окулив, хвост и гриву раскрася красными и белыми лоскутками, пускают в поле на волю. Хозяин не смеет на него садиться как снег выпадет; а после как однажды обсеждает, то не может прежде выпустить, как когда снег совсем стаит. Если ысык состарее, то хозяин может его продать, а на место для посвящения поставить молодого. Когда же хозяин умрет, то ысыка не убивают, а остается он в стаде наследников [1786, с. 464, 561–562].

Как видно из приведенного описания, у качинцев в качестве главного действующего лица в обряде выступал шаман. Наряду с ним важную роль играл сам хозяин посвящаемого животного. Подобные представления сохранялись и в XX столетии. Согласно архивным сведениям, «*ызыха* выбирал шаман. В то время как коня (*ызыха*) держал (ставил. – В.Б.) хозяин. Шаман брал *ирбен* – богородскую траву и проводил им иногда сухим, иногда мокрым несколько раз по спине лошади – с головы до хвоста, а затем спина лошади обливалась молоком в том же направлении. Эта процедура повторялась три раза. Далее лошади вплетали в хвост и гриву разноцветные ленточки (*чалама**), также постоянный атрибут при всех видах молений» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Отпущенное на волю посвященное животное оставалось на территории рода. Оно становилось родовой святыней. Причем, как верно замечает Д.К. Зеленин, «между человеком и демоном получаются взаимоотношения владельца собственности (демон) и своеобразного арендатора-вассала (человек). <...> Заботясь и помогая своим собственным животным, демон невольно помогает и всему тому стаду, в котором данное, так сказать, арендованное у демона животное находится. Посылая хорошие пастбища, оберегая от хищников и болезней» [1936, с. 289, 318].

По всей видимости, хакасский термин *ызых*, применяемый для обозначения посвященных животных, восходит к древнетюркскому *İd*, одно из значений которого «посылать» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 217]. В этой связи Э.В. Севортян пишет: «Боль-

**Тун пайрам* – праздник «первого *айрана*» – национального молочного напитка.

**Чалама* – ритуальная ленточка, обычно белого, синего, красного и реже черного цвета, повязываемая на священный объект.

шинство исследователей связывает *ыйык* с глаголом *ыд* – «посылать» [1974, с. 649]. Подобное значение слова *ызых* встречается в работе выдающегося тюрколога Н.Ф. Катанова, отмечавшего, что «священные животные (лошади, овцы, олени и пр.) и прочие предметы, посвящаемые духам для умиловления их, называются: у якутов “ытык”, у карагасов и урянхайцев “ыдык”, у минусинских татар “ызык”, у алтайцев “ййк”, у телеутов “ыйык”, у чуваш “йирих” и “йырых”. Глагол, от которого произведены эти слова, по-русски значит “посылать”, “посвящать» [1897, с. 24]. Аналогичной интерпретации придерживается В.Я. Бутанаев, утверждающий, что термин *ызых* восходит к глаголу *ыс* – «посылать, отправлять», т.е. отправленный, принадлежащий духам [2003, с. 136].

У многих этнических групп хакасов (сагайцев, качинцев, койбалов, бельтыров) *ызых тайыг* проводился в определенном месте, как правило, на почитаемой горе у священной березы (*най хазын*) и часто был связан с поклонением духу-хозяину горы (*таг ээзи*). Обряд сопровождался жертвоприношением баранов. Подобная обрядовая практика имела распространение у шорцев [Дыренкова, 1940, с. 291]. У кызыльцев же Саралинского (ныне Орджоникидзевского) р-на, по данным Д.Е. Хайтуна, посвящение *ызыха* не было связано с почитанием *таг ээзи* и проходило без кровавых жертвоприношений [1959, с. 119–120].

При посвящении *ызыхов* большое внимание уделялось масти (*тук*) животного. В.Я. Бутанаев сообщает: «Самыми почитаемыми животными у хакасов считались лошади. Среди них освящались кони 12 мастей: сивые (*кёк*), серые (*пора*), белые (*маган*), белесые (*ах чангмыл*), соловые (*сарыг*), буланные (*ой*), чубарые (*парыс чохыр*), чалые (*хыр*), рыжие (*позырах*), карие (*кюренг*), воронные (*хара*) и каурые (*хоор*). В сагайской части Хонгорая (Хакасии. – В.Б.) дополнительно встречались игреневые (*сабдар*), мухортые (*халтар*) и гнедые (*торыг*) масти. Освящаемых коней “ызыхов” пестрой масти (*ала*) у хакасов не было» [2003, с. 139]. Уже отмечалось, что изначально у хакасов *ызыхи* были родовыми, т.е. оберегали родовое стадо, а не индивидуальное. Память об этом сохранялась в том, что члены отдельных родов выбирали *ызыхами* животных определенной масти. По материалам исследователей, у сеока *Хасха ызыхи* были рыжие и бурые, *Кыргыз* – соловые, сивые, *Соххы* – белые, *Пюрют* – соловые, *Аара* – рыжие, *Хобый* – бурые и воронные, *Харга* – бурые, воронные, соловые, *Хахпына* – каурые, *Аба* – гнедые, *Хызыл* – мухортые, *Пугалар* – каурые, у фамилии Кыштымовых – соловые и т.д. [Бутанаев, 2003, с. 139; Клеменц, 1892, с. 25; Яковлев, 1900, с. 104; Потапов, 1977, с. 170] (ПМА, инф. Е.Н. Арчимаев, 24.07. 2001 г.). По сведениям В.Я. Бутанаева, «если нужной масти в стаде не было, то приходилось покупать на стороне» [2003, с. 137].

Родовое и субэтническое своеобразие в обрядах посвящения *ызыха* акцентировалось еще и дополнительными средствами – ритуальными лентами *чалама*, вплетаемыми в гриву и хвост животного. На более широкие вариации цветов *чалама* у хакасов, по сравнению с другими народами Сибири, обращал внимание Д.К. Зеленин [1936, с. 311]. Качинцы использовали для рыжего *ызыха* белые и красные *чалама*, для бурого – белые и черные; бельтыры – белые, красные и синие (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). По данным Д.Е. Хайтуна, у сагайцев были белые, красные и черные *чалама*, у кызыльцев и качинцев – синие и белые [1959, с. 119]. Нередко хакасы брали *чалама* для *ызыхов* с шаманских бубнов и считали, что они служат «оберегателями животного от нападения нечистого духа» [Яковлев, 1900, с. 25, 105; Катанов, 1897, с. 49; 1907, с. 594–595].

Согласно материалам В.Я. Бутанаева, «обычно освящаемые животные передавались по наследству от отца к младшему сыну. Если не было прямых наследников по мужской линии, то “ызыхи” переходили к дочери и принимались ее мужем. В том случае, когда у хозяина не было детей, тогда “ызых” мог передаваться брату» [2003, с. 137–138]. При этом необходимо отметить, на «потомство *ызыха* святость его не распространялась» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2). За *ызыхом*-конем мог ухаживать только мужчина.

Как уже говорилось, в хозяйстве хакасов *ызыхов* могло быть несколько: отдельно для лошадей, крупного рогатого скота и овец. «Коровьи» и «овечьи» *ызыхи* в большей степени были распространены в притаежной части Хакасии у сагайцев и кызыльцев. Если посвященной была корова, то ухаживать за ней и доить ее (причем только после третьего теленка) могли только незамужние женщины [Хайтун, 1959, с. 120; Бутанаев, 2003, с. 143]. В хвост бурого «коровьего» *ызыха* вплетались ритуальные ленты красного цвета. Наиболее распространенной мастью данной категории *ызыхов* являлась коричневая. В то же время, как пишет В.Я. Бутанаев, «в редких случаях встречались волы “ызыхи” другого окраса. Так, например, у сеока “аара” коровьим “ызыхом” был вол черной масти, у сеока “ичеге” – белый бык с красными ушами, у сеока “том” – мухортый бык, у сеока “сайын” – чубарый вол» [2003, с. 143]. У качинцев священной была черная корова [Хайтун, 1959, с. 119]. Считалось, что *ызыхи*-коровы бурой и черной масти помогают еще и «при судорогах рук и ног» [Катанов, 1893а, с. 94–95; 1907, с. 290, 577].

При выборе «овечьего» *ызыха* (*хой ызыгы*) также учитывалась масть. Качинцы предпочитали желтый цвет, сагайцы и бельтыры – серый (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Распространены были желтые *ызыхи*-валухи с красными щеками (*сарыг хой*

ызыгы), встречались белые с черными ушами (*хара наахтыг ах хой ызыхтыг*), черные со светло-желтыми щеками [Бутанаев, 2003, с. 143]. При посвящении «овечьего» *ызыха* его обмывали таким же образом, как и «конского» [Катанов, 1907, с. 595, 597]. Украшали его красными и синими ленточками *чалама*, привязанными на загривок и на основание хвоста.

В.Я. Бутанаев зафиксировал у сагайцев долины р. Аскиз *ызыхов*-петухов с красным опереньем, которые покровительствовали домашней птице [2003, с. 143].

Ызыхи выбирались на различный срок: «Одни неприкосновенны на всю свою жизнь, другие же только до назначенного момента» [Зеленин, 1936, с. 304]. «Если съест ызыка волк, то вместо съеденного посвящают такого же нового ызыка» [Катанов, 1907, с. 291]. Наиболее распространенным был трех – девятилетний срок (*ызых тими*). Коней и волов посвящали в трехлетнем возрасте (*тай*) и в качестве *ызыхов* держали до семи или девяти лет. По данным Е.К. Яковлева, до девяти лет оставались священными кони сивой и соловой мастей, как старшие по рангу, а все остальные – до семи [1900, с. 105]. *Ызыхи*-валухи посвящались в годовалом возрасте. Их заменяли через каждые три года, в редких случаях – через шесть лет [Бутанаев, 2003, с. 137].

В тех случаях, когда хозяин принимал решение держать (*тударга*) нескольких *ызыхов*, соблюдалась очередность их посвящения: сначала «конский», через неделю «коровий», а «овечий» в один день с любым из них [Там же, с. 145].

Кому и с какой целью посвящались *ызыхи*

Посвящение *ызыхов*, как говорилось выше, было явлением многоплановым. В связи с этим Д.К. Зеленин отмечал: «В деталях отношение к ызыху довольно разнообразное, даже иногда у одного и того же народа. Сами ызыхи различны, в зависимости от своего назначения» [1936, с. 303–304]. В конце XVIII в. известный исследователь Сибири И.Г. Георги, описывая быт коренного населения, сообщал, что скотоводы посвящают *ызыхов*, «дабы предохранить стада от бед или привлечь на оные благословение и размножение» [1799, с. 111–112]. По сведениям Н.Ф. Катанова, хакасы посвящали в качестве *ызыха* овцу «для благополучия ягнят» [1907, с. 290]. У сагайцев назначение *ызыха* – стеречь табуны. При посвящении животного шаман просит у духа «дать им силу прогонять хищных зверей и воров» [Каратанов, 1884, с. 19–20]. П.Е. Островских зафиксировал случай, когда у одного качинца потерялась лошадь из стада, и шаман сказал ему: «Хорошо, что у тебя есть ызых: коня твоего недалеко увели» [1895, с. 338].

У кызыльцев, по словам Д.А. Клеменца, «ызых имеет только значение покровителя и оберегателя стада» [1892, с. 25]. Н.Ф. Катанов о религиозных представлениях хакасов, связанных с *ызыхом*, писал: «Исцелению больного помогают, кроме камлания, жертвы, приносимые духам, причинившим болезнь, и кони, посвящаемые им» [1897, с. 28]. «Чтобы не хворать известным родом болезней, минусинские татары посвящают коней тем духам, которые могут причинить и уничтожить эти болезни» [Катанов, 1893б, с. 538]. Подобные ответы на вопрос о назначении *ызыхов* можно было получить от хакасов и в XX в.: «чтобы был здоровый скот» и «чтобы никто не заболел в семье» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Как видно из сказанного, *ызыхи* выполняли сакральную, репродуктивную, апотропейную и лечебную функции. Это определяло ритуальную и нормативную практику в отношении *ызыха* – представителя духа-покровителя. Посвященное животное становилось своего рода средством связи, объединяющим человека и все скотоводческое хозяйство в целом с тем или иным божеством. За ним ухаживали, его умиляли, боясь чем-нибудь разгневывать духа. «Ежемесячно на полнолуние (*ай толызы*) хозяин окуривал священное животное “ызых” богородской травой и окроплял *араккой* (в подтаежной местности – ячменным квасом “*абыртхы*”). Если не совершать обряд окуривания и кропления, то от воздействия окружающей нечисти (*пуртах*) “ызых” заболевает (*пулайсыт*)» [Бутанаев, 2003, с. 145].

Ызыха посвящали божеству подземного мира Эрлик-хану. Обряд с жертвоприношением белого ягненка проводился весной и осенью. Весенний совершался не раньше того времени, когда впервые начинала куковать кукушка. Накануне посвящения *ызыха* шаман должен был всю ночь камлать, при этом произносить «молитвы, касающиеся только ызыхов» [Катанов, 1907, с. 291].

По всей видимости, правы Д.К. Зеленин и Д.Е. Хайтун, утверждавшие, что *ызыхи* имели непосредственную связь с тотемными культами [Зеленин, 1936; Хайтун, 1959, с. 111–124]. Среди тотемов выделялись горы, камни, деревья, домашние фетиши – *тёсы*, отдельные виды животных и др., которые, согласно традиционным верованиям, оказывают «родственным по крови» поклонникам покровительство, содействуя их материальному благосостоянию, защищая от козней земных и сверхъестественных врагов. Реликтом данных воззрений явилось то, что хакасы видели в хозяевах гор (*таг ээзи*) покровителей *ызыхов*. Посвященные кони «служили ездовыми животными горных духов и поэтому именовались “*таг ызыгы*” – горные “ызыхи” или “*чир ызыгы*” – земные “ызыхи”. Они обязательно должны были принимать участие в ритуалах горных жертвоприношений (*таг тайгы*)» [Бутанаев, 2003,

с. 141]. Н.Ф. Катанов и Е.К. Яковлев описали ежегодное горное жертвоприношение (*таг тайыг*) хакасов, с которым было связано посвящение духам горы и воды вороного или бурого коня. Шаман на вороном коне, посвящаемом горному духу, и его помощники объезжали посолонь три раза юрту домохозяина. На горе *ызыха* привязывали к березе, и шаман «бросал на нее коровье молоко». Вокруг дерева и привязанного к ней животного ходили кругом три раза. Шаман лил молоко на спину коня из деревянной чашечки, после чего ставил ее на спину животного у хвоста. Затем коню предоставлялась свобода, и обряд на этом заканчивался [Катанов, 1897, с. 31]. Е.К. Яковлев описывает посвящение коня очень кратко: конь «привязывается к березке и после обмахивания шаманом и прочтения молитв пускается на волю» [1900, с. 52].

В шаманской поэзии о хозяине горы (*таг ээзи*) говорилось следующее: «Жертвою горному духу служит пар, исходящий из морей и лесов. Горы этого духа покрыты таволожником и ягодами. Ездит он на бурых конях, гривы и хвосты которых обхватывают всю землю. Кнут его – черная выдра, подхвостник его лошади – серая выдра. Украшается он сам черным сукном, лежит на отвесной скале. Одевается черным бархатом, носит шапку из черного камчатского бобра и отдыхает в тени березы, имеющей золотые листья» [Катанов, 1893а, с. 91–92].

В хакаской мифологии у каждой масти животных свои покровители. «Конь служит для скотовода признаком, по которому скотовод часто распознает чужих людей; по тому же признаку он определяет и своих демонов» [Зеленин, 1936, с. 298]. В связи с этим Д.Е. Хайтун писал: «*Таг ээзи* каждого рода имели разный цвет лица и коня соответствующей масти. В зависимости от них и находилась масть *ызыха*. *Таг ээзи* сеока *Хыргыз* имел бурый цвет и ездил на коне бурой масти» [1959, с. 121]. В хакаской демонологии выделялись покровители голубых коней, рыжих (хан *Кинен*), соловых (хан *Салыг*), вороных (хан *Тума*), гнедых (хан *Кёрмес*) и др. В шаманских призываниях, как правило, описывались места обитания и отдыха духа, масть ездового животного, материал, из которого изготовлен кнут, водные источники, где он поит коня, а также «лечебная специализация» и др. Например, о покровителе голубых коней сообщалось, что он «живет на белом хребте в верховьях Абакана, отдыхает в тени березы, имеющей золотые листья. Подножием ему служат белые облака. Ездит на голубом жеребенке. Отец его святой Аркай, а мать – святое небо (Тигір)». «Покровитель рыжих коней “хан Кинен”* излечивает мигрени. В жертву ему приносится мясо серны или диких коз, рыба или растение кандык».

«Покровитель соловых коней “хан Салыг” живет в Южной Монголии. В жертву ему приносится мясо серны или дикой козы или ленок. Он исцеляет внутренние болезни людей и скота». «Покровитель вороных коней “хан Тума”* излечивает больных, хворающих тифом или горячкою. В жертву ему приносится мясо серны или дикой козы и ленок». «Покровитель гнедых коней “хан Кёрмес”** исцеляет чахотку и другие грудные болезни. В жертву ему приносится мясо скотское или лошадиное». «Дух, покровительствующий телеутам, ездит верхом на голубо-сизом коне. Трость его из серого тальника, растущего на песке, пища его – мерзлое масло и чистая каша» [Катанов, 1893а, с. 113].

Хакасы верили, что во главе всех духов-покровителей *ызыхов* стоял *Ызых-хан*. Его верховное покровительство распространялось на посвященных коней всех мастей. Согласно хакасскому фольклору, *Ызых-хан* жил за 18 *тасхылами* (горами). «Шаман отправляется и, войдя к нему, здоровается. Двери и ворота, могущие открываться, там тоже есть. Есть там золотое озеро, золотой водопад и золотой столб, к которому привязываются освященные кони (ызых). Если достичь до их хана, то по правую сторону того столба можно увидеть березу, к которой также привязываются ызыхи. Там у хана ызыхов есть и воины, и 7 собак. На конях его есть поводья, обтянутые красным шелком. Конь у него молодой жеребенок 2 лет, вороной» [Катанов, 1907, с. 290]. К *Ызых-хану* обращались со словами:

Кнут у тебя из раkitника сделан!
Ты отдыхаешь, едва переправит
Конь твой тебя через бурную реку!
Ты, о Береза с листвою золотистой!
Ты, покровитель священных коней.

[Там же]

Обряд посвящения *ызыхов* проводили на сакральной горе, у священной березы (*най хазын*). Как известно из мифологии, эти объекты являлись связующим звеном между мирами людей и духов [Мифы..., 1997, с. 311]. Подобные медиаторные функции в мифологическом сознании хакасов объединяли образы горы, дерева и *ызыха*. Практически при всех видах общественных молений, обращений к божествам они стали составлять единый обрядовый комплекс. И даже совершая обряд дома, старались придерживаться подобных правил. Так, например, устанавливали в юрте березу, привязывали к ней ленты *чалама* тех же цветов, что и к *ызыху*, а потом относили дерево в лес в такое место, где «не ступает человеческая нога». В некоторых случаях березу помещали на крыше двора [Катанов, 1897, с. 55; 1907, с. 594–595].

*Улуг тёс, Хызыл тёс, Позрак тёс [Бутанаев, 2003, с. 122–129].

*Хус тёс [Там же].

**Кёк чага [Там же].

В мифоритуальной традиции хакасов важнейшее место занимал культ огня. Огонь почитался как божество домашнего очага и использовался во всех обрядах жизненного цикла, во всех общественных – родовых, улусных – ритуалах, календарных праздниках и т.д. [Бурнаков, 2006, с. 52–66]. В связанный с ним обрядовый комплекс органично вошел *ызых*. Божеству огня хакасы посвящали гнедого коня «для отвращения беды от людей и скота» и раз в три года (иногда в семь лет) – рыжих кобылиц для «избавления семейства от головной и глазной боли» [Катанов, 1897, с. 35, 49; 1893б, с. 538; Яковлев, 1900, с. 103–104]. В отчете 1897 г. Н.Ф. Катанов описал посвящение духу огня гнедого коня у сагайцев. Обряд совпал с жертвоприношением барана этому духу и камланием для исцеления ребенка. Исследователь сообщал, что, помимо «хозяйки огня», шаманка «призывала водяного и горного духов, причиняющих людям кашель» [Катанов, 1897, с. 34–37]. К духу огня обращались со следующими словами:

Ты, огонь, – мать моя, имеющая 30 зубов,
Ты – моя теща, имеющая 40 зубов!
Ездишь ты верхом на рыжей кобылице,
еще не жеребившейся,
Украшаешь [свой наряд] красными лентами
[Катанов, 1907, с. 547]

Ызыхи сивой масти посвящались духам воды (*суз ээзи*). Считалось, что «хозяин воды» «подаёт помощь “черным головам” (*хара нас*), т.е. людям, и покровительствует “пасомым” (*хадарган*), т.е. домашним животным» [Катанов, 1893а, с. 91].

Ызых, выполнявший вотивную функцию, имел непосредственную связь с домашними семейно-родовыми божествами – *тёсами*, материализованное изображение которых в прошлом имелось в каждой хакаской юрте. Д.К. Зеленин отмечал: «Изых-конь считался почти непременною принадлежностью в культе каждого из минусинских, особенно сагайских онгонов (*тёсов*. – В.Б.)» [1936, с. 300]. Е.К. Яковлев упоминал об особых «*тёсах ызыхов*», к которым относится сагайский *Тума-тёс*: «*Тума-тёс* – на крученной нитке 25 см дл. нанизаны семь хвостовых перьев тетерева или глухаря... ставится рядом с другими *тёсами ызыхов*» [1900, с. 52]. По сведениям Д.А. Клеменца, у кызыльцев домохозяин, имевший в табуне *ызыха*, ставил в переднем углу юрты *ызых-тёс*, представляющий собой вилообразную палочку с двумя лоскутками – синего и белого цвета, т.е. таких же, какие вpleтались в гриву посвященного коня [1892, с. 33].

Согласно верованиям, *тёсы* покровительствовали людям и охраняли домашнее хозяйство, одинаково помогали при болезнях людей и скота, однако, подобно духам-хозяевам природных объектов и стихий, при неисполнении человеком своих обязанностей

(почитание и кормление духов) нередко насылали болезни [Бурнаков, 2006, с. 83]. В мифологическом сознании хакасов происходила антропоморфизация духов. Сверхъестественные существа наделялись теми же потребностями, которые были свойственны людям. Считалось, что *ызых* служит *тёсам* в качестве ездового животного – для передвижений, «так как не будет же демон ходить пешком, когда теперь каждый скотовод считает ниже своего достоинства пройти пешком расстояние около полкилометра» [Зеленин, 1936, с. 324]. В связи с этим вызывают интерес сведения, записанные Н.Ф. Катановым в Туве. Когда у тувинцев стали широко распространяться глазные заболевания, они объяснили данный факт появлением «блуждающей души человека с белой Тубы». Местное население полагало, что прибытие демона мотивировано его желанием стать для тувинцев *тёсом*. Поселившись у них, «он начал нуждаться в *ызыхе*». Духу посвятили красно-голубого коня со «змеиной спиной», т.е. с черной полосой на спине, – и после этого глаза у тувинцев якобы перестали болеть [Катанов, 1907, с. 501].

Одновременно с посвящением *тёсу ызыха* нередко ставили тому же духу *лекана**, т.к. функции того и другого в представлениях скотоводов более или менее совпадали: обеспечить духу вместилище в доме человека и другие житейские удобства, в частности, передвижение на собственном *ызыхе* [Зеленин, 1936, с. 323]. У хакасов почти каждому *тёсу* соответствовал свой *ызых* в виде коня или барана. При их выборе большое значение придавалось окраске шерсти животного и цвету лент *чалама* [Катанов, 1907, с. 566–574; Клеменц, 1892, с. 25; Яковлев, 1900, с. 50–53]. В обряде посвящения транспортная функция освящаемого коня выражалась в том, что на его спину устанавливали *тёс*, которому он предназначался. Например, при посвящении вороного *ызыха* «на него усаживали фетиш “*хус тёс*” (у качинцев) или “*тума тёс*” (у сагайцев)» [Бутанаев, 2003, с. 142]. Этим представлениям соответствовала ритуальная практика: «Леканы своих онгонов сибирские народы большею частью перевозили при перекочевках именно на *ызыхах*» [Зеленин, 1936, с. 298].

Известны следующие *тёсы*: *Тилег*, *Чалбах*, *Кинен*, *Хозан*, *Хус* (покровитель птиц), *Илгерге* (*Искерке*, покровитель телеутов), *Ас тёс*, *тёс*, «причиняющий глазные болезни», и др. Хакасы верили, что *Тилег* ездит верхом на сине-сивой кобыле и помогает больным телятам и овцам; *Чалбах* с изображением на нем трех человеческих фигур ездит на рыжей кобыле и приносит пользу больным людям и скоту; *Кинен* ездит на рыжей кобыле, помогает зверям и охотникам. *Хозан*

*.*Лекан* – материализованный объект, символизирующий воплощение в нем духа, например, в виде куклы.

имел *ызыхом* солового коня [Катанов, 1907, с. 596], у сагайцев – «белую, без отметин овцу», у кызыльцев – корову [Клеменц, 1892, с. 30]. Считалось, что *Хус*, избавляющий от боли в «верхней части лопатки», ездит верхом на вороно-карем коне, питается черными тетеревами, его конь ест траву на горе *Сюбюр* и пьет из молочного озера [Катанов, 1893а, с. 91]. *Илгерге (Искерке)** посвящали «белого ягненка, имеющего желтые уши и желтые щеки» (или барана с «желтой головой»). Этого ягненка обмывали так же, как и посвящаемых коней; в отсутствие шамана «кадить на него» могла и женщина. Украшался красными и синими ленточками *чалама*, привязанными на загривок и на основание курдюка. Хакасы верили, что *тёс Илгерге* помогает, когда болят уши, глаза, зубы и руки. Качинский шаман просил его: «Будь добр к скоту и к людям» [Катанов, 1907, с. 594]. По сведениям В.Я. Бутанаева, помимо указанной масти, среди «овечьих» *ызыхов* у хакасов были белые с черными ушами (*хара наахтыг ах хой ызыхтыг*). Считалось, что своей расцветкой они напоминают почитаемого белого зайца. Поэтому его фетишем также служил *хозан тёс* – «заячий тёс» [Бутанаев, 2003, с. 143]. К *тёсу*-покровителю телеутов обращались со словами: «На сине-сивом коне ты приехал сюда в полдень из города Кузнецка» [Катанов, 1907, с. 574]. Согласно представлениям хакасов, *Ас тёс***, покровительствующий людям и домашним животным, избавляющий от глазных заболеваний, ездит «верхом на бело-голубом коне, спина которого извивается подобно змее», живет в «Китайской земле, курит красный табак. Трубка и стремяна – из желтой меди. Кайма его платья – из черной парчи. Обмахивается он черной бязью» [Катанов, 1893а, с. 91]. Считалось, что *тёс*, «причиняющий глазные болезни», и, соответственно, избавляющий от них, ездит «верхом на кровяно-рыжем коне, повода которого из красного шелка» [Катанов, 1907, с. 568].

Как видно, посвящения *ызыхов* для исцеления от болезней были обычной практикой у хакасов. Вполне возможно, что в отдельных случаях животное посвящалось именно тому сверхъестественному существу, от которого ждали исцеления больного. П.Е. Островских записал сведения о качинском шамане, камлавшем без бубна. По его данным, «изгонявшиеся из больного духи изгонялись в животных» [1895, с. 344]. В связи с этим, по всей видимости, не лише-

но оснований предположение Д.К. Зеленина о том, что изначально *ызых* представлялся «вместилищем вредоносного духа» [1936, с. 289]. Хакасы в случае высокой смертности людей и скота, а также для избавления от ревматизма и глазных заболеваний посвящали всегда коня голубой масти. В этих обстоятельствах выбор родовой масти *ызыха* значения не имел [Яковлев, 1900, с. 104]. По всей видимости, здесь *ызых* рассматривался как представитель того духа, которому он был посвящен. Подтверждением тому является высказывание нашего информанта: «“Овечий *ызых* (*хой-ызых*) пристал”, – говорят, когда заболевают зубы, глаза или уши» (ПМА, инф. Г.Н. Топоева, с. Аскиз, 29.09. 2000 г.).

В культе скотоводческих *тёсов* выявляется одна особенность: некоторая их часть ставилась не внутри, а снаружи юрты. Отдельные *тёсы*, например, *Хус*, *Тилег*, *Илгерге* и др., помещались даже на «огороже скотских загонов» и на степных пастбищах [Яковлев, 1900, с. 109]. У некоторых групп бельтыров *ызых тайыг* совершался во дворе домохозяина. «*Ызыха* привязывали к забору; он покрывался нарядной попоной, украшался *чалама*. В доме в течение трех дней шаман проводил камлание. Шаман время от времени выходил во двор, окуривал *ызыха* богородской травой (по-хакасски *ирбен*) и обрызгивал *аракой* и специально сваренным мучным пивом» [Хайтун, 1959, с. 120]. По всей видимости, трансформация родовой структуры приводила к тому, что значение *ызыха* как родовой святыни сужалось до уровня семейной ценности. *Ызых* становился семейно-фамильным и «отвечал» за благополучие отдельных домохозяйств.

При заболевании скота хакасы проделывали следующее: «Квасили муку, лили в нее абсолютно чистую воду, не бывшую в употреблении, и лили закваску. Шаман устраивал камлание (моление). Он брал нечто вроде черпака и черпал закваску, брызгая ею вверх. Затем из оставшейся закваски делали *араку* (водку); шаман окуривал *ызыха ирбеном* и, обходя по солнцу и наоборот, *аракой*, криком, возгласами и заклинаниями изгонял духов болезни. Вся эта операция совершалась там, где находился скот» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2).

Ызых-конь как сакральный объект участвовал в процессе гадания – *тёрик*. Как правило, оно проходило на обрядах посвящения животного. *Ызыха* три раза обводили по солнцу вокруг священной березы (*пай хазын*). На круп коня устанавливали *тёс* и наполненную молоком (или вином) чашу с ложкой. При движении *ызыха* предметы падали на землю. Считалось положительным знаком, когда они дольше удерживались на крупе животного. Если чаша падала дном вниз, а *тёс* – головой вверх, то это означало, что *ызых* угоден духам и они умилиственны. В та-

**Илгерге (Искерке)*, согласно интерпретации В.Я. Бутанаева, является вторым названием *Хозана* [Бутанаев, 2003, с. 143]. Однако Н.Ф. Катанов их противопоставляет [1907, с. 568–570, 574, 576–577, 594–596].

***Ас тёс* в переводе Н.Ф. Катанова – «Покровитель хлебных растений», в варианте В.Я. Бутанаева – «*тёс* народа аз» [2003, с. 124].

ком случае участники обряда радостно восклицали «*ах тёрік*» – «белая (хорошая) судьба». Хорошим предзнаменованием было, если конь трижды фыркал. Когда чаша падала дном вверх, а *тёс* – головой вниз, произносили «*хара тёрік*» – «черная (плохая) судьба». Это считалось негативным предвестием. В такой ситуации надлежало еще трижды повторить гадание. После троекратного «неудачного» результата *ызыха* следовало заменить другим [Бутанаев, 2003, с. 148; Яковлев, 1900, с. 105–106].

Посвящение животного тому или иному божеству накладывало ряд обязательств по отношению к окружающей природе и ее «невидимым обитателям». «Качинцы и сагайцы считали преступлением рубить и портить березу... по окончании *тайыга* березу нужно было обратно посадить, притом в хорошую землю, чтобы росла» [Хайтун, 1959, с. 120].

Главной отличительной особенностью *ызыха* были его неприкосновенность и свобода. Причем выпуск посвященного животного на волю – одно из проявлений этой неприкосновенности. В XIX в. енисейский губернатор А.П. Степанов писал: «Они (хакасы. – В.Б.) имеют освященные холмы и рощи, куда собираются в известное время праздновать по обрядам жертвоприношение. Они закалывают овцу без всякого жреца, через кого-нибудь из старейшин. Отправляют годовой праздник, в которой избирается из всех улусов наилучшая белая лошадь: ее приводят на место освященное, скидают уздечку и пускают на свободу. С тех пор никто не смеет прикоснуться к ней: она бродит по воле и пристаёт к любому табу» [1997, с. 163–164]. Запрещалось не только бить (ударять) *ызыха*, но и прикасаться к нему посторонним: «Если на освященного коня сядет посторонний человек, то этот человек захворает. Потника, седла и узды освященного коня нельзя класть и надевать на другого коня» [Катанов, 1907, с. 290–291]. На коне-*ызыхе* нельзя было работать. В дальнейшем в силу социокультурных изменений это правило некоторыми домохозяевами соблюдалось не так строго. На данный факт указывают архивные сведения: «На *ызыхе* не работали, правда, если у человека не было другого животного, то использовали и его. Данное разрешение появляется много позднее» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2).

Хозяин мог использовать посвященное животное для езды. При этом *ызых* имел особую, хранимую отдельно сбрую, которая каждый раз перед ее надеванием «очищалась» путем окуливания *ирбен* [Хайтун, 1959, с. 120]. Для женщин *ызых*-конь представлял полную и безусловную неприкосновенность. Им было запрещено не только подходить к освященному коню, но даже прикасаться к поводу узды [Катанов, 1897, с. 28; 1907, с. 216]. Данный запрет, вероятно, исходил из традиционных представ-

лений о «нечистоте» женщины в силу ее физиологических особенностей и в то же время из осознания ее как «чужеродки». По материалам В.Я. Бутанаева, исключение из правил составляли женщины, родившие девять сыновей [2003, с. 142].

В случае гибели *ызыха*, в т.ч. и от удара молнией, шкуру животного вместе с головой и конечностями вешали на лиственницу в лесу, а тушу помещали на специально сооруженный помост, тем самым предохраняя ее от «осквернения» волками и собаками [Катанов, 1897, с. 39–40; Бутанаев, 2003, с. 144].

У хакасов, как уже отмечалось, старого *ызыха* обычно заменяли молодым такой же масти. Для этого проводили обряд *ызых чулурга* – «снятие святости». *Ызыха* привязывали к ритуальному столбу. Умерщвляли жертвенную овцу. Кости расчленили по суставам. Мясо клали в котел с кипящей водой и, отварив, выкладывали на *тинси* (стол). Во время обряда руководитель (*пурхан алгысчыл*) обращался к *Ызых-хану*, у которого «забиралась» обратно душа освящаемого животного – *ызых чулазы*. Животное обмывали отваром богородской травы (*ирбен*) и затем снимали с него ритуальные ленты *чалама* [Бутанаев, 2003, с. 148]. «Отслужившего» срок животного разрешалось продавать и закалывать на мясо (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2). По сообщению Е.К. Яковлева, представители качинских родов *Кыргыз* и *Пюрют* объясняли ему факт продажи тем, что бывшая *ызыхом* лошадь якобы долго не живет, «пухнет» и заболевает. Оттого они стараются сбыть ее на сторону [1900, с. 105].

***Ызыхи* в советское время**

С установлением Советской власти и утверждением новой атеистической идеологии началась борьба с шаманизмом. Партийные работники выявляли «классовую сущность» данного этнокультурного явления. Под «удар» попали и *ызыхи*. Атеисты-агитаторы заявляли: «Особенно ярко выразилась классовая сущность шаманства в годы ликвидации кулачества как класса. Шаманы повсеместно от мелкого до крупного выступали в защиту за “священную” неприкосновенность *ызыхов* и угрожали верующим наказанием нечистых сил за изъятие у кулаков *ызыхов*, за обобществление *ызыхов* и за то, что используя *ызыхов* на колхозной работе, якобы “опоганивают” священную чистоту *ызыхов* и т.д. Это была прямая защита “священной” частной собственности баев-кулаков. Это была открытая защита интересов умирающего байства. Этим шаманы вскрыли свое антинародное лицо, проявили себя яркими противниками новой колхозной жизни. Иначе не могло быть, ибо известно, что каждый шаман был сам дармоедом, эксплуата-

тором и баем. Вполне понятно, что советский народ осудил это поведение шаманов и более ярких подвергли строгому наказанию за антиколхозные выступления» [О шаманизме, л. 11].

В культе посвященных животных советские органы усматривали опасность для строительства новых форм народного хозяйства. Большое раздражение вызывало то, что *ызых* считался неприкосновенным и практически не использовался: «Какой вред наносило это освящение животного? Во-первых, часть скота (лошади, быки), если позволено будет сказать, “бездельничали” в течение ряда лет, обремененные саном святости, а это сильно сказывалось в страдную пору и особенно в той семье, где скота было мало. Во-вторых, приглашение шамана при посвящении, при отвращении болезней и т.д. требовало щедрой платы ему, во всех случаях шаман был необычайно алчным и требовал за все плату: и за камлание, и чаламу, и даже за ирбен. Для бедного человека наличие изыха превращалось в жернов на шее. И наконец, что самое вредное, как и в других религиозных культах, это то, что хакас, вместо того чтобы изыскивать средства лечения больного скота травами, мазями и т.п., обращал свой взор к богам, духам, шаманам» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 3–4).

Пропагандистами коммунистической идеологии для обоснования борьбы с проявлениями шаманизма привлекались новейшие достижения науки и техники того времени. Строители коммунизма на реальных примерах новых форм хозяйствования, внедрения передовой технологии обработки земли, выращивания скота, развития ветеринарной службы и культурного строительства в целом демонстрировали цивилизационное и идеологическое превосходство атеистической науки над «шаманскими суевериями», которые, по их мнению, препятствовали развитию общества. «Раньше хакасы были бессильны перед стихийными силами природы и искали защиты от стихийных бедствий в жертвоприношениях бесчисленными тайыгами. Например, “Тигир тайыг” – жертвоприношение небу для того, чтобы вызвать дождь; “Хазын тайыг” – жертвоприношение березе для того, чтобы вызвать обильный урожай на сено и травы в полях, и ряд других подобных тайыгов. Теперь эти тайыги безвозвратно исчезли. Трудящиеся советской Хакасии теперь не бессильны перед стихийными силами природы, в частности, перед засухой. С засухой теперь борются не шаманскими жертвоприношениями, а при помощи советской передовой агробиологической науки, проводятся многочисленные каналы для обводнения и орошения полей, организуется снегозадержание, весенний предпосевный полив, поля удобряются навозом, золой, химическими удобрениями, организуется правильный севооборот и т.д.» [О шаманизме, л. 16].

Агитаторы колхозного и совхозного строительства в своих выступлениях акцентировали внимание на полной зависимости жизни хакасов-шаманистов от природной среды, на консервативности и малоэффективности способов их хозяйствования, преимущественно экстенсивных. В противовес идеологеме «нужно жить в согласии с природой» выдвигался лозунг «нужно бороться с природой». Опираясь на науку и применяя более эффективные методы хозяйствования и технику, советский человек должен был покорить «природные силы».

Куль *ызыхов* был запрещен, однако в отдаленных притаежных поселениях «овечьи» *ызыхи* еще встречались в советские годы. По поводу исчезновения практики посвящения животных хакасские старики сетовали: «*Ызых чурты талал парды*» – «Разрушился уклад жизни, связанный с почитанием освящаемых животных – *ызыхов*» [Бутанаев, 2003, с. 148].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что у хакасов посвящение *ызыхов* в большей мере было связано со скотоводством. Каждый род имел своих *ызыхов*, которые выделялись из стада особым религиозно-благоговейным отношением к ним со стороны людей. Важное значение, придаваемое *ызыху*, способствовало включению его в мифоритуальный комплекс, связанный с почитанием божеств Среднего, Верхнего и Нижнего миров. Идеологическое содержание данного культа было широким: *ызых* являлся ездовым животным духа, посредником между людьми и сверхъестественными существами, служил для обмена на душу больного. Он выполнял благотворительную, охранительную, лечебную и другие функции. В первой четверти XX в. в связи с социокультурными изменениями, повлекшими за собой дальнейшую трансформацию родовой структуры хакасов, *ызых* в большей степени стал носить семейно-фамильный характер. При этом основная идея ритуала посвящения оставалась неизменной. Посвященное животное воспринималось в качестве «живой» жертвы божествам, духам-хозяевам, *тёсам* и т.д. В *ызыхах* видели медиаторов, посредством которых устанавливалась сакральная связь человека со сверхъестественными силами. С ее помощью стремились достичь равновесия между миром людей и природой. Верили, что это будет способствовать благополучному поддержанию жизнедеятельности людей. Данный фактор выявляет экологическую направленность воззрений, связанных со священными животными. В советские годы культ *ызыхов* как проявление шаманизма не вписывался в официальную атеистическую идеологию и противоречил новым формам хозяйствования. Он был запрещен и со временем исчез из быта.

Список литературы

- Бурнаков В.А.** Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
- Бутанаев В.Я.** Хакаско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.
- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Вербицкий В.** Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Горно-Алтайск: Ах Чечек, 2005. – 504 с.
- Георги И.Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. – Ч. 2–3. – 270 с.
- Древнетюркский словарь.** М.: Наука, 1969. – 676 с.
- Дыренкова Н.П.** Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 449 с.
- Зеленин Д.К.** Культ онгонов в Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1936. – 436 с.
- Каратанов И.** Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. – 1884. – Т. 20, вып. 6. – С. 6–33.
- Катанов Н.Ф.** Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб., 1893а. – 113 с. – (Прил. к т. 73 «Зап. Имп. Акад. наук»).
- Катанов Н.Ф.** Среди тюркских племен // Изв. ИРГО. – 1893б. – Т. 29. – С. 520–550.
- Катанов Н.Ф.** Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [Типолит. Имп. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.
- Катанов Н.Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб.: [б.и.], 1907. – 640 с. – (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым; ч. 9).
- Клеменц Д.А.** Заметка о тюсях // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1892. – Т. 23, № 4/5. – С. 20–35.
- Мифы народов мира.** – М.: Большая рос. энцикл., 1997. – Т. 1. – 672 с.
- О шаманизме:** рукопись // Архив Хакаского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова. – 20 л.
- Островских П.Е.** Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – 1895. – Вып. 3/4. – С. 297–348.
- Паллас П.С.** Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1786. – Кн. 2, ч. 2. – 571 с.
- Потапов Л.П.** Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. – Л.: Наука, 1977. – С. 165–180.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Севортян Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
- Степанов А.П.** Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997. – 224 с.
- Традиционное мировоззрение** тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
- Хайтун Д.Е.** Пережитки тотемизма у хакасов // Тр. Таджик. гос. ун-та им. В.И. Ленина. – 1959. – Т. 27: Сер. истор. наук, вып. 1. – С. 111–124.
- Яковлев Е.К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. – Минусинск: [Тип. В.И. Корнакова], 1900. – 216 с.

Материал поступил в редколлегию 04.06.08 г.

Д.Д. Нимаев

Институт монголоведения, буддологии и тибетоведения БНЦ СО РАН

ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия

E-mail: l_imhel@mail.ru

ДАУРЫ И БАРГУТЫ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В статье выдвинуты предположения о том, что Забайкалье примерно до середины XVII в. было частью ареала обитания средневековых дагуров (дауров). Отстаивается тезис о прибайкальской прародине «старых» баргутов, выявляются причины и время их исхода с исконной территории проживания. Ставится вопрос о роли дауров и баргутов в формировании коренного населения Прибайкалья, выявляются их следы в местной топонимии.

Ключевые слова: этническая история, миграция, русские служилые люди, дагуры (дауры), баргуты, Забайкалье, Баргузинская долина.

Введение

Сравнительные историко-этнографические исследования отдельных этнических общностей или групп открывают широкие возможности для более углубленного изучения как различных аспектов материальной и духовной культуры, так и этнической истории. Объектами настоящего исследования являются малочисленные этносы Китая дагуры (дауры) и баргуты. Такой выбор обусловлен двумя важными причинами. Во-первых, названные этнические общности на протяжении довольно длительного времени проживают на смежных территориях, местами чересполосно. Во-вторых, в их этнической истории имеется общий прибайкальский этап. Последнее обстоятельство особенно интересно и выбрано в качестве основной темы нашего исследования.

Собственно проблема этногенеза дагуров стала специально изучаться в российском востоковедении лишь в последние годы. Например, сегодня разработкой данной темы целенаправленно занимается бурятский исследователь Б.Д. Цыбенков [2006а, б; 2007а, б]. Большинство же работ отечественных авторов посвящено характеристике лексико-грамматических особенностей дагурского языка [Поппе, 1930;

Тодаева, 1986; Бадагаров, 2000; Бадмаева, 2004; Рассадина, 2004]. Описание некоторых обычаев и обрядов дагуров дано монгольским этнографом Ц. Хандсурэном [1974].

Мы оставляем за рамками этой работы все сложные вопросы, связанные с происхождением дагуров. Ограничимся лишь указанием, что к настоящему времени большая часть ученых придерживается версии о преимущественном участии киданьского этнического компонента в их формировании. Основные аргументы, выдвигаемые в пользу данной теории, можно свести к следующему. Весьма вероятной представляется связь этнонима *дагур* с названием одного из ведущих родовых подразделений киданей – *дахэ*. Анализ имеющихся материалов позволяет говорить и о языковой близости дагуров и киданей. Дополнительные и весьма интересные факты приведены в пользу данной версии китайскими генетиками (см.: [Цыбенков, 2006б]).

Вопросы происхождения баргутов затронуты в работах Ж. Томорцэрэна [1971], В.И. Рассадина [1989], Д.Д. Нимаева [1993].

Основными источниками для нашего исследования послужили опубликованные архивные и литературные материалы, а также фольклорно-этнографические

сведения, собранные во время наших экспедиционных поездок в Хулун-Буирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия КНР в 1990-х гг.

Дауры в Забайкалье

В рамках данной статьи в отношении дагуров лишь акцентируется вопрос о возможности существования прибайкальского (забайкальского) этапа в их этнической истории, который до сих пор оставался вне поля зрения этнографов. Безусловно, постановочный характер проблемы предполагает необходимость ее дальнейшей разработки.

Дауры (дагуры) компактно проживают в КНР на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия и пров. Хэйлунцзян, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района (ок. 4 тыс. чел.). Общая их численность составляет примерно 120 тыс. чел.

Предположение о пребывании дагуров в Забайкалье основано на следующих фактах. Прежде всего, представляет интерес одно сказание, записанное Б.И. Панкратовым [1999]. В нем повествуется о том, что дауры в свое время входили в племенной союз, который возглавлял некий Сааджигалди-хан. Этот хан потерпел поражение в войне с соседями и был вынужден уйти на запад. Уходя, он увел с собой большинство своих подданных, а на покинутых кочевьях оставил только самых слабых и тех, кто боялся долгого пути, поручив им охранять могилы предков. В предании ничего не говорится о том, какая судьба постигла Сааджигалди-хана и его подданных. Для решения вопроса о месте прошлого расселения дагуров могут представлять интерес строки одной старинной песни:

Происхождение будха-хошуна
Имеет свои истоки у Байкала.
С насиженных мест спустившись,
Поселились в степи Байгар*.

(Цит. по: [Там же, с. 133–134])

Выходит, часть дагуров в силу неблагоприятно сложившейся этнополитической ситуации, вероятно, в результате распада империи Ляо, была вынуждена мигрировать в более западные районы и в течение достаточно продолжительного времени проживала на территории современного Забайкалья. Напрашивается вопрос: почему именно в Забайкалье?

Согласно «Краткой географической энциклопедии», Забайкалье и частично Приамурье до XVII в. назывались Даурией [1960, с. 524]. Правда, в этом издании не сказано, когда данная территория получила

такое наименование. Там же указано, что после XVII в. оно сохранилось главным образом за Забайкальем. При этом выделяются Байкальская Даурия, от Байкала до Яблонового хребта, и Селенгинская Даурия – южная часть Байкальской к востоку от р. Селенги. Аналогичное определение приводится в «Большой советской энциклопедии» [1972, с. 562].

Имеется несколько работ, преимущественно научно-популярного плана, под одинаковым названием «Селенгинская Даурия». Однако ни один из авторов, похоже, не задавался целью разобраться в происхождении названия. Как писал В.В. Птицын, «с древности эта страна называлась Даурией, по имени коренных её обитателей, бурят, называемых и поныне Даурами от своих соседей, тунгусов и ороchon. От русских она получила официальное название Забайкалье или Забайкальская область... Вся Даурия, растянувшаяся на тысячу верст от Байкала до Витима, до Аргуни и китайской границы... разделяется по середине, параллельно с Байкалом огромным, непроходимым, почти не исследованным Яблоновым хребтом, отделяющим Даурию Прибайкальскую от Нерчинской Даурии» [1896, с. 1]. Прибайкальскую Даурию Птицын разделял на северо-восточную, Витимскую, и юго-западную, Селенгинскую, куда включена долина Селенги с ее притоками – реками Уда, Хилок, Чикой, Джиды, Темник [Там же, с. 1–4]. Почти аналогичным образом определял границы рассматриваемой области И.А. Рукавишников. Исходя из прежних административных делений, он включает в нее Оронгойскую, Селенгинскую, Армакскую, Закаменскую, Чикойскую волости; Янгажинскую, Селенгинскую, Боргойскую, Гигетуйскую, Аракиретскую, Мурочинскую, Кударинскую, Шерагольскую, Цаган-Усунскую, Урлукскую станицы [Рукавишников, 1923, с. 3]. В.А. Обручев ограничился в основном геоморфологическими характеристиками края: «В Селенгинской Даурии пространство, занятое горами и холмами, вообще возвышенностями, в несколько раз превосходит пространство, занятое низменностями, которые приурочены исключительно к долинам сравнительно нешироким. Горные хребты в Западном Забайкалье поднимаются в большинстве случаев до 1500 и более метров над уровнем моря, а долины крупных рек, где расположены основные массивы сельскохозяйственных земель и большинство населенных пунктов, находятся на высоте 500–700 м» [1929, с. 5].

Конечно, данное географическое название не могло возникнуть из ничего, оно, безусловно, связано с этнонимом *дауры*. Так, согласно отпискам ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова за сентябрь 1641 г., «живет... вверх по Витиму реке даурский князец именем Ботога с товарищами... а живет де он, Ботога, на Витиме реке на усть Карги реки, на одном месте улусами, а юрты де, государь, у того князца Бо-

**Байгар-тала* – название степи, которая простирается между реками Нонни и Ганн в КНР.

тоги рубленные, и скота де, государь, у того князца Ботоги всякого и соболя много, и серебра де у него есть, а то де, государь, он серебро Ботога и камни покупает на Шилке реке у князя Ловкоя, от Ботоги де, государь, вверх по Витиму реке и до Яравна озера по обе стороны Витима реки даурские конные многие люди, а бой де у них лучшей, а язык де, государь, у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходится» [Сборник документов..., 1960, с. 38]. Больше о даурах в Забайкалье, насколько известно, нет каких-либо сведений в русских документах того времени. Следующие сообщения о даурах содержатся в донесениях казацких атаманов Максима Перфильева, Василия Пояркова, Ерофея Хабарова во время их похода в бассейн Амура в 1643 г.: «...а Умлекан пала в Зию с правую сторону, а людей по ней нет, а на усть той речки Умлекана живут дауры пашенные...» [Дополнения..., 1848, с. 164]. Таким образом, примерно в середине XVII в., после первых контактов и столкновений с русскими казаками, дауры двинулись в сторону своих прежних мест обитания в Приамурье. Заметим, что в источниках не отражено возникновение каких-либо особо конфликтных ситуаций между даурами и русскими казаками в пределах Забайкалья.

Баргуты

Этнические общности, именуемые баргутами, в настоящее время компактно проживают в пределах современного Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Они делятся на *хуушан барга* и *шэнэ барга*, т.е. на «старых» и «новых» баргутов. Численность первых можно определить в пределах 10 тыс. чел. Они образуют один самостоятельный хошун, центром которого является г. Баян Хурэ. «Новые» баргуты составляют два *хошуна*: *Шэнэ Баргын Зуун хушуу* – «Восточный хошун Новой Барги» (центр – г. Амгалан-Булаг) и *Шэнэ Баргын Баруун хушуу* – «Западный хошун Новой Барги» (центр – г. Алтан-Эмээл). Их численность достигает примерно 20–25 тыс. чел.*

Природно-географические условия края в целом такие же, как на территории этнографической Бурятии**. Здесь можно встретить и степи, подобные агинским, и лесостепь, и горную тайгу. Соответс-

твенно, животный и растительный мир схожи с фауной и флорой Прибайкалья.

Хозяйство баргутов, как и у большинства монгольских народов, основано на традиционном занятии – скотоводстве. Каждое семейство или группа родственников ведет свое хозяйство самостоятельно. В наиболее крупных из них количество скота достигает нескольких сотен, а то и тысяч голов. Довольно широко распространена механизация труда, ибо в Китае выпускается достаточно сельскохозяйственной техники, приспособленной к нуждам малых хозяйств.

Важным и не до конца решенным является вопрос о происхождении и вероятной прародине баргутов. В отношении «новых» баргутов ситуация выглядит более определенной. Анализ их языка и родоплеменного состава не оставляет сомнений в том, что они единого происхождения с бурятами-хоринцами и отделились от последних относительно недавно. Согласно имеющимся данным, в 1735 г. из Халхи в Хулун-Буир прибыла новая группа монголо-бурят, которых стали называть *шэнэбарга* в отличие от старожилов [Кормазов, 1928, с. 45; Меньшиков, 1917, с. 36]. Этими бурятами могли быть только хоринцы. Как известно, после окончательного закрытия русско-монгольской границы по условиям Кяхтинского договора 1727 г. часть из них, не сумев воссоединиться со своими сородичами в России, осталась на монгольской стороне. Данное историческое событие отражено в письменных памятниках бурят XIX в. [Летописи хоринских бурят, 1935, с. 19; Летописи селенгинских бурят..., 1936, с. 4–5]. Тот факт, что новых пришельцев нарекли именно *шэнэбарга*, можно рассматривать как дополнительное свидетельство в пользу былой этнокультурной общности между хори-бурятами и баргутами.

Следовательно, нас будет интересовать историческая судьба «старых» баргутов. Вполне понятно наличие в их языке достаточного количества китайизмов и маньчжуризмов. В целом же речь старобаргутов обнаруживает довольно сильное влияние шилингольского диалекта, принятого за основу литературного языка монголов Внутренней Монголии. Однако в этногенетическом плане для нас более важным представляется наличие в языке старобаргутов ряда черт, сближающих его с говорами ольхоно-кударинских и баргузинских бурят. Таково, например, употребление заднеязычного спиранта [x] вместо фарингального [h]: (*ухуу/уһан* «вода», *сахаа/саһан* «снег», *хар/һара* «месяц» и т.д.), а также характерного аффикса-уун/-уун (*дазуу/загаһан* «рыба», *давуу/дабһан* «соль», *сааруу/саарһан* «бумага» и т.д.). На основании анализа языковых материалов В.И. Рассадина сделано следующее заключение: «В древние времена, задолго до Чингис-хана часть монгольских племен устремилась на запад. С этими племенами ушла и часть баргу-бурятских родов. Они

*Приведенные здесь статистические данные по баргутам получены в Комитете по делам национальных меньшинств при аймачном исполкоме (г. Хайлар) и в ходе наших бесед с информаторами; они отражают ситуацию начала 1990-х гг.

**Под этнографической Буратией подразумевается территория традиционного расселения бурят, т.е. Иркутской, Читинской областей и Республики Бурятии.

ушли на север и расселились в Прибайкалье. В XII в. к ним присоединились бурятские кочевые племена. Оставшиеся на родине баргу-бурятские племена стали основой старых баргутов» [1989, с. 175–176]. Как явствует из сказанного, исследователем отстаивается гипотеза об автохтонности старобаргутов на ныне занимаемой ими территории. Однако совокупность имеющихся фактов дает нам возможность для иной интерпретации рассматриваемой проблемы.

Из письменных источников средневековья доподлинно известно, что в пределах современного Прибайкалья обитали представители довольно крупной этнической общности, известной как баргуты. По свидетельству, например, Рашид-ад-Дина, «их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища находятся... на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [1952, с. 121–122]. Как следует из того же контекста, к числу баргутов еще относились такие племена, как хори, тулас, тумат. На основании сказанного можно заключить, что данный этноним первоначально представлял собой обобщенное наименование целой группы различных племен, обитавших в относительно отдаленных и труднодоступных горно-таежных районах, чему не противоречит и семантика названия. Это топоним, возникший, очевидно, в среде скотоводов-степняков.

Отметим, что не встречал возражений в кругу исследователей и тезис о возможности сопоставления имени *баргут* («грубый, невежественный») с тюркским *байырку* («древний, патриархальный») [Цыдендамбаев, 1972, с. 279; Юдахин, 1985, с. 99]. Название племени байырку неоднократно упоминается в древнетюркских рунических письменах и хрониках Танской династии как байегу. Согласно известиям китайских хронистов, обычаи байегу «по большей части сходствовали с тийелескими, в разговоре была небольшая разница... страстно любили звериную ловлю» [Бичурин, 1950, с. 343–344]. Что касается скотоводства, то есть лишь указание о разведении ими коней. Можно предполагать также наличие у них относительно развитой земледельческой культуры [Там же; Малявкин, 1989, с. 142]. Таким образом, хозяйственно-культурный облик байырку вполне сопоставим с таковым баргутов последующего времени.

Спорным остается вопрос о территориальной локализации байырку/байегу. Б.Р. Зориктуев, например, считает, что они расселились по всему Западному Забайкалью, и предлагает археологическую культуру послехуннского времени на этой территории «условно называть культурой байырку или баргутской» [1993, с. 123]. Сходной позиции придерживается П.Б. Коновалов, который склонен связывать многочисленные могильники в Южной Бурятии, датируемые VIII–XIV вв. и именуемые «раннемонгольским погребаль-

ным комплексом», с общностью баргутов (байырку, байегу) [1993, с. 9–10]. По выкладкам Ю.С. Худякова, «на западе земли байегу простирались до оз. Хубсугул и верховьев р. Селенга, а на восток – до Хэнтэя и верховьев Шилки и Аргуни, охватывая северные районы современной Монголии» [1989, с. 29].

Мы в решении данного вопроса исходим из того, что границы владений байегу не оставались неизменными на протяжении всей их политической истории. В источниках изучаемого периода байегу неоднократно упоминаются в числе племен, принимавших активное участие в событиях, имевших важные последствия для военно-политической обстановки в Центральной Азии и сопредельных регионах [Малявкин, 1980, с. 114, 117, 119, 120, 124]. В некоторых источниках пишется о «девяти байырку» (*есон байырку*) [Шинэуу, 1980, с. 34], что можно рассматривать как свидетельство их возросшей мощи и влияния к этому времени. Очевидно, именно в период существования названной коалиции байырку ими был убит известный в истории тюркский предводитель Мочжо (Капаган-каган). Как подтверждение сказанному можно рассматривать и титул «великий эркин», употребленный в отношении главы байырку в памятнике в честь Кюль-тегина [Малов, 1951, с. 41]. Тем не менее считаем необходимым подчеркнуть, что исконная территория байегу/байырку располагалась в основном в пределах современной Баргузинской долины, простираясь, возможно, на юг до бассейна Уды, на запад – до низовьев Селенги.

Однако в источниках начала XVII в. в Прибайкалье не зафиксировано сколько-нибудь значительных групп населения, именуемых баргутами. Зато среди баргузинских эвенков бытуют легенды и предания о проживавших в Забайкалье в прошлом баргутах (хорчин, солон, монгол-баргутах). Сохранилась также память о т.н. баргутских канавах и предметах старины, связываемых с баргутами.

Важным представляется вопрос о причинах и времени ухода баргутов-хорчинов с ранее занимаемых земель. Согласно одним вариантам легенд, в долине начала расти береза, что баргуты восприняли как предзнаменование прихода белых людей и решили покончить с собой; согласно другим, они просто ушли, увидев появление наростов на березах. Поскольку подобные сюжеты весьма распространены, на их основании трудно сделать какие-то конкретные выводы. По мнению одних исследователей, баргуты ушли задолго до прихода русских, вероятнее всего, в результате столкновений с эвенками на почве землепользования [Шубин, 1973, с. 9–10]. Другие полагали, что хорчины начали покидать насиженные места непосредственно перед появлением русских, наслышанные об их лихоимстве [Востриков, Поппе, 1935, с. 10]. Вторая точка зрения представляется более реалистичной. Тунгусские племена, если их общая чис-

ленность по всей Баргузинской долине составляла в XVII в. примерно 880–1000 чел. [Шубин, 1973, с. 11], вряд ли могли представлять столь уж сильную угрозу для своих соседей, особенно с учетом различий в их хозяйственно-культурном типе, исключающих сколько-нибудь серьезные раздоры из-за земельных угодий. Разумеется, стычки были, но тунгусы, по их воспоминаниям, и «торговали с баргу. Хорошо было, пока не пришли много люча*» [Неупокоев, 1926, с. 30]. На вероятность того, что баргуты ушли непосредственно перед приходом русских или даже имели с последними какие-то кратковременные контакты, указывает распространение легенд о баргутах-аборигенах и среди русского населения Забайкалья [Тихонова, 2006, с. 115–129].

В пользу прибайкальского прошлого баргутов можно привести некоторые другие данные. Так, в шаманских призываниях старобаргутов есть обращения к хозяевам и духам таких мест, как Уйхан (т.е. о-в Ольхон), Бархан (священная гора в современной Баргузинской долине). Можно также отметить существование у них в прошлом интересного обычая ставить конское седло передом к северу, т.е. в сторону своей прародины.

Заслуживает рассмотрения и то обстоятельство, что старобаргутов еще называют чипчин-баргутами. Происхождение этого этнонима не совсем понятно. Предпринималась попытка связать его с именем одного из предводителей эхиритов – Чепчугая (Шэбшуухэй). Последний известен тем, что, не желая покориться русским, сражался до конца и предпочел заживо сгореть в осажденной юрте. Такое предположение кажется не лишним основания. Имя князя Чепчугая, пользовавшегося, очевидно, достаточно большим влиянием, могли сохранить за собой некоторые группы его сородичей и потомков. Об этом свидетельствует, в частности, содержание баргузинской летописи под названием «История перекочевки в Баргузин в 1740 г. баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева» [Румянцев, 1956, с. 53]. Фамилия названного предводителя вполне сопоставима с именем легендарного князя. Видимо, не случайно именно прямые потомки Шибшеева основали со временем династию баргузинских тайшей.

По всей вероятности, кровопролитное сражение с участием улуса Чепчугая, имевшее место в 1641 г. и закончившееся в итоге крупным поражением верхоленских бурят [Серебрянников, 1915, с. 15–17], повлекло за собой бегство значительных групп местного населения. В эти события, вероятно, были вовлечены и обитатели Баргузинского края. Во-первых, они оказались на пути вероятного движения мигрантов на юг, в сторону Монголии. Во-вторых, и это

главное, Баргузинский и Верхолениский края с давних пор составляли единый этнокультурный регион.

Согласно имеющимся источникам, в Барге старобаргуты появились примерно в середине XVII в., причем непосредственно из пределов Халхи, где, как известно, к тому времени также складывалась весьма непростая политическая обстановка. А район Хулун-Буира, оказавшийся временно на стыке интересов России, Маньчжурии, восточно-монгольских ханов, вплоть до 20-х гг. XVIII в. находился как бы в положении нейтральной территории, представляя удобное убежище для разных групп кочевников. К 1700 г. часть баргутов, перевалив через Хинган, приняла подданство Маньчжурского дома. В начале 30-х гг. XVIII в. в целях закрепления территорий Внутренней Монголии за Маньчжурией баргуты были переведены обратно вместе с группой дагуров, солонов, ороحوнов [Меньшиков, 1917, с. 36; Кормазов, 1928, с. 45].

Выводы

Итак, можно утверждать, что пребывание дагуров в Забайкалье примерно до середины XVII в. явилось одним из важных этапов в их этнической истории. К сожалению, ни точное время появления дагуров на данной территории, ни какие-либо подробности относительно их проживания там пока не известны. Необходимы дальнейшие изыскания в этом направлении.

Имеющиеся материалы дают основание для заключения, что именно выходцы из Баргузинской долины со временем составили основу т.н. старых баргутов (*хуучин барга*), проживающих в настоящее время на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Список литературы

- Бадагаров Ж.Б. Дагурско-бурятские языковые связи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 3: Языки. Фольклор. Литература. – С. 11–15.
- Бадмаева Л.Б. Современные монгольские языки северо-восточного ареала Центральной Азии // История и внешние связи бурятского языка. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 7–13.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 480 с.
- Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1972. – Т. 7. – 606 с.
- Востриков А.И., Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят: тексты и исследования – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 75 с. – (Тр. Ин-та востоковедения; вып. 8).
- Дополнения к актам историческим. – СПб.: Изд. Археограф. комиссии, 1848. – 556 с.

*Люча (эвенк.) – русские.

Зориктуев Б.Р. Об этническом составе Западного Забайкалья, Предбайкалья во второй половине I – первой половине II тыс. н.э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 121–131.

Коновалов П.Б. Какие археологические памятники связаны с историей бурятского народа? // Проблемы истории Бурятии: тез. докл. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – С. 3–10.

Кормазов В.А. Барга. – Харбин: Эконом. бюро КВЖД, 1928. – 281 с.

Краткая географическая энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1960. – Т. 1. – 563 с.

Летописи селенгинских бурят: Хроника убаши Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова / текст издал Н.Н. Поппе. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 56 с. – (Тр. Ин-та востоковедения; т. 12).

Летописи хоринских бурят. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – Вып. 2: Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева / текст издал В.А. Казакевич. – 40 с. – (Тр. Ин-та востоковедения; т. 9).

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

Малаякин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 103–127.

Малаякин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1989. – 431 с.

Меньшиков П.Н. Краткий исторический очерк Маньчжурии. – Харбин: Изд-во журн. «Вестн. Азии», 1917. – 48 с. – (Вестн. Азии; № 2 (42)).

Неупокоев В. Большой шаман-кындыгыр (из преданий северо-байкальских тунгусов) // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 4/6. – С. 28–30.

Нимаев Д.Д. О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 144–166.

Обручев В.А. Селенгинская Даурия. – Л.: Троицко-Савский отд. РГО, 1929. – 208 с.

Панкратов Б.И. Даурский язык: Введение / публ. К.С. Яхонтова // Страны и народы Востока. – СПб., 1999. – Вып. 29. – С. 132–148.

Поппе Н.Н. Дагурское наречие. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 174 с. – (Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР; вып. 6).

Птицын В.В. Селенгинская Даурия. – СПб.: [Экон. типолит.], 1896. – 306 с.

Рассадин В.И. Историческая связь бурятского языка с языком баргутов // Цыбиковские чтения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 173–176.

Рассадин В.И. Особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским и монгольским языками // История и внешние связи бурятского языка. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 13–17.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.: Наука, 1952. – Т. 1, кн. 1. – 220 с.

Рукавишников И.А. Очерки хозяйственного быта бурят Селенгинской Даурии. – Иркутск: Селенг. аймач. испол. ком. Бурят-Монг. авт. обл., 1923. – 32 с.

Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1956. – 181 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 493 с.

Серебренников И.И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. – Иркутск: Изд. В.Ф. Хардина, 1915. – 80 с.

Томорцэрэн Ж. Баргын тухай товч тэмдэглэл // Монголын судлал. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1971. – Т. 8. – С. 203–220.

Тихонова Е.Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 220 с.

Тодаева Б.Х. Дагурский язык. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1986. – 187 с.

Хандсүрэн Ц. Дагуурын заншлын тухай тэмдэглэл // Туухийн судлал. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1974. – Т. 10. – С. 105–111.

Худяков Ю.С. Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 27–34.

Цыбенков Б.Д. О родовом составе дагуров // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: Батуевские чтения: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 21 апр. 2006 г.). – Улан-Удэ, 2006а. – С. 107–112.

Цыбенков Б.Д. Об этногенезе дагуров: историография проблемы // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. 18: Востоковедение. – 2006б. – Вып. 2. – С. 114–128.

Цыбенков Б.Д. Изучение этнического состава и этнонимии дагуров // Краеведение Приамурья. – Благовещенск, 2007а. – № 1. – С. 33–36.

Цыбенков Б.Д. Сведения о дагурах в русских источниках XVII в. // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: Батуевские чтения: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2007б. – С. 135–143.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.

Шинэхуу М. Орхон-Сэлэнгын руни бичгийн шинэ дурсгал // Археологийн судлал. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1980. – Т. 8. – С. 22–44.

Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 108 с.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь: в 2 кн. – Фрунзе: Гл. ред. кирг. сов. энцикл., 1985. – Кн. 1. – 504 с.

Материал поступил в редколлегию 13.04.09 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

НАРОДЫ ЕВРАЗИИ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ФОТОАРХИВАХ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Фотоколлекции А.Ф. Теплоухова по этнографии Урала начала XX века из собрания Пермского краевого музея*

Освещаются история формирования и особенности коллекции известного уральского лесовода и потомственного исследователя-краеведа А.Ф. Теплоухова. Дается исчерпывающая характеристика традиционной культуры коми-пермяков, отраженная в фотодокументах начала XX в. Основное внимание в работе уделяется северной группе этноса, с которой А.Ф. Теплоухов работал в 1910–1915 гг. на территории Чердынского уезда Пермского края.

Ключевые слова: этнография и традиционная культура коми-пермяков, история коми-пермяцкой этнографии, А.Ф. Теплоухов, музейные коллекции, фотоколлекция.

Коми-пермяки – один из финно-угорских народов России. В 2002 г. в Российской Федерации идентифицировали себя коми-пермяками 125 235 чел., из них в Пермской обл. проживали 103 505 чел., в т.ч. в Коми-Пермяцком окр. – 80 327 чел.

Исторически территорией формирования и расселения этноса было Среднее и Верхнее Прикамье – Пермский край. В 1472 г. территория расселения коми-пермяков была включена в состав Российского государства. Коми-пермяцкий этнос, представляющий автохтонное население региона, неоднороден по своей структуре. В его составе выделяют четыре этнографические группы: иньвенские, или южные, косинско-камские, или северные, а также верхнекамские, или зюздинские, и язвинские коми-пермяки. Различия между северными и южными группами прослеживаются не только в говорах, но и в системе хозяйствования, культурно-бытовых особенностях.

Академический интерес к коренному населению региона возник еще в XIX в. Наиболее ранние этнографические сборы Пермского краевого музея конца XIX – начала XX в. включали предметы культуры и быта коми-пермяков. Тогда же в музее появились первые фотоколлекции, запечатлевшие картины жизни этих представителей коренного населения края. Большая часть снимков была сделана фотографами и исследователями Пермского края. Самая большая и

самая известная коллекция принадлежала Александру Федоровичу Теплоухову.

Александр Федорович Теплоухов (1880–1943 гг.) происходил из рода крепостных графов Строгановых, владевших землями в Пермском крае. Его прадед – Е.Н. Теплоухов – был крепостным, сельским приказчиком и караванным, дед – А.Е. Теплоухов – обучался в Строгановской школе сельскохозяйственных и горных наук в Петербурге и Тарандинской лесной академии в Саксонии, получил вольную, был назначен начальником лесного отделения главной санкт-петербургской конторы графов Строгановых, главным лесничим и главноуправляющим Пермским нераздельным имением Строгановых [Голохвастова, 2004, с. 138–139]. В 1875 г. в возрасте 64 лет, еще полный творческих сил, он ушел на пенсию и посвятил себя изучению Пермского края. Отец Александра Федоровича – Ф.А. Теплоухов – окончил Пермскую гимназию, Тарандинскую лесную академию в Саксонии, Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве со степенью кандидата лесоводства; после чего с 1875 по 1905 г. работал главным лесничим Пермского нераздельного имения Строгановых [Гилева, 2000; Трефилова, 1971, с. 197].

Лесное дело, этнография, археология, краеведение определяли сферу интересов семьи Теплоуховых. А.Е. Теплоухов занимался историческими изысканиями, состоял членом ряда российских и европейских научных обществ, в т.ч. Финно-угорского общества в Гельсингфорсе (с 1865 г.), Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории в Берлине

*Исследование профинансировано из грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (№ МД-590.2009.6).

(с 1878 г.); он являлся действительным членом Антропологического общества в Вене (с 1883 г.) и др.

После смерти отца работу продолжил его сын Ф.А. Теплоухов. Один из наиболее значимых специалистов лесной отрасли России, он был членом-корреспондентом Московского археологического общества, членом Общества археологии, истории и этнографии Чердынского края, Пермского статистического комитета и др. Продолжая пополнять коллекцию «чудских древностей» отца, Ф.А. Теплоухов начал обработку имеющихся материалов. Во многом благодаря его усилиям в 1902 г. был издан уникальный атлас «Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых» [Спицын, 1902].

По пути отца и деда пошел и А.Ф. Теплоухов. В 1909 г. он окончил Петербургский лесной институт. Вернувшись в Прикамье, А.Ф. Теплоухов стал помощником главного лесничего имений графа Строганова. Еще в начале своей карьеры, занимаясь оценкой лесов на севере Прикамья, он имел возможность изучать быт местного населения, в т.ч. коми-пермяков [Николаев, 2007].

С 1910 г. А.Ф. Теплоухов активно сотрудничает с этнографическим отделом Русского музея, в который он обратился с предложением о комплектовании этнографических коллекций по Пермской губ. Наиболее успешными в сборе полевого материала и в изучении этнографии коми-пермяков были 1910–1912 гг. – период, как отмечал сам А.Ф. Теплоухов, «знакомства с пермяками Чердынского уезда, среди которых я жил три лета» [1916, с. 133].

Чердынский уезд располагался на севере Пермского края. Его население составляло особую этнографическую группу коми-пермяков. В чердынских деревнях в хозяйственных занятиях населения наряду с земледелием и животноводством значительную роль продолжали играть охота и рыболовство. В глухих уголках уезда сохранялись многие реликтовые элементы традиционной культуры, что отчетливо прослеживалось в традиционных костюме, календарных праздниках и обрядах.

В 1910–1912 гг. по заданию Русского музея А.Ф. Теплоуховым были приобретены предметы традиционной культуры коми-пермяков, составившие коллекцию (РЭМ, № 2895). Ее формирование определялось стремлением дать всестороннюю характеристику жизнедеятельности этноса, основу которой составляла комплексная экономика. Существенным дополнением коллекции стали поступившие в 1914 г. в этнографический отдел Русского музея 72 фотографии, иллюстрирующие различные сферы традиционной культуры коми-пермяков начала XX в. [Чувьоров; РЭМ, № 2794/1-72]. Тематика снимков, как и общие подходы к фотографированию, определялись программой этнографического отдела Русского музея. В ней

были подробно расписаны объекты фотофиксации: 1) поселения, различные типы жилищ, хозяйственные постройки; 2) одежда; 3) кустарные производства (отдельные моменты производства); 4) способы передвижения (сани, возы и т.д.); 5) занятия и промыслы (рыболовство – жилища рыбаков, рыболовные снасти; охота – снаряжение охотника, охотничьи избушки и снасти); 6) сенокосение; 7) земледелие (фотографии пахарей, отдельные этапы земледельческих работ) и т.д. [Программа..., 1904, с. 15–21, 23, 28, 32, 39].

В начале XX в. А.Ф. Теплоухов работал в различных уголках Пермского края. Основная часть снимков была сделана им в зоне проживания северных и южных коми-пермяков. Фотографии давали представление об особенностях бытовой культуры локальных групп. На них были запечатлены виды поселений, типы жилых и хозяйственных построек.

Традиционно коми-пермяки обживали берега рек, обустроивали поселения у ключей и на крупных трактах. Они издавна славилась плотницким мастерством. Традиционным типом жилища был добротный одноэтажный дом на высокой подклети под тесовой крышей. С конца XIX в. в деревнях и селах Пермского края преобладающей стала уличная застройка.

На снимках А.Ф. Теплоухова нашли отражение хозяйственные занятия коми-пермяков. В Верхнем Прикамье существовали давние традиции обработки земли. По археологическим данным, уже в V–VI вв. предки коми-пермяков расчищали большие лесные площади под посевы зерновых культур. Пашенное земледелие в крае фиксируется с X в.; значительное влияние на его развитие оказали болгарские и русские традиции. Постепенно основной системой земледелия аборигенного населения стало трехполье. Земледельческие технологии коми-пермяки сочетали с охотой и животноводством.

В жизни северной коми-пермяцкой деревни охота была не менее значимой, чем земледелие. Весь зимний сезон мужское население проводило на промысле. С этим занятием был связан обширный комплекс культуры: разнообразием отличались охотничий инвентарь и одежда; лесные тропы были обозначены избушками и амбарами-лабазами. Пушнину коми-пермяки обычно продавали, а мясо оставляли для собственного потребления.

К XX в. среди коми-пермяков получили развитие кустарные промыслы: кузнечный, скорняжный, бондарный, столярный, смолокурение и т.д. Среди домашних ремесел женскими считались гончарство (без гончарного круга, налепом) и ткачество.

Широкое распространение у коми-пермяков получило многоцветное ткачество; браный узор сочетался с вышивкой. Во многих коми-пермяцких селах работали мастера набойки. Из узорных набивных тканей шили праздничные сарафаны – дубасы. Наиболее

дорогим считался холст из тонкого льна синего цвета с узором в две или три доски (на обычном в одну доску). Набивные сарафаны в комплексе с орнаментированной рубахой стали своеобразным символом коми-пермяцкого костюма.

На фотографиях А.Ф. Теплоухова комплексы традиционного костюма воспроизводились наиболее полно и детально. В дальнейшем именно одежда стала предметом исследовательского интереса А.Ф. Теплоухова. Наиболее значимой в его этнографическом наследии является работа «Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения», основанная на полевых материалах [1916]. По полноте и достоверности источников она и в настоящее время считается образцом этнографического описания традиционного костюма. Впервые в истории пермской этнографии работа была проиллюстрирована 43 фотографиями, сделанными в основном автором.

Пристальное внимание А.Ф. Теплоухова к деталям определяло большую информационную насыщенность его снимков. Уникальным стал цикл фотографий, выполненных в день Фрола и Лавра в коми-пермяцком селе Большая Коча Чердынского уезда.

Ритуально-обрядовые практики Пермского края формировались на основе синтеза древних пантеистических традиций и православия. В 1462 г., еще до включения края в состав России, началась христианизация коми-пермяков. К концу XVII в. православными приходами была охвачена вся территория их проживания. Народные праздники Пермского края были связаны с датами православного календаря. Они приурочивались к Рождеству, Пасхе, Троице. Коми-пермяки почитали также священные деревья и родники. Широко бытовали поверья о колдунах и знахарях, лесном, домовом, водяном. Особое место в календаре занимали местнотимые праздники. На Ильин день коми-пермяки совершали жертвоприношение барана или быка. Приготовленный из ног и голов животного холодец в туесках несли в церковь. После его освящения на большой поляне возле церкви устраивали трапезу. Южные коми-пермяки особо почитали праздник Марии Голендухи, они в этот день в церковь несли вареных куриц.

В конце XIX – начале XX в. всем жителям Пермского края было известно село Большая Коча. Здесь ежегодно в день Фрола и Лавра (18 августа по старому стилю) у часовни их имени совершался забой быков. На праздник приводили и закалывали до сотни бычков. «Случится-ли у пермяка в доме какое-либо несчастье, заболит-ли кто, или что либо он сильно захочет, то, обращаясь к Богу, он просит исполнения его желаний, или же в память минования несчастья, он обрекает в жертву чистого бычка, который с того

времени до 3-х летнего возраста воспитывается и откармливается у него в доме. Бычок должен быть непорочен. Когда обреченному бычку минет три года, то в какой бы деревне или селе он не возматерился, его владелец ведет для заклания в деревню Большую Кочу Кочевской волости Чердынского уезда, где находится часовня св. Флора и Лавра, наиболее древняя и сильно почитаемая...», – так описывали жертвоприношение очевидцы в конце XIX в. [Малахов, 1887] Древний ритуал был запечатлен А.Ф. Теплоуховым в серии фотографий.

Материалы своих поездок А.Ф. Теплоухов передал и Пермскому научно-промышленному музею (ПКМ, №10820). Единство Санкт-Петербургской и Пермской фотоколлекций А.Ф. Теплоухова позволило во всем масштабе оценить значение его исследований. Снимки, сделанные в труднодоступных районах, где сохранились многие архаичные, реликтовые формы традиционной культуры коми-пермяков, определили уникальность собрания.

С 1916 г. А.Ф. Теплоухов находился на военной службе, работал лесничим в Пермской губ., участвовал в Гражданской войне. В 1920-е гг. он был приглашен в облисполком Уральской обл. на должность ученого секретаря лесной комиссии при Уралплане. С 1930-х гг. работал в Центральном научно-исследовательском институте лесного хозяйства в г. Ленинграде [Николаев, 2007; Овчинникова, 1998].

В настоящий момент коллекции А.Ф. Теплоухова, включающие более 200 снимков, считаются самым большим и значимым в России собранием фотодокументов по традиционной культуре коми-пермяков. Эти материалы нашли отражение в трудах А.Ф. Теплоухова, посвященных проблемам этногенеза и этнической истории коми-пермяков и угорского населения Урала, особенностям их расселения, семейному составу и топонимике отдельных районов Прикамья [Теплоухов, 1924, 1925, 1926а, б, 1927, 1960]. А.Ф. Теплоухов отмечал, что древним населением Прикамья следует считать угров, предков современных хантов, манси и венгров; начальные этапы этногенеза коми-пермяков были связаны с более северными и западными регионами, и только в XII–XIII вв. коми начали продвигаться в Прикамье, где, вытеснив угров, уже к XIV–XV вв. стали доминирующим населением. Выводы А.Ф. Теплоухова опирались на глубокое знание живой этнографии Пермского края. Значительная часть его материалов осталась неопубликованной (Государственный архив Пермского края. Ф. 613). Но к этнографическому наследию ученого и по сей день продолжают обращаться исследователи. Без фотографий А.Ф. Теплоухова не обходится ни одна музейная выставка по истории и культуре коми-пермяков, ни одно иллюстрированное этнографическое издание.

Список литературы

Гилева С.И. Теплоухов Федор Александрович // Краеведы и краеведческие организации Перми. – Пермь: Курсив, 2000. – С. 262–263.

Голохвастова Н.В. Теплоуховы как представители служительской интеллигенции пермских вотчин Строгановых // Ильинский: Страницы истории. – Пермь: Пушка, 2004. – С. 138–148.

Малахов М.В. Посмертные записки: 13. Быкобой у пермяков в день Св. Флора и Лавра // Зап. Урал. об-ва любителей естествознания. 1887. – Вып. 1, № XI. – С. 85–96.

Николаев С.Ф. Лесоводы Теплоуховы // Летописец: Сборник памяти С.Ф. Николаева (1912–2002). – Пермь: [б.и.], 2007. – С. 168–175.

Овчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии. Теплоуховы // Изв. Урал. гос. ун-та, 1998. – № 8. – С. 54–62.

Программа для собирания этнографических предметов. – СПб.: Этногр. отд. Рус. музея, 1904. – 252 с.

Спицын А.А. Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков с предисл. чл. Имп. археол. комиссии А.А. Спицына. – СПб., 1902. – 70 с.

Теплоухов А. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губ. земства. – Пермь: [Тип. Перм. земства], 1916. – Вып. 2. – С. 122–137.

Теплоухов А. О фамилиях и географических названиях б. Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов // Кунгурско-Красноуфимский край. – 1925. – № 11/12. – С. 6–14.

Теплоухов А. Пермяки и зыряне // Перм. краевед. сб. – Пермь, 1926а. – Вып. 2. – С. 113–124.

Теплоухов А. Обзор данных о географическом распространении пермяков: материалы для сост. этног. карты Урал. обл. (сб. схем с картой). – Свердловск: [б. и.], 1926б. – Вып. 2. – 20 с.

Теплоухов А.Ф. Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Зап. Урал. об-ва любителей естествознания – 1924. – Т. 39. – С. 81–113.

Теплоухов А.Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на верхней Каме, коми на верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Учен. зап. Перм. ун-та. – 1960. – Т. 12, вып. 1. – С. 270–274.

Трефилова Л.А. Обзор семейного фонда Теплоуховых // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. – Пермь: Кн. изд-во, 1971. – С. 197–201.

Чувьюров А.А. К истории формирования фотоколлекций по народам коми в собрании РЭМ. – URL: <http://www.komi.com/pole/publ/museum/2.asp>

А.В. Черных

*Пермский филиал Института истории
и археологии УрО РАН
ул. Пушкина, 44, Пермь, 614090, Россия.
E-mail: atschernych@yandex.ru*

Материал поступил в редколлегию 15.03.10 г.

1. Коми-пермяки Чердынского уезда Пермской губ. Здесь и далее – фотоматериалы из Пермского краевого музея, фонд № 10820.

Коми-пермяки были признанными строителями Урала. Первые сведения об их поселениях относятся к 1579 г., когда была проведена перепись Перми Великой. В ней упоминались деревни: Коса, Большая Коча, Юкseeво (северные коми-пермяки), Кува (южные), Кудымкар, Юсьва, Майкор. Традиционным жилищем коми-пермяков была рубленая изба на высокой подклети под тесовой крышей – керку. Еще в начале XX в. в коми-пермяцких деревнях сохранялись курные (топившиеся по-черному) избы. Украшением дома служили охлупень (бревно с желобом, венчающее крышу) и уключины (крючки, державшие желоба-потоки в нижней части крыши) с резными головами птиц или коней. У дома устанавливали флюгеры на шестах в виде птиц: считалось, что они обладали особой охранительной силой.

2. Коми-пермяцкая изба, с. Пуксиб Чердынского уезда.

3. В коми-пермяцкой избе.

Коми-пермяцкие избы отличались простотой убранства. Одну четвертую часть дома занимала печь, по диагонали от которой находился Ен угол – Божий угол. Там сходились две широкие лавки и стоял стол, который никогда не оставляли пустым – без солонки в форме уточки. Соль являлась признаком достатка и благополучия; это был один из немногих продуктов, который приобретали на ярмарках. В прошлом почти в каждом доме напротив устья печи располагались жернова, затем их стали помещать в сених.

4. Женщина с ребенком – жители Косинской вол. Чердынского уезда.

5. Пермячка Язьвинской вол. Чердынского уезда.

6. Способ перевозки сохи на пашню.

Коми-пермяки были земледельцами. Они сеяли озимую рожь, ячмень, овес, в южных районах – пшеницу и просо, из технических культур – лен и коноплю. Землю обрабатывали сохой, бороной-суковаткой или плетеной бороной с деревянными зубьями. Сеяли из лукошка. Уборка урожая начиналась после Ильина дня. Первые сжатые колосья приносили в дом и ставили на божницу. По завершении жатвы на полосе оставляли божью бородку – последние стебли ржи или ячменя. Окончание жатвы отмечалось обрядовой трапезой – праздником обжинки. Праздник завершения молотбы получил название «богатый овин».

7. Способ перевозки бороны на пашню.

8. Охотники Верх-Язьвинской вол.
Чердынского уезда.

9. Охотники в промысловых костюмах,
Чердынский уезд.

На охоту коми-пермяки северных волостей отправлялись в конце сентября – начале октября до Святков и после Святков до Масленицы. Охотничье снаряжение включало особый костюм, частью которого был шерстяной или кожаный жилет лузан, ружье, приспособления для пороха и дроби, сани-нарты. Промысловикам были известны разные приемы охоты; еще и сегодня вспоминают стариков, которые 60–70 лет назад ходили на зверя с луком и стрелами.

10. На охоте, Чердынский уезд.

11. Коми-пермячки верхом на лошади, Чердынский уезд.

Езда верхом была обычным способом передвижения в северных таежных районах Прикамья. Верхом ездили не только мужчины, но и женщины. Старики вспоминают, что раньше невеста отправлялась на венчание верхом. Телеги в северных волостях Чердынского уезда появились поздно. До начала XX в. их ставили на «глухие» колеса из цельного ствола дерева.

12. На телеге с «глухими» колесами, Чердынский уезд.

13. Северные коми-пермяки Чердынского уезда.

Для коми-пермяков обычной была трехпоколенная семья. «Хозяином дома обычно признается старший в семействе мужчина... Старшинство переходит от деда к отцу, от отца к сыну... Имя домохозяина в большом уважении у домочадцев. Сколько вследствие многолюдства в семействах, столько же... взаимных ссор женатых братьев, жен их и непослушания сыновей отцам, у пермяков в большом обыкновении семейные раздоры... Конечно, есть и такие отцы, которые до смерти живут и работают вместе с женатыми и холостыми сыновьями, иногда в числе двадцати пяти душ обоего пола... Еще реже случаи житья дядей с племянниками...» [Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. – Пермь: Коми-Перм. кн. изд-во, 2008. – С. 47–50].

14. Коми-пермяки д. Лупынский Мыс Чердынского уезда.

15. Молодые супруги за ткацким станом, с. Коса Чердынского уезда.

Одежда у коми-пермяков обозначала возраст и статус человека. Женский костюм отличался от девичьего. К девичьим уборам относились налобные повязки и головные ленты. Женщины закрывали волосы: северные коми-пермячки носили кокошник, южные – шамишуру. У язьвинских пермяков кокошник молодухи дополнялся бисерными принизками, которые закреплялись на очелье. Поверх кокошника повязывали платок; считалось, что женщина в кокошнике похожа на Богородицу. Детская одежда во многом копировала одежду взрослых.

16. Крестьянская семья Косинской вол.
Чердынского уезда.

17. Коми-пермячки, Косинская вол.
Чердынского уезда.

18. За ткачеством поясов.

Пояс был обязательным элементом традиционного костюма коми-пермяков: «пермяк выходит всегда в опояске». Ткать пояса девочек учили с раннего детства. Для изготовления мужских поясов-тельников и женских покровок использовали несложную технологию: нити основы подвязывали на ниты, а саму основу закрепляли на специальном приспособлении для шитья – швейке. Широкие праздничные пояса ткали на обычном стане. Приданое коми-пермячек к свадьбе обычно включало несколько десятков мужских и женских узорных поясов.

19. Девочки коми-пермячки в головных повязках.

20. Похоронная процессия.

К концу XIX в. православие стало господствующей религией в Прикамье, но древнее язычество сохранило здесь свои позиции. В Крещение коми-пермяки отгоняли святочных духов, в Великий четверг совершали обряды, обеспечивающие благополучие хозяйства. Многочисленные поверья были связаны с рождением ребенка и свадьбой. Содержание похоронно-поминальной обрядности определялось культом предков, включавшим представления о порче – мыже – каре умерших. По традиции в любое время года гроб с умершим на кладбище везли на саних, близкие родственники покойного ехали на крышке гроба. После похорон сани оставляли на кладбище, иногда в качестве надгробного памятника.

21. Ритуал «быкобоя» в с. Большая Коча Чердынского уезда.

НЕКОТОРЫЕ ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В русле основных гипотез о происхождении населения п-ова Корея рассматриваются одонтологические материалы по разным историческим эпохам Кореи из коллекций Музея государственного университета г. Пусана, университета г. Ённама, государственного университета г. Чжонама, кафедры истории археологии и искусств государственного университета г. Чунбука, Музея антропологии МГУ и Лаборатории научно-исследовательского центра «Байкальский регион» г. Иркутска. Полученные результаты могут рассматриваться как подтверждение гипотез о северных связях населения Корейского п-ова в поздние периоды истории его заселения.

Ключевые слова: Корейский полуостров, население, древние связи, одонтология.

Введение

В предыдущей публикации, посвященной проблемам этногенеза корейского народа, нами рассматривались основные гипотезы о происхождении корейцев (метисационная, автохтонная и северная) и существующие антропологические данные, позволяющие судить о правомочности каждой из них [Пан Мин Кю, Бахолдина, 2008]. В настоящем сообщении приводятся оригинальные авторские и сравнительные материалы по одонтологии древнего и современного населения Корейского п-ова, которые могут представлять интерес в плане изучения данного вопроса.

Научная ценность одонтологических материалов определяется прежде всего высокой степенью генетической детерминированности особенностей одонтологии. Кроме того, эти материалы в какой-то мере отражают культурную эволюцию ископаемых популяций. Данное направление антропологических исследований быстро развивается, в т.ч. благодаря включению в одонтологические программы новых признаков, более глубокому изучению их природы и накоплению опыта успешного применения одонто-

логических данных в практике этнической одонтологии [Зубов, 1973; Scott, Turner, 2004].

Начало одонтологическому изучению корейцев было положено Ким Мён Гук и Чан Син Хвё в 1962 г. [1962]. В 1979 г. большой материал, относящийся к разным этническим группам, опубликовал северо-корейский исследователь Чан У Джин [1979]. Одонтология древних обитателей Корейского п-ова изучалась И Ён О [1981], исследовавшего череп с памятника железного века (V в. н.э.) Чисандон в уезде Горён, а также Пак Сон Джу [1977], который разработал собственную методику исследования краниологических и одонтологических материалов. Древний ископаемый материал датируется IV–V вв. до н.э. Состояние зубной системы сохранившихся черепов позволило сделать некоторые предположения относительно уровня развития культуры и медицины Кореи того времени. С 1985 г. исследования одонтологических материалов ведутся и с целью изучения традиций питания [Чон Сун Мин, Ким Джон Нёль, 1985]. Выяснилось, что в рационе древних обитателей Корейского п-ова преобладала твердая пища.

Сравнительный анализ одонтологических характеристик выявил достаточно высокую степень различий

между древним населением полуострова (государства Гая, ок. 1600 л.н. и эпохи Корё-Чосон, 1000–300 л.н.) и современными корейцами [Хо Гён Сок и др., 1999].

Таким образом, одонтологический материал представляет собой ценный источник антропологической информации и может быть использован в разработке проблемы происхождения и этногенеза корейского народа.

Материалы и методы

В настоящей работе использованы одонтологические материалы по Южной Корее из коллекции Музея государственного университета Пусана, университета Ённама, государственного университета Чжонама и кафедры истории археологии и искусств государственного университета Чунбука. Ископаемые серии, вошедшие в выборку, относятся к палеолиту (10 черепов) [Чон Сун Мин, Ким Джон Нёль, 1985], неолиту (15) [Ким Джон Нёль, Юн Чхан Ньюк, 1991], железному веку (7) [Ким Джин Джон, Такахико Огата, Кацухару Мин, 1988], периоду ранних корейских государств (25) [Ким Джин Джон, Такахико Огата, Кацухару Мин, 1990; Ким Джин Джон и др., 1993; Гвак Сан Хён, 1993; Чон Сан Су, 1994, 1998] и эпохе Корё-Чосон (18) [Пак Сон Джу, Ли Ын Гён, 1995а, б; Пак Сон Джу, Мун Хвён Сун, Им На Хёк, 1999; Пак Сон Джу, 2000]. Общая выборка включает 1200 отдельных зубов. Для сравнения использовались материалы по 1397 зубам современных корейцев, храня-

щиеся в университетах Ёнсэ, Ханян, Католрик и Гонкук. Некоторые предварительные результаты были опубликованы в журнале общества антропологов [Хо Гён Сок и др., 1999; Ким Хи Джин и др., 2000].

В качестве сравнительных материалов использовались авторские одонтологические данные по ископаемым сериям бурят, якутов, монголов, сагайцев, шорцев, тувинцев, эвенков, орочей и ульчей из краниологического хранилища НИИ и Музея антропологии МГУ. Был также изучен одонтологический материал по двум сериям (неолита и бронзового века) Прибайкалья из Лаборатории научно-исследовательского центра «Байкальский регион» г. Иркутска (табл. 1).

В исследовании были использованы черепа индивидов старше 20 лет и лишь в том случае, если сохранилось не менее 14 зубов. Определение возраста производилось по состоянию зубов, нижней челюсти и швов черепа.

При изучении морфологических вариаций использовались измерительные и описательные признаки зубных коронок. Данные по корням не рассматривались, поскольку их сохранность намного хуже. С помощью одонтометра измерялись следующие размеры: высота и ширина (мезио-дистальный диаметр) коронки, ширина шейки (мезио-дистальный диаметр) и фацио(вестибуло)-лингвальные диаметры коронок верхних и нижних постоянных зубов. Для каждого зуба вычислялись также индекс, массивность и модуль коронки [Зубов, 1968]. Описательная часть программы включала следующие признаки: лопатообразную форму верхних резцов, краудинг (скупенное расположение зубов в области латерального верхнего резца), редукцию верхнего латерального резца, дистальный дополнительный гребень лингвальной поверхности клыка, редукцию гипоконуса верхних моляров, вариации узора коронки и числа бугорков моляров, бугорок Карабелли, дистальный гребень тригонида, коленчатую складку метаконида.

Результаты исследования и их обсуждение

Возможность древних связей населения Корейского п-ова с северными, сибирскими регионами – одна из наиболее обсуждаемых гипотез этногенеза корейского народа, сторонниками которой являются в основном южно-корейские антропологи, историки и лингвисты [Ким Джон Бэ, 1985; Пак Сон Джу, 1990, 1992, 2004, 2005; Ким Джон Хак, 1964, 1966, 1985; Хан Сын Хо и др., 2001]. В связи с этим особый интерес представляет сравнение антропологических данных по населению Корейского п-ова разных эпох с данными по современным сибирским этносам, а также по древним обитателям Прибайкалья, которых Ю.Г. Рычков рассматривал в качестве гипотетической предковой группы для всей

Таблица 1. Изученные материалы

Серия		N, черепа	N, зубы
Корейский п-ов	Палеолит	10	139
	Неолит	15	32
	Железный век	7	183
	Период трех ранних государств	25	585
	Эпоха Корё-Чосон	17	369
	Современность	96	1 397
Сибирь	Буряты	10	69
	Якуты	3	30
	Монголы	9	57
	Сагайцы	14	129
	Шорцы	31	219
	Тувинцы	7	31
	Эвенки	17	137
	Орочи	8	77
	Ульчи	15	134
	Неолит Прибайкалья	47	609
Бронзовый век Прибайкалья		31	514
Всего		362	4 711

более поздней популяционной системы Северной Азии [1973]. Кроме того, именно в районе Байкала некоторые южно-корейские исследователи склонны искать возможные сибирские корни корейцев [Ким Джон Бэ, 1985; Пак Сон Джу, 1990, 1992, 2004, 2005].

Для сравнительного анализа использовались метрические и неметрические одонтологические признаки (табл. 2, 3). Данные табл. 2 и 3 были подвергнуты процедуре кластеризации с целью статистически оценить и графически представить взаимную близость или удаленность серий, включенных в выборку (см. рисунок). Использование смешанного набора признаков при обработке материала с помощью многомерных статистических методов вполне допустимо в нашем случае, поскольку описательные признаки представлены частотами встречаемости, что позволяет объединить их в одном анализе с метрическими [Дерябин, 1995].

Согласно полученным результатам, серии палеолита и неолита Корейского п-ова образуют обособленный кластер. Серии железного века и последующего исторического периода – эпохи трех корейских государств – также объединяются в один кластер. К ним близки современные якуты. Современные ко-

рейцы наиболее сходны с населением эпохи Корё-Чосон, когда, согласно историческим свидетельствам, происходила консолидация и окончательное формирование корейского этноса [Воробьев, 1997]. К этому кластеру примыкают бурятская и обе древние прибайкальские серии. Ульчи и орочи, представляющие современное население Дальнего Востока, оказываются удаленными от всех корейских серий. Не обнаруживается и сближения последних с современными эвенками, как этого можно было бы ожидать, исходя из предположений о возможных тунгусских корнях корейского народа [Ким Джон Бэ, 1985].

Таким образом, полученные результаты в определенной степени могут рассматриваться как подтверждение гипотез о северных связях населения Корейского п-ова. Возможно, их действительно следует искать в большей степени в областях, прилегающих к Байкалу, нежели в районах Дальнего Востока. Эти связи, однако, относятся к сравнительно поздним периодам истории заселения полуострова, поскольку палеолитические и неолитические серии занимают обособленное положение и оказываются менее близки к его обитателям последующих эпох и современным корейцам, чем древнее и современ-

Таблица 2. Средние значения метрических одонтологических признаков

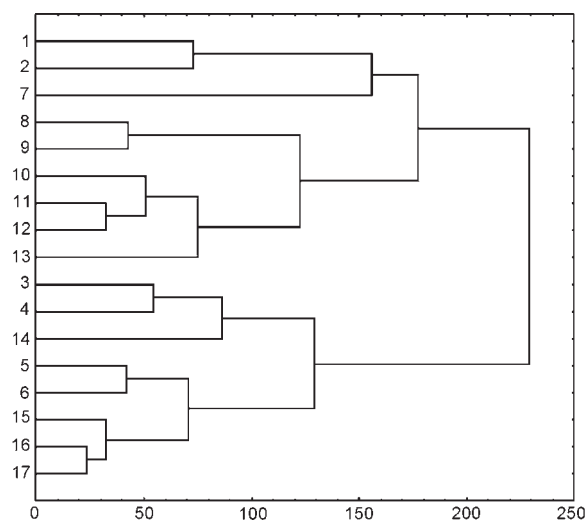
Серия		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Корейский п-ов	Палеолит	7,9	8,8	8,1	7,9	–	–	5,8	9,0	104,1	109,5	10,9	10,8	118,3	115,3
	Неолит	7,7	7,6	9,1	6,6	–	–	5,9	9,2	110,6	103,4	8,8	10,8	73,8	111,6
	Железный век	6,9	6,9	7,4	8,1	6,3	5,4	7,3	8,3	102,2	116,9	10,1	9,1	101,4	83,7
	Период трех государств	6,9	7,3	7,8	7,9	6,1	6,0	7,7	9,0	106,7	112,0	10,4	10,0	109,0	100,3
	Эпоха Корё-Чосон	8,0	8,1	8,3	8,3	6,3	6,1	8,5	9,2	104,1	111,0	10,6	10,3	113,2	105,2
	Современность	8,4	8,9	8,3	7,9	6,0	6,0	10,7	9,2	105,8	111,0	11,0	10,9	119,8	118,3
Сибирь	Эвенки	6,3	6,8	7,5	7,9	6,2	5,9	10,2	8,7	108,6	108,7	10,1	10,0	102,1	99,6
	Буряты	7,0	6,8	7,9	11,2	8,8	6,1	9,9	8,5	92,0	106,4	10,7	9,9	114,8	97,8
	Монголы	7,1	8,0	7,9	9,4	6,4	6,1	10,4	8,9	111,8	112,7	10,8	9,8	116,1	96,3
	Хакасы	7,7	7,5	8,0	7,7	6,2	6,2	10,4	9,7	113,8	118,9	10,2	10,2	104,9	101,3
	Ульчи	6,6	6,4	7,5	7,5	5,8	6,4	9,8	8,8	112,0	111,0	10,3	10,0	105,1	100,0
	Орочи	6,4	6,2	7,5	7,2	5,9	6,2	9,8	8,5	114,4	110,0	9,8	9,5	97,0	90,1
	Шорцы	6,8	6,9	7,4	7,8	6,1	6,0	10,3	9,0	109,9	113,7	10,2	10,1	96,2	102,2
	Тувинцы	–	6,9	8,1	–	–	6,4	10,4	10,2	–	118,0	–	10,2	–	104,4
	Якуты	7,6	6,4	7,9	11,6	9,0	6,3	10,7	9,2	101,9	118,1	10,3	10,2	135,9	103,4
	Неолит Прибайкалья	6,6	7,1	8,1	8,1	6,1	6,2	10,9	9,2	105,4	98,5	9,9	10,5	115,4	110,4
	Бронзовый век Прибайкалья	7,6	7,4	8,3	8,2	6,0	6,3	10,5	9,3	106,2	109,4	9,7	10,6	18,0	112,5

Примечание. 1 – высота коронки, верхняя челюсть; 2 – то же, нижняя челюсть; 3 – мезио-дистальный диаметр коронки, верхняя челюсть; 4 – то же, нижняя челюсть; 5 – мезио-дистальный диаметр шейки, верхняя челюсть; 6 – то же, нижняя челюсть; 7 – вестибуло-лингвальный диаметр коронки, верхняя челюсть; 8 – то же, нижняя челюсть; 9 – индекс коронки, верхняя челюсть; 10 – то же, нижняя челюсть; 11, 12 – средний модуль ряда соответственно верхних и нижних моляров; 13, 14 – средняя площадь коронки соответственно верхних и нижних моляров.

Таблица 3. Неметрические одонтологические признаки, частота встречаемости, %

Серия		1	2	3	4	5	6	7	8	9
Корейский п-ов	Палеолит	50	–	38,1	0	–	–	–	–	–
	Неолит	100	–	14	14	–	–	–	–	–
	Железный век	100	0	16,7	–	40	40	50	80	0
	Период трех государств	100	0	0	–	76,9	33,3	54,5	50	0
	Эпоха Корё-Чосон	100	0	10	3,2	66,7	33,3	40	13,3	12,5
	Современность	100	10,2	3,6	5,3	57,3	11,7	38,4	41,4	17,1
Сибирь	Эвенки	61,5	1,4	2,2	9	18,8	85	10,1	31,5	15,3
	Буряты	80,6	2,4	4,6	17,8	31,6	7,7	19,2	26,2	3,4
	Монголы	85	0,4	0	35,2	15,9	–	28,6	42,4	25,3
	Хакасы	24,9	6	0	8,21	25	80,39	10,6	25,3	29,1
	Ульчи	61,3	5	0	26,3	6,4	14,3	17,5	38,4	23,3
	Орочи	62,3	5	8,5	8,6	1,3	16,7	20	17,4	23
	Шорцы	14,7	2,4	2,4	20,4	16,6	22,2	5,9	31,5	35,6
	Тувинцы	64,7	2,5	3,9	22,7	21	66,7	14,9	33,3	31,8
	Якуты	83,6	–	–	–	–	–	–	–	14,3
	Неолит Прибайкалья	94,7	0	9,5	4,8	31,9	13,4	28,6	23,1	5
	Бронзовый век Прибайкалья	92,3	0	4,8	19	25	13	23,5	26,7	15,8

Примечание. 1 – лопатообразная форма верхних резцов; 2 – редукция верхнего латерального резца; 3, 4 – соответственно четырех- и шестибугорковый тип первых нижних моляров; 5, 6 – соответственно четырех- и трехбугорковый тип вторых нижних моляров; 7 – дистальный гребень тригонида; 8 – коленчатая складка метаконида; 9 – бугорок Карабелли.

Итоги кластеризации.

Серии Корейского п-ова: 1 – палеолит, 2 – неолит, 3 – железный век, 4 – период трех ранних государств, 5 – эпоха Корё-Чосон, 6 – современность; Сибири: 7 – тувинцы, 8 – эвенки, 9 – хакасы, 10 – монголы, 11 – ульчи, 12 – орочи, 13 – шорцы, 14 – якуты, 15 – буряты, 16 – неолит Прибайкалья, 17 – бронзовый век Прибайкалья.

ное население Сибири. Полученные результаты можно также рассматривать в качестве подтверждения гипотезы о существовании некоего популяционного «вакуума» на Корейском п-ове, когда была нарушена преемствен-

ность между древнейшим и более поздним населением региона [Там же; Ким Джон Хак, 1985].

Заключение

Сравнительное изучение одонтологии древнего и современного населения Корейского п-ова позволило получить дополнительные свидетельства в пользу гипотезы о возможном участии сибирских популяций в этногенезе корейского народа. Для дальнейшей разработки этой проблемы желательно привлечение материалов по юго-восточным регионам Азиатского материка, чтобы рассмотреть имеющиеся данные на более широком антропологическом фоне.

Список литературы

Воробьев М.В. Корея до второй трети VII века: этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1997. – 428 с.

Гвак Сан Хён. Чоннам Хам-Пхён-Гун Воля-Мён Сокке маиль-есо чхультходвен инголь-э кванхан чхед-жилль ильлюхагджок (Антропологическое изучение костных остатков из Сокке маиль, Воля-Мён, Хам-Пхён-Гун, пров. Юж. Чолла). – Кванджу: Джонамдэ пакмульгван, 1993. – 20 с. (на кор. яз.).

Дерябин В.Е. Методика статистического межгруппового анализа антропологических данных: рассмотрение смешанного набора признаков // *Вопр. антропологии*. – 1995. – Вып. 88. – С. 6–25.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.

Зубов А.А. Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 201 с.

И Ён О. Определение возраста по одонтологическому материалу из могильника эпохи Тэгая // *Корён Чисандон кобунгун* (Курганный могильник Чисандон в уезде Корён). – Тэгү: Кэмёндэ пакмульгван, 1981. – С. 191–204 (на кор. яз.).

Ким Джин Джон, Со Ён Нам, Такахико Огата, Кацухару Мин, Массами Такенака, Маши Сакума. Костные остатки из могильника Кимхэ в уезде Еанни // *Кимхэ Еанни кобунгун* (Курганный могильник Кимхэ в уезде Еанни). – Пусан: Пусандэ пакмульгван, 1993. – Вып. 2. – С. 281–322 (на кор. яз.).

Ким Джин Джон, Такахико Огата, Кацухару Мин. Отчет о костных остатках с местонахождения Ныгдо, г. Самчхонпхо // *Кая тхонсин*. – Пусан, 1988. – Вып. 17. – С. 53–58 (на кор. яз.).

Ким Джин Джон, Такахико Огата, Кацухару Мин. Костные остатки из могильника Покчхондон в Тоннэ // *Тоннэ Покчхондон кобунгун* (Курганный могильник Покчхондон в Тоннэ). – Пусан: Пусандэ пакмульгван, 1990. – Вып. 2. – С. 121–127 (на кор. яз.).

Ким Джон Бэ. Происхождение корейцев по историческим хроникам и по археологическим данным // *Хангукса рон*. – Соннам, 1985. – Вып. 14. – С. 43–72 (на кор. яз.).

Ким Джон Нёль, Юн Чхан Нюк. Анализ одонтологического материала со стоянки Ульджин, Хупхори // *Ульджин Хупхори юджок* (Памятник Хупхори в уезде Ульджин). – Кёнчжу: Мунхважэ ёнгусо, 1991. – С. 117–141 (на кор. яз.).

Ким Джон Хак. История возникновения корейцев // *Хангук мунхваса дэгэ* (История корейской культуры). – Сеул: Корё тэхакке минджок мунхва ёнгусо, 1964. – Вып. 1. – С. 316–452 (на кор. яз.).

Ким Джон Хак. Народ Кореи по данным археологии // *Пэксан хакпо*. – Сеул, 1966. – Вып. 1. – С. 133–150 (на кор. яз.).

Ким Джон Хак. Происхождение корейцев по данным археологии и исторических хроник // *Хангукса рон*. – Соннам, 1985. – Вып. 14. – С. 1–42 (на кор. яз.).

Ким Мён Гук, Чан Син Хвё. Лопатообразная форма резцов и прикус у корейцев // *Соуль ыдэ-джи*. – Сеул, 1962. – Вып. 2. – С. 277–278 (на кор. яз.).

Ким Хи Джин, Хо Гён Сок, Кан Мин Кю, Ко Ги Сок. Немеетрические характеристики резцов и моляров корейцев в сравнении с другими популяциями // *Тэхан чхеджилль ильлюкакхве*. – Сеул, 2000. – Вып. 13(2). – С. 173–186 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу. Изучение физической антропологии древнего человека с острова Ачи, Пусан // *Пэксан хакпо*. – Сеул, 1977. – Вып. 22. – С. 85–136 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу. Вопросы происхождения корейцев // *Чхунбук сахак*. – Чхонджу, 1990. – Вып. 3. – С. 1–20 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу. Изучение физических признаков населения Древнего Чосона // *Куксагван нончхон*. – Соннам, 1992. – Вып. 33. – С. 73–102 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу. Изучение скелета позднего Чосона из Ёнам, г. Чхонджу // *Чхончжу Ёнам юджок* (Памятник Ёнам в уезде Чхончжу). – Сеул: Хангук мунхваджэ похо чэдан, 2000. – Вып. 1. – С. 673–725 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу. Древние люди Корейского полуострова // *Хангук кусокки хакпо*. – Сеул, 2004. – Вып. 7. – С. 41–51 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу. Ископаемые люди Корейского полуострова // *Хангук кусокки хакпо*. – Сеул, 2005. – Вып. 11. – С. 13–24 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу, Ли Ын Гён. Анализ скелета из могилы № 9, Купхори, Хвасон // *Сохэан косокдоро консоль куган юджок пальгюльджоса погосо*. – Сеул, 1995а. – Вып. 2. – С. 343–405 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу, Ли Ын Гён. Анализ скелета из могилы № 9, Тундэри, Хвасон // *Сохэан косокдоро консоль куган юджок пальгюльджоса погосо*. – Сеул, 1995б. – Вып. 1. – С. 355–369 (на кор. яз.).

Пак Сон Джу, Мун Хвён Сун, Им На Хёк. Изучение скелета позднего Чосона из Чунсинни, Чхонвон // *Чхонвон Очхан юджок* (Памятник Очхан в уезде Чхонвон). – Сеул: Хангук мунхваджэ похо чэдан, 1999. – Вып. 3. – С. 431–517 (на кор. яз.).

Пан Мин Кю, Бахолдина В.Ю. Проблема происхождения населения Корейского полуострова // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2008. – № 2(34). – С. 154–160.

Рычков Ю.Г. Система древних изолятов человека в Северной Евразии в свете проблем стабильности и эволюции популяций: Поиски и решения на путях популяционной генетики // *Вопр. антропологии*. – 1973. – Вып. 44. – С. 3–22.

Хан Сын Хо, Пак Дэ Гюн, Ли У Ён, Ли Джун Вон, Чхве Бён Ён, Ко Ги Сок, Ким Хи Джин, Пак Сон Джу. Немеетрические характеристики черепов корейцев // *Тэхан чхеджилль ильлюкакхве*. – Сеул, 2001. – Вып. 14(2). – С. 117–126 (на кор. яз.).

Хо Гён Сок, О Хён Джу, Мун Хён Сун, Кан Мин Гю, Чхве Джон Хун, Ким Ги Док, Пэк Ду Джин, Ко Ги Сок, Хан Сын Хо, Чон Нак Хи, Пак Сон Джу, Ким Хи Джин. Антропологическая характеристика одонтологии древнего и современного населения Кореи // *Тэхан чхеджилль ильлюкакхве*. – Сеул, 1999. – Вып. 12(2). – С. 223–234 (на кор. яз.).

Чан У Джин. Одонтологическая характеристика корейцев // *Кого минсок нонмунджип*. – Пхеньян, 1979. – Вып. 7. – С. 10–44 (на кор. яз.).

Чон Сан Су. Кёнсан Имдан-гун Чоён 1А чиё чхуль-тхо ингалъ-е тэхан ильгочхаль (Изучение костных остатков из сектора 1А могильника Чоён в уезде Имдан пров. Кёнсан). – Кёнсан: Ённам тэхакке, 1994. – 78 с. (на кор. яз.).

Чон Сан Су. Костные остатки из секторов 1А и 1В могильника Чоён // *Кёнсан Имдан цйёк кобунгун* (Курганы района Имдан пров. Кёнсан). – Кёнсан: Ённам тэхакке пакмульгван, 1998. – Вып. 3. – С. 347–379 (на кор. яз.).

Чон Сун Мин, Ким Джон Нёль. Антропологическое изучение челюстной морфологии и одонтологии древних корейцев // *Тэхан чхигва ыса хёпхведжи*. – Сеул, 1985. – Вып. 23(2). – С. 133–174 (на кор. яз.).

Scott G.R., Turner C.G. The anthropology of modern human teeth. – N.Y.: Cambridge University Press, 2004. – 382 p.

УДК 572

Е.З. Година¹, Н.М. Исламова², И.А. Хомякова¹, Л.В. Задорожная¹¹НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия
E-mail: godina@antropos.msu.ru²Камская государственная академия физической культуры, спорта и туризма
ул. им. Е.Н. Батенчука, 21, Набережные Челны, 423807, Россия
E-mail: nmi1964@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РОСТА И РАЗВИТИЯ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ (на примере населения г. Набережные Челны)*

Анализируются материалы проведенного в 2005–2006 гг. обследования детей и подростков г. Набережные Челны. Всего изучено 1 387 чел. 8–17 лет (708 девочек и 679 мальчиков). Обследованные разделены на три группы: 1) татар (29,9 % девочек и 32,3 % мальчиков); 2) русских (37,7 и 37,9 % соответственно); 3) детей от смешанных (русско-татарских) браков (30,1 и 27,4 %). Программа обследования включала 40 измерительных и описательных признаков. Определяли возраст менархе методом статус-кво, тип конституции по схеме Штефко–Островского и стадии развития вторичных половых признаков. По длине тела в большинстве возрастных категорий впереди оказываются русские, по массе тела – метисы. По уровню полового созревания русские опережают детей из двух других групп.

Ключевые слова: ауксология, процессы роста и развития, этнотерриториальные особенности, социально-экономические факторы, морфофункциональные показатели, половое созревание.

Введение

Влияние расовой принадлежности на процессы роста и развития человека – одна из составных частей широкого круга вопросов, связанных с воздействием на эти процессы генетических и средовых факторов, оценкой их соотносительного вклада в изменчивость большинства морфофункциональных характеристик. Несмотря на то что существует довольно обширная ауксологическая литература, характеризующая специфику соматического развития и полового созревания у детей и подростков различных этнотерриториальных групп (см., напр., классическую сводку, включающую свыше 800 библиографических наименований: [Eveleth, Tanner, 1990]), прямое сравнение особенностей ростовых процессов даже у представителей т.н. больших рас представляется весьма затруднитель-

ным, поскольку подобные сопоставления корректны при сходных географических условиях обитания и одинаковой социально-экономической принадлежности сравниваемых групп. Между тем это требование далеко не всегда выполнимо, и накопленные к настоящему времени материалы, касающиеся различных характеристик процессов роста и развития, дают весьма противоречивую картину.

В связи с вышеизложенным нами было предпринято обследование детей и подростков г. Набережные Челны, относящихся к различным этническим и социальным группам, с целью анализа внутригрупповой и межгрупповой изменчивости морфофункциональных показателей, сформировавшихся под влиянием факторов среды за последние десятилетия. Ранее изучение физического развития детей и подростков в Республике Татарстан проводилось многими антропологами (подробный обзор см.: [Исламова, 2008]). Однако исследования носили эпизодический характер, в основном оценивались длина

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 07-06-00410-а.

и масса тела, реже – обхват груди и некоторые физиологические параметры. Другие размеры, а также показатели биологического возраста, ожирение, распределение типов конституции практически не описывались. Не рассматривались особенности физического развития детей метисного происхождения. Разнообразие этнического состава населения г. Набережные Челны, наличие смешанных браков, достаточно высокий процент мигрантов, своеобразие условий быта и среды, оказывающих влияние на состояние здоровья и физическое развитие организма, говорят о важности подобных исследований. Представленный материал позволяет лучше понять специфику этногенетических процессов у изученных групп населения современного Поволжья.

Материалы и методы

В работе представлены результаты обследования детей школьного возраста г. Набережные Челны, проведенного в 2005–2006 гг. Набережные Челны – одно из самых старых поселений в Республике Татарстан (основано в 1650 г., статус города имеет с 1930 г.), расположено в северо-восточной части на левом берегу р. Камы. До начала строительства КАМАЗа (1969 г.) это был маленький городок без промышленных предприятий. В настоящее время Набережные Челны – типичный молодой город, второй по величине в республике, с достаточно высоким уровнем индустриализации. Его население сформировалось за последние десятилетия за счет миграции, вызванной строительством крупнейшего промышленного комплекса КАМАЗ. Среди родителей обследованных детей только 22 % отцов и 25 % матерей являются коренными жителями.

Общая численность обследованных детей и подростков составила 1387 чел. (708 девочек и 679 мальчиков). Они были разделены на три группы: 1) татар (29,9 % девочек и 32,3 % мальчиков); 2) русских (37,7 и 37,9 % соответственно); 3) детей от смешанных (русско-татарских) браков, в дальнейшем именуемых «метисы» (30,1 и 27,4 %). Дети других этнических групп из-за малочисленности выборок исключены из анализа. Метисы были разделены на две подгруппы. К первой отнесены дети, у которых отец русский, мать татарка (53,2 % девочек и мальчиков русско-татарского происхождения); ко второй – те, у кого отец татарин, мать русская (46,8 %).

Сбор материала проводили по широкой антропологической программе, включающей антропометрические, антропоскопические и функциональные признаки. Все измерения и обследования проводились по методике, принятой в НИИ антропологии МГУ [Бунак, 1941]. Вычисляли индекс массы тела (BMI): $BMI = P/L^2$, где P – масса (кг), L – длина тела (м).

Тип телосложения определяли по схеме В.Г. Штефко и А.Д. Островского [1929]. Эта схема, которой широко пользуются российские ауксологи, предполагает выделение как основных (по терминологии авторов «чистых»), так и промежуточных и неопределенных соматотипов. Основными являются астеноидный, торакальный, мышечный, дигестивный и абдоминальный (последний в настоящее время практически не встречается и представляет собой продукт социально-экономической ситуации в России конца 1920-х гг. – времени создания схемы: дети с пониженным физическим развитием и ожирением, с раздутыми, «картофельными» животами).

Для определения стадий развития вторичных половых признаков использовалась методика В.С. Соловьевой [1966]. Рассчитывали средний возраст начала менструирования (Me) и развития молочных желез (Ma) у девочек, появления волос на лобке (P) и в подмышечных впадинах (Ax) у девочек и мальчиков, начала развития кадыка (L), волос на лице (F) и мутации голоса (V) у мальчиков.

Оценивались функциональные признаки. Измеряли уровень артериального давления (АД, мм рт. ст.) – систолического (САД) и диастолического (ДАД) – тонометром по методу Н.С. Короткова на правой руке в положении сидя, после 10-минутного отдыха; частоту сердечных сокращений (ЧСС, уд/мин) в состоянии покоя. Для измерения силы сжатия кисти (Флк – на левой и Фпк – на правой руке, кг) использовали кистевые динамометры ДРП-30 (для школьников младшего возраста) и ДРП-60 (для старших). Жизненная емкость легких (ЖЕЛ, мл) определялась с помощью портативного спирометра (трехкратный замер с выбором максимального). По показателям динамометрии и спирометрии рассчитаны соотношения ЖЕЛ/MT (жизненный индекс) и F/MT (силовой индекс), где MT – масса тела.

Для получения более полного и разностороннего представления о социально-экономическом статусе семей обследованных детей было проведено анкетирование родителей. Анкета, заполнявшаяся на каждого ребенка перед измерением, включала вопросы о национальности, уровне образования, профессии, месте рождения матери и отца, количестве детей в семье, материальной обеспеченности, для оценки которой учитывались жилищно-бытовые условия семьи: наличие отдельной квартиры, комнаты в малосемейной/коммунальной квартире или в общежитии, подушевой метраж квартиры; благоустроенность быта (наличие современной бытовой техники); наличие дачных участков и автомобилей. Полученные данные были разделены на категории, которым присваивался определенный балл.

Первичная обработка материалов проводилась по половозрастным группам с годовыми интервалами

у русских, татар и детей метисного происхождения. Для каждой из них (всего 66) вычислялись средняя арифметическая величина ($\bar{X}$), стандартное отклонение (s) и коэффициент вариации (V , %) по изученным параметрам. Были построены ростовые кривые возрастных изменений ряда морфологических, функциональных признаков, расчетных показателей и индексов у девочек и мальчиков русского, татарского и метисного происхождения. В связи с неравномерной наполненностью некоторых половозрастных групп не представляется возможным рассмотреть возрастные изменения метисов в зависимости от национальности родителей. Сроки полового созревания оценивались по среднему возрасту появления вторичных половых признаков, который определялся графическим методом [Там же].

Для сравнения совокупностей вне зависимости от возраста была проведена процедура нормирования внутри каждой половозрастной группы. Данная процедура позволяет выразить абсолютную величину признака в долях стандартного (среднеквадратичного) отклонения от среднего значения (для соответствующего пола и возраста). Это дает возможность объединить разные возрастные группы и избежать трудностей, связанных с небольшой численностью подгрупп, сформированных внутри каждой половозрастной по какому-либо социально-экономическому или этническому признаку. В дальнейшем проводился дисперсионный анализ (one-way ANOVA) с последующим использованием множественных сравнений по методу Шеффе. При изучении эпохальной изменчивости морфофункциональных показателей оценка достоверности различий осуществлялась с помощью t -критерия Стьюдента.

Все вычисления проводились с использованием пакета программ Statistica-6.0.

Сравнительный анализ морфофункциональных показателей в трех обследованных группах

Морфологические особенности. На рис. 1 хорошо видно, что кривая роста длины тела девочек-татарок расположена ниже двух других. Наиболее высокорослые из представительниц анализируемых выборок – русские. Различия показателя в пределах возрастных групп девочек изучаемых популяций недостоверны и носят характер тенденции. Кривые роста длины тела мальчиков расположены более тесно, но в том же порядке. Лишь в 12 лет данный показатель у татар оказывается наибольшим, что, по-видимому, связано с происходящим в этот период (11–12 лет) скачком роста. Достоверные различия по длине тела ($p < 0,05$) отмечаются только в 12 и 17 лет между русскими и татарскими мальчиками, в 14 лет – между метисами и татарами.

До 14 лет динамика массы тела девочек имеет ту же направленность, что и длины (рис. 2). После указанного возраста этот показатель выше в группе метисного происхождения. У мальчиков с 8 до 11 и после 15 лет масса тела больше у метисов, в остальные возрастные периоды значения данного признака очень близки. У татар этот показатель несколько выше, чем у русских, только в 11–12 лет.

Осуществив процедуру нормирования внутри половозрастных групп, мы провели дисперсионный анализ с применением критерия Шеффе для оценки достоверности межгрупповых различий по целому ряду признаков (табл. 1). Значения длины тела у русских детей достоверно выше, чем у татарских, и незначительно отличаются от таковых у метисов. По массе тела татары также уступают представителям двух других групп. Достоверные различия показате-

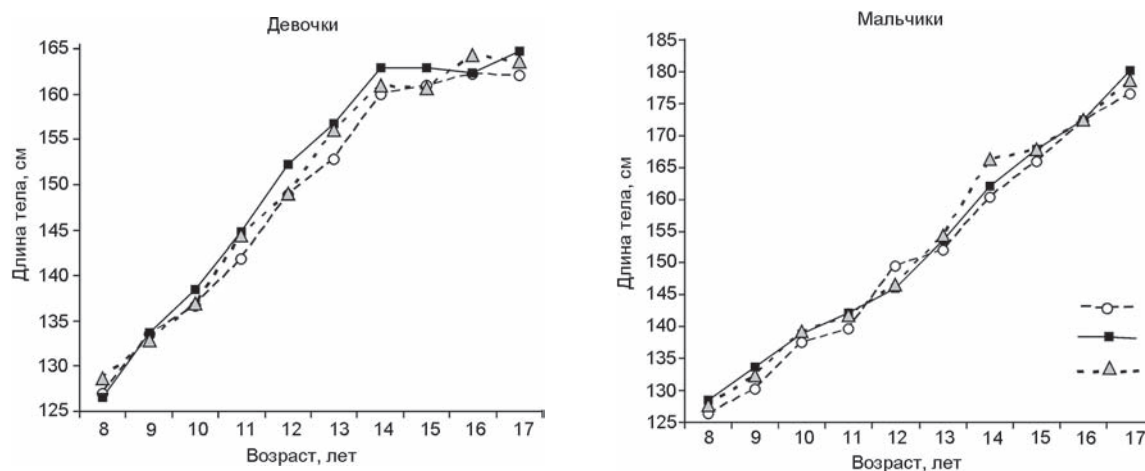

Рис. 1. Возрастная динамика длины тела детей различных этнических групп.
а – татары; б – русские; в – метисы.

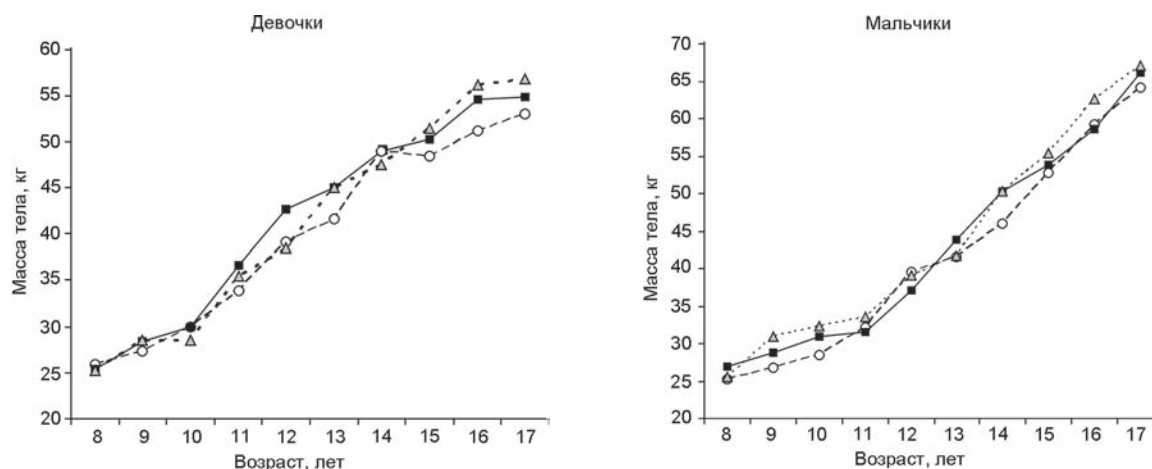

Рис. 2. Возрастная динамика массы тела детей различных этнических групп.
Усл. обозн. см. рис. 1.

Таблица 1. Достоверность различий показателей у детей изученных групп

Показатель	Русские–татары		Татары–метисы		Русские–метисы	
	<i>p</i>	<i>N</i>	<i>p</i>	<i>N</i>	<i>p</i>	<i>N</i>
<i>Девочки</i>						
Длина тела	0,001319	479	0,177390	335	0,514218	390
Масса тела	0,025806	479	0,445238	335	0,627402	390
Обхват бедра	0,033799	401	0,892124	303	0,245501	332
Обхват голени	0,043936	401	0,648362	303	0,530009	332
Длина корпуса	0,000403	401	0,094027	303	0,567939	332
ЖЕЛ (абс.)	0,002387	401	0,036300	303	0,968093	332
<i>Мальчики</i>						
Длина тела	0,036447	477	0,094760	324	0,983581	363
Масса тела	0,163617	477	0,031715	324	0,493405	363
Жировые складки						
под лопаткой	0,173781	386	0,027773	290	0,470863	299
плеча	0,0750088	386	0,008463	290	0,415212	299
предплечья	0,236929	386	0,017419	290	0,306716	299
Длина ноги	0,019865	386	0,146716	290	0,970340	299
Фпк/МТ	0,074523	386	0,005275	290	0,337752	299
Флк/МТ	0,059617	386	0,002617	290	0,272878	299
Длина корпуса/длина ноги	0,003335	386	0,252882	290	0,597298	299

ля выявляются у девочек между русскими и татарками, у мальчиков между татарами и метисами (табл. 1). Несмотря на указанные различия, индекс массы тела (ВМТ) имеет достаточно близкие значения у девочек и недостоверно выше у мальчиков метисного происхождения.

Результаты дисперсионного анализа продольных размеров тела показали, что по длине ноги достоверно различаются русские и татарские мальчики –

первые более длинноногие. По длине корпуса русские девочки превосходят татарских, а у мальчиков достоверных различий не отмечается (табл. 1). Дисперсионный анализ поперечных размеров тела также выявил некоторую специфику. Русские школьницы и девочки-метиски по ширине плеч и таза превосходят татарских сверстниц практически во всех возрастах (не всегда достоверно). У мальчиков различий по этим признакам не выявлено.

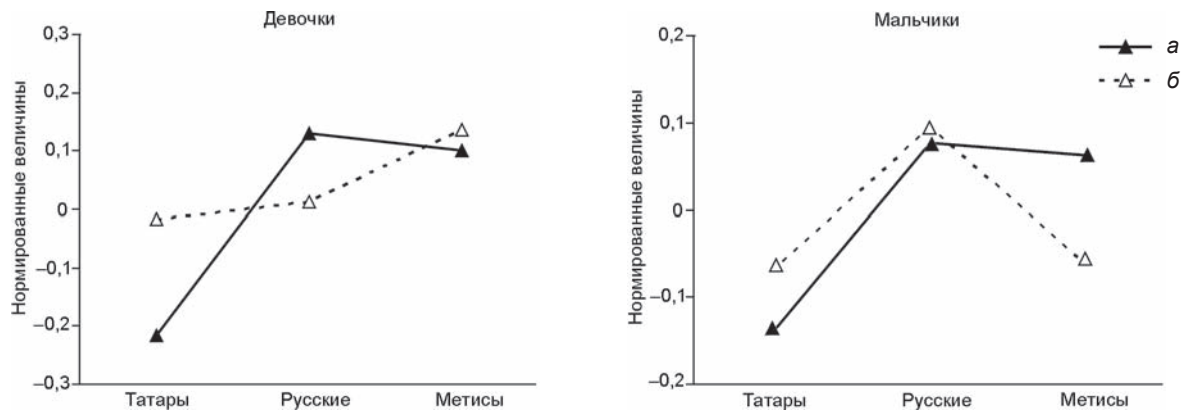

Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа показателей ЖЕЛ у детей различных этнических групп:
а – абсолютные значения; б – жизненный индекс.

По обхватным размерам тела, хотя и косвенно, можно судить об упитанности детей и развитии их мускулатуры. Дисперсионный анализ значений этих признаков показал достоверно большие величины обхватов бедра и голени у русских девочек в сравнении с татарскими (табл. 1). Наибольшее количество достоверных различий и у девочек, и у мальчиков выявляется по толщине кожно-жировых складок. Чаще всего меньшие значения отмечаются у татарских детей. Результаты дисперсионного анализа показали, что по толщине складок под лопаткой, над бицепсом и на предплечье достоверно различаются татарские мальчики и метисы (табл. 1).

Наиболее информативными для характеристики телосложения детей являются соотношения длины ноги и корпуса, ширины плеч и длины тела, ширины таза и длины тела, а также грудной индекс. В целом анализ пропорций тела позволяет заключить, что татарские мальчики характеризуются сравнительно короткими ногами и широкими плечами. Татарки и девочки метисного происхождения также отличаются относительно более широким телосложением. По соотношению сагиттального и поперечного диаметров грудной клетки можно сделать

вывод, что у татар и метисов, по сравнению с русскими, наблюдается некоторая ее уплощенность.

Функциональные особенности. Дисперсионный анализ нормированных величин жизненной емкости легких (ЖЕЛ) выявил, что этот показатель у девочек-татарок достоверно ниже, однако при сравнении жизненного индекса (ЖЕЛ/МТ) различия сглаживаются. Значения ЖЕЛ у русских мальчиков и метисов достаточно близки между собой и выше, чем у татар. Наибольшие величины жизненного индекса отмечаются у русских школьников (рис. 3).

Значения силы сжатия кисти (F) у девочек достаточно близки, а в большинстве возрастных групп мальчиков они выше у татар. Дисперсионный анализ величин силового индекса (F/МТ) выявил некоторое превосходство татарских детей по данному показателю, хотя достоверные различия отмечаются только между мальчиками метисного происхождения и татарами (рис. 4, табл. 1).

Проведенные исследования показали, что у мальчиков уровень частоты сердечных сокращений несколько выше, чем у девочек. С увеличением возраста он у всех детей снижается. Анализ нормированных значе-

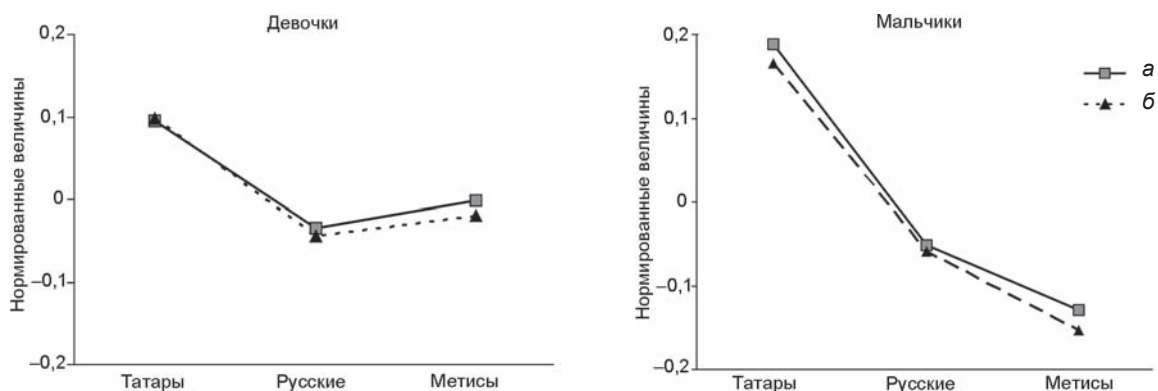

Рис. 4. Результаты дисперсионного анализа значений силового индекса (F/МТ) у детей различных этнических групп.
а – левая кисть; б – правая.

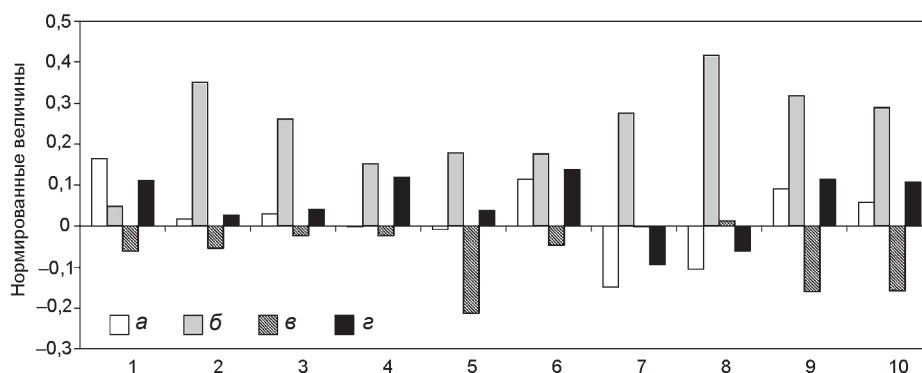

Рис. 5. Распределение нормированных значений морфологических показателей в группах детей и подростков метисного происхождения.

1 – длина тела; 2 – масса тела; 3 – обхват груди; 4 – ширина плеч; 5 – ширина таза; 6 – сагиттальный диаметр грудной клетки; 7 – поперечный диаметр грудной клетки; 8 – индекс массы тела; 9 – средняя жировая складка на туловище; 10 – средняя жировая складка на конечностях.

а, б – мальчики, у которых отец: а – русский, б – татарин; в, г – девочки, у которых отец: в – русский, г – татарин.

ний данного параметра выявил более низкие величины у мальчиков метисного происхождения и отсутствие различий у девочек.

По уровню систолического и диастолического артериального давления изучаемые группы близки. Статистически достоверные отличия отмечены в старших возрастах у девочек и в 12 лет у мальчиков, однако они носят случайный характер.

Характеристика детей метисного (русско-татарского) происхождения. Анализ нормированных величин морфологических признаков выявил, что мальчики, у которых отец русский, а мать татарка (1-я подгруппа), имеют меньшие значения большинства размеров тела, за исключением его длины (рис. 5), т.е., так же как и русские, более долихоморфны. Абсолютные величины морфологических признаков (кроме длины тела) и вычисленные по ним индексы у метисов, чьи отцы татары (2-я подгруппа), в основном превышают аналогичные параметры в русской и татарской выборках. По соотношению длины корпуса и ноги представители этой подгруппы близки к татарским мальчикам.

У девочек, чьи отцы русские, а матери татарки, большинство изученных морфологических показа-

телей оказалось ниже (рис. 5). При сопоставлении вычисленных индексов выявилось, что представительницы этой подгруппы относительно более широкоплечие, имеют большее значение индекса массы тела, а девочки, у которых отец татарин, а мать русская, характеризуются более плоской грудной клеткой и большей длиной корпуса.

По функциональным признакам достоверных различий между выделенными группами детей метисного происхождения не обнаружено. Лишь значения жизненной емкости легких и силы сжатия кистей рук у мальчиков незначительно различаются.

Особенности распределения конституциональных типов в различных этнических группах. Как видно из табл. 2, изучаемые группы в целом не отличаются друг от друга по частоте встречаемости отдельных конституциональных типов: у мальчиков преобладает мышечный, у девочек – торакальный. Во всех трех этнических группах довольно высока частота встречаемости астеноидного типа.

Особенности процесса полового созревания. Анализ полученных нами данных показывает, что для обследованных школьников г. Набережные Челны

Таблица 2. Частота встречаемости основных типов конституции у детей и подростков изученных групп (суммарно по всем возрастам), %

Тип конституции	Татары		Русские		Метисы	
	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики
Мышечный	28,0	57,0	20,5	53,0	27,0	54,0
Дигестивный	9,1	3,2	8,8	7,6	10,8	8,6
Торакальный	44,1	26,3	51,6	26,8	42,7	24,5
Астеноидный	15,6	10,2	14,4	10,6	13,5	11,0
Неопределенный	3,2	3,2	4,7	2,0	6,0	1,8

Таблица 3. Средний возраст появления вторичных половых признаков у девочек различных этнических групп

Группа	Развитие молочных желез, Ма	Появление волос		Первая менструация, Ме
		на лобке, Р	в подмышечных впадинах, Ах	
Татары	9 лет 8 мес.	11 лет 6 мес.	12 лет 3 мес.	13 лет 3 мес.
Русские	9 лет 10 мес.	11 лет 3 мес.	12 лет 3,5 мес.	12 лет 10 мес.
Метисы	10 лет 2 мес.	11 лет 1,5 мес.	12 лет 2 мес.	13 лет 0,5 мес.
Русские (г. Москва)	10 лет 2 мес.	11 лет 6 мес.	11 лет 7 мес.	13 лет 0,5 мес.

Таблица 4. Средний возраст появления вторичных половых признаков у мальчиков различных этнических групп

Группа	Развитие кадыка, L	Появление волос			Мутация голоса, V
		на лобке, Р	в подмышечных впадинах, Ах	на лице, F	
Татары	14 лет	13 лет	14 лет	14 лет 5 мес.	13 лет 6 мес.
Русские	13 лет 11 мес.	12 лет 9 мес.	»	14 лет 9 мес.	13 лет 6 мес.
Метисы	13 лет 8 мес.	13 лет	»	14 лет 6 мес.	13 лет 7,5 мес.
Русские (г. Москва)	13 лет 6 мес.	12 лет 6 мес.	13 лет 7 мес.	14 лет 2 мес.	13 лет 4 мес.

характерна обычная последовательность появления вторичных половых признаков. К 13–14 годам практически все девочки находятся на стадии завершения полового созревания. Порядок появления вторичных половых признаков у обследованных мальчиков также типичен: рост волос на лобке и в подмышечных впадинах, развитие кадыка, появление усов.

По одному из основных маркеров полового созревания девочек – возрасту менархе (Ме) – русские опережают татарок на 5 мес., а метиски – на 2,5 мес. (табл. 3). Развитие молочных желез у татарских девочек начинается раньше, чем у русских и метисок соответственно на 2 и 6 мес. Средний возраст появления волос на лобке наименьший у девочек метисного происхождения, наибольший у татарских. Оволосение подмышечных впадин в трех изученных группах различается в пределах одного-двух месяцев.

У мальчиков мутация голоса происходит приблизительно в одно время во всех группах. Волосы на лобке у русских мальчиков появляются на 3 мес. раньше, чем у татар и метисов. Средний возраст оволосения подмышечных впадин во всех этнических группах составляет 14 лет. Развитие волос на лице у татар и метисов происходит приблизительно в одно время и несколько раньше, чем у русских (табл. 4).

Обсуждение результатов

В целом, анализируя антропометрические параметры, можно заключить, что татарские мальчики харак-

теризуются меньшими размерами тела, а также относительной коротконогостью и широкоплечестью. Подобный брахиморфный тип телосложения отличает этнические группы Поволжья от русских [Година и др., 2006]. Татарки и девочки метисного происхождения также характеризуются относительно более широким сложением и меньшими, чем у русских, длиной и массой тела. Таким образом, в масштабе рассматриваемых групп выявлено, что татарские дети имеют наименьшие размеры тела в сочетании с брахиморфией, русские – наибольшие в сочетании с долихоморфией, а дети метисного происхождения по большинству признаков занимают промежуточное положение.

Жизненные индексы (ЖЕЛ/МТ) у девочек из трех исследованных групп одинаковые, а у мальчиков наибольший у русских, несмотря на достоверно меньшие размеры тела у татар. Вероятно, в этом находит свое отражение относительная уплощенность грудной клетки у татарских мальчиков, выявленная при сравнении величин грудного индекса.

Сила сжатия кисти обеих рук во всех выборках выше у мальчиков. Различий по этому показателю между этническими группами не отмечено, но, возможно, из-за достоверно меньшей массы тела у татар, значения силового индекса (F/МТ) у них наибольшие.

По частоте сердечных сокращений и уровню артериального давления различий не выявлено. Во всех группах с возрастом первый показатель понижается, а второй повышается.

Мальчики, у которых отец русский, а мать татарка, более долихоморфны. Метисы 2-й подгруппы (отец та-

тарин, мать русская) имеют более широкое сложение, абсолютные значения морфологических признаков (кроме длины тела) у них в основном превышают аналогичные параметры у детей русской и даже татарской выборок. По соотношению длины корпуса и ноги представители этой подгруппы близки к татарским мальчикам.

У девочек, чьи матери татарки, а отцы русские, большинство изученных морфологических показателей оказалось относительно ниже. Они сравнительно более широкоплечие, но имеют большее значение индекса массы тела. У метисок 2-й подгруппы (где мать русская) более плоская грудная клетка и большая длина корпуса, что, по нашим данным, скорее характерно для татар.

Таким образом, девочки метисного происхождения по разным признакам ближе к одной из исходных родительских групп (чаще все же к материнской), а мальчики-метисы развиваются практически полностью в тенденциях той этнической группы, к которой относятся их отцы. Интересно, что наибольшее сходство с татарскими детьми отмечено у девочек метисного происхождения, чьи матери татарки, и мальчиков-метисов, у которых отцы татары.

По функциональным признакам достоверных различий у детей метисного происхождения не выявлено. Можно лишь отметить, что у мальчиков двух подгрупп незначительно различаются значения жизненной емкости легких и силы сжатия кистей рук.

По наиболее показательному признаку полового созревания девочек – возрасту менархе (Ме) – группы располагаются следующим образом: русские (самый ранний), метиски (средний), татарки (поздний). Данные по темпам полового созревания мальчиков более противоречивы: только по возрасту начала лобкового оволосения русские мальчики опережают метисов и татар, по некоторым другим признакам впереди оказываются татары. Можно предположить, что половое созревание татарских мальчиков протекает в несколько более сжатые сроки.

По частоте встречаемости отдельных конституциональных типов различий между этническими группами не выявлено. Для девочек наиболее характерен торакальный, для мальчиков – мышечный (см. табл. 2). У татар, особенно у девочек, процент встречаемости мышечного типа несколько выше, что согласуется с данными по кистевой динамометрии (см. рис. 4). Детей дигестивного телосложения во всех выборках от 3 до 11 %. Это можно считать достаточно низким показателем на фоне общемировой тенденции к развитию ожирения у детей. Довольно высокая частота

встречаемости астеноидного типа конституции у мальчиков и девочек во всех трех обследованных этнических группах может быть истолкована как проявление уже отмечавшихся в литературе тенденций к ухудшению физических кондиций современных городских подростков [Суханова, 1996; Кучма, 1999; Ямпольская, 2000; Година, 2001].

Анализ комплекса социально-демографических и экономических характеристик семей обследованных детей показал, что в изученных группах проявляется известная зависимость размеров тела ребенка от уровня образования родителей и доходов. Для жителей практически всех стран мира выявлена следующая закономерность: дети из более обеспеченных семей, по сравнению с малообеспеченными, выше и тяжелее, однако масштаб различий сильно варьирует и зависит как от выбора критериев, положенных в основу социальной стратификации, так и от фактических условий жизни в рассматриваемых популяциях. Как правило, существ-

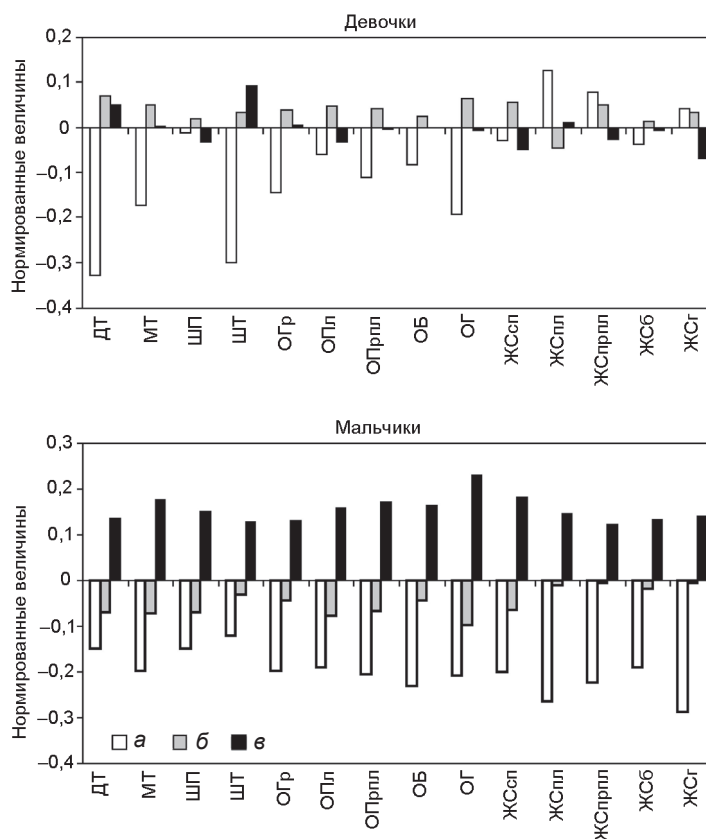

Рис. 6. Распределение нормированных значений морфологических признаков у девочек и мальчиков в зависимости от уровня образования обоих родителей.

ДТ – длина тела; МТ – масса тела; ШП – ширина плеч; ШТ – ширина таза; обхваты: ОГр – груди, ОПл – плеча, ОПрпл – предплечья, ОБ – бедра, ОГ – голени; жировые складки: ЖСсп – на спине под лопаткой, ЖСпл – на плече над бицепсом, ЖСпрпл – на предплечье, ЖСб – на бедре, ЖСг – на голени. Образование родителей: а – среднее школьное; б – среднее специальное; в – высшее.

ует прямая зависимость между уровнем образования родителей и экономическим статусом семьи и обратная – между уровнем образования и количеством детей (см. обзор: [Година, Миклашевская, 1989]).

Поскольку по всем рассмотренным социальным, экономическим и демографическим характеристикам семьи обследованных детей практически не различаются, мы сочли возможным привести результаты анализа по обобщенным группам, критерием для выделения которых было образование обоих родителей: 1) среднее школьное; 2) среднее специальное; 3) высшее. Как видно из рис. 6, сыновья родителей с высшим образованием практически по всем параметрам обгоняют мальчиков из двух других групп. У девочек выявлено отчетливое отставание представительниц 1-й группы (родители со школьным образованием) по всем основным морфологическим признакам, за исключением жировых складок. Об увеличении показателей жировотложения у девочек более низкого социального статуса сообщали многие исследователи, в т.ч. Л.В. Задорожная [1998]. Что касается влияния уровня дохода и количества детей в семье, то здесь результаты отражают классическую тенденцию. Дисперсионный анализ показал, что в изученных этнотерриториальных группах достоверные различия по комплексу социально-демографических параметров у девочек и по большинству показателей у мальчиков отсутствуют.

Выводы

В результате проведенного анализа межгрупповой изменчивости морфофункциональных показателей у детей и подростков трех изученных групп можно заключить следующее:

1. Татарские дети обоего пола характеризуются несколько меньшими абсолютными значениями большинства морфологических показателей, хотя не во всех возрастных группах различия достоверны. Дисперсионный анализ показал наличие достоверных различий по длине тела у русских и татарских детей обоего пола; по длине корпуса, некоторым обхватным размерам и массе тела у девочек этих же групп; по величине кожно-жировых складок верхней конечности и массе тела у татар и мальчиков-метисов. По пропорциям тела (ШП/ДТ, ШТ/ДТ) татарские девочки относительно более широкоплечие и отличаются большей шириной таза, а для мальчиков характерна только относительно большая ширина плеч.

2. Дети метисного происхождения по различным признакам ближе к одной из исходных родительских групп. По морфологическим особенностям метиски, у которых отец русский, а мать татарка, близки к татарским девочкам. В выборках детей, чьи отцы татары, а матери русские, часть изученных показателей сбли-

жалась, а в некоторых случаях превышала таковые у русских. Мальчики этой подгруппы по размерам тела (исключая длину) наиболее схожи с татарами.

3. Выявленные морфологические особенности, по нашему мнению, в большей степени детерминированы этногенетическими факторами, т.к. существенных различий в географических условиях обитания и социально-экономической принадлежности сравниваемых групп нет.

Список литературы

- Бунак В.В.** Антропометрия. – М: Учпедгиз, 1941. – 367 с.
- Година Е.З.** Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временные аспекты: дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2001. – 383 с.
- Година Е.З., Задорожная Л.В., Хомякова И.А., Пурунджан А.Л., Степанова А.В.** Особенности соматического развития детей и подростков в условиях йодного дефицита (по материалам обследования населения Саратовской области) // Физиология роста и развития детей и подростков / под ред. А.А. Баранова, Л.А. Щеплягиной. – М.: Изд-во ГЭОТАР-Медиа, 2006. – Т. 1. – С. 181–231.
- Година Е.З., Миклашевская Н.Н.** Экология и рост: влияние факторов окружающей среды на процессы роста и полового созревания человека // Рост и развитие детей и подростков. – М.: ВИНТИ, 1989. – С. 77–134. – (Итоги науки и техники. Сер. Антропология; т. 3).
- Задорожная Л.В.** Влияние социально-экономических факторов на морфо-функциональные характеристики детей и подростков: Дис. ... канд. биол. наук. – М., 1998. – 101 с.
- Исламова Н.М.** Морфо-функциональные особенности детей и подростков г. Набережные Челны в связи с этнической принадлежностью и влиянием факторов окружающей среды: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2008. – 24 с.
- Кучма В.Р.** Некоторые особенности физического развития детей и подростков на современном этапе // Здоровый ребенок: мат-лы Конгресса педиатров России. – М., 1999. – С. 201.
- Соловьева В.С.** Морфологические особенности подростков в период полового созревания (в этно-территориальном разрезе): дис. ... канд. биол. наук. – М., 1966. – 176 с.
- Суханова Н.Н.** Физическое развитие детей и подростков к концу XX века; связь с биологическими и социально-экономическими факторами: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – М., 1996. – 48 с.
- Штефко В.Г., Островский А.Д.** Схема клинической диагностики конституциональных типов. – М.; Л.: Биомедгиз, 1929. – 79 с.
- Ямпольская Ю.А.** Физическое развитие школьников – жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика скрининг-оценки: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2000. – 76 с.
- Eveleth Ph.B., Tanner J.M.** Worldwide Variation in Human Growth. – 2nd Ed. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. – 397 p.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ГЕРО ФОН МЕРГАРТУ: НЕМЕЦКО-РУССКИЙ СИМПОЗИУМ «ГЕРО ФОН МЕРГАРТ. НЕМЕЦКИЙ АРХЕОЛОГ В СИБИРИ 1914–1921 ГГ.»

4–7 июня 2009 г. в Германии, в г. Марбурге состоялся Немецко-русский симпозиум «Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири 1914–1921 гг.», посвященный памяти ученого. Форум был организован Евразийским отделом Германского археологического института и Марбургским университетом. В его работе участвовали ученые из Германии, России, Австрии, Финляндии. В качестве гостей присутствовали родные и близкие Г. фон Мергарта. Рабочими языками симпозиума были английский и немецкий.

Обращение к деятельности Г. фон Мергарта не случайно. Это один из выдающихся ученых Германии, чрезвычайно много сделавший для становления и развития немецкой археологии. Он внес вклад и в формирование российской науки.

Геро Курт Мергарт фон Бернегг (1886–1959), выходец из Брегенца (Австрия), получив в Мюнхенском университете разностороннее естественно-научное образование, в 1913 г. защитил диссертацию по геологии как основному предмету и географии, антропологии, протоистории как сопутствующим. В Сибирь ученый попал не по своей воле, а в качестве военнопленного офицера австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны. Он проделал длинный путь через всю Россию до Читы. В 1919 г. после мытарств по лагерям Г. фон Мергарт получил возможность заниматься археологическими исследованиями в музее Приенисейского края (сегодня Красноярский краевой краеведческий музей). Высокий профессиональный уровень позволил ему за неполные два года работы много сделать для сибирской археологии в целом и для Красноярского музея в частности. Всестороннему изучению сибирского периода жизни и деятельности Г. фон Мергарта и был посвящен симпозиум. Закономерно, что он проходил в Марбургском университете, где в 1927 г. была впервые в Германии создана кафедра доисторической археологии, первым заведующим которой стал Г. фон Мергарт, проработавший здесь многие годы и ставший создателем знаменитой марбургской научной школы археологии.

Начало работы симпозиума предварило открытие 4 июня выставки «Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири 1914–1921 гг.». Основными ее экспонатами были редкие фотографии и работы исследователя, в первую очередь связанные с Сибирью.

5 июня в старинном актовом зале Марбургского университета состоялось открытие симпозиума. С приветствиями к его участникам обратились декан Марбургского университета Фолкер Ниенхаус, президент Германского археологического института Ганс-Иоахим Герке и руководитель семинара по протоистории Марбургского университета Клаус Добиат. Немецкие коллеги рассказали о том, что Марбургский университет имеет почти пятивековую историю и богатые научные традиции. Здесь постигали азы науки многие знаменитые в будущем исследователи, в т.ч. М.В. Ломоносов. Марбургская школа философии известна всему миру. Доктор Г. фон Мергарт стал достойным продолжателем и творцом университетских традиций.

Научная программа симпозиума началась с публичного доклада доктора, профессора, президента фонда Прусского культурного наследия Германа Парцингера «Погребальный ритуал и демонстрация власти: К вопросу о больших курганах сибирской степи». Он представил результаты российско-германских и казахстанско-германских экспедиций 1997–2005 гг. В этот период исследовались такие археологические объекты, как курганы Аржан-2 в Туве, Барсучий Лог в Минусинской котловине, разновременный могильник Байкара на р. Ишиме (Северо-Восточный Казахстан), где Г. Парцингер выделил кург. 1, определенный им как скифское святилище. Особо отмечены в докладе заслуги Г. фон Мергарта и С.А. Теплоухова в классификации памятников Южной Сибири, а С.И. Руденко, М.П. Грязнова и С.В. Киселева в изучении «царских» курганов.

Первый день работы симпозиума закончился презентацией нового издания мемуаров Г. фон Мергарта «Daljoko. Bilder aus sibirischen Arbeitstagen» («Далёко.

Картины из сибирских будней»). Воспоминания были написаны им по возвращении из России в 1920-х гг., но опубликованы впервые в 1959 г. после смерти автора. Первое частное издание этой книги вышло небольшим тиражом и стало библиографической редкостью. С новым изданием участников симпозиума познакомил представитель венского издательства «Бёлау» Петер Хаус. Гельмут Своцилек, экс-директор Форарльбергского краеведческого музея Брегенца, родного города Г. фон Мергарта, в своем сообщении обратил внимание на писательский талант немецкого археолога. Мемуары вышли под редакцией и с большой вступительной статьей Г. Парцингера. Они хорошо иллюстрированы и снабжены комментариями.

Второй и третий дни работы симпозиума проходили в учебной аудитории, сохранившей свой облик со времен Г. фон Мергарта. Эти заседания открылись приветствием декана отделения истории и культурологии Марбургского университета Ф. Постель, а вели их К. Добиат, Г. Парцингер и Андреас Мюллер-Карпе.

Особый интерес участников симпозиума вызвали воспоминания учеников Г. фон Мергарта Германа Мюллера-Карпе (1925 г. рождения) и Эдварда Зангмайстера (1916 г. рождения). Убеленные сединами профессора говорили о своем учителе с большим чувством благодарности. Они отметили, что это был человек с сильным характером, очень талантливый ученый и педагог. Глубокие естественно-научные и культурно-исторические познания, эрудиция, феноменальная память, острый ум и способность сохранять чувство юмора в любых ситуациях притягивали к нему студентов.

Николаус Катцер, профессор истории из Гамбурга, в сообщении «Хаос и порядок. Пережитое в мировой войне, революции и гражданской войне (1914–1921)» охарактеризовал сложную историческую ситуацию в России в период, когда там находился Г. фон Мергарт. Тем самым он помог немецкой аудитории представить весь трагизм происходивших событий и оценить условия жизни и деятельности ученого в России.

Академик В.И. Молодин (Институт археологии и этнографии СО РАН) в докладе «Русские археологические исследования в Сибири с 1910-х до конца 1920-х гг.» проанализировал состояние сибирской археологии в эпоху перемен. С одной стороны, он отметил преемственность исследований в указанный период, вспомнив первые академические экспедиции Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.-Г. Гмелина, П.С. Палласа, изыскания В.В. Радлова, Д.А. Клеменца, А.В. Адрианова, а с другой – обратил внимание собравшихся на новую генерацию археологов, которые в 1920-х гг. впервые в Сибири получили массовые археологические артефакты от эпохи камня до средневековья, систематизировали их и смогли создать пер-

вые для Сибирского региона классификации культур. Особо было подчеркнуто значение работ С.А. Теплоухова, С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева, Б.Э. Петри. Большую роль сыграла и деятельность Г. фон Мергарта в Красноярске.

С.В. Кузьминых (Институт археологии РАН) в сообщении «Собеседники Геро фон Мергарта в Казани, Москве и Петрограде: (К истории российской археологии 1910 – конца 1920-х гг.)» охарактеризовал круг российских археологов, с которыми общался немецкий ученый в 1921 г. по пути следования на родину. Г. фон Мергарт придавал большое значение работе с археологическими фондами в Казани, Москве и Петрограде, дискуссиям с ведущими российскими специалистами: Б.Ф. Адлером, В.А. Городцовым, П.П. Ефименко, Д.Н. Анучиным, А.А. Спицыным и др. Он хотел проверить собственные гипотезы по проблемам археологии Сибири, получить ответы на волновавшие его вопросы. Ученый намеревался продолжить работу с сибирскими материалами на родине. Как известно, в 1926 г. вышла обобщающая монография Г. фон Мергарта «Bronzezeit am Jenissei» («Бронзовый век на Енисее»), где были подведены некоторые итоги его сибирских изысканий.

Л.Ю. Китова (Кемеровский государственный университет) всесторонне изучила красноярский период (1919–1921) деятельности немецкого археолога. В докладе «Деятельность Геро фон Мергарта в Красноярске» отмечено значение его работ по реставрации, классификации и систематизации коллекций древностей, хранящихся в сибирских музеях, определена роль ученого в исследовании археологических памятников Енисейской губернии и создании предварительной схемы развития культур Сибири, представлены его взгляды на истоки и происхождение этих культур.

Г. Парцингер в докладе «Археологическое в “Далёко”» проанализировал отдельные главы книги Г. фон Мергарта и дал всеобъемлющие комментарии к ним. Охарактеризовав археологические исследования ученого в Енисейской губернии, он подчеркнул современность взглядов Г. фон Мергарта на роль контактных регионов – Ачинского района и бассейна р. Ангара – в формировании культур Сибири. Докладчик отметил многие археологические сюжеты, нашедшие подтверждение в исследованиях русских ученых второй половины XX в. Например, в начале XX столетия Г. фон Мергарт верно подметил своеобразие инвентаря в могилах у с. Луговского, и многое другое.

Анатолий Наглер (Германский археологический институт) продолжил докладывать о результатах российско-германских исследований в Сибири и Казахстане, отдельно остановившись на характеристике памятника Барсучий Лог. Он подчеркнул, что благодаря совместной работе в 1990–2000-х гг. получены абсолютные даты по всем культурам эпохи бронзы и ран-

него железного века, достигнуты успехи в изучении «царских» курганов.

Изучать взаимоотношения Г. фон Мергарта с русскими коллегами продолжила Е.В. Детлова (Красноярский краевой краеведческий музей). Она посвятила свое выступление, в первую очередь, связям немецкого археолога с сибирскими исследователями Б.Э. Петри, С.А. Теплоуховым, Г.П. Сосновским, Н.К. Ауэрбахом и др., покоров участников симпозиума глубоким знанием его эпистолярного наследия.

Тимо Салминен (Университет Хельсинки) представил подготовленный совместно с С.В. Кузьминых доклад «Проблемы восточно-русской археологии в переписке А.М. Тальгрена и Г. фон Мергарта». Основное внимание он уделит вопросу развития финской археологии в XIX – начале XX в.

Свенд Хансен, руководитель Евразийского отдела Германского археологического института, в докладе «Импульсы сибирского пребывания Г. фон Мергарта для исследования бронзового века Европы» продемонстрировал актуальность идей ученого для развития европейской археологии, становления немецких научных школ. Изучение Г. фон Мергартом бронзового века на Енисее дало свой результат и при формировании аналогичных научных направлений в Германии.

Докладчик подчеркнул, что и учреждение Евразийского отдела Германского археологического института – это опосредованный импульс пребывания Г. фон Мергарта в Сибири.

Научную программу симпозиума завершило сообщение Е.В. Детловой о современной ситуации в красноярской археологии.

Итоги форума подвел профессор Отто-Герман Фрей, подразделив все выступления на несколько тематических групп.

В целом деятельность симпозиума вызвала большой интерес в марбургском сообществе ученых. На его заседаниях присутствовали не только археологи и историки, но и представители других специальностей. Проведение такого комплексного исследования по одной заданной теме оказалось очень полезным для всех участников симпозиума и способствовало укреплению научных связей между археологами разных стран.

Л.Ю. Китова

*Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия*

E-mail: kitova@kemsu.ru

АВ ИВР РАН – Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН
 АО – Археологические открытия
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
 ВИНТИ – Всесоюзный институт научной и технической информации
 ВСОРГО – Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
 ГИМ – Государственный Исторический музей
 ГУ Иса – Государственное учреждение Исторический архив Омской области
 ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области
 ЗИН РАН – Зоологический институт РАН
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
 ИРГО – Императорское Русское географическое общество
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
 МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 ОДНИ ГАРХ – Отдел документов новейшей истории Государственного архива Республики Хакасии
 РА – Российская археология
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГО – Русское географическое общество
 РЭМ – Русский этнографический музей
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
 СЭ – Советская этнография
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
 ЯНЦ СО РАН – Якутский научный центр Сибирского отделения РАН
 BAR – British Archaeological Reports

- Бахолдина В.Ю.** – доктор биологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ 1, корп. 12, Москва, 119899, Россия. E-mail: vyyu@sumail.ru
- Белавин А.М.** – доктор исторических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета, ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990, Россия; директор Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ул. Пушкина, 44, Пермь, 614990, Россия. E-mail: belavin@pspu.ru
- Бурнаков В.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: venariy@ngs.ru
- Бустанов А.К.** – аспирант Университета Амстердама, Амстердам, Нидерланды. University of Amsterdam, Europe Studies, Amsterdam 1012 VB, Spuistraat 134, the Netherlands. E-mail: alf_b@list.ru
- Васильев С.С.** – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе РАН, ул. Политехническая, 26, Санкт-Петербург, 194021, Россия. E-mail: sergey.vasiliev@mail.ioffe.ru
- Велиев С.С.** – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии Национальной АН Азербайджана, пр. Г. Джавида, 31, Баку, Азербайджанская Республика, Az1143. E-mail: seyran_sibirli@mail.ru
- Волков П.В.** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: wolf@archaeology.nsc.ru
- Галати М.Л.** – профессор Колледжа им. Миллсапса, Джексон, США. Professor, Department of Sociology and Anthropology, Millsaps College, Jackson, MS, 39201, USA. E-mail: galatml@millsaps.edu
- Гиря Е.Ю.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: kostionki@narod.ru
- Година Е.З.** – доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: godina@antropos.msu.ru
- Дергачев В.А.** – доктор физико-математических наук, заместитель директора Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе РАН, ул. Политехническая, 26, Санкт-Петербург, 194021, Россия. E-mail: v.dergachev@mail.ioffe.ru
- Довгалюк Н.П.** – доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия. E-mail: batakow@rambler.ru
- Дьюха А.** – начальник полевой службы культурного наследия, Сегед, Венгрия. Regional Director, Field Service for Cultural Heritage, Szeged, 6720, Hungary. E-mail: gyuchaa@gmail.com
- Жульников А.М.** – кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета, пр. Ленина, 33, Петрозаводск, 185910, Россия. E-mail: wigwam@karelia.ru
- Задорожная Л.В.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: godina@antropos.msu.ru
- Зайцева Г.И.** – кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: ganna@mail.wplus.net
- Зейналов А.А.** – научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной АН Азербайджана, пр. Г. Джавида, 31, Баку, Азербайджанская Республика, Az1143. E-mail: azad2007@mail.ru
- Исламова Н.М.** – кандидат биологических наук, старший преподаватель Камской государственной академии физической культуры, спорта и туризма, ул. им. Е.Н. Батенчука, 21, Набережные Челны, 423807, Россия. E-mail: nmi1964@yandex.ru
- Йеркс Р.В.** – профессор Университета штата Огайо, Колумбус, США. Professor, Department of Anthropology, Ohio State University, Columbus, OH, 43210, USA. E-mail: yerkes.1@osu.edu
- Карлок Б.** – аспирант Института археологии им. Кобба Университета штата Миссисипи, Старквилл, США. Graduate Student, Cobb Institute of Archaeology, Mississippi State University, Starkville, MS, 39759, USA. E-mail: jbc94@msstate.edu.

- Кашина Е.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного Исторического музея, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия. E-mail: eakashina@mail.ru
- Китова Л.Ю.** – кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия. E-mail: kitova@kemsu.ru
- Королюк Е.А.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центрального сибирского ботанического сада СО РАН, ул. Золотодолинская, 101, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: L_Koroljuk@ngs.ru
- Корусенко С.Н.** – старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, ул. Андрианова, 28, Омск, 644077, Россия. E-mail: tomil@omsu.ru
- Крыласова Н.Б.** – доктор исторических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета, ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990, Россия; ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ул. Пушкина, 44, Пермь, 614990, Россия. E-mail: belavin@pspu.ru
- Кубарев В.Д.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: vdkubarev@gmail.com
- Нимаев Д.Д.** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия. E-mail: l_imhel@mail.ru
- Палмер Р.А.** – научный сотрудник Института технологии чистой энергии Университета штата Миссисипи, Старквилл, США. Senior Research Associate, Institute for Clean Energy Technology, Mississippi State University, 205, Research Boulevard, Starkville, MS, 39759, USA. E-mail: palmer@icet.msstate.edu
- Пан Мин Кю** – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ 1, корп. 12, Москва, 119899, Россия. E-mail: archpmk@mail.ru
- Панкова С.В.** – научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191965, Россия. E-mail: oaves@hermitage.ru
- Паркинсон У.А.** – зам. хранителя Музея естественной истории им. Филда, Чикаго, США. Assistant Curator of Eurasian Anthropology, Field Museum of Natural History, 1400 S. Lake Shore Drive, Chicago, IL, 60605, USA. E-mail: wparkinson@fieldmuseum.org
- Петрова С.И.** – кандидат исторических наук, доцент Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия. E-mail: sakhafolklor@rambler.ru
- Пикок И.** – адъюнкт-профессор Института археологии им. Кобба Университета штата Миссисипи, Старквилл, США. Associate Professor of Anthropology, Cobb Institute of Archaeology, Mississippi State University, Starkville, MS, 39759, USA. E-mail: peacock@anthro.msstate.edu
- Полосьмак Н.В.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630030, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
- Саблин М.В.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Зоологического института РАН, Университетская наб., 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: msablin@yandex.ru
- Скочина С.Н.** – научный сотрудник лаборатории археологии Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: sveta_skochina@mail.ru
- Тагиева Е.Н.** – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии Национальной АН Азербайджана, пр. Г. Джавида, 31, Баку, Азербайджанская Республика, Az1143. E-mail: tagelena@rambler.ru
- Татаурова Л.В.** – старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, ул. Андрианова, 28, Омск, 644077, Россия; доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия. E-mail: LiST@hist.omsu.omskreg.ru
- Хомякова И.А.** – кандидат биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: godina@antropos.msu.ru
- Черных А.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ул. Пушкина, 44, Пермь, 614990, Россия. E-mail: atschernych@yandex.ru
- Юнчжу Ся** – научный сотрудник Института технологии чистой энергии Университета штата Миссисипи, Старквилл, США. Research Associate, Institute for Clean Energy Technology, Mississippi State University, 205, Research Boulevard, Starkville, MS, 39759 USA. E-mail: xia@icet.msstate.edu